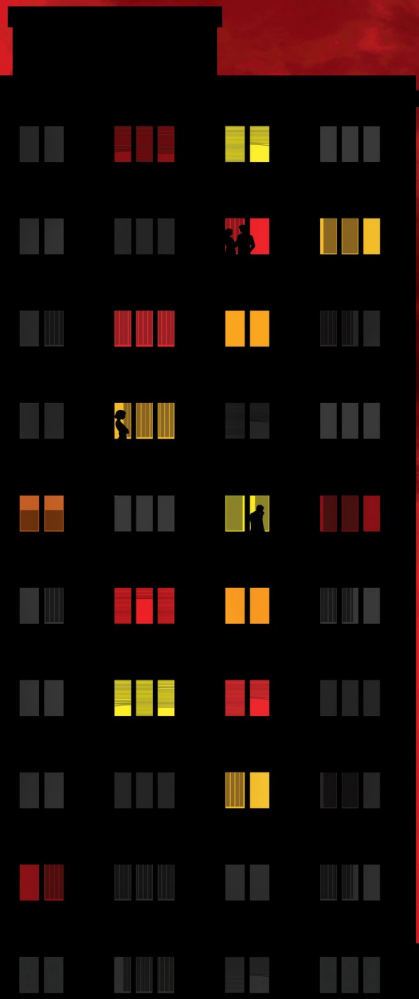
Зловещая смесь «Достать ножи»
и «Королевской битвы»

宁航一

НИН ХАНЪИ

ЗАГАДКА ЭТАЖА НОМЕР 12

十二楼谜案



18+

Загадка этажа номер 12

Нин Ханъи

Аннотация
Нин Ханъи. Загадка этажа номер 12
Пролог
Глава первая. Вечеринка в честь новоселов
1
2
3
4
5
6
7
Глава вторая. «Несчастливая» квартира
1
2
3
4
Глава третья. Утопление
1
2
3
4
Глава четвертая. Подозрения

1
2
3
4
5
Глава пятая. Зацепки
1
2
3
4
5
Глава шестая. Завещание
1
2
3
Глава седьмая. Темное пятно
1
2
3
4
Глава восьмая. Отравленный суп
1
2
3
Глава девятая. Расследование
1

2
3
4
5
Глава десятая. Предчувствие
1
2
3
4
5
Глава одиннадцатая. Убийство
1
2
3
4
Глава двенадцатая. Подделка
1
2
3
4
Глава тринадцатая. Разведка
1
2
3
4
Глава четырнадцатая. Задержание

1
2
3
4
Глава пятнадцатая. Скрытая угроза
1
2
3
Глава шестнадцатая. Решение
1
2
3
Глава семнадцатая. Дедукция
1
2
3
4
Глава восемнадцатая. Объяснение
1
2
3
Эпилог

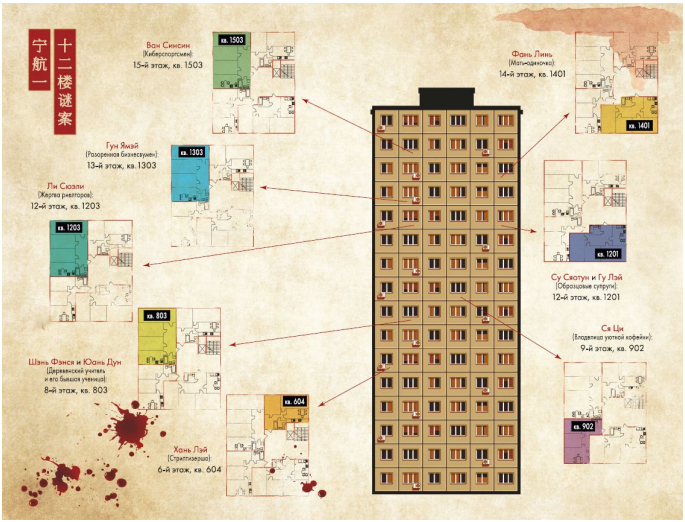
Аннотация

Су Сяотун с мужем и сыном переезжает в Лиши, чтобы начать жизнь с чистого листа. По приглашению соседки из квартиры 1203 новоселы становятся частью «Большой семьи» – тесного круга обитателей «Юэхайваня», которые каждый вечер собираются за общим столом и кажутся воплощением дружелюбия. Но идиллия рушится, когда семья Сяотун неожиданно оказывается в числе наследников своей соседки сверху. Двести пятьдесят миллионов юаней разделят между членами «Большой семьи» при одном условии: все они обязаны безвыездно прожить в комплексе двадцать лет. Но что еще важнее: чем меньше наследников, тем больше доля каждого. Стремление к богатству вскоре превращается в кровавую игру – любой готов на убийство, а полицейский Тань Юн оказывается в эпицентре опасной интриги. Чем глубже он погружается в расследование, тем яснее ему становится, что все это как-то связано с ужасной находкой, обнаруженной им два года назад в квартире 1203…

Экранизация романа готовится авторами популярного сериала «Под кожей».

Впервые на русском!

Нин Ханъи
Загадка этажа номер 12



Ning Hangyi
LOST ON THE TWELFTH FLOOR
Copyright © Ning Hangyi, 2023
This Russian translation edition is arranged through Nova Littera SIA and Gending Rights Agency (http://gending.online/)
All rights reserved

© Н. Н. Власова, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Пролог

По сравнению с большинством городов Китая лето в Лиши никак нельзя назвать жарким. Благодаря муссонному климату здесь почти круглый год царит весенняя погода. Именно поэтому Лиши стал одним из самых известных туристических курортов страны.

Однако даже здесь в самые знойные дни лета температура иногда поднимается выше тридцати градусов. Торчать в такую жару под палящим солнцем у ворот уголовного управления больше получаса — довольно сомнительное занятие.

Первым ее заметил молодой полицейский Ли Бинь: его рабочий стол находился у окна на втором этаже, откуда отлично просматривалась улица. Он обратился к коллеге:

— Лао[1] Тань, у ворот нашего управления уже больше получаса стоит пожилая женщина. Может, ей нужно подать заявление?

— Если так, зачем стоять снаружи? Почему бы

---

[1] Примечания: 1

Лао (*кит.* «старый») — обращение к человеку старше себя или выше по положению; добавляется перед фамилией. — *Здесь и далее примеч. перев.*

просто не зайти?

Ответил ему старший коллега Тань Юн, полицейский, чей возраст подбирался к пятидесяти. Он не походил на типичного следователя, выглядел добродушным, с мягкими чертами лица, но говорил громко и уверенно. Его стол стоял у стены, поэтому Тань Юн не видел, что происходит снаружи. В Лиши криминогенная обстановка считалась спокойной, и следователи обычно не были загружены работой. Тань Юн, уставившись в экран компьютера, листал новости в интернете.

— Я все же схожу спрошу. Выглядит она странно, мне кажется, у нее какие-то проблемы. — И с этими словами Ли Бинь встал и вышел из кабинета.

Через несколько минут он вернулся, сел на место и сделал глоток чая с цветами жимолости из своей кружки.

Тань Юн взглянул на него:

— Спросил?

— Спросил. Она мямлила, говорила, что ничего не нужно, но по выражению лица было ясно — врет.

— Раз ничего не нужно, зачем тогда стоит у ворот полиции? Она вообще знает, что это уго-

ловный отдел?

— Конечно знает! Я же вышел в форме, прямо спросил, не хочет ли она заявление подать. А она давай отнекиваться. Что-то здесь нечисто.

Происходящее заинтересовало Тань Юна. Он подошел к окну и у ворот увидел старушку: простая одежда, седые волосы, сгорбленная спина — типичная представительница низов, прожившая тяжелую жизнь. Всмотревшись, Тань Юн пробормотал:

— Я ее знаю. Эта старуха собирает мусор возле моего дома. Живет в развалюхе в старой части города. Муж умер, сын где-то далеко, одна торчит в своей развалюхе. Жалко ее.

— Может, она к тебе пришла?

— Зачем я ей? Мы с ней не общались толком. Я просто иногда разрешал ей в нашем районе макулатуру собирать — вот и все.

— Все-таки, наверное, тебя ищет. Ты же знаешь таких бабулек — им подавай своего человека. Особенно если образования нет.

Тань Юн усмехнулся:

— Мы — уголовный отдел, а не участковые. Какая разница, знаком я с этой женщиной или нет? Разве расследования зависят от личных связей? Да и я с ней, в общем-то, не на короткой ноге.

— Все равно сходи поговори. Она там на солнцепеке стоит. Запросто тепловой удар схватит.

— Ладно.

Тань Юн надел фуражку и вышел из кабинета. Подойдя к воротам, он обратился к старухе:

— Скажите, вам что-то нужно?

— Вы не… Тань? Товарищ Тань? — робко поинтересовалась она.

— Да. Вы ко мне?

— Мм…

«Так и есть, ко мне. Ли Бинь попал в точку», — мелькнуло у Таня в голове.

— По какому вопросу?

— Хочу вас кое о чем попросить…

— Тогда почему вы сказали моему коллеге, что вам ничего не нужно?

— Этому молодому человеку? Да я его не знаю…

Тань ткнул пальцем в табличку у входа:

— Здесь уголовная полиция. Сюда приходят, чтобы заявления писать, а не по знакомствам дела решать. Понимаете? С любым сотрудником можете говорить. Что у вас стряслось?

— Нет… не заявление… Просто хочу попросить вас об одолжении…

— О каком?

— У меня проблемы с жильем…

— С той лачугой?

— Нет, с другой квартирой… в жилом комплексе «Юэхайвань».

Тань Юн удивился:

— Вы купили квартиру в «Юэхайване»?

Этот элитный комплекс с видом на озеро Юэхай славился отличным расположением и качественной отделкой. Неожиданно, что с виду бедная старуха владеет там жилплощадью.

— Да, для сына. Ему уже за тридцать, а семьей так и не обзавелся. Все потому, что нормального жилья нет. Вот я все свои сбережения вложила и купила там квартиру с двумя спальнями[2].

— И что с ней?

— Сдаю. За две с половиной тысячи в месяц. Там одна девушка живет, приезжая…

— Погодите. Вы же сказали — купили для сына, на свадьбу. Зачем тогда сдаете?

— Пока у него никого нет, и кто знает, когда появится… А ипотеку платить надо. Вот и сдаю, чтобы аренда покрывала платежи. Когда сын найдет невесту и дело к свадьбе пойдет — девуш-

---

[2] Примечания: 2

Китайцы не включают гостиную в число комнат, говоря о характеристиках квартир, так что по российским меркам это трехкомнатная квартира.

ка та съедет, будет молодых квартира.

Тань Юн кивнул:

— То есть вы сами живете в развалюхе, а новую квартиру сдаете?

— Именно так.

— И что с квартирой? Вы сдаете ее приезжей девушке, и что дальше?

— Вот в чем дело… Девушка заплатила за три месяца вперед плюс депозит, и больше полугода все было нормально. Но в этом месяце, когда нужно было вносить плату за новый квартал, я не смогла с ней связаться.

— Вы пришли ко мне из-за неуплаты аренды? Это не к нам в угрозыск, это гражданские дела.

— Нет, я обратилась к вам, товарищ Тань, потому что… Сегодня днем мне позвонил управдом. Соседи с нашего этажа жаловались на странный запах, будто бы из моей квартиры. Управляющий постучал, но никто не открыл, вот он и связался со мной.

— Арендаторша пропала, а соседи чувствуют специфический запах… Вы подозреваете, что она могла умереть в вашей квартире?

— Я не знаю… Но одной идти проверять страшно. Вот и хотела попросить вас…

— Такие случаи входят в круг наших прямых

обязанностей. Можно было обратиться к любому офицеру. Но раз уж вы пришли ко мне, я вас сопровожу.

— Спасибо вам огромное!

Тань Юн позвонил Ли Биню, сообщил, что отлучится по делу, и усадил старуху в служебную машину. По дороге в «Юэхайвань» он расспрашивал ее:

— Как зовут вашу арендаторшу?

— Хэ Юйшань.

— Как давно она перестала выходить на связь?

— Дней десять как. На звонки не отвечает.

— Прошло уже столько времени, а вы не подумали сами сходить проверить?

— Я ходила, но не смогла открыть дверь. Она после переезда поменяла замок.

— Телефон не отвечает, девушка на связь не выходит, и вас это не насторожило? Только сейчас вспомнили о полиции?

— Я раньше не придавала этому значения, думала, она просто занята на работе… Пока управдом не сообщил про запах, я не волновалась… — На лице женщины отразилась тревога. — Только бы ничего не случилось! Это ведь квартира на свадьбу сына, если что-то произойдет…

— Ладно, не переживайте заранее. Возможно,

вы себя зря накрутили. Сейчас же лето. Наверное, просто мусор протух.

— Надеюсь, что так…

Через десять минут полицейская машина подъехала к жилому комплексу «Юэхайвань». Старуха провела Таня в подъезд, и они поднялись на лифте на двенадцатый этаж.

— Ваша квартира на двенадцатом?

— Да.

Лифт открылся, они подошли к квартире. Тань Юн громко постучал в дверь — безрезультатно.

— Когда вы сегодня звонили арендаторше, телефон был вне зоны доступа или просто никто не снимал трубку?

— Вне зоны, кажется.

Тань Юн достал телефон и позвонил слесарю, назвал ему точный адрес и попросил срочно приехать. Через несколько минут слесарь прибыл, достал инструменты и быстро отпер замок.

— Дверь не была заперта изнутри на засов, открылась легко.

— Хорошо, спасибо за работу, можете идти.

Слесарь уехал на лифте. Тань Юн толкнул дверь, а старуха нервно последовала за ним.

Как только они вошли внутрь, в ноздри ударило зловоние. Опыт подсказывал Тань Юну, что это

запах не простого мусора, а скорее мертвечины. Его брови непроизвольно сдвинулись. Старуха от страха вся напряглась и тихо заохала.

Они топтались в прихожей, откуда видна была гостиная, — по крайней мере, там трупа не было.

— Если вам страшно, можете подождать у двери.

— Да, я, пожалуй, останусь здесь…

— Только закройте дверь.

Старуха послушно закрыла дверь. Тань Юн методично осмотрел гостиную, кухню, балкон и санузел — ничего подозрительного. Из двух спален одна стояла распахнутой, демонстрируя лишь стандартную мебель. Источник зловония мог находиться только за дверью хозяйской спальни. Сделав глубокий вдох, следователь открыл ее.

Волна трупного смрада ударила в нос. Стиснув зубы, Тань Юн вгляделся в полумрак комнаты.

— Товарищ Тань… — донесся с порога дрогнувший голос. — Там же не…

— Подойдите, — повернулся он к старухе.

Старуха замотала головой, но после настойчивого жеста полицейского нерешительно приблизилась. Ее крик эхом разнесся по квартире:

— О небеса! Да это же… кошка?!

Тань Юн кивнул, рассматривая разложившееся тельце у своих ног.

— Арендаторша держала животное?

— Да, она переехала вместе с кошкой, — озадаченно пробормотала старуха. — Но где же сама хозяйка-то?

Внимание полицейского привлек переполненный лоток — очевидно, один из источников вони. Под кроватью обнаружились банки с кошачьим кормом премиум-класса. Окно было приоткрыто, но москитная сетка не позволяла несчастному животному сбежать.

— Совсем совесть потеряла! — всплеснула руками старуха. — Как можно было самой уехать, а кошку оставить? Бросила зверюшку умирать в муках!

— Не спешите с выводами. — Тань Юн бережно поднял банку с кормом. — Я тоже раньше держал кошку. Корм такой марки покупают только ответственные хозяева, которые любят своих животных и не пошли бы на подобную жестокость.

— Значит, все-таки погибла? — произнесла старуха срывающимся голосом. — Но хорошо хоть не в моих стенах…

Тань Юн не стал комментировать эту фразу и вновь тщательно обследовал квартиру. В целом

жилище выглядело чистым и аккуратным, без следов крови или явных признаков преступления. Для верности он проверил шкафы и гардероб — снова ничего. Пока не наткнулся в гостевой спальне на три прозрачных ящика под кроватью.

Присев на корточки, Тань долго всматривался в эти ящики, как вдруг ледяное предчувствие сжало грудь.

Он стремительно направился в гостиную и распахнул морозильную камеру холодильника. То, что предстало взору полицейского, заставило его резко втянуть воздух.

Те самые прозрачные ящики оказались съемными контейнерами морозилки. Без них камера превратилась в единое пространство, и теперь его занимало скрюченное, покрытое инеем женское тело.

При виде трупа старуха вскрикнула и чуть не лишилась чувств. Тань подхватил ее, усадил на диван. Трясущимися руками она вцепилась в его рукав, бормоча бессвязные слова, будто разум ее не выдержал страшного зрелища. Дождавшись, когда дыхание пожилой женщины немного выровняется, Тань спросил:

— Это та самая Хэ Юйшань?

— Не… не знаю… Я никогда не видела ее лица…

— Как так? Вы сдавали квартиру, но не видели арендаторшу?

— Только фото в удостоверении. В жизни она всегда носила очки и маску. Почти все лицо скрывала…

«Что не так с этой квартиранткой? Зачем она прятала лицо?» — промелькнуло в голове у Таня.

Старуха отвернулась, не смея взглянуть на холодильник, и, запинаясь, спросила:

— Ее… убили? А потом… запихнули в холодильник?

Ответ был очевиден. Никто не полез бы в морозилку добровольно. К тому же и Тань, и старуха отчетливо разглядели на одежде и теле женщины многочисленные следы крови. Убийца явно тщательно избавился от всех улик, вынул ящики морозильной камеры и затолкал туда тело. Скорее всего, он хотел отсрочить обнаружение трупа и затруднить определение времени смерти.

Но если убийца продумал все это, почему не позаботился о кошке? То ли рассчитал, что от голода она умрет и начнет разлагаться лишь через две недели, то ли вообще не заметил животного в комнате жертвы?

Так или иначе, речь шла о тяжком преступле-

нии, и Тань должен был немедленно доложить начальнику уголовной полиции Цзян Мину. Но когда он уже собирался набрать номер, старуха вдруг схватила его за запястье. В ее глазах стоял животный страх.

— Товарищ Тань… умоляю вас об одном…

— О чем?

— Не рассказывайте никому, что это произошло в моей квартире…

— Что? Здесь же место преступления! Как я могу умолчать о случившемся?

— Нет-нет… расследовать, конечно, нужно. Но можно ли… чтобы не афишировали, в какой именно квартире нашли тело?

— Вы несете чушь. — Тань продолжил набирать номер. — Это же не мелкое нарушение. Я обязан сообщить.

С глухим стуком старуха опустилась перед ним на колени, слезы текли по ее щекам:

— Товарищ Тань, знаете, почему я пришла к вам? Потому что вы добрый. Пускали меня, чужую бабку, в ваш квартал за макулатурой, всегда относились по-человечески. Еще до прихода сюда я догадывалась: случилось что-то ужасное… Но думала — уж товарищ Тань точно мне поможет, не оставит в беде…

Тань Юн с недоумением уставился на нее:

— Что значит «в беде»? Вы-то живы, погибла ваша квартирантка!

— Товарищ Тань, эта квартира — вся моя жизнь. — Слезы катились по щекам старухи. — Сорок лет я копалась в вонючих мусорных баках, резала руки о битое стекло, выуживала бутылки и макулатуру, чтоб потом отвезти их на переработку. Сорок лет унижений, даже собственный сын стыдился меня — уехал на заработки в другой город, лишь бы не видеть мать. Какая девушка захочет выйти за такого? Поэтому я вложила все свои сбережения в эту квартиру… А теперь ее нельзя подарить сыну на свадьбу…

— Почему? Достаточно заменить мебель и технику…

— У нас в деревне говорят: дом, где убили одинокую женщину, проклят. — Старуха заломила руки. — В нем скапливается темная энергия инь[3], жильцов ждут несчастья. Лучше жить на улице, чем селить сюда сына с невесткой и будущими внуками!

— Это же дикие суеверия!

---

[3] Примечания: 3

По традиционным представлениям, весь мир пронизывают две энергии: светлая (ян), символизирующая мужское начало, и темная (инь), символизирующая женское.

— Пусть суеверия… Тогда разрешите мне хотя бы продать квартиру!

— Ваше имущество, делайте что хотите.

— Но если все узнают, что здесь было убийство, никто ее не купит! Все мои сбережения пропадут… Тогда мне останется только смерть.

Взгляд Таня скользнул по ее помутневшим глазам, морщинистому лицу и рукам, похожим на кору дерева. Он вспомнил, как эта старуха, сгорбившись, копалась в мусоре. Сердце сжалось — такая действительно могла покончить с собой, потеряв последние деньги…

— Ладно, — вздохнул Тань. — В ходе расследования мы не будем раскрывать точный адрес и сделаем все возможное, чтоб никто не узнал, что убийство произошло именно здесь.

— А ваши коллеги?..

Тань Юн твердо сказал:

— Я доложу начальнику и возьму дело под личный контроль. А коллегам скажу держать рот на замке.

Старуха расплакалась от благодарности:

— Спасибо вам, товарищ Тань!

— В ближайшие дни не появляйтесь здесь. Квартира будет опечатана как место преступления.

— Я здесь и так не живу…

Тань связался с руководством. Начальник Цзян немедленно санкционировал возбуждение уголовного дела и поручил ему расследование, а Ли Биня назначил помощником.

Минут через десять-пятнадцать прибыли криминалисты. Дождавшись пустого лифта, Тань с Ли Бинем аккуратно переместили тело прямо в холодильнике в машину. Управляющей компании сообщили о происшествии в общих чертах, не уточнив номер квартиры и подчеркнув необходимость соблюдения мер безопасности.

Экспертиза ДНК подтвердила: жертва — квартирантка Хэ Юйшань. Вскрытие показало, что девушка умерла от ножевого ранения в спину, повредившего сердце. Тело было заморожено сразу после убийства, что затруднило определение времени смерти. По степени разложения кошки установили — преступление произошло около двадцати дней назад.

Это сильно осложняло полиции работу. За три недели через туристический Лиши прошли тысячи людей. Искать убийцу — все равно что высматривать иголку в стоге сена.

Разумеется, Тань Юн и Ли Бинь опросили тех, кто мог быть связан с жертвой, но ничего не

выяснили. Хэ Юйшань жила затворницей, не общалась с соседями, не имела родни в городе. Даже мотив ее переезда оставался загадкой. Учитывая вышеизложенные причины, дело не имело особых шансов на успех.

В ходе расследования Тань Юн и Ли Бинь не упоминали, в какой именно квартире произошло убийство. Администрация ЖК и немногочисленные осведомленные жители также не распространяли информацию из личных соображений.

В результате большинство жителей Лиши знали только, что в жилом комплексе «Юэхайвань» произошло убийство и что жертвой стала приезжая девушка. Что касается деталей дела, таких как конкретный номер квартиры, эта информация осталась закрытой.

Минуло два года.

Все уже почти позабыли о случившемся, и тут пророческие слова старухи сбылись с пугающей точностью…

Глава первая. Вечеринка в честь новоселов

1

«Чем бы я сейчас занималась, окажись в Цзинчжоу?» — думала Су Сяотун, лежа в кровати.

Ходила бы на совещания, обсуждала проекты, разносила подчиненных (или начальников), вела бы переговоры с заказчиками, напускала бы пафос на себя, а потом наблюдала, как это делают другие.

Но сейчас было три часа дня, и она лежала в шелковой ночнушке на мягкой кровати в новом доме. Окно было распахнуто, теплый ветерок колыхал белый тюль, солнечные лучи играли в прозрачной ткани, то появляясь, то исчезая. Она наблюдала за этим с легкой улыбкой.

Рядом спал ее семилетний сын, свернувшись, как котенок. Су Сяотун обожала проводить с ним время, но послеобеденный чай был для нее святым. Она осторожно поднялась, надела тапочки и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

В этом городке не приходилось мечтать о горячем шоколаде «Свис Мисс» или пирожных-

макаронах от Пьера Эрме[4]. Да и, учитывая обстоятельства, нужно было экономить… Она открыла жестяную банку с чаем, положила пакетик персикового улуна в новую японскую кружку из прозрачного стекла, залила его кипятком и вышла на балкон.

Там ее ждали стеклянный столик и два уютных кресла. Рядом стоял скандинавский минималистичный стеллаж с книгами. Поскольку переезд состоялся недавно, их пока было немного: «Остров» Виктории Хислоп, «Все, чего я не сказала» Селесты Инг, «Чему я научилась на ошибках» Элизабет Дэй, «Страна Чудес без тормозов и Конец Света» Харуки Мураками, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда.

Эти книги были ее самыми любимыми. Она не смогла с ними расстаться и привезла их издалека, из Цзинчжоу.

Су Сяотун раскрыла первую попавшуюся, надела наушники и запустила блюзовую мелодию.

Атмосфера напоминала столичную кофейню — нет, даже лучше. С балкона открывался вид на озеро и далекие горы. Лазурное небо, белоснежные облака и потрясающие пейзажи были

---

[4] Примечания: 4

Пьер Эрме (р. 1961) — один из самых известных и влиятельных кондитеров мира, чьи десерты считаются элитными и культовыми.

несравнимы с бетонными джунглями большого города.

Но главное — неспешный ритм жизни в этом городке. Музыка, книги, послеобеденный чай, солнечный свет и прекрасные виды… Если бы можно было остаться в этом моменте навсегда.

Пока Су Сяотун наслаждалась покоем, домой вернулся ее муж Гу Лэй. В руках он держал большой пакет с мясом и овощами. Увидев жену на балконе с кружкой чая, он радостно подошел к ней:

— Сяотун, угадай, сколько я потратил на все эти продукты?

Она сняла один наушник:

— Не знаю.

— Ну попробуй!

Она бегло взглянула на пакет:

— Больше ста?

— Ха-ха, так и знал, что ты именно это скажешь. А на деле меньше пятидесяти! Я слышал, что в маленьких городах цены ниже, но не настолько же. Если ближе к вечеру покупать, так вообще скидки делают. Смотри: свинина, ребрышки, сельдерей, рыба, картошка, помидоры… А этот пучок лука и чеснок в подарок дали. Ну как, выгодно?

— Очень.

— Что хочешь на ужин?

— Мне без разницы.

— Свинину с сельдереем, рыбу в соусе или тушеные ребрышки с картошкой?

— Я ж сказала — как сам решишь.

— Ладно, тогда сделаю рыбу, свинину уберу в холодильник на завтра, и еще суп с помидорами и яйцом…

— Гу Лэй… — Ей пришлось его перебить.

— Что?

— Я хочу почитать, хорошо?

Гу Лэй на мгновение замер, затем улыбнулся:

— Конечно, конечно.

Он направился на кухню с пакетами. Су Сяотун снова вставила наушник, но не успела дослушать и одной песни, как до нее донесся возглас мужа:

— Ой-ой!

Она закатила глаза, выдернула наушник:

— Ну что еще?

— Сяолян опять обкакался!

Су Сяотун устало сомкнула веки и тяжело вздохнула, но все же направилась в спальню. Гу Сяолян уже проснулся, но не позвал маму, а сидел на кровати, безучастно уставившись в потолок. В комнате стоял резкий запах. Подобное случалось уже много раз, супруги давно привыкли. Однако

с момента переезда это произошло впервые.

— Отнеси его в ванную, а я перестелю постель, — велела Су Сяотун.

— Не надо, не надо! Иди пей чай, читай, я сам все сделаю. — Гу Лэй уже подхватил сына на руки и направился в ванную.

Су Сяотун взглянула на светло-коричневые следы на простыне и невольно поморщилась. Зажав нос, она прикрыла дверь. Послеполуденный чай явно не задался.

Гу Лэй выкупал сына, переодел его, постирал испачканное белье и одежду и вскоре взялся за приготовление ужина. Су Сяотун стало неловко.

— Может, помочь тебе?

— Не надо, лучше посиди с Сяоляном, посмотрите мультики. Да и готовить ты все равно не умеешь, — рассмеялся Гу Лэй.

Су Сяотун послушно включила телевизор и усадила перед ним сына, включив «Телепузиков» — передачу для дошкольников. Гу Сяоляну в прошлом месяце исполнилось семь лет: он вымахал до ста двадцати восьми сантиметров, весил больше тридцати килограммов, обогнав сверстников. Его было тяжело держать на коленях. Но если с физическим развитием все было в порядке, то с умственным…

Мальчик смотрел мультфильм молча, без эмоций на лице. Когда серия закончилась, Су Сяотун взяла с журнального столика карточки с цифрами:

— Сяолян, сколько будет два плюс два? Помнишь, мы учили это вчера?

Гу Сяолян оставался безучастным, будто не расслышал вопроса.

— Равно четыре, Сяолян, — тихо произнесла Су Сяотун, глядя на своего каменного, как истукан, сына, и вздохнула.

2

Гу Лэй приготовил три основных блюда и суп, наложил рис и позвал жену с сыном к столу. Втроем они уселись за ужин. Гу Лэй подкладывал жене еду, параллельно кормя Сяоляна.

— Ты бы сам поел, а то все остынет, — сказала Су Сяотун.

— Ничего, сначала накормлю Сяоляна. Ну-ка, открывай ротик, а-а — вот умница.

— Он так медленно жует, один прием пищи занимает полчаса.

— Ничего страшного, тщательное пережевывание полезно для пищеварения. А свою порцию я потом в микроволновке разогрею.

Су Сяотун замолчала, углубившись в еду.

После ужина Гу Лэй засучил рукава и принялся за мытье посуды. Затем вся семья отправилась на прогулку. Главная достопримечательность Лиши — живописное высокогорное озеро Юэхай. Благодаря мягкому климату и вечной весне сюда съезжается много людей — чтобы отдохнуть или же обосноваться навсегда. Семья Су Сяотун была в числе последних.

Они переехали сюда всего три дня назад. Их

жилой комплекс с поэтичным названием «Юэхайвань» располагался прямо на берегу озера. Из окон квартиры на двенадцатом этаже просматривалась водная гладь — именно это и склонило пару к покупке. Хотя жилье продавали на вторичке, ремонт и мебель оказались практически новыми. По словам агента, предыдущие хозяева почти не жили здесь — переехали по работе в другой город. Получается, они сорвали куш: отхватили просторную квартиру с двумя спальнями и всей обстановкой меньше чем за миллион.

Вечером на берегу озера Юэхай можно было наблюдать, как заходит солнце. На набережной через каждые несколько сот метров стояли беседки, выступающие над водой. Гу Лэй, держа сына за руку, а жену под локоть, провел их по мосткам к одной из таких беседок, откуда открывался прекрасный вид на закат. В пурпурно-алых сумерках солнце медленно скрывалось за горизонтом, а восходящая полная луна заявляла свои права на ночное небо. Су Сяотун задумчиво любовалась луной, пока Гу Лэй не напомнил ей, что уже поздно и пора возвращаться домой.

Каждый вечер Су Сяотун первой шла в душ, после чего мылись Гу Лэй с сыном. Выйдя из ванной в майках и шортах, они вместе укладывались

в кровать. Су Сяотун брала детскую книжку со сказками и читала ее Гу Сяоляну. Гу Лэй, подперев голову рукой, с радостью наблюдал за ними.

Вскоре Гу Сяолян заснул. Гу Лэй отнес его в кровать и предложил жене:

— Давай тоже выключим свет и поспим.

Су Сяотун проверила время на телефоне:

— Сейчас только без десяти десять.

— Говорят, в Лиши все ложатся рано. Почему бы и нам не последовать традиции?

— Для меня слишком рано, я не усну, — покачала головой Су Сяотун. — Ты иди, а я пока сериал посмотрю.

Она надела наушники. Гу Лэй не стал настаивать, но и спать не пошел. Он сидел на кровати, бесцельно уставившись в пространство. Сяотун продолжала смотреть сериал и не обращала на него внимания. Гу Лэй поглядывал то на жену, то на экран ее телефона, словно хотел сказать что-то, но не решался.

Когда серия закончилась и Су Сяотун собралась включить следующую, Гу Лэй не выдержал:

— Сяотун… Ты и дальше будешь смотреть сериал?

— А что? Спи давай.

— Ничего, просто я…

Глаза Су Сяотун только на мгновение остановились на муже, и, не удостоив его ответом, она продолжила свое занятие.

Гу Лэй подождал еще несколько минут, затем снял майку, обнажив крепкие мышцы, и залез под одеяло, чтобы стянуть шорты. Убедившись, что жена по-прежнему не обращает на него внимания, он взял ее руку и направил вниз.

Су Сяотун посмотрела на мужа и, встретив его горящий взгляд, отдернула руку:

— Ты чего?

— А сама как думаешь?

Она поставила сериал на паузу.

— Мы договаривались — раз в месяц.

— Но это же было раньше! Теперь мы в Лиши, начали новую жизнь…

— Ничего не изменилось, — твердо проговорила Су Сяотун. — Правила есть правила.

— Но правила же люди придумывают! И потом, ты видишь, в каком я состоянии… Неужели тебе меня не жалко? Пожалуйста… — жалобно пробормотал Гу Лэй.

— Это твои проблемы. Не можешь с собой справиться — так иди и разберись с этим сам.

Гу Лэй открыл рот, чтобы ответить, но в последний момент сдержался. Через минуту он молча

натянул шорты и, поднявшись, направился в ванную.

Су Сяотун надела наушники, дабы вернуться к просмотру, но сосредоточиться не получалось. Она откинулась на подушки и раздраженно вздохнула. После недолгих колебаний все же встала и пошла к ванной.

3

Су Сяотун и Гу Лэй познакомились в университете пятнадцать лет назад. Еще тогда она поняла: Гу Лэй очень хозяйственный. В то время как все одногруппники питались в столовой или кафе, он притащил в общежитие мини-холодильник и электрическую рисоварку. Скрупулезно изучив рецепты, он научился готовить в ней десятки блюд: тушеную свинину с картошкой, рис с копченостями, кашу с маринованной редькой и мясом… Гу Лэй обожал бродить по рынкам и супермаркетам в поисках продуктов по выгодным ценам, а потом колдовать над своими кулинарными экспериментами. Говорили, так он экономил больше половины стипендии, откладывая сбережения на черный день.

Причина проста — нищета. Гу Лэй — деревенский парень, с детства привык к строгой бережливости. Хотя питание в столовой стоило недорого, он подсчитал — готовить самому выгоднее. Все четыре курса он избегал любых развлечений, а по выходным подрабатывал репетитором. К выпуску Гу Лэй не только не потратил ни копейки из родительских денег, но и

скопил небольшую сумму. Одногруппники ему поражались.

Но так было не всегда. Пятеро соседей[5] по общежитию поначалу посмеивались над ним, отпускали колкости. Гу Лэй не реагировал и жил по своим правилам. Пока другие зависали в интернете, играли в игры или пили до потери пульса на вечеринках, он оставался в стороне. Дистанция между ними росла.

Все изменилось в один день. У троих соседей закончились деньги, а занять было негде. Учуяв аромат, доносившийся из рисоварки Гу Лэя, они робко спросили, не угостит ли он их.

— Простите, — ответил Гу Лэй, — я не знал, что вам захочется. Приготовил только на себя.

Парни покорно отступили: после всех насмешек обижаться было глупо.

Каково же было их удивление, когда после ужина Гу Лэй сходил на рынок, купил набор для хого[6] и кучу продуктов. Он нарезал мясо, вымыл овощи и устроил настоящий праздник, позвав всех троих. Те чуть не расплакались от

---

[5] Примечания: 5

В китайских общежитиях комнаты рассчитаны на шестерых.

[6] Примечания: 6

Хого — китайский аналог фондю; в кипящий бульон опускают различные ингредиенты.

благодарности.

Вернулись и двое других соседей. Гу Лэй достал две бутылки гаоляновой водки:

— За два года учебы я ни разу вас не угощал. Если вы не против, то давайте сегодня вместе поедим хого.

В тот вечер в комнате запахло домашним уютом. Отношения развернулись на сто восемьдесят градусов. Одногруппники выпили две бутылки водки и ящик пива, а потом, захлебываясь, извинялись перед Гу Лэем за прошлое. Гу Лэй не держал ни капли зла. Он сказал, что чуть старше их, а потому всегда считал всех пятерых младшими братьями. Никогда на них не сердился. Четыре года в одной группе, да еще и в одной комнате общежития. Разве это не редкая удача? Его слова растрогали ребят до слез. С той ночи они стали называть Гу Лэя Старшим братом, и это прозвище сохранилось за ним до сих пор.

Такая мужская дружба девушкам была невдомек. А уж Су Сяотун — одной из «Пяти золотых роз факультета дизайна» — и подавно. Все это казалось ей странным и забавным. Она не понимала, почему парни вдруг так сблизились с Гу Лэем, но и не интересовалась причинами. Как одна из самых красивых девушек на курсе, она не

обращала внимания на таких домашних парней, как он, — бедных, ничем не примечательных внешне и слишком уж простодушных.

За ней ухаживали лучшие парни не только их факультета, но и всего университета, включая сына заместителя секретаря горкома партии. Любой из этих молодых людей мог подарить ей сумку, которая стоила как стипендия Гу Лэя за четыре года. На их фоне он казался булыжником[7] у дороги — незаметным и ничтожным.

Но этот «булыжник» тайно любил ее.

Су Сяотун знала об этом с первого курса. Ей не раз говорили, да и сама она чувствовала. Хотя Гу Лэй никогда не решался на признание, взгляд и выражение лица ясно выдавали его. Она мысленно молилась, чтобы он так и не собрался с духом. Не потому, что жалела его. Су Сяотун просто хотела избежать неловкости в отношениях с однокурсником.

К счастью, Гу Лэй оказался благоразумным. Как и надеялась Су Сяотун, он ни разу не признался ей за все годы учебы и после выпуска из университета унес свою любовь глубоко в сердце.

Если бы не один случай, произошедший значи-

---

[7] Примечания: 7

Это сравнение обыгрывает имя героя, поскольку иероглиф «лэй» состоит из трех «камней».

тельно позже, Су Сяотун никогда бы не поверила, что этот неприметный «булыжник», который она в студенческие годы взглядом бы не удостоила, однажды станет ее мужем.

4

Просыпаться каждый день без будильника — уже огромное счастье, о котором Су Сяотун и мечтать не смела, пока работала в Цзинчжоу. Теперь же у нее было не только это, но и многое другое.

Сын встал раньше ее и под присмотром Гу Лэя уже позавтракал, а теперь играл с игрушками на мягком коврике в гостиной. Увидев, что жена проснулась, Гу Лэй улыбнулся:

— Я сварил твою любимую кашу из восьми злаков[8] и яйца уже почистил. Иди завтракай.

— Угу. — Су Сяотун потрепала сына по голове и села за стол.

После завтрака Гу Лэй собрал посуду и, принявшись за мытье, сказал:

— Своди Сяоляна погулять во двор. Пусть учеба подождет, но физкультура ему необходима.

— А ты?

---

[8] Примечания: 8

Традиционная каша из восьми злаков с добавлением сухофруктов. В обыденной жизни количество ингредиентов сокращают, хотя название сохраняется. Число восемь в китайской культуре символизирует богатство. Каша требует очень длительной варки, этой деталью автор подчеркивает трепетное отношение героя к жене.

— С сегодняшнего дня я выхожу на работу. Буду брать заказы онлайн и разрабатывать дизайны из дому.

Су Сяотун задумалась.

— Может, и мне подключиться к дизайнерским проектам?

— Не надо, не надо! Ты занимайся Сяоляном. Днем пей чай, читай книги. Мы же переехали сюда, чтобы ты отдыхала и наслаждалась жизнью, а не чтобы пахала, как прежде.

— Но тебе одному будет тяжело…

Закончив с посудой и вытерев руки, Гу Лэй подошел к жене, положил ладони ей на плечи и мягко произнес:

— Сяотун, ради твоего счастья я готов на все! Какая разница, тяжело мне будет или нет? Не беспокойся о деньгах. Я прикинул: на фрилансе смогу зарабатывать больше десяти тысяч в месяц. В Лиши жизнь недорогая, нам хватит. Да, я только начал брать клиентов, но как поднакоплю опыта, так смогу ставить цены выше. Поверь, я обязательно обеспечу вам хорошую жизнь.

Су Сяотун слабо улыбнулась:

— Ладно, верю.

— Идите гуляйте. — Гу Лэй тоже улыбнулся. — В парке Юэхай есть бесплатная детская площадка.

Сяоляну там нравится.

Су Сяотун кивнула и спросила сына:

— Сяолян, хочешь покататься с горки?

Мальчик не ответил и продолжал играть. Мать подошла ближе и повторила вопрос. Только тогда он безучастно кивнул.

Су Сяотун нанесла легкий макияж, переоделась в спортивный костюм и, взяв сына за руку, вышла из квартиры. Когда створки лифта уже закрывались, раздался женский голос:

— Эй, подождите!

Су Сяотун нажала кнопку открытия дверей. В лифт торопливо вошла женщина:

— Спасибо!

— Не за что.

Незнакомке было лет тридцать семь — тридцать восемь. Вьющиеся волосы, длинная юбка, минимум косметики. Пока лифт спускался, она пристально разглядывала мать и ребенка:

— Почему я раньше вас не видела?

— Да мы переехали всего три дня назад.

— Купили или снимаете?

— Купили.

— Это же двенадцать ноль один, да?

— Верно.

— Тогда мы соседки! — Женщина улыбну-

лась. — Я Ли Сюэли, живу в двенадцать ноль три. Будем знакомы.

— Очень приятно. Я Су Сяотун.

— Это… ваш сын?

— Да.

— Сколько вам лет, если не секрет? У вас такой взрослый ребенок…

— Мне уже тридцать пять.

— Что?! Правда?! — с преувеличенным удивлением воскликнула Ли Сюэли. — Вы всего на год моложе меня? Я бы не дала вам и тридцати! Как вам удается так молодо выглядеть?

— Вы мне льстите, я вовсе не так молодо выгляжу, — скромно ответила Су Сяотун.

В этот момент они доехали до первого этажа. Все трое вместе вышли на улицу, но Ли Сюэли — явно любительница поболтать — не собиралась прощаться.

— Провожаете сына на учебу? Хотя… сейчас уже одиннадцатый час. Еще не устроили его в школу?

Су Сяотун заколебалась, но решила, что соседка так или иначе все узнает.

— Нет, мой сын… особенный. Он не ходит в обычную школу.

— Чем же он особенный? — Неугомонная Ли

Сюэли пристально осмотрела мальчика. — Выглядит совершенно обычным.

— У него умственная отсталость, — неохотно выдохнула Су Сяотун.

— О-о… Ну ничего, он такой славный…

Су Сяотун поспешила закончить этот неудобный разговор:

— Сестрица Ли, мы идем в парк Юэхай. А вы на работу? Давайте как-нибудь в другой раз поболтаем.

— Я не работаю — иду на рынок. Он как раз по пути к парку, пойдемте вместе!

Не сумев отказаться, Су Сяотун лишь напряженно улыбнулась.

По дороге Ли Сюэли допытывалась о семье Су Сяотун. Любопытство этой женщины раздражало, но, будучи новичком в районе, Су Сяотун старалась отвечать вежливо: рассказала, что родом из Цзянсу, раньше работала в Цзинчжоу, вкратце упомянула о Гу Лэе. На слишком личные вопросы отвечала уклончиво.

Когда они наконец дошли до рынка, Су Сяотун облегченно подумала, что теперь-то избавится от назойливой соседки. Но Ли Сюэли продолжила:

— Вы же новенькая здесь! Хотите, покажу лучшие овощные ряды?

— Спасибо, не надо, — попыталась остановить ее Су Сяотун. — Готовит у нас муж, а я за продуктами не хожу.

— Ой, какая же вы счастливица! — воскликнула Ли Сюэли. — Нашли себе такого замечательного мужа! Нынешние мужчины редко умеют готовить.

— Сестрица Ли, мне пора…

— Погодите-ка! — Женщина схватила Су Сяотун за руку. — Сегодня вечером я устрою в честь вашей семьи вечеринку!

— Что? Какую еще вечеринку?

— Увидите. В общем, приходите в шесть часов ко мне домой. Познакомлю вас с соседями и друзьями.

— Э-э-э… Не стоит, спасибо, не беспокойтесь.

— Пустяки! Решено! Пойду закупаться. У вас есть какие-то ограничения в еде?

— Нет, сестрица Ли, право, не надо…

— Обязательно приходите! Это традиция. Я уже многим новоселам устраивала такие вечеринки! — Ли Сюэли помахала рукой и направилась на рынок.

Су Сяотун хотела было еще раз отвергнуть это предложение, но соседка уже скрылась из виду. Она застыла на месте с растерянным выражени-

ем лица, затем горько усмехнулась и, взяв сына за руку, пошла в сторону парка Юэхай.

5

Погуляв около часа, мать с сыном вернулись домой. Су Сяотун рассказала Гу Лэю о встрече с соседкой Ли Сюэли.

— Вечеринка? — удивился Гу Лэй. — Это что, местная традиция?

— Вряд ли. Скорее, эта Ли Сюэли слишком уж общительная.

Гу Лэй рассмеялся:

— Как говорится, близкий сосед лучше далекого родственника. Разве плохо, что соседка оказалась гостеприимной? В моей деревне люди тоже всегда были приветливы, ходили друг к другу в гости, как родня.

— Мне это не по душе. — Су Сяотун скривила губы. — Идти на ужин к человеку, которого только что встретила, как-то неловко.

— Первый раз в новинку, а потом привыкаешь. За совместной трапезой поближе и познакомимся.

— А я смотрю, ты не прочь сходить, — прищурилась Су Сяотун.

— Не то чтобы… — Гу Лэй почесал затылок. — Но мы ведь переехали в новый город, никого

тут не знаем. Раз есть шанс завести знакомства, почему бы им не воспользоваться?

Су Сяотун задумалась.

— Я не хочу, чтобы все вокруг знали о… состоянии Сяоляна.

— Но нельзя же полностью изолировать его от общества. Умственные способности — одно, а характер — другое. Разве ты не замечаешь, как он замыкается в себе? Целыми днями ни слова не говорит. Ему нужно больше общения.

После долгого молчания Су Сяотун кивнула.

На том и порешили. Днем семья купила в магазине фрукты и сладости в качестве гостинца. После пяти Су Сяотун надела весенний костюм от Гуччи, нанесла макияж, дополнила образ украшениями и туфлями на каблуке. Гу Лэй тоже принарядился. В рубашке, брюках и кожаных туфлях он выглядел весьма представительно.

Однако, когда пришло время отправляться, Гу Сяолян закатил истерику, отказываясь идти.

Родители пытались уговорить ребенка, но мальчик катался по полу и кричал: «Не пойду! Не пойду!» Су Сяотун сначала мягко упрашивала его объяснить причину, но умственно отсталый ребенок вел себя как капризный младенец и лишь заливался слезами. Терпение лопнуло.

— Если не хочешь — оставайся один дома! — резко выпалила она.

Гу Сяолян зарыдал еще громче. Гу Лэй, с одной стороны, просил жену не сердиться, с другой — успокаивал сына. В конце концов, пообещав мальчику новую игрушку и леденец, он еле-еле уговорил его согласиться. Одевая сына, Гу Лэй тихо попенял жене:

— Видишь? Я же говорил, что ему нужно больше общаться. Иначе он вообще перестанет выходить из дому.

Су Сяотун беспомощно вздохнула. Взяв себя в руки, семья, нарядно одетая, с подарками, отправилась на вечеринку.

Они постучали в дверь квартиры 1203, но открыла им не Ли Сюэли, а молодая женщина лет двадцати пяти с короткой стрижкой:

— А, новые соседи?

— Да, я Су Сяотун, это мой муж Гу Лэй и сын Гу Сяолян.

— Проходите! Мы тоже гости Сюэли, просто пришли пораньше.

— Надо разуваться?

— Да нет, все так заходят.

Войдя в гостиную, они увидели квартиру с планировкой, похожей на их собственную, —

уютную и компактную. На диванах и стульях сидело с десяток незнакомых людей, но все улыбались приветливо.

— Здравствуйте. — Су Сяотун слегка смутилась.

— Здравствуйте-здравствуйте, присаживайтесь! — отозвалась добрая на вид женщина лет шестидесяти.

Из кухни вышла, взбивая яйца в миске, Ли Сюэли, в фартуке, свободной домашней одежде и шлепанцах. Увидев семью, одетую словно для званого ужина, она фыркнула:

— Ой, да нарядились-то вы так! Я же забыла сказать — это обычные посиделки у меня дома, можно было и попроще одеться.

Парень на диване, увлеченный мобильной игрой, усмехнулся:

— Я вот в шортах и майке пришел. Уже начинаю думать, не ошибся ли дверью.

Гости рассмеялись. От этих слов Су Сяотун покраснела, а Гу Лэй потупился. К счастью, добрая тетушка выручила их, шлепнув парня по ноге:

— Они впервые у нас. Конечно, хотели выглядеть достойно. Это же банальная вежливость, понимаешь? А ты тут как свой, тебе и не надо.

Су Сяотун немного расслабилась и протянула

Ли Сюэли купленные сладости и фрукты. Та поблагодарила и пригласила их за стол.

— Последнее блюдо — суп с водорослями и взбитым яйцом. Сейчас приступим. Синсин, Ся Ци, помогите накрыть на стол! — не церемонясь распорядилась Ли Сюэли.

Несколько человек тут же поднялись. Гу Лэй и Су Сяотун тоже собрались помочь, но хозяйка остановила их:

— Сидите, не запачкайте одежду! — и усадила всех троих за стол.

Круглый обеденный стол Ли Сюэли мог вместить человек двенадцать, если сесть поплотнее. Все дружно принялись расставлять тарелки и раскладывать палочки. Вскоре на столе красовалась дюжина аппетитных блюд — и на вид, и на запах просто восхитительных.

Су Сяотун заметила женщину с высокими скулами, которая привела дочку чуть младше Сяоляна. Девочка в розовом костюме, с румяными щечками, аккуратными волосами и смышленым взглядом разительно отличалась от заторможенного Гу Сяоляна. Это вызвало у Су Сяотун смешанные чувства.

На столе были соки, красное вино и пиво. Каждый выбирал по вкусу. Когда бокалы напол-

нились, Ли Сюэли подняла свой:

— Выпьем за новых соседей — Су Сяотун, Гу Лэя и Гу Сяоляна!

Все встали, чокнулись. Су Сяотун и Гу Лэй поблагодарили и осушили бокалы.

— Кушайте на здоровье! — радушно приглашала Ли Сюэли. — Как получилось — не знаю, но надеюсь, вам придется по вкусу.

Гу Лэй попробовал свинину в кисло-сладком соусе. Его глаза округлились от восторга.

— Объедение! — Он положил кусочек жене, и та тоже не смогла сдержать похвалы.

— Рада, что вам нравится! — Ли Сюэли сияла. — Вот суфле с фаршем. Специально для деток. Давайте, пробуйте!

Она разложила суфле по тарелкам Сяоляна и девочки. Гу Лэй сказал спасибо и, как обычно, начал терпеливо кормить сына. Девочка с любопытством наблюдала за этим.

— Ты уже большой, почему тебя кормят? Почему сам не ешь? Я вот сама умею, глянь!

Гу Сяолян, будто не услышав, продолжил жевать и теребить в руках игрушку. Гу Лэй и Су Сяотун смутились, не зная, что ответить, но женщина с высокими скулами одернула дочь:

— Вэньцзин, ешь и не лезь в чужие дела!

Ли Сюэли сменила тему и вновь подняла бокал. После троекратного тоста она обратилась к Су Сяотун:

— Знаешь, что нас всех объединяет?

— Вы соседи по жилому комплексу? — предположила та. — Разве не это?

— Конечно, но есть еще кое-что. Все мы по разным причинам переехали в Лиши, где у нас нет ни родни, ни знакомых. Поэтому мы часто собираемся вместе. Мы друг другу больше чем друзья. Мы семья.

— «Часто» — это мягко сказано, — усмехнулся парень в майке и шортах. — Мы каждый день тут.

— Верно, — кивнула Ли Сюэли. — Каждый день.

Су Сяотун и Гу Лэй удивились:

— Вы каждый день вместе ужинаете?

— Сначала я постоянно звала всех в гости. Потом все сдружились, да и готовлю я неплохо. Вот и предложила — давайте ужинать вместе. Скидываемся по шестьсот юаней в месяц, а я закупаю продукты и готовлю. Теперь каждый вечер мы проводим у меня.

— Шестьсот в месяц за ужины? — воскликнул Гу Лэй. — Здорово!

— Еще бы! — поддержала девушка с короткой стрижкой. — Сюэли готовит не хуже ресторанных шеф-поваров. Гораздо вкуснее доставки, да еще и полезно.

— Если хотите, присоединяйтесь, — предложила Ли Сюэли. — Для ребенка — полцены.

— Правда? — обрадовался Гу Лэй. — Я хоть и готовлю, но каждый день стоять у плиты утомительно.

— Конечно! — рассмеялась Ли Сюэли.

Гу Лэй вопросительно посмотрел на Су Сяотун, ожидая ее решения. Однако та предпочла перевести разговор в другое русло:

— Кстати, сестрица Ли, мы ведь еще не познакомились со всеми. Не могли бы вы нас представить?

— Само собой, это же обязательный ритуал новоселов — рассказ о себе, — улыбнулась Ли Сюэли. — Давайте начнем с Ся Ци. Пусть каждый представится и пояснит нашим новым друзьям, почему решил поселиться в Лиши.

— Хорошо, — охотно согласилась коротковолосая девушка, которая открыла им дверь.

Но едва она собралась заговорить, как женщина с высокими скулами резко вмешалась:

— Погодите!

— В чем дело, Фань Линь? — нахмурилась Ли Сюэли.

— Сюэли, я знаю твой характер — ты со всеми на короткой ноге. Но я обязана напомнить. Прежде чем представляться новым людям, не стоит ли сначала уточнить один момент?

— Какой?

— А действительно ли они нам друзья?

6

После этих слов в комнате воцарилась тягостная пауза. Неловкость сковала не только Су Сяотун и Гу Лэя, но и всех присутствующих.

Ли Сюэли бросила сердитый взгляд на Фань Линь, всем видом говоря: «Как ты могла такое ляпнуть?!»

Фань Линь выразительно развела руками, обращаясь к Су Сяотун и Гу Лэю:

— Прошу прощения, мои слова не были направлены лично против вас. Просто я считаю, что тех, кого мы называем друзьями, мы должны хоть немного знать. А ведь о вас мы абсолютно ничего не знаем.

— Но мы же как раз начали знакомиться, — возразила Ли Сюэли. — После того как мы представимся, они тоже расскажут о себе.

— Сюэли, формальные представления ничего не говорят о человеке. Когда я работала в отделе кадров, мне приходилось просматривать сотни резюме и слушать кучу самопрезентаций. Разве это помогало мне понять истинный характер кандидатов?

— И что ты хочешь этим сказать? — спросила

Ли Сюэли, сжимая бокал.

— Пригласить новых соседей на ужин — прекрасная идея. Но предлагать им вступить в нашу «Большую семью» через пять минут после знакомства… Это, по-моему, слишком поспешно.

— Я полностью вас поддерживаю, — неожиданно произнесла Су Сяотун. — На вашем месте я бы рассуждала точно так же. Возможно, другие думают аналогично, просто вы, как человек прямолинейный, озвучили общие опасения.

Фань Линь едва заметно приподняла бровь, изучая Су Сяотун своим проницательным взглядом.

Ли Сюэли тяжело вздохнула:

— Да, я вправду быстро сближаюсь с людьми, вы все об этом знаете. Но это не означает, что я пустоголовая наивная тетка. Я уже успела убедиться, что Су Сяотун и ее семья — достойные люди, с которыми стоит поддерживать отношения.

Су Сяотун с удивлением посмотрела на Ли Сюэли, гадая, когда же та успела «убедиться».

— Не хотела обсуждать это при вас, но раз уж разговор зашел…

Она обратилась ко всем:

— Сегодня утром в лифте я беседовала с Сяотун. Хотя было видно, что она не хочет болтать с незнакомкой, она все же вежливо отвечала на

мои вопросы. Приглашение на ужин получилось спонтанным, все вышло почти что против воли Сяотун — но они пришли, да еще и нарядные. Принесли дорогие фрукты и сладости. Отец семейства едва притронулся к моей стряпне, все время кормил сына. Тактичность, воспитанность, доброжелательность, эмоциональный интеллект, щедрость, терпение, любовь к ребенку — вот что отличает этих людей. Очевидно, они образованны и понимают правила приличий. Неужто такие не достойны дружбы? Да, мы знакомы меньше дня, недостатков я пока не видела. Но у кого их нет? Неужели дружить можно только с идеальными?

После ее слов повисла тишина. Наконец Фань Линь развела руками:

— Ладно, ты меня убедила. Да и то, как они отреагировали на мою прямоту, — не обиделись, а назвали это прямолинейностью — подтверждает твои слова. — Она налила полный бокал красного вина и обратилась к новым соседям: — Ранее мое радушие было скорее формальным, но теперь я говорю от всего сердца: ваша семья заслуживает стать частью нашей компании. Я выпью до дна — вам это делать не обязательно.

Су Сяотун и Гу Лэй тут же поднялись.

— Нет-нет, не стоит, — пробормотали они стандартные вежливые фразы.

Парень в майке усмехнулся:

— Не волнуйтесь, сестрица Линь раньше в бизнес-кругах вращалась. Любого перепьет!

Пока он говорил, Фань Линь уже осушила бокал, затем демонстративно наклонила его, показывая, что ни капли вина не осталось. Гу Лэй поспешно схватил бутылку:

— Раз уж дама выпила, как я могу отлынивать? Я тоже выпью до дна!

Он запрокинул голову и залпом выпил вино, вызвав одобрительные возгласы.

— Муж-то у тебя часто пьет? — озабоченно спросила у Су Сяотун женщина лет шестидесяти. — Только бы не перебрал…

— Не беспокойтесь, — хмыкнула Су Сяотун, — по части выпивки он мастер.

— Правда? — воскликнула пышнотелая девица с соблазнительными формами. — Вот здорово! Значит, у нас теперь на одного собутыльника больше!

Она повернулась к Гу Лэю:

— Ну-ка, признавайся, сколько реально можешь выпить?

— Да не особо много… — Гу Лэй ухмыльнулся, —

но цзинь[9] потяну без проблем.

— Крепкого алкоголя? Водки?

— Ага…

— Ого, вот это настоящая выносливость! — воскликнул парень.

— Тогда на сегодняшней вечеринке должно быть достаточно выпивки! — громко заявила Фань Линь. — Сюэли, доставай те две бутылки «Улянъе»[10], что я оставила у тебя в прошлый раз!

— Уже переходим на крепкое? Смешивать вино и водку — верный способ быстро опьянеть…

— Не важно, главное — веселье! Давай быстрее, вина недостаточно!

— Хорошо!

Ли Сюэли достала из бара две бутылки «Улянъе». Фань Линь открыла обе и заявила:

— Я уже сказала первый тост за новых друзей. Теперь ваша очередь. Не подведите!

— Тебе не победить! Сюэли, тащи рюмки для водки! — Фигуристая молодая особа налила себе

---

[9] Примечания: 9

Цзинь — китайская мера веса, равна примерно половине килограмма.

[10] Примечания: 10

«Улянъе» — премиальная китайская водка крепостью 52 °, производимая из пяти видов злаков (рис, кукуруза, пшеница, сорго и просо). Один из самых известных и дорогих китайских алкогольных напитков, часто подается на официальных приемах.

крепкого, подошла к Су Сяотун и Гу Лэю. — Я Хань Лэй, — представилась она, чокнувшись с ними.

Гу Лэй осушил очередную рюмку. Су Сяотун быстро пьянела, а потому лишь пригубила в знак благодарности.

Один за другим гости стали подходить с тостами к новичкам. Гу Лэй действительно был силен в выпивке: он выпил по кругу со всеми и лишь раскраснелся, но сохранил ясность ума. Хотя возбуждение чувствовалось — и не только от него. Алкоголь оказался лучшим катализатором общения: едва знакомые люди уже после пары рюмок отбросили первоначальную скованность и перешли на теплые, почти родственные отношения.

— Эх, совсем забыли представиться! — вспомнила Ли Сюэли. — Это же традиция, нельзя ее игнорировать.

— Я начну! Условились же с меня начать! — Коротковолосая девушка бойко подняла руку. — Я Ся Ци, живу на девятом этаже. В Лиши уже больше года. Приехала после университета туристкой и влюбилась в этот город без памяти. Мечтала открыть у озера кафе, где можно было бы почитать книгу, послушать музыку, просто посидеть или погладить котиков. И вот я его открыла! Заходите к нам. Мы рядом с жилым комплексом. Кофе у

нас с Суматры!

— Обожаю уютные кафе, — искренне ответила Су Сяотун.

Она почувствовала мгновенную душевную близость с Ся Ци — у них столько общего!

Остальные гости начали представляться по кругу против часовой стрелки. После Ся Ци очередь дошла до пары влюбленных.

Мужчине на вид было лет сорок — очки в толстой черной оправе, явно сильная близорукость. Женщине не больше тридцати — черты лица мягкие, почти девичьи.

— Я Юань Дун, — представился мужчина. — Раньше преподавал в сельской школе Гуйчжоу. Несколько лет назад мне поставили диагноз — БАС, боковой амиотрофический склероз. Вы, наверное, слышали…

— Да. — Су Сяотун печально кивнула. — Тело постепенно теряет подвижность, но вы…

— Пока еще не парализован полностью. Болезнь прогрессирует с разной скоростью, но итог один — полная неподвижность ниже шеи. У меня уже скована левая сторона, нужна трость или посторонняя помощь. Преподавать в таком состоянии невозможно, вот я и решил провести остаток своих дней в красивом месте, пока еще

могу передвигаться. — Он тяжело вздохнул. — Не хотел никого обременять, но она настояла…

Он посмотрел на женщину рядом взглядом, полным любви и мучительной вины.

Та мягко улыбнулась:

— Я Шэнь Фэнся. Бывшая ученица учителя[11] Юаня. Он спас меня. Родители собирались выдать меня замуж после средней школы. Учитель прошел десятки ли[12] по горным тропам, чтобы уговорить их позволить мне сдать экзамены и продолжить учебу. Но… вскоре после того, как я устроилась на работу, учитель Юань заболел. У меня не было другого способа отблагодарить его… Поэтому я решила ухаживать за ним. А потом… — Она смущенно посмотрела на Юань Дуна, и ее щеки залились румянцем. — Постепенно, день за днем, между нами возникли чувства… Так мы стали парой.

— Как прекрасно, — сказала Су Сяотун; ее глаза наполнились теплотой. — Но вы… вы еще не поженились?

— Я очень хочу… Но учитель Юань… говорит,

---

[11] Примечания: 11

Обращение «учитель» очень популярно в Китае, поскольку отношение к учителям было и остается крайне уважительным.

[12] Примечания: 12

Ли — мера длины, равная половине километра.

что не желает становиться для меня обузой… и все отказывается…

— Вы оба — люди редкой душевной щедрости. Хочу выпить за вас.

Су Сяотун взяла бокал, Гу Лэй последовал ее примеру.

Они подошли к Юань Дуну и Шэнь Фэнся, жестом показав, что учителю не нужно вставать. Четверо деликатно чокнулись и выпили.

— Теперь моя очередь. — Фань Линь налила себе водки, ее голос звучал с горьковатой иронией. — Моя история коротка и банальна — никаких трогательных любовных сцен. Раньше я работала на шанхайском госпредприятии, где ослепла от красоты одного мужчины. Я вышла за него, а этот подлец, оказывается, крутил романы еще как минимум с двумя женщинами. Когда я узнала — пнула его по причинному месту и тут же подала на развод. — Она взглянула на дочь. — Прости, солнышко, не стоило так говорить об отце при тебе.

— Да ладно, я знаю, что он отстой, — по-взрослому кивнула Фань Вэньцзин. — А по чему ты его пнула? Что такое «причинное место»?

Парень в майке фыркнул, едва не разбрызгав вино. Все разразились смехом.

— Ничего, малышка, — поспешила сказать Фань Линь. — Забудь.

— Сколько было вашей дочери при разводе? — спросила Су Сяотун, сдерживая улыбку.

— Чуть больше года. Так как я нанесла ему тяжкие телесные повреждения, меня уволили за уголовное преступление. После ухода с госслужбы мы с подругой открыли турагентство. А когда я попала в Лиши, то влюбилась в этот город и осталась здесь навсегда.

Су Сяотун понимающе покивала.

Настала очередь парня в майке. Несмотря на слегка неряшливый вид, он был симпатичным и явно обладал бунтарским характером.

— Я Ван Синсин, мне двадцать три, профессиональный киберспортсмен. Слышали про «Доту»? Я даже чемпионом страны становился. Но мои предки никак не могут понять, чем я занимаюсь. Все твердят, что я бездельничаю, и заставляют искать «нормальную работу». Просто кошмар! На заработанные деньги купил тут небольшую квартиру и теперь живу в свое удовольствие. Кайф!

Рядом с Ван Синсином сидела женщина под шестьдесят. Прежде чем та начала представляться, Ли Сюэли аккуратно предложила:

— Сестрица Ямэй, если не хотите — можете не

рассказывать о прошлом.

— Все в порядке, я давно с ним смирилась, — спокойно улыбнулась та. — Я Гун Ямэй, мне пятьдесят восемь — как видите, самая взрослая в этой компании. С двадцати лет крутилась в бизнесе. В лучшие времена состояние достигало миллиарда. Но несколько лет назад по разным причинам фирма обанкротилась, оставив гору долгов. С крахом предприятия и потерей денег рухнула и моя семья. Все развалилось. Я потеряла мужа и сына, осталась совершенно одна. Когда руки совсем опустились, я встретила мудрого наставника, который помог мне переосмыслить жизнь. Так я оказалась в Лиши. Купила жилье и теперь спокойно доживаю свой век.

Су Сяотун кивнула. Еще до ужина она заметила, что Гун Ямэй перебирает в руках четки. Очевидно пройдя через жизненные испытания, женщина обрела буддийское спокойствие.

Настала очередь Ли Сюэли.

— Я приехала в Лиши по простой причине — устала от суетливой жизни мегаполиса. Ненавижу давку в автобусах и метро, терпеть не могу офисную гонку, презираю деловые ужины и бесконечные переработки. Я мечтала о простой и радостной жизни. И здесь мне удалось ее найти.

Закончив, она взглянула на сидевшую рядом Хань Лэй. Та, очищая креветку, спросила:

— Мне тоже нужно?

— Все же рассказали о себе, — напомнила Ли Сюэли.

— Ладно. — Хань Лэй отложила креветку, озарив всех обаятельной улыбкой. — На самом деле моя история немного похожа на историю Ван Синсина. Я работаю стриптизершей — танцую у шеста в довольно откровенных нарядах. Мои родители — старомодные ханжи — считают это постыдным. Когда я еще выступала в родном городе, мама ворвалась в бар, при всех стащила меня со сцены и набросила на меня пальто! Разразился грандиозный скандал. Я кричала, что мои танцы — искусство, а ее поведение — вот настоящий позор. В конце концов мы перестали понимать друг друга. Пришлось уехать подальше — в Лиши. Здесь полно баров, и я танцую в одном из них. Если интересно — приходите посмотреть.

С этими словами она игриво глянула на Гу Сяоляна и подмигнула:

— Ну что, малыш, хочешь расширить кругозор?

Разумеется, Гу Сяолян не понял, что она такое говорит, а вот Гу Лэй покраснел до корней волос.

— Он не хочет, — отозвалась Су Сяотун, — а вот я сходила бы.

— Ха-ха-ха! Отлично! Тогда как-нибудь заглядывай к нам в бар, вместе выпьем! Сына и мужа оставь дома.

Хань Лэй звонко рассмеялась и чокнулась бокалами с супружеской парой.

Теперь очередь дошла до самих Су Сяотун и Гу Лэя. Ли Сюэли повернулась к ним с оживленным интересом:

— Ну а вы? Поделитесь, что привело вас в Лиши?

Су Сяотун ненадолго задумалась, прежде чем ответить.

— Мы с мужем однокурсники, изучали дизайн. Раньше работали в Цзинчжоу, но потом… из-за проблем с сыном мы решили уехать из мегаполиса в небольшой город. Наш общий выбор пал на Лиши с его прекрасными пейзажами и мягким климатом.

За столом повисло молчание. Никто не спросил напрямую, в чем именно заключались «проблемы с сыном». Было очевидно: Ли Сюэли заранее предупредила всех о состоянии Гу Сяоляна.

— Малыш не может учиться в обычной школе? — осторожно спросила Гун Ямэй.

— Его не берут в обычную школу, только в специализированную, — ответила Су Сяотун. — Но мы не хотим этого. Решили оставить его дома, больше времени проводить вместе. Буду сама учить его основам.

— Это очень мудро, — с материнской нежностью в голосе отозвалась Гун Ямэй и обратилась к Сяоляну: — Лянлян, добро пожаловать в «Большую семью». Отныне бабушка и все эти дяди с тетями — твои родные, хорошо? Бабушка отлично разбирается в математике. Научу тебя считать.

— А я преподаю родную речь, — подхватил Юань Дун. — Могу научить мальчика читать и писать.

— Я умею петь и играть на гитаре! — весело воскликнула Ся Ци. — Буду учителем музыки!

— А я могу научить братика рисовать? — Фань Вэньцзин выпучила глазенки.

— Можешь хоть сейчас начать учить братика, — рассмеялась Фань Линь.

У Су Сяотун комок подкатил к горлу. Она принялась благодарить всех. Гу Лэй тем временем наполнил рюмку до краев:

— Поднимаю тост за всех вас! Спасибо!

Атмосфера вновь стала теплой и радушной. Фань Линь предложила:

— Ся Ци, раз уж зашла речь о музыке — исполни что-нибудь для наших новых друзей, пусть послушают твое чарующее пение!

— С удовольствием! — Жизнерадостная девушка, казалось, никогда никому не отказывает.

Она вышла и через минуту вернулась с гитарой. Устроившись на табурете, грациозно закинула ногу на ногу и лучезарно улыбнулась:

— Спою вам песню «Как много в этом мире людей»…

Нежные переливы гитары заполнили комнату, а бархатистый голос Ся Ци заструился:

Как много в мире лиц чужих,
Средь толп распахнутая дверь.
В глазах плескается рассвет,
Он навсегда со мной теперь…

Как много в мире лиц чужих,
Но друг у друга будем мы.
Задумчиво я вдаль гляжу,
На фоне дня, на фоне тьмы…

Вихрь разрывает ленту дней,
Не оставляя даже теней.
Хоть ясно вижу я твой силуэт,

Людей полно, а вот звуков нет[13].

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь звуками гитары и проникновенным пением Ся Ци. Су Сяотун ощутила, как звуки окутывают ее, — девушка пела настолько мастерски, что могла бы соперничать с профессиональными исполнительницами. Когда последний аккорд растаял в воздухе, все разразились искренними аплодисментами, и Су Сяотун, не сдерживая восхищения, тоже захлопала в ладоши.

Гун Ямэй украдкой промокнула глаза салфеткой.

— Ах, сестрица Ямэй, вы что, плачете? — Ся Ци тут же подбежала и обняла пожилую женщину за плечи. — Я разбередила ваши воспоминания? Если бы знала, выбрала бы песню повеселее…

Гун Ямэй ласково потрепала девушку по руке:

— Нет, ты пела так прекрасно, что я почувствовала настоящее счастье. Спасибо тебе, Ся Ци. Спасибо всем вам. Сегодня вы подарили мне ощущение семьи, которого мне так не хватало.

Ся Ци тоже растрогалась до слез, прижавшись щекой к щеке Гун Ямэй:

— Сестрица Ямэй, вы же знаете, что у меня нет

---

[13] Примечания: 13
Саундтрек к мелодраме «Любовь нас разлучит» (2021).

мамы… Хотя я называю вас сестрицей, но часто чувствую, что вы мне как родная мать.

— Будь у меня такая дочь, как ты, я бы сочла это за величайшее счастье…

— Но разве она у вас уже не появилась?

— Да… да, конечно. — Растроганная Гун Ямэй крепко обняла девушку.

— Эй-эй, вы что, мелодраму тут снимаете? — притворно возмутилась Ли Сюэли, смахивая непрошеную слезу. — Вот довели, теперь и я реветь хочу!

— Ну хватит сопли распускать, за дело! — Фань Линь взбодрила компанию. — Вечер-то какой! Жаль только, Лао Таня не хватает… Сюэли, ты его вообще предупредила?

— Еще как предупредила! — фыркнула Ли Сюэли. — Но у него сегодня дежурство, не смог.

— Лао Тань? — Су Сяотун повернулась к хозяйке дома. — Значит, есть еще кто-то, кого мы не видели? Он тоже наш сосед?

— Ну… можно и так сказать. Он живет неподалеку от нашего комплекса. Местный, в нашу «столовую коммуну» не входит, но… любит в свободное время пропустить по паре рюмашек, так что я часто его приглашаю.

— Чем он занимается? — поинтересовался Гу

Лэй.

— Полицейский. Следователь из убойного отдела.

7

Услышав слово «полицейский», Су Сяотун и Гу Лэй синхронно вздрогнули. Их лица на мгновение застыли. Глаза Гу Лэя неестественно расширились, но он тут же взял себя в руки. Су Сяотун, стиснув зубы, изобразила безразличие.

Ли Сюэли, не заметив их реакции, продолжила:

— Мы же все здесь приезжие, связей у нас никаких. Потому и решили подружиться с полицией. Но Лао Тань — человек удивительно душевный. Без чиновничьих замашек, простой в общении.

— Позвоню Лао Таню, — Фань Линь достала телефон, — узнаю, когда он освободится.

Раздались гудки, затем собеседник взял трубку.

— Еще на службе? У нас тут вечеринка в честь новоселов. Все в сборе, только тебя не хватает! Когда закончишь?

Выслушав ответ, она оживилась:

— В девять вечера? Отлично, ждем!

— Вот и замечательно! — Ся Ци захлопала в ладоши. — Теперь вся компания будет в сборе!

Последовал новый круг тостов. Су Сяотун, сославшись на слабое здоровье, пила мало и ка-

залась рассеянной.

Около половины десятого раздался звонок в дверь.

— А вот и Лао Тань! — крикнула Ли Сюэли и бросилась открывать.

В комнату вошел мужчина лет пятидесяти — добродушный, с округлым лицом и слегка полноватой фигурой. Поскольку он пришел прямо после работы, на нем еще была полицейская форма.

Как только он переступил порог, со всех сторон посыпались приветствия: «Лао Тань!», «Братец Тань!», «Братец Юн!».

Он начальственно помахал собравшимся и направился в столовую.

— Принес вам добавки к ужину. — Полицейский поставил на стол контейнер с тушеной говядиной, купленной в ближайшей мясной лавке.

— Ну что ты, опять за свое! — воскликнула Ли Сюэли. — Каждый раз, когда зовем, то вино притащишь, то закуску. Не надо так заморачиваться! — Она повернулась к новым гостям. — Лао Тань, познакомься — это семья, которая недавно переехала в наш комплекс: Гу Лэй, Су Сяотун и их сын Гу Сяолян. — Затем обратилась к супру-

гам: — А это Тань Юн, я вам о нем рассказывала. Офицер Тань.

— Здравствуйте. — Тань Юн первым протянул руку для рукопожатия.

Гу Лэй немедля пожал ее, Су Сяотун последовала его примеру.

Ли Сюэли усадила полицейского, поставила перед ним плошку, палочки и наполнила рюмку.

— У-у, «Улянъе»? — Тань Юн заметил бутылку, и бровь его поползла вверх. — Сегодня отмечаем с размахом!

— Давно нам не было так весело, — улыбнулась Ли Сюэли, призывая всех поднять бокалы. — Теперь, когда Лао Тань здесь, выпьем вместе!

Все встали, бокалы звонко стукнулись, и алкоголь плавно скользнул в глотки.

Тань Юн, устроившись поудобнее, повернулся к новичкам:

— Только переехали? Постоянную регистрацию оформили?

— В первый же день, — кивнул Гу Лэй, снова наполняя рюмку. — Офицер Тань, мы здесь новые люди, буду признателен за ваше покровительство. Позвольте поднять тост!

— Обойдемся без формальностей, зовите меня Лао Тань. — Тань Юн запрокинул голову и одним

глотком осушил рюмку.

— Видно, братец Тань тоже мастер выпить!

— Куда мне, — скромно отмахнулся он, — если только понемногу, без фанатизма.

После обмена любезностями полицейский поинтересовался, что привело супругов в Лиши. Су Сяотун повторила их историю. Узнав о состоянии Гу Сяоляна, Тань Юн тяжело вздохнул и ласково потрепал мальчика по голове.

Гости один за другим подходили с тостами. Полицейский и правда оказался крепким орешком: ни одну рюмку не оставил нетронутой. Пройдя весь круг, он даже не покраснел, лишь заметил с видом дегустатора:

— Такой напиток, как «Улянъе», залпом пить — настоящее кощунство. Изысканный вкус требует неторопливости.

Затем Тань Юн пустился в занимательные рассказы и быстро стал душой компании. Как и говорила Ли Сюэли — человек он удивительно простой.

Веселье продолжалось до десяти вечера, пока Су Сяотун не объявила, что ребенку пора спать, и собралась уходить.

— Вы же живете со мной на одном этаже, — попыталась уговорить их Ли Сюэли. — Уложите

малыша и возвращайтесь!

— Точно! — подхватил Ван Синсин, игриво подмигнув. — У нас же вторая смена начинается!

— Вторая смена?

— Мы у Сюэли частенько до утра зависаем: кино, карты, игры. Я как раз новенький ужастик скачал. Будет жуть как страшно!

— Ой, только не ужастики…

— Если боитесь, можно что-то другое включить.

— Спасибо, но мы пас. Приятного вечера!

— Ты тоже уходишь? — Фань Линь повернулась к Гу Лэю.

Гу Лэй, хоть и вошел во вкус застолья, встретился взглядом с Су Сяотун — и мгновенно прочитал в ее глазах невысказанное.

— Простите, друзья, — поднял он руки в извиняющемся жесте, — надо малыша искупать. Как-нибудь в другой раз наверстаем.

— Ладно-ладно, примерный семьянин. — Фань Линь махнула рукой. — Отдыхайте, все равно теперь часто будем собираться.

Пара еще раз попрощалась и вышла, держа Сяоляна за руки.

Алкоголь явно развязал Гу Лэю язык. Едва закрылась дверь их квартиры, как он, не в силах

сдержать восторга, затараторил:

— Ну разве не чудесные соседи? Мы тут всего несколько дней, а уже столько друзей завели! Теперь в Лиши точно не заскучаем. Особенно повезло с учителями — сами захотели заниматься с Сяоляном! Чтение, арифметика, даже музыка… Почти как настоящая школа. Еще лучше, чем спецучреждение. Ты же согласна?

Су Сяотун лишь равнодушно промычала «угу», погруженная в свои мысли.

— Кстати, как тебе предложение Ли Сюэли? — не унимался Гу Лэй.

— Насчет совместных ужинов?

— Ну да! Полторы тысячи в месяц на троих — более чем выгодно.

— Гу Лэй, ты пьян? — Су Сяотун пристально посмотрела на него.

Тот замер на мгновение:

— Да нет, я вполне трезв.

— Тогда отведи Сяоляна в ванную, — коротко бросила она, переводя взгляд на сына.

Гу Лэй послушно кивнул и увел мальчика купаться. Через пятнадцать минут они вернулись, и Су Сяотун, как обычно, прочла сыну сказку на ночь. Дождавшись, когда ребенок уснет, она жестом подозвала мужа в гостиную и плотно

прикрыла за собой дверь спальни.

— Гу Лэй, нам нужно поговорить.

— О чем?

— С завтрашнего дня никаких контактов с этими соседями. Никаких совместных ужинов у Ли Сюэли. Минимум общения.

— Что? Почему?

— Мне правда нужно объяснять? — Ее зрачки расширились в темноте. — Среди них есть полицейский.

Муж рассмеялся:

— Ну и что? Он же не знает о твоем… прошлом. Да и зачем ему в нем копаться?

— По мере общения с человеком ты рано или поздно узнаешь всю его подноготную. — Ее шепот стал резким, как лезвие. — А сегодня я увидела — они все любят выпить, и ты с ними на одной волне. Сегодня я тебя вытащила, но в следующий раз расслабишься… И тогда одна неосторожная фраза — и все. Что прикажешь нам делать?

— Это невозможно! Да, я люблю застолья, но всегда контролирую себя. Разве ты хоть раз видела, чтобы я болтал лишнего?

— На выпускной вечеринке, когда напился, разве ты не объявил при всех о своих чувствах ко мне?

— Ты… ты знала об этом?

— Мне передали. Хотя сама я при этом не присутствовала.

— Ну… это же не болтовня. Скорее исповедь.

— Именно. Как говорится, что у трезвого на уме… Теперь понимаешь, чего я боюсь?

— Сяотун, клянусь! Даже в стельку пьяный, я никогда… Это не какие-то пустяки. Я что, совсем рехнулся, чтобы…

— Не произноси этого вслух! Сколько раз говорить — никогда не произноси этого вслух!

Су Сяотун бросила сердитый взгляд на мужа, и тот сразу же закрыл рот.

Возникшая пауза давила на них, пока Гу Лэй не сказал:

— Сяотун, задумывалась ли ты… Сегодня мы прекрасно влились в компанию. Если с завтрашнего дня мы вдруг начнем избегать соседей, это вызовет подозрения. Особенно у того полицейского. Мы и так ушли сразу после его прихода, а теперь и вовсе перестанем общаться? Это же кричаще неестественно! Он даже не думал нас проверять, но после такого…

Су Сяотун молчала, но внутренне признавала его правоту. Резкая отстраненность вправду выглядела бы подозрительно. После долгого раз-

думья она кивнула:

— Ладно. Будем поддерживать обычное общение, но без фамильярности. От совместных ужинов откажемся. — Она подняла взгляд и еще раз подчеркнула: — И запомни: на всех последующих посиделках ты контролируешь дозу. А когда скажу уходить, уходим. Без обсуждений.

— Да когда я тебя не слушался? — рассмеялся Гу Лэй.

Глава вторая. «Несчастливая» квартира[14]

[14] Примечания: 14

Так на китайском называется квартира, в которой кто-то умер насильственной смертью.

1

Су Сяотун проснулась в четыре утра от желания сходить в туалет и обнаружила, что мужа и сына нет рядом. Заглянув в гостевую спальню, она застала обоих спящими на кровати.

— Почему вы тут? — разбудила она Гу Лэя, тряхнув его за плечо.

Тот, потирая глаза, пробормотал:

— Сяолян снова описался. Пришлось его искупать, переодеть и перенести сюда.

— Бедный ты мой…

— Пустяки. Только не ложись на его сторону — там еще мокро. Утром поменяю постельное.

Кивнув, Су Сяотун вернулась в спальню.

Она проспала до десяти. Выйдя в гостиную, увидела сына, увлеченно возившегося с игрушками. Гу Лэй, как обычно, приготовил завтрак и позвал ее к столу, а сам отправился менять испачканные простыни. Затем удалился в гостевую спальню — разрабатывать логотип и вывеску для местного ресторана. К одиннадцати он прервал работу и начал готовить обед.

Наблюдавшую за его хлопотами Су Сяотун кольнула совесть.

— Ладно, — наконец сдалась она, — пусть будет по-твоему.

Гу Лэй нарезал овощи, когда услышал ее слова.

— Что?

— Насчет совместных ужинов у Ли Сюэли.

— Но ты же была против?

— Не хочу, чтобы ты так уставал.

Уголки его губ дрогнули.

— Сяотун, я рад, что ты заботишься обо мне.

— Ты мой муж. Это естественно.

— После таких слов я готов горы свернуть. — Он отложил нож, его глаза сияли. — Ты точно уверена?

— Да. — Она кивнула. — И ты был прав: Сяоляну нужно общение. Это хорошая возможность.

— Вчера за ужином я и правда ощутил себя частью семьи.

— Тогда сегодня я поговорю с Ли Сюэли.

— Отлично!

В три часа дня Су Сяотун постучала в дверь соседки. Ли Сюэли сразу согласилась и после перевода полутора тысяч юаней добавила ее в чат «Большая семья» к вчерашним гостям.

— Сестрица Ли, теперь у тебя будут столоваться двенадцать человек, не считая Лао Таня, — подсчитала Су Сяотун. — Ты справишься с ужином

на такую ораву?

Хозяйка задумалась.

— Раньше было восемь взрослых и один ребенок. Теперь десять взрослых и двое детей. Детям нужно готовить отдельно, им сильно острое нельзя… Возможно, будет тяжелее.

— Может… — Су Сяотун смутилась.

— Ты ведь не работаешь? Помогала бы мне с готовкой.

— Я не умею готовить, да и с сыном нужно заниматься…

— Никто не рождается с этим умением! Я тоже училась по рецептам. Хочешь — просто подавай ингредиенты, заодно научишься паре блюд. А сына бери с собой! Я с радостью помогу присмотреть за ним. Кстати, Фань Линь каждый день около пяти забирает свою дочь Вэньцзин и приводит сюда. Как здорово будет детям играть вместе! Разве ты не слышала, как Вэньцзин говорила, что хочет научить Сяоляна рисовать?

Эта мысль показалась Су Сяотун разумной. Ее замкнутому сыну действительно не хватало общения, да и Гу Лэй смог бы спокойно работать. Два в одном.

— Хорошо, — поддалась она на уговоры. — Начнем с завтрашнего дня… хотя нет, сегодня

же. Я буду приводить Сяоляна и помогать тебе с готовкой.

— Чудесно! — Ли Сюэли захлопала в ладоши. — Беги скорее. Я обожаю, когда вокруг кипит жизнь!

Вернувшись домой, Су Сяотун рассказала о своем решении мужу.

— Не ожидал, что ты захочешь учиться готовке, — удивился Гу Лэй; его глаза засияли. — Я и не мечтал, что когда-нибудь попробую блюда твоего приготовления.

— Ли Сюэли велела начинать с азов. Придется подождать.

— Я подожду сколько угодно!

— Тогда занимайся работой, а я заберу Сяоляна.

— Хорошо, не забудь его игрушки и раскраски. Если что, я рядом. Вот они — преимущества жизни на одном этаже!

Су Сяотун кивнула и спросила сына, хочет ли он пойти к тете Ли. Как обычно, мальчик не выразил явного согласия, но и не отказался. Собрав вещи сына, она повела его к соседке.

Потом Ли Сюэли учила Су Сяотун чистить и правильно резать овощи. Женщины болтали, готовили, иногда отвлекаясь на детей. Для Су Сяо-

тун это был совершенно новый опыт — подарок их жизни в Лиши.

— Кстати, сестрица Ли…

— Ой, да брось ты! Я всего на год старше. Зови меня просто по имени.

— Ладно… Сюэли, скажи, а ты сейчас не работаешь?

— Нет. И следующий вопрос: на что живу, верно?

— Угу…

— Я купила торговую палатку. Сдаю ее в аренду, — объяснила Ли Сюэли, ловко шинкуя лук. — Арендной платы хватает на скромную жизнь.

— Как практично… А кто еще из нашей «Большой семьи» не работает?

— Гун Ямэй, конечно. Она уже на пенсии. Юань Дун хоть и не преподает, но получает базовую зарплату от школы, плюс родители помогают. А Шэнь Фэнся полностью посвятила себя уходу за ним.

— Почему же они не помогают тебе с готовкой?

— Отсутствие работы не значит безделье. Гун Ямэй часто волонтерит в доме престарелых, ухаживает за одинокими стариками. Говорит, это наполняет ее жизнь смыслом. А Юань Дун

каждый день под присмотром Шэнь Фэнся делает упражнения. Вылечить его нельзя, но можно хотя бы замедлить прогрессирование болезни.

Су Сяотун покивала с пониманием.

В начале шестого Фань Линь привела дочь после школы. Увидев Гу Сяоляна, Вэньцзин тут же заявила, что будет учить его рисовать. Девочка устроила импровизированный урок за журнальным столиком в гостиной, показала, как изображать солнце, облака и траву. Трогательная сцена заставила женщин улыбнуться.

К шести вечера собрались все: Ван Синсин, Гун Ямэй, Ся Ци, Юань Дун с Шэнь Фэнся, Хань Лэй и Гу Лэй. Ли Сюэли и Су Сяотун как раз закончили готовить. Хотя основную работу проделала хозяйка дома, гости наперебой хвалили Су Сяотун. Особенно усердствовал Гу Лэй.

— Просто объедение! — постоянно восторгался он, и компания дружно смеялась над его энтузиазмом.

После ужина трудолюбивая Шэнь Фэнся, как всегда, взялась за мытье посуды. Тем временем Юань Дун достал купленные заранее детские карточки с картинками и терпеливо начал учить Гу Сяоляна читать.

Ли Сюэли тем временем организовала партию

в маджонг[15]. В ее гостевой комнате стоял автоматический стол. Обычно играли Гун Ямэй, Ся Ци, Шэнь Фэнся, Фань Линь и сама хозяйка.

— Ты умеешь? — спросила она Су Сяотун.

Получив отрицательный ответ, Ли Сюэли с улыбкой воскликнула:

— Как же ты научишься, если не попробуешь?

Су Сяотун, уже освоившая столько новых навыков за последние дни, с легкостью согласилась. Она устроилась рядом, наблюдала и постигала правила игры. Дети играли вместе. В компании младшей девочки особенности Сяоляна были почти незаметны. Ван Синсин увлеченно рубился в мобильную игру. Шэнь Фэнся чистила и нарезала фрукты на аккуратные кусочки и подавала их на шпажках. Юань Дун щелкал семечки, изредка обсуждая с Гу Лэем недавние новости. Из комнаты доносился веселый смех и азартные возгласы женщин за маджонгом…

Возможно, остальные и привыкли к такой жизни, но идиллическая картина наполнила сердце Су Сяотун теплом.

Словно сейчас праздник Весны. В ее воспоминаниях лишь в канун Нового года царила подобная

---

[15] Примечания: 15

Маджонг — традиционная китайская настольная игра с костями-фишками. Входит в список нематериального культурного наследия Китая.

атмосфера уюта и веселья. Такой жизни, наверное, желает каждый.

Переезд сюда оказался правильным решением. Полностью порвав с прошлым, они не просто начали новую жизнь, но и обрели то, о чем большинство только мечтает.

Эти мысли переполняли ее. Увы, всего через десять с небольшим дней все изменилось…

2

Ранним утром, спустя две недели, Су Сяотун зашла в кабинет, где Гу Лэй работал над дизайн-проектом.

— Тебе это не кажется странным? — спросила она, облокотившись о дверной косяк.

— Что именно? — Муж оторвался от монитора.

— Прошло больше десяти дней с тех пор, как мы познакомились с Ли Сюэли. И я заметила — у нее почти каждую ночь кто-то засиживается до утра. То пьянки до пяти часов, то маджонг до рассвета, то настолки, а то и ночные киномарафоны. Но вчера было страннее всего… Когда компания не набралась, Ли Сюэли уговорила Ван Синсина принести ноутбук к ней и играть в ее гостиной до утра. Говорят, даже пожарила ему шашлычки в два часа ночи.

— Так тебя беспокоит то, что она может не спать ночами, или то, что происходит между ней и Ван Синсином?

— Ни то ни другое. Ли Сюэли относится к Ван Синсину как к ребенку — никакой романтики. Да и их отношения меня не касаются. Что до ночных посиделок — сама Ли Сюэли часто просто ложит-

ся спать, но настаивает, чтобы другие оставались у нее до утра. Разве это нормально?

— Возможно, она просто очень гостеприимна или боится одиночества.

Су Сяотун покачала головой:

— Тогда почему не выйдет замуж? Ей всего тридцать шесть, она привлекательна, есть своя квартира и стабильный доход, готовит прекрасно. Найти мужа не должно быть проблемой.

— Верно… Ты не спрашивала, была ли она в браке? Или почему предпочитает оставаться одной?

— Я не любительница сплетен. Мне неудобно спрашивать о личном.

— Но это же не просто любопытство, а забота о подруге.

Подумав, она согласилась:

— Сегодня попробую выведать ненароком.

В три часа дня, как обычно, Су Сяотун привела Сяоляна к Ли Сюэли. Та объявила, что на ужин будет корейское барбекю, и продемонстрировала необходимые ингредиенты:

— Свиная грудинка, говядина, куриные крылышки, бекон, тофу, рисовые пирожки… Главное в корейском барбекю — соус и кимчхи. Все говорят, что мое барбекю даже лучше ресторанного!

— Конечно, — кивнула Су Сяотун. — Многие

твои блюда превосходят ресторанные.

— Ха-ха! Правда?

— Абсолютно. — Воспользовавшись моментом, Су Сяотун осторожно спросила: — Родные наверняка тоже обожают твою стряпню?

— Разве не вы мои родные? — улыбнулась Ли Сюэли.

— Я имела в виду твоих родителей или мужа. Кстати, Сюэли, ты была замужем?

— Нет, — отрезала Ли Сюэли.

— Почему?

— Не встретила подходящего человека. Сейчас найти надежного мужчину непросто. — Она сменила тему: — Я нарежу мясо, а ты помоешь салат и почистишь чеснок, хорошо?

— Ага…

«За таким уклончивым ответом явно что-то кроется, — подумала Су Сяотун. — Иначе Сюэли не сменила бы тему так быстро». Но настаивать она не рискнула.

К вечеру Ли Сюэли подготовила не только мясо, но и два ящика пива — очевидно, рассчитывала устроить шумную вечеринку. Как обычно в такие дни, появился Лао Тань. За эти недели Су Сяотун научилась общаться с полицейским без напряжения. Как верно заметил Гу Лэй, добродушный

офицер вряд ли станет копаться в их прошлом без причины.

А даже если попробует — правду он не узнает. Поводов для беспокойства нет.

Ужин прошел в привычной оживленной атмосфере. Мясо, приготовленное Ли Сюэли, получилось восхитительным. Веселье продолжалось до десяти вечера, после чего началась традиционная игра — маджонг, в котором участвовали пять женщин.

Пока остальные продолжали партию, Фань Линь вышла на балкон покурить. Су Сяотун последовала за ней, прикрыв за собой стеклянную дверь.

— Будешь? — Фань Линь протянула ей сигарету.

— Нет, я не курю, — ответила Су Сяотун. — Ты не пьяна? Хочу поговорить.

— Кроме крепкого алкоголя, меня уже мало что может опьянить, — усмехнулась Фань Линь. — Да и я все-таки мать — не могу позволить себе напиваться. О чем хотела поговорить?

— Меня кое-что смущает.

— И что же?

— Я заметила, что у Сюэли почти каждую ночь кто-то засиживается до утра. Даже если она сама

не бодрствует, все равно приглашает людей оставаться допоздна. Ты не знаешь почему?

Фань Линь облокотилась на перила балкона, отвела взгляд и, затянувшись, ответила:

— Сюэли просто очень гостеприимна, любит компанию и веселье. Разве ты за это время не поняла?

— Да. Но я встречала любителей повеселиться. Моя бывшая коллега каждую ночь пропадала в клубах. Но потом она все равно возвращалась спать. Честно говоря, я никогда не видела, чтобы кому-то требовалось круглосуточное общество. Это… ненормально.

Фань Линь затушила сигарету о плитку и швырнула окурок вниз. Несколько секунд она изучающе смотрела на Су Сяотун, затем произнесла:

— Если начистоту, я не уверена, что стоит рассказывать тебе правду.

— Правду? Значит, здесь все же кроется какая-то тайна?

Фань Линь кивнула.

— Только учти: если я расскажу, это может испортить тебе настроение. Ты точно хочешь знать?

Су Сяотун подумала и кивнула.

— Ладно. Дело в том, что эта квартира «несчастливая».

— Что?! — удивленно вскрикнула Су Сяотун.

— Тише! — Фань Линь схватила ее за руку.

Су Сяотун бросила взгляд в гостиную: Гу Лэй, Лао Тань, Ван Синсин и Юань Дун все еще пили и разговаривали, а Шэнь Фэнся сидела рядом с ними. Казалось, никто не слышал их разговора.

— Значит, не все об этом знают? — спросила она.

— Да. Я мало кому рассказывала. Кроме самой Ли Сюэли, наверное, только Хань Лэй, Гун Ямэй и Ся Ци в курсе.

— А как узнала ты?

— Я работаю в сфере туризма. Через меня каждый день столько людей проходит, так что информацию я получаю быстрее других. Мне рассказал знакомый — владелец местного агентства недвижимости, — когда услышал, что я часто бываю у Ли Сюэли.

— Что именно произошло? Ведь «несчастливыми» считаются только места, где кто-то умер неестественной смертью, верно?

— Верно. Два года назад здесь случилось странное убийство. — Фань Линь пристально посмотрела на нее. — Ты уверена, что мне стоит

продолжать? Тебе не страшно?

От ночного ветерка по коже Су Сяотун пробежал озноб, а тема разговора лишь усилила его. К счастью, яркий свет в гостиной и присутствие множества людей немного развеяли ее страх.

— Раз уж начали, давай продолжать.

— Хорошо. Два года назад здесь снимала квартиру молодая женщина. Она жила одна, ни с кем не общалась. Никто не знал, чем она занималась. Пока однажды хозяйка не обнаружила, что квартирантка перестала платить за аренду и отвечать на звонки. Она вызвала полицию и вместе с офицерами пришла проверить жилье. И знаешь, что они обнаружили? — Фань Линь сделала театральную паузу.

— Что ее убили?

— Не сразу. Сначала они ничего не нашли. Даже следов крови. Пока полиция не открыла холодильник… Там были части ее тела. Представь: одинокая женщина, зверски убитая и расчлененная. Кто мог такое совершить? Лично у меня два варианта: либо убийца испытывал к ней лютую ненависть, либо он психопат.

Ледяной холод пронзил Су Сяотун до костей. Она сжалась в комок, широко раскрыв испуганные глаза. Прошло несколько мгновений, прежде

чем она смогла выговорить:

— И… полиция нашла убийцу?

— Нет. — Фань Линь мрачно покачала головой. — И это самое жуткое. Полиция до сих пор не знает, кто это сделал. Как конкретно проводилось расследование — мне неизвестно. Но мой знакомый говорил, что, раз убитая жила одна, родных и друзей в городе у нее не было, да и учитывая, сколько времени прошло до обнаружения тела… Короче, это висяк. — Она замолчала, затем добавила: — А еще… не знаю, стоит ли продолжать…

— После всего сказанного? Говори уж!

— Ладно. Хотя это может напугать тебя еще сильнее, но ты должна знать. Мой знакомый предупредил: полиция хоть и не поймала убийцу, но по всем признакам считает, что им мог быть кто-то из жильцов комплекса. И… есть вероятность, что этот человек до сих пор здесь живет.

По спине Су Сяотун пробежали мурашки. Заметив ее побледневшее лицо, Фань Линь поспешила ее успокоить:

— Ну, дорогая, не переживай так. Прошло уже два года, и с тех пор здесь больше не было убийств. Это означает две вещи: во-первых, убийца не маньяк — у него был конкретный мотив, поэтому случайным людям ничего не угрожает. Во-вто-

рых, возможно, он уже давно съехал отсюда. Как бы там ни было, тебе не о чем беспокоиться.

— А если он не уехал? — Голос Су Сяотун дрожал. — Если он до сих пор среди нас?

— Я же сказала — даже если так, он больше не убивал.

— А Ли Сюэли знала? Когда покупала эту квартиру…

— Конечно нет! — Фань Линь фыркнула. — Ты думаешь, она сумасшедшая, чтобы покупать проклятое жилье? Да еще будучи одинокой женщиной! После случившегося квартиру нельзя было сдать. Хозяева и сами боялись здесь жить, вот и выставили на продажу. Местные знали про убийство и обходили квартиру стороной. Так приезжая Ли Сюэли, ничего не подозревая, стала ее «счастливой» обладательницей. Она потратила все сбережения, — продолжила Фань Линь, — плюс вложилась в ремонт. Но когда правда всплыла, было уже слишком поздно.

— Почему «слишком поздно»? Он могла же снова ее продать…

— Теоретически — да. Но Ли Сюэли совершила глупость. Прости за прямоту, но это действительно так.

— Какую еще глупость?

— Когда Ли Сюэли поняла, что приобрела «несчастливую» квартиру, то дико разозлилась и устроила разборки с агентством по недвижимости и бывшими владельцами, а потом и вовсе в суд на них подала. В результате суд вынес решение: нет такого закона, который запрещал бы продавать и покупать подобные квартиры, более того, риелторы заявили, что сами ни о чем не догадывались. Суд Ли Сюэли проиграла. Самое паршивое: изначально многие знали, что где-то на территории жилого комплекса произошло убийство, но не знали, кого убили, а после этой шумихи все оказались в курсе того, что несчастье случилось в нашем подъезде, в квартире двенадцать ноль три.

— То есть если бы она не подняла шумиху, а, как прежние хозяева, втихаря выставила жилье на продажу в интернете, то вполне могла бы избавиться от квартиры?

— Именно. После проигрыша в суде Ли Сюэли попыталась продать квартиру по бросовой цене. Но к тому моменту все уже знали о ее репутации. Кто купит проклятое жилье? Объявление висело месяцами. В конце концов она смирилась. Может, время притупило страх. Но чтобы совсем? Не верю. Теперь ты понимаешь ее навязчивое

гостеприимство? Почему она умоляет людей оставаться у нее до рассвета?

— Да… Но почему бы не выйти замуж? Появится мужчина в доме — и страхи уйдут.

— Ты думаешь, сейчас найти надежного мужика так просто? Вспомни вот моего бывшего муженька.

— Ли Сюэли тоже так говорила… Но что-то мне подсказывает, отсутствие подходящей партии — не основная причина.

— Это точно. После переезда в Лиши у нее было несколько кандидатов, но они или уж совсем не подходили, или узнавали, что Сюэли приобрела «несчастливую» квартиру, и отказывались жить вместе с ней. Нынче мужики не ахти какие смелые.

— А как же вы? Вы ведь вчетвером — ты, Гун Ямэй, Ся Ци и Хань Лэй — знаете, что квартира «несчастливая», но таскаетесь сюда каждый день и даже играете в маджонг всю ночь. Неужели вам не страшно?

— Это ведь не моя квартира, так что уже полегче. Кроме того, здесь так много людей. А если их будет еще больше, то и страх как рукой снимет.

— И то правда…

— Но нельзя сказать, чтобы нам было все равно

или мы совсем не боялись. Заметила буддийские четки на руке Гун Ямэй? Они из красного дерева, якобы отгоняют злых духов. С тех пор как я рассказала Ямэй о случившемся, она надевает четки каждый раз, когда собирается в гости к Сюэли.

Су Сяотун слегка кивнула, и вдруг ее осенило.

— А как же Лао Тань? Он ведь полицейский. Наверняка знал об этом деле?

Фань Линь бросила взгляд в гостиную, где Тань Юн мирно беседовал с другими:

— Не просто знал. Два года назад он возглавлял расследование этого убийства.

— Значит… Тань Юн так и не раскрыл дело и теперь его это гложет? Поэтому он постоянно приходит сюда под предлогом вечеринок… чтобы вести тайное расследование?

— Может, и так, я не в курсе. Мы его не спрашивали, вопрос деликатный. Но, по правде говоря, я не понимаю, какое тут может быть тайное расследование. После переезда Ли Сюэли обновила ремонт, поменяла всю мебель и бытовую технику, да и почти все члены «Большой семьи» переехали в жилой комплекс уже после случившегося. Что тут еще вынюхивать? — Фань Линь пожала плечами.

Су Сяотун задумалась на мгновение.

— Есть и другой вариант. Ты же сама только что сказала: убийца, возможно, до сих пор обитает в нашем доме. Именно поэтому Лао Тань, ведущий дело, так часто здесь появляется. Даже если сразу поймать преступника не удалось, регулярное присутствие полиции хотя бы сдерживает его.

— Кто ж его знает. Лао Тань и правда исключительно добросовестный полицейский. Наверное, он рассуждает так: даже если не удается схватить убийцу, нужно по меньшей мере обеспечить безопасность остальных жильцов и предотвратить повторение трагедии.

Су Сяотун нерешительно добавила:

— Но даже если новых убийств не происходит, факт остается фактом: это «несчастливая» квартира.

— Эй, ты что, после моих откровений теперь боишься приходить к Ли Сюэли?

— Не знаю… Мне нужно подумать и посоветоваться с Гу Лэем.

— Только не вздумай перестать сюда приходить! Я тогда буду жалеть, что рассказала тебе обо всем.

Су Сяотун замолчала, и Фань Линь добавила:

— Тебе правда не стоит так переживать. Повторю еще раз: это случилось два года назад. К тому

же мы всегда здесь вместе — чего бояться? Ты ведь не останешься одна в этой квартире.

— Но днем я прихожу сюда помогать Ли Сюэли готовить, и в это время в квартире только мы вдвоем… Нет, точнее, еще мой сын Сяолян.

— Ну вот, уже трое, да еще и средь бела дня. Если ты и так боишься, представь, каково Сюэли? Она ведь часто здесь совсем одна.

Су Сяотун кивнула и вздохнула:

— Эх этот жилой комплекс с видом на Юэхай… Раньше он казался мне таким прекрасным, а теперь впечатление подпортилось.

— Зря я рассказала тебе! — раздраженно упрекнула ее Фань Линь. — Надо же, какая ты впечатлительная! Больше никогда ничего тебе не скажу!

— Подожди… Мне просто нужно время, чтобы все переварить.

— В общем, смотри не болтай об этом. И не подавай виду, что боишься. Сможешь?

— Хорошо. — Су Сяотун глубоко вздохнула и взяла себя в руки. — Я поняла.

3

В одиннадцать часов Су Сяотун, сославшись на то, что сыну пора отдыхать, отправилась с Гу Лэем и Гу Сяоляном домой. Сегодня Гу Лэй отлично провел вечер — он постепенно сблизился с соседями, расслабился и хорошо поладил с Лао Танем. Оба оказались фанатами футбола, и за разговором о последних матчах Лиги чемпионов обнаружили немало общих тем. Да и выпить мужчины были не прочь, что еще больше сократило дистанцию между ними.

Искупав сына и уложив его спать, Су Сяотун решила рассказать Гу Лэю о том, что сегодня вечером поведала ей Фань Линь. Она вскипятила воду, заварила чай, чтобы Гу Лэй протрезвел, и наконец перешла к новостям:

— Знаешь, Фань Линь сегодня сообщила мне кое-что ужасное.

— Что именно?

— Квартира Ли Сюэли… «несчастливая», там произошло убийство. Два года назад…

Су Сяотун подробно поделилась с Гу Лэем всем, что узнала. Она ожидала, что он отреагирует так же, как и она, — выражением ужаса на лице.

Однако Гу Лэй лишь произнес:

— А-а, так вот в чем дело. Теперь понятно, почему цены на квартиры в этом комплексе были такими низкими, когда мы смотрели объявления в интернете.

— И это все? — Су Сяотун уставилась на него.

— А чего ты ждала?

— Наша соседка по этажу живет в квартире, где произошло убийство, а мы каждый день ходим туда ужинать! Тебе не жутко от этой мысли?

— Но ты же сама сказала, что это произошло давно. Да и Ли Сюэли после переезда сделала ремонт, так что нынешняя квартира вряд ли имеет что-то общее с местом преступления.

— Но квартира-то та же.

— Если уж на то пошло, то еще с древних времен сохранилась куча мест, где кто-то умирал, где происходили убийства. Чем же эта квартира такая особенная?

— Это совсем другое! Не надо приплетать древность! Убийство ведь случилось всего два года назад.

— Но с тех пор ничего подобного не повторялось, верно? К тому же сейчас там так уютно и оживленно, полицейские регулярно приходят на наши посиделки… Чего бояться? Разве ты ощу-

щала что-то неладное, пока не поговорила с Фань Линь? — попытался утешить жену Гу Лэй. — Значит, это чисто психологический эффект. Не стоит придавать ему значения.

— Ты так говоришь просто потому, что боишься, как бы я из-за беспокойства не отказалась ходить к Ли Сюэли и тебе негде стало пить? — Су Сяотун пристально посмотрела на мужа.

— Не только поэтому… Просто мне кажется, что терять столько друзей и замечательную «Большую семью» из-за подобной ерунды — крайне неразумно.

— Неужели ты серьезно считаешь, что ежедневные посиделки в «несчастливой» квартире — это ерунда? — Голос Сяотун дрогнул. — Не забывай, убийцу до сих пор не поймали. Даже полиция подозревает, что преступник — кто-то из жителей нашего комплекса.

— Это всего лишь догадки полиции. К тому же главное, чтобы убийца не оказался среди «Большой семьи».

Эти слова должны были успокоить Су Сяотун, но она вдруг резко изменилась в лице. Гу Лэй поспешно добавил:

— Эй, ты ведь на самом деле не думаешь, что убийца может быть среди наших? Фань Линь же

говорила, что все они поселились здесь уже после убийства, так что это совершенно исключено!

— Она сказала — «почти все» переехали после убийства. Значит, некоторые жили здесь и до того. А значит, они могли…

Гу Лэй резко прервал ее:

— Сяотун, ты много надумываешь. Ну скажи, кто из нашего круга хоть сколько-нибудь похож на убийцу?

— А убийцы носят табличку «преступник» на лбу, что ли? — горько усмехнулась она.

— Конечно не носят. Но у людей же есть шестое чувство. Разве можно совсем не ощущать опасность, если перед тобой маячит угроза?

Су Сяотун раздраженно вздохнула:

— Мы переехали в Лиши именно для того, чтобы оставить позади тот дом в Цзинчжоу и наконец забыть *ту* историю. Думали, здесь найдем тихую гавань, а оказалось, у соседей произошло еще более жуткое убийство. Это что, судьба у меня такая? Почему, куда бы я ни попала, везде меня преследуют преступления?

— Сяотун, ты же просила меня не вспоминать *ту* историю, — помолчав, произнес Гу Лэй. — Давай и ты не будешь о ней говорить.

Несколько минут они молчали. Гу Лэй обнял

жену за плечи:

— Ладно, хватит переживать. Давай так: днем я возьму ноутбук и пойду с тобой и Сяоляном к Ли Сюэли. Вы займетесь готовкой, а я поработаю в гостиной и присмотрю за сыном. Договорились? Тогда даже днем в квартире нас будет четверо. Так уж точно не страшно, да?

Су Сяотун, поразмыслив, неохотно кивнула.

4

После ухода Гу Лэя Тань Юн не стал дальше пить. Завтра на работу. Нельзя ложиться слишком поздно, да и напиваться тоже не стоит. Покинув жилой комплекс, он поймал такси и уже через десять минут был у своего дома.

Тихо отперев дверь ключом, Тань Юн на цыпочках вошел в квартиру, чтобы не разбудить жену. В прихожей горел свет — она специально оставила включенной лампу.

Тань Юну исполнилось сорок семь лет. Его жена Доу Хуэй была на два года моложе. Раньше она работала на швейной фабрике, но в прошлом году предприятие столкнулось с трудностями и провело сокращения. Доу Хуэй попала в число уволенных. В возрасте за сорок найти новую работу оказалось крайне сложно, поэтому она открыла интернет-магазин и теперь продавала этническую одежду и поделки ручной работы. Доход выходил скромным, но это было лучше, чем ничего. Основные расходы семьи по-прежнему покрывала зарплата Тань Юна.

К счастью, их семнадцатилетняя дочь была очень сознательной. Тань Яли училась в вы-

пускном классе лучшей старшей школы Лиши и неизменно занимала первое место в рейтинге успеваемости. Причем обходилась без репетиторов — благодаря лишь природным способностям и упорству, за что и получила в школе звание «истинной отличницы». В вопросах учебы она никогда не доставляла родителям ни малейших хлопот.

Умывшись в ванной, Тань Юн приоткрыл дверь спальни и увидел, что ночник все еще горит, а Доу Хуэй лежит в постели, уткнувшись в телефон.

— Уже почти двенадцать, почему еще не спишь? — с легким упреком сказал он. — Я же просил меня не ждать.

— Без тебя не могу уснуть, — ответила жена.

— Да почему?

— Ты же опять пил в той «несчастливой» квартире. Как мне не волноваться?

— Да где она «несчастливая»? Хватит уже! Несколько лет прошло.

— Какие «несколько»? Всего два года. И разве я не права? Разве это не проклятое место?

Тань Юн снял форму и забрался под одеяло.

— Я же полицейский — о чем тебе беспокоиться? Да и на этих посиделках всегда человек десять-пятнадцать.

— Как-то неловко, что полицейский постоянно ходит по чужим домам ужинать, — проворчала Доу Хуэй.

— Ну какое «ужинать»? Я всегда приношу выпивку и закуски! Сегодня, например, взял с собой утку по-пекински.

— Вот как, пируете! А обо мне ты подумал? Я весь вечер просидела на рисе да соленых овощах.

— Эй, да сколько раз тебя приглашали! — Тань Юн фыркнул. — Сам бы рад, если б ты со мной ходила, но ты же твердишь: «Проклятое место, не пойду!»

— Ну потому что так и есть! Как можно ужинать там, где такое случилось?

— Совершенно спокойно. Так что это твои тараканы, а не мои.

— Я на тебя не в обиде, Лао Тань. Знаю, ты любишь выпить, а у меня аллергия на крепкое спиртное — не могу составить тебе компанию. Мужчине нормально пропустить пару рюмок с друзьями. Но почему нельзя найти другое место, кроме этой злосчастной квартиры?

— Ты ведь понимаешь почему? — Тань Юн пристально посмотрел на жену.

— Понимаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Но прошло уже два года. Тебе пора отпустить эту ситуацию. Да, расследование вел ты, но не твоя вина, что дело застопорилось. Уже даже начальник управления и командир о нем думать забыли. Зачем так цепляться? Будто именно ты должен его раскрыть.

— Потому что это мой долг. Я следователь по особо важным делам. Привлечь преступника к ответу — моя обязанность. Начальство занято другими делами, это расследование поручили мне. Пока убийца на свободе, мне не будет покоя.

— И что, постоянные посиделки в той квартире помогут раскрыть дело? Если бы там были улики, вы бы их уже обнаружили. Разве стали бы ждать до сих пор?

Тань Юн замолчал, потом пробормотал:

— Да… Я знаю. Если бы дело можно было раскрыть, это сделали бы давно. Но я просто… не могу смириться. Сам не понимаю почему, но меня тянет в тот жилой комплекс — все кажется, еще найду что-то. Когда Ли Сюэли только переехала и узнала, что купила «несчастливое» жилье, она была в ужасе. Увидев меня в форме, стала специально приглашать в гости, собирать соседей на ужины… Мне ее было жаль. Я подумал, что мое

присутствие хотя бы вернет ей покой. Постепенно это вошло в привычку. Теперь они всегда зовут меня на свои посиделки. Как мне поступить? Если перестану ходить — это же будет знаком, что полиция махнула на все рукой. А убийца-то все еще на свободе… Скажи, разве ты могла бы спокойно жить в таком месте?

— Лао Тань, я знаю, у тебя доброе сердце. Ты думаешь: «Раз не поймал убийцу, то хотя бы своим присутствием дам жильцам этого комплекса чувство безопасности». Поэтому даже после работы или в выходные приходишь туда в форме. Но вы и так провели обстоятельное расследование, к тому же прошло уже два года. Разве продолжать копать не значит тратить силы впустую?

— Я же говорил — для меня это незаживающая рана. Пока ее не залечу, всегда буду одержим этим делом.

— Да когда же ты перестанешь биться головой о стену! — вспыхнула Доу Хуэй.

Тань Юн посмотрел на жену. Он колебался, но произнес:

— Есть кое-что, о чем я тебе не рассказывал.

— Что еще?

— Прежняя хозяйка… та самая старушка, сдававшая металлолом и макулатуру… Когда мы

обнаружили тело в холодильнике, она умоляла нас с коллегами не разглашать, в какой именно квартире произошло убийство. Из жалости к ней я согласился. В итоге большинство так и не узнало правду. Старуха ловко всех провела, продала жилье, а Ли Сюэли, приéзжая, угодила в ловушку.

Доу Хуэй начала понимать:

— Значит, ты считаешь, что она купила эту квартиру отчасти по твоей вине? Из-за угрызений совести ты и ходишь к Ли Сюэли, чтобы поддержать ее?

— Помогая той старушке, я косвенно подставил Ли Сюэли. — Тань Юн кивнул. — Конечно, мне не по себе. Хотя она до сих пор не в курсе, что я замешан в этой истории.

После двадцати с лишним лет совместной жизни Доу Хуэй знала: Тань — человек редкой душевной щедрости. На мгновение она растерялась, не найдя слов.

— Ладно, хватит об этом… Результаты недельного теста Яли уже известны? Как она справилась?

— Когда ее успехи вообще вызывали беспокойство? — фыркнула жена. — Снова первое место в параллели.

— Наша девочка — просто чудо. — Морщины на лбу Тана разгладились. — Никаких забот.

— Не совсем, — вдруг сказала Доу Хуэй.

— Что ты имеешь в виду?

— Сегодня звонила классная руководительница. Говорит, Яли слишком часто общается с тем мальчиком — Сунь Хуэем. Похоже, между ними зарождаются чувства.

— Да? А что за мальчик?

— Тоже отличник, второй в рейтинге по успеваемости. Высокий, симпатичный, я его несколько раз видела. Да и семья, кажется, обеспеченная — одевается только в брендовые вещи.

— Хе-хе, выходит, наш будущий зять — прямо мечта: высок, богат, привлекателен?

— Я серьезно! Сейчас же последний год школы, самый ответственный момент. Разве можно позволять этой ранней любви вскружить нашей дочери голову?

— Какая же это ранняя любовь? Если бы Яли была еще в средней школе — тогда другой разговор. Ей вот-вот исполнится восемнадцать, она уже взрослая девушка, к тому же красивая. Разве странно, что у нее появился поклонник? Лично я считаю, если это не влияет на учебу, а их общение не выходит за рамки — то все в порядке. Кстати, а что говорит учительница? Неужели они ведут себя неподобающе?

— Нет, как раз наоборот. Учительница, в принципе, согласна с тобой. Говорит, оба учатся блестяще и совместные занятия даже помогают им добиваться еще бóльших успехов.

— Ну вот и прекрасно. Это то, что тебя беспокоило?

— Нет, проблема не в этом. — Доу Хуэй покачала головой. — Есть кое-что поважнее.

— Что именно?

— Учительница сказала, в этом году школа может рекомендовать двух учеников для поступления в престижные зарубежные университеты. Эти места очень ценные, и после долгих обсуждений выбрали Яли и Сунь Хуэя. Во-первых, они оба образцовые ученики, во-вторых, они симпатизируют друг другу — настоящие «золотые мальчик и девочка». Так что учительница предлагает нам, родителям, обсудить это с детьми и решить, хотят ли они учиться за границей.

— Ты уже спросила Яли?

— Да, сегодня после вечерних занятий я ей позвонила.

— И что она?

— Она очень хочет поехать. И Сунь Хуэй тоже.

— В какой конкретно университет?

— В Гарвард.

— Гарвард… Лучший университет в мире… — Тань Юн испытал смешанные чувства. — Конечно, это прекрасная возможность, но год там, наверное, стоит немало?

— Если верить учительнице, с учетом обучения, проживания, перелетов и прочего потребуется минимум пятьдесят тысяч долларов в год — это больше трехсот тысяч юаней, — вздохнула Доу Хуэй. — Теперь понимаешь, о чем я переживаю? Даже если считать только бакалавриат, выйдет свыше миллиона. А ведь еще может быть и магистратура… Где нам взять такие деньжищи?

Тань Юн замолчал. Спустя долгую паузу он пробормотал:

— Неужели обязательно ехать за границу? Разве Цинхуа или Пекинский университет — не престижные вузы? Почему бы Яли не остаться в Китае?

— Не со мной надо спорить! Я-то не против, но твоя дочь мечтает об учебе за рубежом. И дело не только в образовании… Причина очевидна, не так ли? Да и учительница подчеркнула: шанс уникальный, место исключительное. Мол, если откажемся — будем жалеть. Учеба в топовом вузе вроде Гарварда расширит ее кругозор, принесет бесценный опыт и новые возможности.

— Сколько у нас сейчас накоплений? — спросил Тань Юн.

— Меньше ста тысяч.

— Много не хватает…

— Вот почему я так переживаю! У нашей дочери есть и способности, и шанс такой выпал… Будет непростительно, если мы его упустим. Но где взять такие деньги…

Тань Юн твердо произнес:

— Ладно. Я поговорю с Яли. Если она действительно этого хочет — займу сколько нужно, но отправлю ее учиться!

Доу Хуэй кивнула с противоречивыми эмоциями. Тань лег и коротко бросил:

— Выключай свет. Спать давай!

Глава третья. Утопление

1

На свете есть места, прекрасные в любую погоду и время суток — в солнце, дождь или пасмурный день, на рассвете, в глухую ночь или в сумерки. Юэхай — именно такое место. Каждый каприз природы одаривает его особыми красками и настроением, будто неведомая рука сменяет фильтры, создавая непредсказуемую красоту, которая никогда не приедается.

В воскресное утро Су Сяотун играла с сыном в детской зоне парка Юэхай. Это стало почти ежедневным ритуалом для Гу Сяоляна. День выдался ясным, теплые солнечные лучи, словно мягчайшая ткань, окутывали каждого, даря невыразимое чувство уюта. Под чистым голубым небом Сяотун наблюдала, как мальчик снова и снова взбирается на горку и скатывается вниз, и думала о том, как же прекрасен этот момент.

«А ведь и так неплохо, правда?» — спрашивала она себя. У всего есть две стороны. Да, у Сяоляна отклонения в развитии, но это значит, что его сознание останется детским, как у котенка или щенка. Он будет счастлив, просто наевшись досыта, погревшись на солнышке и наигравшись

вволю. Размышлять о сложных вещах у него не будет необходимости. Разве плохо провести жизнь в такой безмятежной радости?

Да, сын никогда не познает счастья учебы, работы, любви или брака… Зато ему неведомы и связанные с ними тревоги. Может, его особенность — вовсе и не проклятие, а дар свыше?

Су Сяотун, казалось, что-то для себя прояснила, и на душе у нее стало светлее. Она сделала на телефон несколько снимков прекрасного неба и далеких гор, добавила подпись и опубликовала в «Моменты»[16].

Красивые фото собрали множество лайков от друзей. Среди комментариев был один от парня по имени Чжоу Сыда: «Что, в Лиши на отдыхе?»

Сяотун не хотела продолжать разговор в комментариях, поэтому написала ему в личку: «Нет, я переехала в Лиши насовсем».

Чжоу Сыда спросил: «А? Разве ты не работала в Цзинчжоу? Как так вышло, что теперь ты в Лиши?»

Сяотун не хотела вдаваться в подробности и

---

[16] Примечания: 16

«Моменты» — специальная функция в китайском мессенджере «Вичат», подобная ленте новостей в других соцсетях. В «Моментах» пользователи могут делиться фотографиями, видеопостами, а также отвечать на публикации своих друзей.

ушла от прямого ответа: «Офисная гонка доконала. Устала. Хочется более спокойной жизни».

Чжоу Сыда отправил несколько эмодзи «большой палец вверх» и написал: «Значит, теперь ты такая же бездельница, как и я? Ха-ха».

Су Сяотун: Мне до тебя далеко. Ты же богатый наследник. Можешь путешествовать, есть, пить и веселиться без забот. Где уж мне до такой беспечности.

Чжоу Сыда: Я сейчас на Мальдивах. Когда вернусь в Китай, заеду в Лиши, и мы встретимся, хорошо?

Су Сяотун: Лучше не надо…

Чжоу Сыда: Почему? Ты же сейчас не работаешь?

Су Сяотун: Но у меня есть муж и семья.

Чжоу Сыда: Что, вышла замуж – и теперь нельзя даже с бывшим встретиться? Ты что, в феодальном обществе живешь?

Сяотун отправила грустный смайлик и, сославшись на то, что нужно присматривать за сыном, свернула разговор. Сунув телефон в карман, она подошла к Гу Сяоляну и стала качать его на качелях. Лицо ее при этом выражало задумчивость.

К обеду они вернулись домой. Гу Лэй приго-

товил рисовую лапшу с курицей в глиняном горшочке. Вышло просто объедение. После еды Сяотун уложила сына спать. Около трех часов дня, вооружившись ноутбуком Гу Лэя и игрушками Гу Сяоляна, семья подошла к двери квартиры 1203. Сяотун нажала на звонок.

Ли Сюэли открыла дверь и, увидев все семейство, удивленно ахнула:

— О, и Гу Лэй тоже пришел?

— Да, одному дома сидеть над проектами скучновато, — объяснил он. — Решил поработать за ноутбуком у тебя в гостиной. Ты не против? Не помешаю?

— Какое там «помешаю»! — Ли Сюэли явно обрадовалась. — Вы же меня знаете — обожаю, когда шумно и много гостей! Ха-ха-ха, проходите!

Троица вошла в квартиру. Ли Сюэли с надеждой в голосе спросила:

— Так теперь всегда будет? Днем вы все будете приходить ко мне?

— Мм… мы так планировали, — подтвердила Сяотун.

— Это просто замечательно! — Ли Сюэли хлопнула в ладоши.

— А я между делом могу помогать вам с готовкой, — добавил Гу Лэй. — В кулинарии я кое-что

смыслю.

— Отлично! Ха-ха! — Ли Сюэли засмеялась. — Шумная совместная готовка и веселые застолья — это то, что мне ближе всего. Может, вам странно, почему я так люблю оживленную атмосферу. Все из-за моего детства. Я росла в большом доме. Дедушка, бабушка, родители, дяди, тети, двоюродные братья и сестры — все собирались за одним столом. Женщины в семье были трудолюбивыми, и эти картины — когда все болтали, готовили и ели вместе — я помню до сих пор.

«Правда ли это? — подумала Сяотун. — Может, она придумала эту историю, чтобы мы поверили в ее любовь к посиделкам? Но она не знает, что мы уже в курсе про „несчастливую“ квартиру, а значит, понимаем истинную причину. Хотя ее восторг кажется искренним… Скорее всего, верно и то и другое».

Пока Сяотун размышляла, Гу Лэй поинтересовался:

— Если тебе так по душе оживленная атмосфера, то почему ты переехала в Лиши одна?

— Я же говорила, дело в моем детстве. Когда я училась в старшей школе, дедушка с бабушкой умерли, и все разъехались. Теперь мы собираемся только на Новый год. Но мне до сих пор не хва-

тает той уютной суеты, — объяснила Ли Сюэли, а затем спросила: — А вам? Вам нравятся наши посиделки?

— Очень, — ответил Гу Лэй. — Разве что отъявленные интроверты не оценят такое.

Сяотун молча кивнула.

— А ты, Лянлян? — Ли Сюэли обратилась к мальчику. — Тебе нравится у тети Ли? Любишь играть с Вэньцзин?

Обычно неразговорчивый и заторможенный Гу Сяолян не реагировал на такие вопросы. Но на этот раз он кивнул.

— Смотрите, Лянлян кивает! — воскликнула Ли Сюэли. — Значит, и ему нравится, когда много людей, ха-ха!

Су Сяотун погладила сына по голове и улыбнулась:

— Ладно, не будем отвлекать Гу Лэя от работы. Пойдемте готовить ужин.

Ли Сюэли и Сяотун направились на кухню. Гу Лэй расположил ноутбук на журнальном столике и погрузился в работу. Рядом с ним тихо собирал пазл Гу Сяолян.

Как и прежде, Сяотун помогала Ли Сюэли с подготовкой ингредиентов — мыла и резала овощи. Но сегодня Ли Сюэли предложила ей самой

приготовить одно блюдо, чтобы сделать сюрприз Гу Лэю.

— Не стоит. Так ли важно, кто готовит? — возразила Сяотун.

— Конечно важно! Для мужчины нет ничего ценнее блюда, приготовленного руками жены. Да и ты уже столько раз наблюдала за мной — разве не хочешь попробовать? Превращать сырые продукты в изысканные блюда — это же такое удовольствие!

— Что ж, ты права. Заметила, что ты умеешь убеждать.

— Потому что говорю разумные вещи.

— Я попробую. Что бы приготовить? Лучше что-нибудь попроще.

— Простое и вкусное… хм… Как насчет супа с говядиной и томатами? Наваристого, ароматного и освежающего.

— Давай.

— Тогда достань говядину из морозилки. Я планировала сделать суп с яйцом и помидорами, но для твоего дебюта нужно что-то посерьезнее.

Сяотун кивнула, открыла двухдверный холодильник и начала искать мясо в нижней морозильной камере.

Она не собиралась думать о том, что здесь слу-

чилось. Но вид аккуратно нарезанных кусков мяса в морозилке вызвал в ее сознании непрошеные образы. Внезапная волна тошноты подкатила к горлу, желудок сжался спазмом. Едва успев прикрыть рот ладонью, она бросилась в туалет.

Ли Сюэли увидела, как Сяотун стремительно исчезла из кухни, и услышала звуки рвоты. Ошеломленная, она подошла к двери:

— Сяотун, что с тобой?

Гу Лэй ринулся к двери и стал стучать. Через минуту Сяотун вышла, бледная, с каплями воды на лице:

— Все в порядке… Просто внезапно поплохело.

— Только же все было нормально, что вдруг случилось? — обеспокоенно спросила Ли Сюэли.

Сяотун не знала, чем объяснить свое самочувствие, и лишь пробормотала:

— Ничего страшного, немного отдохну — и пройдет.

— Хорошо, присядь на диван, я принесу тебе сладкой воды.

Когда Сяотун села, Гу Лэй прошептал:

— Что с тобой?

Она лишь покачала головой и отвернулась, оставив вопрос без ответа.

Вернувшись на кухню, Ли Сюэли задвинула

ящик морозилки. Перед тем как закрыть дверцу холодильника, она замерла — будто что-то осознала.

Резко повернувшись, она уставилась на Сяотун, сидевшую на диване. Взгляд Ли Сюэли, полный непривычной мрачности, задержался на ней на добрых десять секунд. Но почти сразу она овладела собой — выражение лица вновь стало безмятежным. Взяв немного сахара из банки в шкафу, она размешала его в теплой воде и поднесла стакан Сяотун.

2

Так вышло, что ужин в тот вечер Ли Сюэли помогал готовить Гу Лэй. Он порадовал соседей двумя фирменными блюдами, которые вызвали всеобщий восторг. Но хвалили Гу Лэя не только за кулинарные навыки — все за эти дни успели убедиться, что он идеальный мужчина и ответственный глава семьи: внимательный к жене, терпеливый с сыном и открытый в общении (особенно за столом с выпивкой). Словом, безупречный во всех отношениях.

Гу Лэю стало неловко от похвалы.

— Да перестаньте, я не заслуживаю таких комплиментов.

— Как это — не заслуживаешь? — жестикулировала Хань Лэй, подцепив кусочек еды. — Я же в ночном клубе работаю, там мужики — одни бабники и альфонсы. Надежного днем с огнем не сыщешь!

— Ну, серьезные мужчины в такие заведения и не ходят, — поправил очки Юань Дун.

Хань Лэй резко опустила палочки и повернулась к нему:

— Учитель Юань, давай проясним. Под «такими

заведениями» ты что подразумеваешь?

— Э-э… Я не это имел в виду, — замялся он, понимая, что ляпнул. — Просто тех, кто ищет утех в клубах, вряд ли можно назвать примерными семьянинами. Это же противоречие по определению.

— Ищет утех? — Ван Синсин, проглотив кусочек еды, покачал головой. — Учитель Юань, это вы тонко и меня поддели. Я тоже частенько в клубах бываю — просто выпить, музыку послушать, расслабиться. Неужто я теперь какой-то развратник?

Хань Лэй ехидно добавила:

— В глазах учителя Юаня мы с тобой — люди «непутевые». Ты «ищешь утех», я — «распутная», мы оба завсегдатаи «таких заведений». Между нами и интеллигенцией настоящая пропасть!

Юань Дун вспыхнул, его лицо побагровело.

— Не искажайте мои слова! Словосочетание «искать утех» в современном китайском языке не всегда несет негативный оттенок. Иногда даже положительный!

С этими словами он с серьезным видом достал телефон, чтобы проверить точное значение в поисковике «Байду»:

— Вот, смотрите: «стремление к радости, поиск

удовольствий; описывает погоню за наслаждениями». А кто не любит наслаждаться? Это же в человеческой природе заложено…

Не успел Юань Дун закончить, как вся компания разразилась смехом. Учитель на секунду опешил, а затем возмутился:

— Вы опять меня разыгрываете!

— А ты все равно каждый раз ведешься! — Хань Лэй сквозь смех подмигнула. — Обожаю, когда ты начинаешь копаться в словарях.

— Смейтесь, смейтесь, — проворчал он. — Вам лишь бы поиздеваться над занудным преподавателем.

Хань Лэй подошла и обняла Юань Дуна за плечи:

— Кстати, учитель Юань, неужели ты никогда не бывал в «таких заведениях»?

— Если под «такими заведениями» ты подразумеваешь места сомнительной репутации, то, разумеется, не бывал.

— Неужели? — Хань Лэй недоверчиво прищурилась. — Или просто стесняешься признаться при учениках? — Она подмигнула Шэнь Фэнся.

Та, будучи скромницей, поспешила защитить учителя:

— Учитель Юань и правда человек высокой

морали. В нашей сельской школе была девочка, которая после выпуска устроилась в караоке-бар. Узнав об этом, он лично поехал в город, вытащил ее оттуда и долго уговаривал бросить это занятие. В итоге она устроилась офис-менеджером в одну фирму.

— Понятно. — Хань Лэй приблизила лицо к Юань Дуну, ее кудри рассыпались по его плечу. — Учитель, а если бы ты меня решил «спасти»… как бы ты это сделал?

Юань Дун покраснел до корней волос и раздраженно буркнул:

— Тебя, милая, уже не спасти. Таких лекарств не существует!

— А-ах! — Хань Лэй с комичной драматичностью прикрыла лицо ладонью. — А я ведь собиралась «перековаться», стать примерной женушкой, соблюдающей три послушания и четыре добродетели![17] И вот учитель даже шанса не дает грешнице!

Аудитория взорвалась смехом. Все были покорены ее театральными жестами и напускным

---

[17] Примечания: 17

Согласно традиционным представлениям, в детстве женщина слушается отца, в замужестве — мужа, а после его смерти — сына. Кроме того, от нее требуется нравственность, скромность в речах, женственность и трудолюбие.

трагизмом. Гун Ямэй хохотала до слез и даже пригрозила ей палочками для еды:

— Хватит! Перестань издеваться над учителем, ну прямо актрису включила!

Хань Лэй ловко увернулась и продолжила шутить. Су Сяотун наблюдала и понимала: Хань Лэй и Ван Синсин в этой «Большой семье» были душой компании, вечно подкалывали чопорного Юань Дуна. Но и он не обижался по-настоящему — игривые перепалки лишь подогревали оживленную атмосферу за столом.

— Когда мы вот так собираемся, веселимся за едой, я всегда задумываюсь… В чем же смысл жизни? — Гун Ямэй произнесла это с неожиданной философской грустью.

— О, сестрица Ямэй опять за свое! — Ван Синсин закатил глаза.

— Если вам надоело, я замолчу.

— Нет-нет, говори. — Шэнь Фэнся наклонилась вперед. — Мне нравится слушать, как люди постарше рассуждают о жизни.

— Я просто думаю, что наша простая и счастливая жизнь — то, чего многим жителям больших городов не достается. Конечно, у них тоже хватает встреч с коллегами и друзьями, но разве между ними возможны искренность и полная расслаб-

ленность? Чаще всего им приходится иметь дело с деловыми ужинами, профессиональной конкуренцией, лестью и конфликтами интересов. Неизбежно появляются обиды, а то и скрытые игры ведутся. А у нашей компании нет никаких общих дел или корыстных помыслов — не нужно ни под кого подстраиваться, ни бояться, что неверное слово сорвет сделку, ни юлить перед кем-то. Такая дружба и такие отношения — самые чистые.

Су Сяотун кивнула — слова Гун Ямэй точно описывали ее прежнюю жизнь.

— Совершенно верно, — подхватила Хань Лэй. — В «Большой семье» я чувствую себя свободно, без всяких ограничений. Это очень приятное ощущение.

— Я тоже, — улыбнулась Ся Ци. — С вами я невероятно счастлива.

— Что важнее, у нас одинаковые ценности. Многие суетятся, гонятся за так называемой жизнью высшего класса, каждый день загружены по уши. Работа, бизнес-встречи. У них почти нет времени на семью и отдых. Одна моя знакомая из Шанхая постоянно ездила в командировки по стране и за границу, а ребенка оставляла родителям. Однажды, вернувшись домой и увидев

сына, приехавшего из школы-интерната, она воскликнула: «Когда ты успел так вымахать?!» Звучит как анекдот, но на самом деле это грустно, — покачала головой Фань Линь.

— Именно, — подхватила Гун Ямэй. — Вот я все и думаю: в чем смысл жизни? Гнаться за большими деньгами, роскошью, но при этом терять столь драгоценные вещи, как здоровье и свобода? Разве оно того стоит?

— Кстати, о деньгах. Кто у нас тут самый успешный в плане заработка? — с любопытством спросил Ван Синсин и тут же добавил: — Я, например, как профессиональный игрок, получаю всего несколько тысяч в месяц.

— Наверное, сестрица Фань Линь, — предположила Ся Ци.

— Да бросьте. Последние два года туристический бизнес в упадке, вы же знаете. Турфирма, которую я открыла с партнером, еле сводит концы с концами. Хорошо еще, что не прогорела. А вот твоя кофейня, наверное, прибыль дает.

— Ну, моя маленькая кафешка — это же не «Старбакс», — возразила Ся Ци. — Если в день заходит двадцать-тридцать гостей, я уже тихо радуюсь. Но ничего, заработок не главное — лишь бы душа была спокойна.

— Сяотун, Гу Лэй, вам же небось дизайн немало приносит? — спросила Фань Линь.

Гу Лэй замахал руками:

— Если бы за спиной был крупный бренд — тогда да. А так беру заказы в интернете. Выходит тысяч десять в месяц.

— Для нашей компании это уже высокий доход, — заметила Ли Сюэли. — Моя точка в маленьком городе, да и площадь небольшая. С аренды имею чуть больше четырех тысяч, и то если палатка сдается.

— Думаю, нам стоит прекратить этот разговор, — вмешалась Фань Линь. — Если бы мы гнались за богатством, разве приехали бы в такой неторопливый городок, как Лиши? Уверена, каждый здесь нашел нечто в сто раз важнее денег. Так?

— Точно, — твердо согласилась Ся Ци.

Остальные кивнули, на лицах расплылись теплые улыбки.

После ужина Шэнь Фэнся, как водится, принялась за грязную посуду, а Ли Сюэли, по обыкновению, предложила дальнейшую программу:

— Чем займемся сегодня вечером? Маджонг или кино?

— В девять у меня выступление в баре, играйте

без меня, — сказала Хань Лэй. — Кто-нибудь со мной?

— Я! — Ван Синсин тут же поднял руку, затем обратился к Ся Ци: — Ты тоже идешь с нами?

Ся Ци, как всегда, не смогла отказать:

— Конечно!

— А вы? — Хань Лэй повернулась к Су Сяотун и Гу Лэю. — Вы уже столько времени в Лиши, но еще ни разу не выбрались в ночной клуб!

— Ничего не поделать, нам ведь ребенка нянчить, — ответила Су Сяотун.

— Пусть муж с ним посидит. В прошлый раз же договорились — идем в бар без них!

— Ну… — Су Сяотун вопросительно посмотрела на Гу Лэя.

Тот великодушно махнул рукой:

— Если хочешь — иди. Только не задерживайся допоздна.

— Правда можно? — В голосе Су Сяотун прозвучало возбуждение.

В Цзинчжоу она иногда ходила с друзьями в караоке или бары. Признаться, она давно не выбиралась куда-то ночью.

— Конечно, я уложу Сяоляна. Идите развлекайтесь, — добродушно разрешил Гу Лэй.

— Ура, решено! Кто еще идет? Фань Линь? Сю-

эли?

— Я пас, — покачала головой Фань Линь. — Нужно помочь Вэньцзин с уроками.

— И я останусь, — сказала Ли Сюэли. — Посижу дома с сестрицей Ямэй, посмотрим сериал. Вчерашний эпизод был очень интересным.

— Верно. Вы молодые, вам и веселиться, — помахала им рукой Гун Ямэй.

— Сестрица Ямэй, да ты совсем не старая! Пойдем с нами! — Ся Ци обвила руками шею Гун Ямэй и с капризным видом потянула за собой.

Та рассмеялась и похлопала ее по руке:

— Нет уж, в барах слишком шумно, мое сердце не выдержит. А вы идите развлекайтесь!

— Ну ладно, — надула губки Ся Ци.

— А ты, учитель Юань? — Хань Лэй взяла под локоть Юань Дуна и кокетливо предложила: — Сегодня в баре будет много народа. Давай и ты «разгрузишься», сходишь в «такое заведение», а?

— Нет-нет, — замахал руками Юань Дун. — Куда мне, старому да хромому, в такие места?

— А если бы не хромал, то что бы там делал?

— Ну вот, опять за свое…

— Ладно, как хочешь. — Хань Лэй рассмеялась. — Фэнся даже спрашивать не буду, она тоже не пойдет. Вы с ней прямо сиамские близнецы.

— Тогда нас четверо — как раз в одну машину поместимся. — Ван Синсин достал телефон. — Вызываю такси до баров в Старом городе.

Су Сяотун, Хань Лэй, Ван Синсин и Ся Ци вышли из жилого комплекса. Машина быстро подъехала к воротам, и дружная компания отправилась на самую оживленную барную улицу Лиши. Су Сяотун уже бывала здесь во время путешествия — незабываемое зрелище с шумной толпой и неоновыми огнями. По уровню оживленности это место превосходило даже деловые кварталы Цзинчжоу.

За окном мелькали прекрасные ночные виды Лиши. Су Сяотун чувствовала себя легко и свободно. Лишь одно вызывало смутное чувство вины — бескорыстная забота Гу Лэя о ней и ребенке. Правильно ли она поступает, развлекаясь в баре, пока муж и сын сидят дома?

Су Сяотун вдруг осознала еще одну проблему… Сегодня Лао Таня не было, и за ужином у Ли Сюэли, включая двоих детей, собралось двенадцать человек. После того как четверо отправились в бар, осталось семеро (не считая самой Ли Сюэли). Гу Лэй точно уведет Сяоляна домой. Фань Линь собиралась помочь Вэньцзин с уроками. Гун Ямэй посмотрит сериал и тоже вернется к себе.

Юань Дун и Шэнь Фэнся — аналогично. Выходит, сегодня ночью Ли Сюэли останется дома одна?

Су Сяотун не знала, случалось ли такое раньше, но с момента их знакомства это точно было впервые. Как Ли Сюэли справится с этой ситуацией? Может, она позовет к себе Ван Синсина после того, как тот допьет свое в баре? Или все же сможет переночевать одна?

Су Сяотун взглянула на Хань Лэй и Ся Ци, сидевших рядом. Спросить об этом было нельзя: тема деликатная. Да и перед вечеринкой обсуждать такое точно не стоит.

«В конце концов, Ли Сюэли взрослый человек, — попыталась успокоить себя Су Сяотун. — Она справится. Не может же она всю жизнь зависеть от ночных нянек?!»

Но несмотря на эти мысли, в груди заныло от тревожного предчувствия. Словно в этот вечер должно было случиться что-то плохое…

3

Бар «Заблудшие» был одним из самых крупных ночных заведений на барной улице Старого города. Еще на подходе их накрыла волна оглушительной музыки и гомона. В отличие от модных сейчас акустических баров с фолк-музыкой, здесь царила ретроатмосфера танцевального клуба, места, где можно раскрепоститься и оторваться по полной.

Хань Лэй, как завсегдатай, уверенно провела соседей внутрь, по пути кивая знакомым официантам и посетителям. Было всего половина девятого, но бар уже почти заполнился.

— Если бы я не предупредила заранее владельца и не забронировала столик, сейчас нам пришлось бы стоять, — пояснила Хань Лэй, усаживая их в VIP-зону. — Мне нужно переодеться и накраситься перед выступлением. Заказывайте напитки и закуски, не стесняйтесь — все за мой счет! Сегодня я угощаю!

— Ура! Да ты просто ангел! — Ван Синсин радостно вскинул руки.

Троица заказала дюжину бутылок импортного пива, фруктовую тарелку и набор снеков. Су Сяо-

тун неловко покрутила бокал в руках:

— Здесь ведь дорого… Неужели правда оставим счет на Хань Лэй?

— Не парься! — перекрикивая рвущий барабанные перепонки бит, прокричал Ван Синсин. — Она тут танцует, хозяин ей сделает скидку!

Они чокнулись, и Су Сяотун, придвинувшись к Ся Ци, спросила:

— Ты знаешь, сколько Хань Лэй получает за одно выступление?

— Знаю. — Ся Ци кивнула. — Она говорила, пятьсот юаней. Танцует по очереди с другими, примерно час с небольшим.

— О-о…

— Что, кажется мало?

— Ну да, не особо много.

— Это фиксированная ставка от владельца. Еще бывают чаевые от гостей, но это как повезет. Если попадется щедрый — можно хорошо заработать. А бывает, за весь вечер ни одного такого. Тут уж как карта ляжет.

Су Сяотун снова кивнула. Ван Синсин поднял бокал для тоста, и они выпили еще по одной.

На центральной сцене три девушки в топах, открывающих живот, и коротких кожаных шортах зажигательно танцевали под громкую музыку,

заводя публику. Ван Синсин смотрел с восторгом, временами свистел и через некоторое время пояснил:

— Эти девчонки просто разогревают зал. Гвоздь программы будет позже.

— Танец на пилоне от Хань Лэй?

— Ну конечно! Она здесь суперзвезда.

— Жду с нетерпением!

В девять часов танцовщицы покинули сцену. Диджей громко объявил о главном событии вечера — танце на пилоне. Зал, предвкушая кульминацию, взорвался криками, аплодисментами и свистом.

Мерцающие вращающиеся прожекторы сцены погасли, из освещения остались только атмосферные ароматические свечи на столах. В полумраке зазвучала загадочная ритмичная музыка. Луч прожектора выхватил в правой части сцены сексуальную девушку в черном бикини, на высоких каблуках, с ярко накрашенными глазами и темной помадой. Бросая соблазнительные взгляды, она медленно, манящими движениями приближалась к пилону в центре сцены, словно тот был телом ее возлюбленного.

Су Сяотун смотрела как завороженная и не сразу осознала, что эта девушка — Хань Лэй.

Хотя та и славилась своими раскрепощенными взглядами и смелым поведением, в обычной жизни она не пользовалась броским макияжем и ее сценический образ разительно отличался от повседневного.

Су Сяотун также заметила, что многие посетители бара — особенно мужчины — застыли, зачарованные зрелищем. Они перестали пить и не отрывали глаз от пленительной танцовщицы, демонстрирующей свое мастерство.

После серии движений с пилоном Хань Лэй резко подпрыгнула, обхватила шест бедрами и совершила эффектный оборот на триста шестьдесят градусов. Ее распущенные волосы рассыпались, когда она, стремительно набрав высоту, с головокружительной скоростью заскользила вниз и остановилась в считаных сантиметрах от пола.

Ловко сменив позицию, она расставила ноги, одной обхватив пилон, а телом грациозно опустилась на сцену — точно дикая кошка: полуприкрытые глаза, слегка приоткрытые губы…

Зал снова взорвался овациями. Ван Синсин азартно засвистел. Су Сяотун, хлопая в ладоши, думала: «Боже, я же женщина, но даже меня бросает в краску. Что уж говорить про этих мужчин!»

— Обалдеть! Секси! — сложив руки рупором,

крикнул Хань Лэй Ван Синсин.

— На сцене она просто сияет! — восхитилась Ся Ци. — Как же здорово, когда женщина может позволить себе быть собой!

— Разве ты себе этого не позволяешь? — подняла бокал Су Сяотун.

— Точно! — рассмеялась Ся Ци, и они чокнулись.

Хань Лэй продолжала страстное выступление. Но минут через пятнадцать случился инцидент — явно пьяный мужик с пивным животом, пошатываясь, взобрался на сцену и начал неуклюже пританцовывать. Затем он направился к Хань Лэй, мешал ее движениям, а потом и вовсе потянулся к ней с непристойными намерениями.

Опытная Хань Лэй ловко уворачивалась, используя танцевальные па, и одновременно бросала взгляды в сторону охраны.

Охранники поднялись на сцену и вежливо попросили мужчину удалиться. Однако тот оттолкнул их, достал кошелек и сунул им в руки несколько сотенных купюр — дал понять, чтобы они не вмешивались. Охрана замешкалась: клиент есть клиент, да и, выдворив его силой, они спровоцировали бы конфликт.

Мужчина схватил Хань Лэй за руку, прервав

ее танец. Затем принялся по одной засовывать купюры в ее бикини — формально чаевые, но с явным похабным подтекстом.

— Эй, что за хрень?! — не выдержал Ван Синсин, вскакивая со стула. — Никто не остановит этого урода?

Су Сяотун тоже больше не могла просто смотреть.

— Ты говорила о чаевых от гостей… Неужели вот так это выглядит?

— Конечно нет! — встревоженно ответила Ся Ци. — Обычно все происходит после выступления, когда она общается с залом внизу. Такое вижу впервые… Да и похоже, этот тип — местный авторитет с деньгами и связями. Хозяин бара вряд ли рискнет пойти против него. Бедная Хань Лэй…

— Я помогу ей! — горячился Ван Синсин, не в силах наблюдать за унижением подруги.

— Не лезь! — Ся Ци резко ухватила его за рукав. — Только усугубишь. Дай Хань Лэй разобраться самой. У нее должен быть опыт в подобных делах.

Втроем они устремили взгляды на сцену. Хань Лэй, вопреки ожиданиям, не выглядела раздраженной — она ловко балансировала между

игривым флиртом и соблюдением дистанции. Через мгновение она, словно повторяя трюк с пилоном, обхватила бедрами талию мужчины, а руками — его шею.

Несмотря на грузное телосложение, пьяный хулиган не удержал равновесия. Под тяжестью внезапно навалившейся на него женщины он пошатнулся и с грохотом рухнул на сцену, потеряв сознание, в то время как Хань Лэй грациозно приземлилась сверху.

На сцену взбежали два телохранителя. Один грубо отшвырнул Хань Лэй и подхватил шефа. К ним присоединились владелец бара и охрана, вместе они унесли бесчувственного мужчину за кулисы. Диджей сменил трек, и три танцовщицы вернулись в попытке разрядить обстановку зажигательным номером.

— Проверим, что там? — предложил Ван Синсин.

— Подождем минут десять, — благоразумно предложила Ся Ци.

Вскоре Хань Лэй появилась перед ними в повседневной одежде, налила себе пива и опустилась за стол.

— Все норм, сестренка? — поинтересовался Ван Синсин.

— Абсолютно. — Она отхлебнула из бокала, явно не придавая случившемуся значения. — Выпьем!

— А тот тип?

— Живой, только шишка на лбу.

— Не заставят компенсировать ущерб? — озабоченно спросила Ся Ци.

— Какой еще ущерб? — фыркнула Хань Лэй. — Сам полез хулиганить. Таких идиотов как грязи. Жестко им отвечать бесполезно, только вот так «мягко» нейтрализовать и можно. Хотя… — ее губы тронула хитрая ухмылка, — этот кретин все же сунул мне в купальник тысячу. Внакладе не осталась.

— Да ты жжешь! — Вань Синсин чокнулся с ней, и они осушили бокалы.

— Что, напугались? — Хань Лэй повернулась к Су Сяотун и Ся Ци.

— Не то чтобы напугались… — ответила Су Сяотун. — Просто мы раньше с таким не сталкивались.

— Я уже привыкла. В таких заведениях подобное — обычное дело. Просто обидно, что в первый же раз, как привела вас сюда, случился этот… конфуз.

— Да что ты! Ты выступала потрясающе, я

смотрела как загипнотизированная, — сделала комплимент Су Сяотун.

— Правда? Ха-ха, спасибо! — Хань Лэй снова подняла бокал.

Они выпили еще немного. Затем Хань Лэй встала:

— Ладно, мне в гримерку — скоро снова выход.

— Ты что, еще будешь выступать сегодня? — удивилась Ся Ци.

— Ну конечно! Неужели из-за такой ерунды отменять шоу? Пейте без меня!

С этими словами она ушла. Ся Ци проводила ее взглядом и тихо вздохнула:

— Мне кажется, Хань Лэй немного переигрывает. На самом деле после такого унижения ей наверняка нелегко. За ее показной бравадой скрывается ранимая натура. Она специально вернулась к нам, чтобы мы не волновались. Хотя пострадала-то она сама.

— Я это заметила, — кивнула Су Сяотун.

— Да?

— Да. При первой встрече Хань Лэй говорила, как мать стащила ее со сцены, накинула на нее пальто… Это нанесло глубокую травму. Иначе зачем бы ей одной скитаться вдали от дома, в Лиши?

Обе женщины замолчали. Су Сяотун устремила взгляд в переливы неоновых огней за окном, и вокруг будто воцарилась тишина. Вдруг она услышала знакомую мелодию — уличный музыкант исполнял ее любимую народную песню «Голубь». Ком подступил к горлу.

— Я отойду на минутку.

Она вышла на улицу и остановилась перед бродячим артистом.

Его тихий голос звенел в ночи:

Заблудившийся голубь,
Сложив в ночи ладони,
Я мечтаю о крыльях —
Улететь бы на юг, на юг…

Хоть и не вижу я больше
Тех гор безымянных, мой друг…

Тот далекий голубь
Торопливо крылом взмахнет,
Лишь бы скорей домой,
Завтра еще не настало,
А сегодня скоро минёт…

Когда последний аккорд растаял в воздухе, по щекам Су Сяотун уже текли слезы.

4

В баре они задержались до начала двенадцатого, но Хань Лэй так и не вышла на сцену. Возможно, ее слова о подготовке к выступлению были лишь отговоркой. Су Сяотун предложила остальным вернуться домой.

— Идите без меня, я еще посижу. — С этими словами Ван Синсин развалился на барном стуле.

— Что, хочешь познакомиться с девчонками, когда мы уйдем? — Ся Ци игриво подмигнула. — Да ты уже давно тут жалом водишь!

— Знаешь же — про такое вслух не говорят. — Он ответил дурашливой ухмылкой.

— Ну, не будем мешать твоим подвигам. Передай Хань Лэй, что мы ушли. Пока!

На улице Су Сяотун покачала головой:

— Странный он… Рядом такая красавица, как ты, а он глазки другим строит. Это логично вообще?

— Еще как! Это называется «умный заяц свою нору не пачкает». Да и мне такие малыши не по вкусу — он, видимо, просек и отступил.

— Малыши? На сколько ты его старше?

— Да хоть на год — все равно старше! Ха-ха…

Может, перекусим?

— Не хочется…

— Да брось! А я вот слегка проголодалась. Пойдем! Я знаю отличную шашлычную. Там баранина что надо.

— Как-нибудь в другой раз, хочу побыть с сыном.

— Ладно. — Ся Ци недовольно скривила губы. — Тогда вызовем такси.

От Старого города до их жилого комплекса было всего десять минут пути. Лифт остановился на девятом этаже, Ся Ци пожелала Су Сяотун спокойной ночи. Та поднялась на двенадцатый и вошла в свою квартиру.

Гу Сяолян уже спал, а Гу Лэй лежал на кровати в спальне и играл в телефоне. Увидев жену, он тихо спросил:

— Так рано вернулась? Думал, будете до рассвета развлекаться.

— Я ж не ты, чтобы пить до поздней ночи.

— Ну как, было весело?

— Неплохо. Танец Хань Лэй на пилоне был просто потрясающий, весь зал верещал. Жаль, случился небольшой инцидент.

— Какой инцидент?

Су Сяотун рассказала Гу Лэю о произошедшем.

Тот вздохнул:

— Нелегко ей приходится.

— Что ты имеешь в виду?

— Зарабатывать себе на жизнь непросто. Тем более ей, одинокой женщине в чужом городе.

— Но ведь есть «Большая семья».

— Хорошо, что есть, иначе было бы еще тяжелее.

Су Сяотун кивнула:

— Пойду приму душ.

— Раз выпили сегодня… — Гу Лэй взял ее за руку. — Может, настроение есть?

Су Сяотун замешкалась.

— Я немного устала.

— Понял. — Гу Лэй отпустил ее руку.

На следующий день жизнь вошла в привычное русло. В три часа дня семья вновь пришла в гости к Ли Сюэли. После ночной вылазки в бар у Су Сяотун выработался «иммунитет» к холодильнику — это ведь уже не тот самый злополучный аппарат. Нельзя же вечно брезгливо морщиться при виде бытовой техники.

Однако в половине четвертого неожиданно раздался звонок в дверь.

— Кто бы это мог быть? — Ли Сюэли вытерла руки и пошла открывать.

На пороге стоял Тань Юн в полицейской форме.

— Э-э… Лао Тань? Разве сегодня не понедельник? Ты не на работе?

— На работе.

— На работе… у меня дома?

— Так точно.

— В каком смысле? — Ли Сюэли замерла.

— Можно войти?

— Конечно.

Тань Юн переступил порог и увидел в гостиной Гу Лэя с сыном. Из кухни появилась Су Сяотун.

— Вы тоже здесь, — произнес он.

Все сразу почувствовали, что в его тоне и выражении лица что-то изменилось. Су Сяотун ощутила тревогу, то же самое отразилось на лице Гу Лэя.

— Лао Тань, что-то случилось? — растерянно поинтересовалась Ли Сюэли.

— Вы сегодня выходили из дому?

Су Сяотун покачала головой:

— Утром накрапывал дождь, мы с Сяоляном не гуляли.

— А я ходила за продуктами, — сказала Ли Сюэли. — В чем дело?

— Значит, вы не слышали?

— О чем? — Ли Сюэли выглядела все более озадаченной.

Тань Юн глубоко вдохнул, выдохнул и медленно произнес:

— Сегодня утром в районе озера Юэхай обнаружили тело утопленницы. После вызова мы с напарником немедленно выехали на место.

В гостиной повисло молчание.

— Кто утонул? — спросила Ли Сюэли. — Туристка или местная?

— Если бы умер посторонний вам человек, разве я пришел бы специально сообщать об этом?

При этих словах все трое остолбенели. Переглянувшись с Су Сяотун и Гу Лэем, Ли Сюэли дрожащим голосом спросила:

— Кто?

Тань Юн медлил с ответом, но наконец произнес:

— По результатам опознания… погибшая — Гун Ямэй.

Глава четвертая. Подозрения

1

В комнате повисла гробовая тишина, время будто остановилось. Су Сяотун и Ли Сюэли в ужасе прикрыли рот ладонями, а ошеломленный Гу Лэй широко распахнул глаза.

— Что? Сестрица Ямэй… утонула? — Ли Сюэли произнесла это с трудом, не веря собственным словам.

— Да. — Тань Юн печально кивнул.

— Как это произошло? — спросила Су Сяотун.

— Вчера вечером Гун Ямэй ужинала с вами? — задал встречный вопрос Тань Юн.

— Конечно, она каждый день ужинала у меня, — подтвердила Ли Сюэли.

— Значит, вы последние, кто видел ее перед смертью.

— Наверное…

— Судя по всему, остальные члены «Большой семьи» еще не знают, иначе кто-нибудь уже рассказал бы. — Тань Юн взглянул на Ли Сюэли. — Можешь позвонить всем и попросить прийти сюда?

— Как мне объявить такую страшную новость? — Ли Сюэли смутилась. — Лао Тань, ты

ведь тоже состоишь в групповом чате, к тому же ты полицейский. Лучше тебе это сделать.

— Ладно. — Тань Юн достал телефон и написал в общий чат: «Друзья, сообщаю печальную новость. Сегодня утром поступил вызов: в районе озера Юэхай обнаружили тело утопленницы. По результатам опознания погибшая — Гун Ямэй. Прошу всех, у кого есть возможность, прийти к Ли Сюэли. Мне нужно задать вам несколько вопросов».

Не прошло и двух секунд, как Фань Линь прислала голосовое сообщение:

— Лао Тань, ты не шутишь?!

Следом послышался дрожащий голос Ся Ци:

— Что? Сестрица Ямэй… Лао Тань, ты уверен?

Ван Синсин отправил сообщение: «Сейчас же поднимаюсь!»

Хань Лэй написала: «Я тоже! О небеса, как такое могло случиться?!»

Последними ответили Юань Дун и Шэнь Фэнся — они были в таком же шоке. Сказали, что гуляют, но сейчас же возвращаются.

Менее чем через десять минут члены «Большой семьи» один за другим собрались у Ли Сюэли. Все задавали одни и те же вопросы, не в силах принять внезапный удар. Ся Ци рыдала, Фань Линь

и Хань Лэй выглядели потерянными, Ли Сюэли и Шэнь Фэнся обнимались в слезах… Тань Юн успокаивал всех, и лишь спустя время им удалось взять себя в руки.

— Понимаю, как вам больно и тяжело. Для меня это тоже трагедия. Гун Ямэй была нашим общим другом, пожалуй самой доброй и отзывчивой из нас. Но я полицейский, и, хотя скорблю не меньше вас, должен разобраться в произошедшем. Поэтому и попросил вас собраться. — Тань Юн обвел взглядом присутствующих. — Прошу садиться. Мне нужно задать пару вопросов, и я хочу сделать это при всех.

Все устроились на диванах и стульях. Фань Линь первой нарушила тишину:

— Лао Тань, что ты подразумеваешь под «вопросами»? Неужели думаешь, что мы имеем отношение к смерти сестрицы Ямэй?

Тань Юн ответил не сразу.

— Тело Гун Ямэй обнаружили около одиннадцати утра неподалеку от кольцевой дороги. Местный житель, совершавший утреннюю пробежку, вызвал полицию. Когда мы прибыли, тело плавало у поверхности недалеко от смотровой площадки. Предположительно, она упала именно оттуда. Из-за теплой погоды тело всплыло через

несколько часов после смерти. Мы организовали подъем. Я сразу узнал Гун Ямэй. Последующая экспертиза подтвердила личность. Судмедэксперты не обнаружили следов насилия — только признаки утопления. Время смерти установили между двадцатью двумя часами пятьюдесятью минутами и двадцатью тремя часами пятьюдесятью минутами.

— Раз нет следов насилия… значит, сестрица Ямэй покончила с собой? — с ужасом воскликнул Ван Синсин.

— Как это возможно? — вопрошала сквозь слезы Ся Ци. — Вчера за ужином сестрица Ямэй была в полном порядке — как она могла вдруг решиться на такое?

— Утопление может быть результатом только трех причин: несчастного случая, самоубийства или убийства, — ответил Тань Юн. — На данный момент все три версии отрабатываются, и моя задача — выяснить истину.

— Но, Лао Тань, разве ты не сказал, что следов насилия нет? — спросил Юань Дун. — Как тогда это может быть убийство?

— Отсутствие явных внешних повреждений не исключает убийства. Преступник мог просто столкнуть жертву в воду — тогда следов не оста-

нется. Кроме того, мы все знаем, что Гун Ямэй не умела плавать. Она не раз говорила, мол, плавает как топор. — Тань Юн тяжело вздохнул. — На самом деле глубина в том месте не превышает двух метров, а до берега недалеко. Любой, кто умеет плавать, смог бы спастись.

— Тогда какая из версий наиболее вероятна: несчастный случай, самоубийство или убийство? — спросил Гу Лэй.

Тань Юн обвел взглядом всех присутствующих:

— Вот для чего я собрал вас здесь. Что происходило вчера вечером?

2

Все переглянулись. Ли Сюэли заговорила первой:

— Ничего особенного. Мы, как обычно, ужинали и общались. Хань Лэй подшучивала над Юань Дуном, а сестрица Ямэй смеялась от души. Она даже сказала, что наша дружба — самая искренняя.

— То есть никто не заметил ничего необычного в поведении Гун Ямэй? Она не говорила ничего странного?

Все покачали головой.

— А что было после ужина?

— Я предложила сходить в бар, — ответила Хань Лэй. — Со мной пошли Су Сяотун, Ван Синсин и Ся Ци.

Тань Юн достал из кармана форменной рубашки блокнот с ручкой и записал услышанное.

— Хань Лэй, Су Сяотун, Ван Синсин, Ся Ци вчетвером пошли в бар. А остальные?

— Я около восьми увела Вэньцзин домой делать уроки, — сказала Фань Линь.

— Я ушел почти одновременно с ними, — добавил Гу Лэй. — Забрал Сяоляна и больше не выходил.

Тань Юн отметил это в блокноте и перевел взгляд на оставшихся.

— Да, Гу Лэй и Фань Линь сразу ушли с детьми, — подтвердила Ли Сюэли. — Остались только Юань Дун, Фэнся, сестрица Ямэй и я.

— Чем вы занимались?

— Смотрели сериал, который сейчас все обсуждают.

— До которого часа?

— До десяти. — Юань Дун помнил точно. — Сериал начинается в восемь, показывают две серии подряд. Как раз к десяти они заканчиваются.

— А после?

— Мы с Фэнся сразу ушли, — ответил Юань Дун.

Шэнь Фэнся молча кивнула.

Тань Юн закончил записывать и посмотрел на Ли Сюэли:

— Значит, после этого в квартире остались только вы с Гун Ямэй.

Взгляд каждого теперь был прикован к Ли Сюэли. Та всплеснула руками:

— Что вы все на меня уставились? Да, мы остались вдвоем. Я предложила ей перекусить, и мы

поели танъюань[18] с рисом.

— И потом?

— Ничего. Она поднялась к себе.

— Во сколько примерно?

— Минут через двадцать после ухода Юань Дуна и Шэнь Фэнся.

Тань Юн, как человек с богатым житейским опытом, нахмурился:

— Всего через двадцать минут? Моя жена тоже часто готовит танъюань. На то, чтобы просто воду вскипятить да все сварить, минут десять уходит. А только что приготовленные шарики обжигающе горячие. Неужели Гун Ямэй успела их съесть за пять минут и ушла? К чему ей было так спешить?

— Она не доела… — Ли Сюэли опустила глаза. — Через пару минут извинилась и ушла.

— Сколько именно она съела?

— Меньше половины.

Тань Юн задумался, постукивая ручкой по блокноту.

— Тут что-то не так. Гун Ямэй согласилась перекусить — значит была голодна. Расточительства она никогда себе не позволяла. Всегда старалась

---

[18] Примечания: 18

Танъюань — шарики из клейкой рисовой муки; обычно с начинкой: кунжутной, арахисовой, фруктовой.

доесть, даже если уже не хотела, — лишь бы не выбрасывать. Почему же в этот раз оставила больше половины?

— Не знаю… — пробормотала Ли Сюэли.

Отложив блокнот, он пристально посмотрел на нее:

— Единственное объяснение: пока ты готовила, что-то отбило у нее аппетит. Потом она заставила себя проглотить несколько шариков и ушла. Скажи честно, Сюэли: о чем вы говорили в эти двадцать минут? Вы поссорились? Ее что-то расстроило?

— Нет! — Ли Сюэли вскрикнула, чувствуя себя несправедливо обиженной. — Клянусь, ничего не произошло! Мы даже почти не разговаривали. Сестрица Ямэй была в гостиной, то телевизор смотрела, то в телефоне сидела, а я на кухне кипятила воду. Когда все было готово, я разлила танъюань по тарелкам и подала к столу. Сестрица Ямэй съела несколько шариков, потом решила, что ей пора домой. Я даже удивилась, спросила, почему она так спешит наверх. Она ничего не объяснила, просто ушла!

— Ладно, я понял, не волнуйся так. — Тань Юн заметил, что Ли Сюэли вот-вот расплачется, и постарался ее успокоить. — Я вынужден задавать

подробные вопросы, чтобы проработать все возможные варианты.

— Сестрица Ямэй сказала тебе, что идет наверх, домой? — Су Сяотун сдвинула брови. — Но через несколько десятков минут она утонула в озере.

— Верно, Гун Ямэй не пошла домой, — подтвердил Тань Юн. — Вместо этого она спустилась на лифте, вышла из жилого комплекса, села в такси и направилась к кольцевой дороге. Это я уже проверил по записям с камер наблюдения в «Юэхайване» и округе.

— Но зачем ей было обманывать меня? Зачем говорить, что идет домой? — растерянно спросила Ли Сюэли.

— Вам известно, была ли у Гун Ямэй привычка выходить по вечерам? — поинтересовался Тань Юн.

Собравшиеся дружно покачали головой.

— Вряд ли, — ответила Фань Линь. — Сестрица Ямэй вечерами либо проводила время у Сюэли, либо возвращалась к себе. В Лиши у нее не было других близких друзей.

— Даже если она хотела прогуляться, могла бы пройтись во внутреннем дворе нашего комплекса, — поспешно вставила Шэнь Фэнся. — Незачем было ночью отправляться к озеру.

— К слову, как далеко от нашего ЖК находится место, где случилось несчастье с сестрицей Ямэй? — спросил Ван Синсин.

— На такси минут десять, — ответил Тань Юн. — Как вы и сказали, ночью незачем специально ехать в такую даль, чтобы просто прогуляться. Поэтому я склоняюсь к мысли, что Гун Ямэй отправилась туда с определенной целью. Говоря прямо — она поехала туда встретиться с кем-то, а затем была убита.

— Лао Тань, ты употребил слово «убита»… — Су Сяотун тревожно посмотрела на него. — Значит, ты уже классифицировал это дело как убийство?

Тань Юн призадумался, затем кивнул:

— Да. Я практически уверен, что это убийство.

3

Услышав это, все присутствующие замерли с выражением ужаса на лице — кроме Гу Сяоляна, который, ничего не понимая, по-прежнему возился с игрушками на полу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Юань Дун.

— Из всего сказанного вами уже можно сделать определенные выводы, — ответил Тань Юн. — Во-первых, стоит исключить версию о случайном падении в воду. Гун Ямэй была взрослым человеком и хорошо знала район. Звучит крайне натянуто. Во-вторых, самоубийство тоже маловероятно. Вы сами подтвердили, что вчера вечером она вела себя как обычно. Даже если бы у Гун Ямэй внезапно возникло желание покончить с собой, зачем ей было ехать для этого на смотровую площадку? ЖК находится у самого озера — чтобы утопиться, достаточно было пять минут пройти пешком. С какой стати тогда ехать на такси в такую даль?

— Вообще-то, ты еще до разговора с нами так думал, правда, Лао Тань? — сказала Фань Линь. — Ты с самого начала считал, что это убийство.

Тань Юн кивнул:

— Не только я. Мой коллега Ли Бинь, который расследует это дело вместе со мной, считает так же. Изначально он тоже хотел прийти сюда для допроса, но я подумал, что это будет выглядеть слишком официально. Ведь мы с вами друзья, я хорошо знал Гун Ямэй и всех вас. Вот я и пришел сначала к вам, чтобы разобраться в ситуации. И после нашего разговора мои подозрения только подтвердились — это действительно убийство.

— Даже если так, зачем тебе допрашивать нас? — возмущалась Фань Линь. — Неужели ты думаешь, что убийца среди нас? Лао Тань, мы знакомы больше года, сколько раз вместе собирались! Ты что, нас не знаешь? Разве кто-то из нас способен на такое? Да и зачем нам это? Сестрица Ямэй была нашей близкой подругой, почти родным человеком! С чего вдруг нам ее убивать?

Все вокруг закивали. Тань Юн горько усмехнулся:

— Фань Линь, похоже, теперь уже ты меня допрашиваешь. Успокойся. Это стандартная процедура. У Гун Ямэй в Лиши, кроме нашей компании, практически не было близких. Кого мне еще допрашивать, как не вас?

— Сестрица Ямэй активно занималась благотво-

рительностью, часто ходила в дом престарелых, помогала одиноким старикам, — сказала Ли Сюэли.

— Знаю. Но вряд ли убийца среди них. Они еле двигаются и редко покидают свое пристанище. Хотя я уже отправил Сяо Лю туда — проверить, нет ли каких зацепок.

— А почему это обязательно должен быть знакомый? — вмешался Ван Синсин. — Может, убийца — обычный бандит? Или психопат, который мстит обществу?

— Если так, то необъяснимы как минимум два момента. — Тань Юн покачал головой. — Во-первых, у Гун Ямэй при себе остались все вещи: телефон, украшения, кошелек. Во-вторых, как мы уже выяснили, ночью она намеренно целых десять минут ехала на такси до смотровой площадки. Так что это не случайное убийство, а спланированное. И убийца — точно кто-то из ее окружения.

— Но ты же сам сказал, что в Лиши у сестрицы Ямэй знакомых, кроме нас, не было. — Голос Фань Линь дрогнул. — То есть… убийца — один из нас?

Тань Юн ненадолго замолчал, затем произнес:

— Не исключаю.

— Нет, это невозможно! — Ся Ци сдавленно всхлипнула. — Лао Тань, как называется наш чат? «Большая семья». И это не просто красивые слова! Разве обычные друзья стали бы так называться? Мы и правда друг другу родные люди! Лао Тань, ты ведь тоже часть семьи — разве не чувствуешь нашу особую связь? А сестрица Ямэй… иногда она была для нас как мать. Кто способен убить собственную мать?

Ся Ци снова разрыдалась. Шэнь Фэнся и Ли Сюэли тоже украдкой вытирали слезы. Хань Лэй покраснела и прошептала:

— Да… Сестрица Ямэй была добрейшей души человек, никогда ни с кем не конфликтовала. Она никому не делала зла, ни с кем не ссорилась. Кто бы мог желать ей смерти?

В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь сдавленными всхлипываниями.

Через некоторое время Ван Синсин нарушил молчание:

— У смотровой площадки ведь нет камер наблюдения, да?

— Их нет вдоль всего берега, — ответил Тань Юн. — Камеры есть только на Биньхайлу. Но эта дорога длинная, и на любом ее участке можно выйти к воде. К тому же все произошло ночью

— вряд ли записи помогут. Впрочем, когда я смотрел записи с камер в жилом комплексе, кое-что заметил.

— Что именно? — хором спросили несколько человек.

— Вообще-то, я ждал, что ты сама нам расскажешь. — Тань Юн посмотрел на Ли Сюэли. — Но ты, похоже, этого делать не собиралась.

Все взгляды снова устремились к Ли Сюэли. Ее лицо сначала побелело, затем покраснело. Губы дрогнули, но она так и не смогла вымолвить ни слова.

— Вчера вечером, — продолжил Тань Юн, — ты вышла из дому меньше чем через десять минут после ухода Гун Ямэй. Верно?

4

Все уставились на Ли Сюэли, отмечая ее болезненно бледное лицо с непроницаемым выражением — невозможно было угадать, о чем она сейчас думала.

Ли Сюэли наконец призналась:

— Да, я выходила. Но это не имеет никакого отношения к случившемуся.

— Тогда не хочешь объяснить? — спросил Тань Юн.

— Не хочу! — резко ответила Ли Сюэли. — Это мое личное дело, и оно вас не касается. Лао Тань, если ты считаешь, что это как-то связано с убийством сестрицы Ямэй, — что ж, расследуй.

— Сюэли, я прошу объяснений не только для себя, — мягко настаивал Тань Юн. — У всех присутствующих наверняка возникнут вопросы. Неужели ты хочешь стать объектом подозрений?

Эти слова попали в самую точку. После недолгого раздумья Ли Сюэли сквозь зубы процедила:

— Ладно… Вчера вечером я ходила в шашлычную.

— В какую? — уточнил Тань Юн.

— На улице Юйшу.

— Но вы же с Гун Ямэй уже поужинали? — нахмурился Тань Юн. — Только съели танъюань, и тебе снова захотелось есть? На этот раз шашлыков?

— Я ходила не за шашлыками.

— Тогда за чем?

Ли Сюэли закрыла глаза, ее брови судорожно сжались. После нескольких секунд молчания она вдруг выпалила с вызовом:

— Я ходила к владельцу этой забегаловки! Скажу прямо — я пошла переспать с ним! Всю ночь провела в его лавке, доволен?!

Она резко отвернулась, сгорая от стыда, и начала тихо всхлипывать.

В гостиной повисла тягостная пауза.

Фань Линь заговорила первой:

— Я бывала в этой забегаловке. Хозяин — беззубый холостяк лет сорока, низенький, невзрачный… Сюэли, неужели тебе нравятся такие мужчины?

— А сама как думаешь? Если бы я планировала с ним по-нормальному встречаться, то стала бы прятаться от всех вас? Прилюдного признания достаточно? Как я уже и сказала, я ходила к нему чисто переспать. Между нами секс, и больше

ничего. Разрешаете? Или это незаконно?

— Ничего незаконного. — Тань Юн пресек дальнейшие расспросы. — Действительно, это твое личное дело, не будем продолжать. Мы проверим информацию у хозяина шашлычной. А теперь, чтобы внести ясность, пусть каждый по очереди расскажет, где был и что делал вчера с без десяти одиннадцать до без десяти двенадцать.

— Я уже говорила, — начала Фань Линь. — После ужина мы с дочкой сразу пошли домой и больше не выходили. Лао Тань, зачем эти вопросы? Ты же сам упомянул, что по записям с камер видно — ЖК покидали только сестрицы Ямэй и Сюэли. Значит, остальные находились в «Юэхайване».

Тань Юн помедлил.

— Хорошо, говорю как есть. На записях с камер у входа в ЖК четко можно опознать лишь Гун Ямэй и Ли Сюэли. На дворе была ночь, из-за низкого качества изображения мы не можем точно идентифицировать всех, кто входил и выходил. Другими словами, убийца мог намеренно изменить внешность, чтобы его не узнали.

— А в лифте разве нет камер? — спросила Фань Линь.

— Есть, но не на лестничных пролетах. Если

уж убийца пошел на ухищрения с маскировкой, разве он стал бы спускаться на лифте?

Фань Линь развела руками, — мол, добавить ей нечего.

— Фань Линь, — продолжил Тань Юн, — во сколько Вэньцзин вчера легла спать?

— Не знаю точно… часов в десять. Обычно она в это время ложится.

— То есть после ты осталась дома одна и никто не может подтвердить твое алиби?

— Да-да, именно так! — Фань Линь язвительно скривила губы. — Я надела мужской костюм, парик, кепку, тайком вышла из дома и столкнула Гун Ямэй в Юэхай.

Ее саркастический тон не оставлял сомнений — она считала подобные подозрения абсурдными.

Тань Юн принял строгое выражение лица и повысил голос, переходя на официальный тон:

— Фань Линь, хоть мы и друзья, но сейчас я обращаюсь к тебе не как друг, а как сотрудник полиции. Ты уверена, что хочешь продолжать в том же духе? Или твой предыдущий ответ был серьезным? В таком случае прошу проехать со мной.

Фань Линь с потрясенным видом поднялась с дивана:

— Лао Тань, даже дурак понял бы, что я… Извини, не хотела тебя обидеть. Ладно, прости, беру свои слова назад. После того как Вэньцзин уснула, я осталась дома, посидела в своей комнате, полистала короткие видео и легла спать в половине двенадцатого. Но, увы, подтвердить это никто не сможет.

Тань Юн жестом велел ей сесть, записал ее показания в блокнот и сказал:

— Следующий.

— Лао Тань, как я уже говорил, после просмотра сериала у Сюэли мы с Фэнся около десяти часов спустились к себе, — сказал Юань Дун.

— И потом не выходили?

— Конечно нет, мы никогда не выходим так поздно.

— Ты же знаешь, что супруги или партнеры не могут выступать свидетелями друг для друга?

— Но… ты же в курсе моего состояния. Без посторонней помощи или костылей я не могу передвигаться.

— Зато Фэнся может. Не волнуйся, я лишь отмечаю такую возможность. Как полицейский, я должен быть беспристрастен.

Юань Дун и Шэнь Фэнся переглянулись, оба нахмурились.

— Ван Синсин, Ся Ци, Су Сяотун, Хань Лэй — вы четверо были в баре. — Тань Юн посмотрел на них. — Можете подтвердить алиби друг друга?

— Вряд ли, — пожал плечами Ван Синсин. — В одиннадцать Ся Ци и Су Сяотун уже ушли.

— А ты? Остался допивать?

— Ага.

— Персонал бара может это подтвердить?

— Только то, что я был там до одиннадцати…

— Значит, потом ты тоже ушел?

— Да. Хотел познакомиться с девчонкой, но не выгорело, вот и свалил.

— Куда? Не домой?

— Нет. — Он закусил губу. — Бродил по улицам.

— После одиннадцати ночи бесцельно шатался по улицам? — Тань Юн прищурился.

— Ну…

— Звучит подозрительно.

Ван Синсин нервно рассмеялся:

— Искал приключений, но облом — пришлось возвращаться.

— Во сколько пришел?

— К полуночи.

— То есть на указанный промежуток алиби нет.

— Выходит, так…

Тань Юн хмыкнул, записал показания и повернулся к Хань Лэй:

— А ты, Хань Лэй? Ты в это время была в баре?

— Нет. Наверное, я была в больнице или возвращалась оттуда домой, — ответила Хань Лэй.

— Зачем тебе понадобилось в больницу? — продолжил допрос Тань Юн.

Хань Лэй украдкой взглянула на Су Сяотун и остальных.

— Вчера во время выступления случился инцидент. Один посетитель получил травму — рассек голову. Настоял на осмотре в больнице. Мы с владельцем заведения сопровождали его. Это заняло около часа. Простите, Синсин, Ся Ци, Сяотун, — я не сказала вам правду.

Трое молча кивнули.

— Во сколько ты вышла из больницы? — спросил Тань Юн.

— Около одиннадцати. Мне нужно было проветриться, поэтому я решила пройтись пешком. Дома была примерно в двадцать три сорок.

— Одна?

— Да.

Тань Юн сделал очередную пометку в блокноте.

— Мы с сестрицей Сяотун ушли из бара в одиннадцать, — добавила Ся Ци, — сразу поймали такси и вернулись. Дома были около половины двенадцатого. После этого я не выходила.

— Я тоже, — сказала Су Сяотун. — Когда вернулась, сын уже спал. Я немного поговорила с Гу Лэем, умылась и легла.

Гу Лэй кивнул в подтверждение ее слов.

— Ся Ци живет одна, тут все ясно. А вы — супруги, так что не можете быть свидетелями друг для друга. — Тань Юн пробежался глазами по записям и нахмурился. — Получается, ни у кого из присутствующих алиби нет.

— У меня есть, — вмешалась Ли Сюэли. — Владелец шашлычной «Мацзи» подтвердит, что я была в это время у него в заведении.

— Во сколько ты пришла в шашлычную? — уточнил Тань Юн.

Ли Сюэли задумалась.

— Я шла пешком… Кажется, около одиннадцати.

— Значит, время твоего пути все еще попадает в промежуток, когда погибла Гун Ямэй.

— Если следовать твоей логике, выходит, каждый из нас может оказаться убийцей? — Ли Сюэли покачала головой и вздохнула. — Лао Тань, я по-

нимаю: ты полицейский и расследование — твоя работа. Ты правильно делаешь, что опрашиваешь нас: у сестрицы Ямэй в Лиши больше не было друзей. Но задавал ли ты себе главный вопрос? Ни у кого из нас нет мотива для убийства.

— Сюэли совершенно права, — подала голос Фань Линь. — Я уже говорила: зачем нам убивать сестрицу Ямэй? Лао Тань, я не пытаюсь учить тебя работать, но ты тратишь время не на то. Лучше бы поискал другие зацепки. Мы все, как и ты, хотим, чтобы убийцу поймали как можно скорее!

Все в комнате единодушно закивали. Тань Юн ничего не ответил, лишь молча убрал блокнот и ручку, затем поднялся:

— Я пойду. Если что-то вспомните — сообщите.

5

Вернувшись в отдел уголовного розыска, Тань Юн позвонил Ли Биню. Тот доложил, что посетил дом престарелых, куда часто наведывалась Гун Ямэй.

— Она занималась благотворительностью по искреннему желанию, — сообщил Ли Бинь. — У нее были прекрасные отношения и с персоналом, и с постояльцами. Она помогала старикам мыться, кормила их, гуляла и беседовала с ними. Все любили Гун Ямэй. Новость о ее смерти всех глубоко потрясла.

Он добавил, что вчера Гун Ямэй в дом престарелых не приходила, и заключил:

— Учитывая все обстоятельства, считаю, что это место не имеет отношения к ее убийству.

Тань Юн кивнул и распорядился:

— На обратном пути зайди в шашлычную «Мацзи» на улице Юйшу. Уточни у владельца, действительно ли Ли Сюэли ночевала у него вчера, а также точное время ее прихода и ухода.

Спустя некоторое время Ли Бинь вернулся. Глотнув чая, он доложил:

— Я был в шашлычной, все проверил. Вла-

делец — Ма Цян, тридцать девять лет, холост. Купил эту забегаловку год назад: первый этаж отведен под бизнес, второй — жилой. Ли Сюэли действительно была у него вчера. Пришла около одиннадцати, ушла сегодня в восемь утра. Всю ночь они провели вместе. По крайней мере, так утверждает Ма Цян.

Тань Юн хмыкнул:

— Вообще-то, эта проверка уже не так важна. Поэтому и попросил заехать по пути в отдел. Даже если бы Ли Сюэли была убийцей, она могла сначала совершить преступление, а потом пойти к Ма Цяну. Но лично я считаю это маловероятным.

— Лао Тань, ты ошибаешься. Это еще как важно, — покачал головой Ли Бинь.

— Почему?

— Знаешь, кто такой этот Ма Цян?

— Кто? Хватит загадок, говори прямо.

— Когда я был в его заведении, увидел знакомое лицо — ту самую старушку-мусорщицу, которая обращалась в полицию два года назад.

— В каком смысле? — Тань Юн моргнул, не сразу поняв. — Эта старушка теперь работает у Ма Цяна? Неудивительно, что я давно не видел ее собирающей мусор.

— Работает? Да какой там! — фыркнул Ли

Бинь. — Она его мать! Помещение под шашлычную купила на деньги от продажи той самой «несчастливой» квартиры в «Юэхайване». Все, чтобы сын вернулся в Лиши из другого города. С собственным помещением бизнес ведь лучше пойдет.

— Что?! — Тань Юн остолбенел. — Ли Сюэли знала об этом? Получается, ее любовник — сын прежней хозяйки проклятого жилья!

— Не могла не знать, — покачал головой Ли Бинь. — Она же подала на них в суд, когда всплыла история с убийством. Еще тогда выяснилось, что Ма Цян — сын этой старухи.

Тань Юн несколько секунд молчал с открытым ртом.

— Это же абсурд! Ли Сюэли ненавидела эту семью за аферу с квартирой. Как она могла сойтись с Ма Цяном?

— Вот именно, — кивнул Ли Бинь. — Будь он богатым красавчиком — еще куда ни шло. Но внешность так себе, да и шашлычная его еле-еле сводит концы с концами. С чего бы Ли Сюэли вдруг заинтересоваться таким?

— Ладно Ли Сюэли, но старуха? После всей этой нервотрепки она должна была бы избегать Ли Сюэли как огня. Как она могла разрешить сыну с

ней встречаться?

— Возможно, она просто не в курсе, — задумчиво ответил Ли Бинь. — Я узнал, что старуха живет отдельно от сына, только днем приходит помогать в шашлычной. Так что ночные визиты Ли Сюэли могли остаться незамеченными. — Он помолчал, затем добавил: — Лао Тань, как думаешь, может, у Ли Сюэли был какой-то скрытый умысел по отношению к Ма Цяну?

— Попробую ее расспросить. Но сомневаюсь, что она скажет правду.

— Оставим это пока. Ты опрашивал «Большую семью»? Есть какие-то зацепки?

— Я допросил всех по очереди. Не знаю, совпадение ли это, но ни у кого из «Большой семьи» нет алиби.

— Значит, под подозрением все? Это осложняет дело.

— Но если убийца среди них, есть одна неувязка. Они сами на нее указали, и я с ними согласен — у них нет мотива для убийства.

— Нельзя быть уверенным. Возможно, между ними случился конфликт, о котором ты не знаешь.

— Но я не могу представить, какой именно. Иначе сегодня кто-то обязательно бы проболтал-

ся. А мелкие бытовые разногласия — даже если они есть — вряд ли довели бы до убийства.

— Выходит, они не имеют отношения к смерти Гун Ямэй?

— А как ты думаешь, связано ли это дело с убийством, которое произошло два года назад?

— Тань Юн, ты предполагаешь, что убийца тот же?

— Почему бы и нет? Его так и не поймали.

— Но за два года он не совершал новых преступлений. Зачем ему начинать сейчас? Да и способ убийства совершенно другой. Думаю, это маловероятно.

— Но есть одно сходство — обе жертвы связаны с квартирой двенадцать ноль три.

— Владелица квартиры — Ли Сюэли. Гун Ямэй просто часто бывала у нее в гостях.

— Не только. Перед происшествием Гун Ямэй как раз вышла из квартиры двенадцать ноль три. Вдруг она случайно что-то обнаружила, и убийца… Хотя я лишь строю пустые догадки.

— Скорее всего, это просто совпадение.

— Ты правда так считаешь? — Тань Юн пристально посмотрел на Ли Биня. — В обоих делах фигурирует квартира двенадцать ноль три. Это, по-твоему, случайность?

— Других логичных вариантов я пока не вижу… Кстати, о том убийстве сейчас ходят самые нелепые слухи. Будто бы тело разрубили на куски и спрятали в морозилке.

— Не отвлекайся. Вернемся к возможной связи между этими делами.

— Почему ты так зациклен на этом?

— Сам подумай. Если убийца один и тот же, ты можешь гарантировать, что он не нанесет новый удар?

Ли Бинь напрягся — такая перспектива выглядела пугающе реальной.

— Телефон Гун Ямэй отправили в техотдел. Я проверю, смогли ли они восстановить данные. Может, найдутся зацепки.

— Хорошо. Ли Сюэли говорила, что Гун Ямэй собиралась остаться у нее на ужин, но внезапно передумала и ушла. Возможно, ей кто-то позвонил или написал. Если удастся найти этого человека…

— Понял. Иду в техотдел.

Когда Ли Бинь вышел, Тань Юн уставился в окно, в голове четко звучало одно слово: мотив.

Что объединяет два этих преступления?

Интуиция подсказывала: разгадка кроется именно здесь.

Глава пятая. Зацепки

1

После произошедшего ужин проходил в гнетущей атмосфере. Все молча уставились в свои тарелки, избегая разговоров. Тишину нарушила только дочь Фань Линь — маленькая Вэньцзин.

— Мама, почему все молчат? — спросила девочка, чувствуя, что сегодня что-то не так.

— Когда я ем, я глух и нем. За столом и не положено болтать.

— Но раньше было не так!

Фань Линь не нашлась что ответить и просто положила дочери добавку.

— Тихо. Давай ешь.

Вэньцзин оглядела стол и заметила, что кого-то не хватает.

— А где бабушка Гун? Почему она сегодня не с нами?

Фань Линь задумалась. Скрывать правду от дочери все равно не получится, но и говорить слишком много она не хотела.

— Вэньцзин… бабушка Гун… уехала.

— Куда?

— Далеко. И не вернется.

Шестилетняя девочка еще не понимала, что

такое смерть.

— А куда именно «далеко»? Почему она не попрощалась?

— Хватит вопросов, Вэньцзин…

— Умерла, — неожиданно раздался чей-то голос. Фань Линь замерла, остальные тоже оторвались от еды, подняли голову и начали оглядываться. Никто не понял, откуда прозвучали эти слова.

Кроме Су Сяотун.

Если она не ослышалась, это сказал Гу Сяолян, сидевший между ней и Гу Лэем. Но она не была уверена. Су Сяотун переглянулась с мужем, затем машинально посмотрела на сына — мальчик опустил голову, будто только что проглотил кусок еды.

— Кто это сейчас говорил? — недоумевал Ван Синсин.

Словно в ответ на его вопрос Гу Сяолян четко повторил:

— Умерла.

На этот раз его услышали все.

— Кто умерла? — пораженно спросила Вэньцзин.

Гу Сяолян поднял руку и указал на пространство между Ли Сюэли и Ван Синсином.

Ли Сюэли остолбенела.

Су Сяотун, охваченная жутким смущением, тут же опустила руку сына:

— Сяолян, не говори глупостей!

— Я не глупый, — безэмоционально ответил мальчик. — Она умерла.

— Э-э… — Ли Сюэли покраснела от неловкости.

— Сюэли, прости, не обращай внимания, — немедленно извинилась Су Сяотун. — Ты же знаешь, он у нас… особенный… Я сама не понимаю, что на него сегодня нашло…

— Ничего… — слабо улыбнулась Ли Сюэли. — Все хорошо.

Ван Синсин, сидевший рядом с Ли Сюэли, вдруг сообразил:

— Сестрица Сюэли, он указывает не на тебя и не на меня, а на ту, кто обычно сидит между нами. На сестрицу Ямэй.

Его слова прояснили ситуацию. Хотя места за столом у Ли Сюэли не были строго закреплены, все давно привыкли сидеть в определенном порядке. Между Ли Сюэли и Ван Синсином всегда располагалась Гун Ямэй.

Вэньцзин была умной девочкой. Сопоставив намеки со словами Гу Сяоляна, она все поняла. Нос девочки покраснел, и слезы покатились по щекам.

— Бабушка Гун… умерла?

Фань Линь не знала, что ответить. Она не могла врать дочери и молча опустила глаза. Вэньцзин разрыдалась:

— Я так любила бабушку Гун! Вчера же она была полностью здорова… Почему она вдруг умерла?

Ее рыдания окончательно испортили всем аппетит. Более того, у Ся Ци, Шэнь Фэнся и Ли Сюэли тоже покраснели глаза, они едва сдерживали слезы.

Су Сяотун вдруг вспомнила: днем, когда Тань Юн допрашивал всех, Гу Сяолян находился в комнате. Хотя сын увлеченно возился с игрушками и не проявлял интереса к разговору, он, видимо, уловил ключевые слова.

Ей стало стыдно. Она думала, что ее умственно отсталый сын ничего не смыслит, и не стала его уводить. Но оказалось, Гу Сяолян не так глуп, как она предполагала. Он понял, что Гун Ямэй умерла, и выдал эту информацию без всяких прикрас.

— А Сяолян… он в курсе, что значит слово «умирать»? — тихо спросил Юань Дун.

— Нет. — Су Сяотун покачала головой. — Он просто повторяет услышанное днем.

— Но он ведь указал именно туда, где…

Гу Лэй, не желая продолжать эту тему, сунул

ложку в рот сыну, чтобы предотвратить новые неловкие заявления, и с натянутой улыбкой добавил:

— Детский лепет, не принимайте всерьез. Он просто болтает что попало.

Однако Гу Сяолян с набитым ртом пробормотал:

— Я знаю, что значит «умирать». Мой папа ум…

Хотя большинство не разобрало его слов, Су Сяотун и Гу Лэй побледнели. Отец едва не закрыл рот ребенку рукой, а мать тут же сдернула сына со стула и строго приказала:

— Сяолян, хватит! Мы идем домой!

Она схватила мальчика за руку и направилась к выходу. Зарыдавшего от материнского окрика ребенка Гу Лэй поспешил унести прочь, взвалив себе на плечо.

— Извините… Не знаем, что с ним сегодня… Мы разберемся. Приятного аппетита.

— Эй, вы же не доели! — окликнула их Ли Сюэли.

— Ничего, ничего. — Гу Лэй лишь помахал рукой, не оборачиваясь.

Оставшиеся ошеломленно переглянулись.

— Вы… расслышали, что только что сказал Гу

Сяолян? — наконец спросил Ван Синсин.

2

Су Сяотун редко выходила из себя, но сейчас она была не просто разгневана — она паниковала. Затащив рыдающего сына домой и захлопнув дверь, она рявкнула:

— Хватит реветь!

Но это лишь усилило плач мальчика. Гу Лэй обнял ребенка.

— Сяотун, перестань кричать. Ты его пугаешь.

Не обращая внимания на слова мужа, она схватила Сяоляна за плечи и жестко потребовала:

— Что ты сказал? Повтори!

Мальчик зашелся в истерике, не реагируя на приказ. Су Сяотун ткнула пальцем в его лицо:

— Если еще раз осмелишься нести такой бред при людях — запрещу тебе вообще с кем-либо общаться! Ни парков, ни игровых площадок, ни друзей!

Было неясно, понял ли Сяолян угрозу; он лишь часто закивал сквозь слезы, и это движение напоминало движение курицы, когда та клюет зерно, — жалкое и беспомощное. Гу Лэй унес сына в спальню.

Су Сяотун вышла на балкон и гневно выдох-

нула. Закат, обычно восхищавший ее, теперь напоминал размазанную акварель — хаотичную и безобразную.

Через десять минут Гу Лэй присоединился к жене.

— Ты перегнула палку. Я еле успокоил Сяоляна.

— Не об этом сейчас нужно переживать. — Су Сяотун схватила мужа за рукав. — Ты расслышал, что он сказал?

— Мы-то знаем контекст, поэтому поняли. Остальные вряд ли разобрали.

— Ты уверен? Может, они все же расслышали?

— Сомневаюсь. Он говорил с набитым ртом, невнятно. Я видел их лица — полное недоумение.

— В недоумение их могли привести слова Сяоляна! — Она нервно сжала кулаки. — Он сказал: «Я знаю, что значит „умирать“. Мой папа умер»?

— Кажется, да.

— Ты уверен, что прозвучало именно «папа»?

— Не разобрал, но похоже…

Су Сяотун вцепилась пальцами в волосы, стиснув зубы.

— Кошмар! Сколько людей это услышало… Что они подумают? — прошептала она.

— Успокойся. Максимум, что они вынесут, — отец Сяоляна мертв. Никаких подробностей.

— А если начнут строить догадки?

— И что с того? Разве по одной этой фразе они догадаются о том, что случилось?

— Вдруг они расскажут об этом Лао Таню?

— Лао Тань сейчас расследует убийство Гун Ямэй, ему не до нас. Да и вряд ли они побегут ему докладывать.

— Но ведь Ли Сюэли сплетница. А Фань Линь обожает копаться в чужих секретах.

Гу Лэй задумался.

— Если они и скажут Лао Таню и он придет с вопросами — ничего страшного. У нас же есть готовое объяснение.

Су Сяотун вздохнула:

— Это на самый крайний случай. Я надеялась навсегда оставить прошлое позади, больше никогда не вспоминать ту историю. Иначе зачем мы переехали из Цзинчжоу в Лиши?

— Сяотун, не драматизируй. Все знают, что у Сяоляна проблемы с развитием. Они не придадут значения его словам.

— Но я переживаю. Я никак не ожидала, что Сяолян может сказать такое. А если он снова выдаст что-то шокирующее?

— Думаю, этого не повторится. Ты его сильно напугала, а я строго наказал ему больше так не делать.

— Если бы Сяолян понимал такие вещи, он не был бы умственно отсталым ребенком, — покачала головой Су Сяотун, закрывая глаза и вздыхая. — К тому же наша реакция была слишком резкой, это точно вызвало подозрения. Но я не могла рисковать — даже секунды не осмелилась оставить его там. Вдруг он сказал бы что-то еще более ужасное?

— Сяолян не мог сказать больше. Он не знает всей истории, только что его родной отец отошел в мир иной… — Гу Лэй покачал головой. — В последнее время Сяолян так ко мне привязался. Я думал, он уже считает меня своим отцом. Оказывается, он все же понимает разницу.

— Гу Лэй, давай продадим квартиру и уедем отсюда, — неожиданно предложила Су Сяотун.

— Что? — удивился Гу Лэй. — Ты хочешь переехать из-за такого пустяка?

— Не только из-за него. Два года назад в квартире Ли Сюэли уже было убийство, а теперь вот новое. Мне кажется, с этим местом что-то не так.

— Ты об убийстве Гун Ямэй? Но она же погибла не в квартире Ли Сюэли. Какое отношение оно

имеет к нашему жилью?

— Самое прямое. Гун Ямэй была частой гостьей в доме Ли Сюэли и погибла сразу после того, как вышла оттуда. В этом жилом комлексе произошла уже не одна трагедия. По-твоему, это просто совпадение?

Гу Лэй не нашел что ответить.

— Главное, если бы ничего не случилось, мы бы не привлекали внимания полиции. Но теперь, после убийства, они неизбежно начнут копать в нашу сторону. Вернее, уже начали — сегодня днем Тань Юн же допрашивал нас.

— Но он допрашивал всех, не только нас!

— Я боюсь, что по мере расследования всплывет мое прошлое.

— Значит, уезжать нам как раз нельзя, по крайней мере сейчас. Гун Ямэй только что погибла, нас допросили — и мы сразу съезжаем? Это будет выглядеть крайне подозрительно и точно привлечет к нам еще больше внимания, — заключил Гу Лэй.

Су Сяотун признала, что муж прав, и вздохнула:

— Тогда подождем, пока все утихнет, и потом решим.

— Угу.

— Но я немного волнуюсь.

— Чего ты волнуешься? Что наше прошлое…

— Нет, не только это.

— Что еще?

Су Сяотун посмотрела на Гу Лэя:

— Не знаю почему, но у меня плохое предчувствие. Кажется, подобное повторится снова.

Лицо Гу Лэя потемнело.

— Ты хочешь сказать, что после Гун Ямэй будет еще жертва?

— Да… У меня такое ощущение. Все только начинается, до конца еще далеко.

— Лучше бы не произносить такие вещи вслух…

— Я не просто так говорю.

— Но у тебя же нет доказательств?

— Доказательств нет, зато есть опыт.

— Какой еще опыт?

— Наверное, мое шестое чувство острее, чем у других. Перед опасностью я будто чувствую ее запах. Со мной такое уже бывало, помнишь?

Гу Лэй обнял Су Сяотун:

— Будь это в моих силах, я бы сделал все, чтобы ты навсегда забыла о том страшном дне.

Су Сяотун прижалась к его груди. Через некоторое время она произнесла:

— Все же пойду утешу Сяоляна. Я была слишком строга с ним.

Гу Лэй кивнул, и они вместе вошли в спальню. При виде мамы Гу Сяолян съежился. Су Сяотун присела перед ним, бережно взяла его ладошку и произнесла:

— Сяолян, прости, что мама накричала на тебя. Больше я так не буду.

Гу Сяолян опустил голову. Су Сяотун обняла его и тихо прошептала на ухо:

— Ты тоже пообещай маме, что впредь не будешь говорить такие странные вещи при других, хорошо?

Хотя словесного ответа не последовало, Су Сяотун заметила, что сын слегка кивнул, и это наполнило ее безмерной нежностью. Она крепче прижала мальчика к себе:

— Мы ведь так и не поужинали. Хочешь, мама с папой отведут тебя в «Макдоналдс»?

Гу Сяолян снова кивнул. Су Сяотун и Гу Лэй одновременно улыбнулись, взяли сына за руки и вышли из дому.

3

Утром, как только Тань Юн вошел в кабинет, к нему сразу подоспел Ли Бинь с мобильным телефоном в руках:

— Я только что был в техническом отделе. Данные с телефона Гун Ямэй восстановили.

— И что, есть какие-то зацепки?

— Есть. Позавчера вечером, в двадцать два часа четырнадцать минут, Гун Ямэй позвонили с иногороднего номера. Разговор длился всего сорок секунд. А уже через несколько минут она ушла от Ли Сюэли, вышла из жилого комплекса и села в такси до смотровой площадки.

Тань Юн открыл блокнот:

— Двадцать два четырнадцать. Судя по показаниям Ли Сюэли, она варила на кухне танъюань, а Гун Ямэй находилась одна в гостиной. Но про звонок Ли Сюэли не упомянула.

— Звонок длился всего сорок секунд — она могла его не услышать.

— Техотдел пробил номер? Кто владелец?

— Это старая сим-карта, десятилетней давности, куплена без регистрации. Установить личность владельца невозможно.

— Думаю, это не случайно. — Ли Бинь нахмурился. — Звонивший либо нашел, либо купил анонимную карту специально, чтобы полиция его не вычислила.

— Согласен. — Тань Юн кивнул. — Теперь можно с уверенностью сказать, что звонивший — убийца Гун Ямэй. Он вызвал ее на смотровую площадку, а затем столкнул в воду.

— Тогда убийца наверняка знает Гун Ямэй. Она бы не поехала ночью в такое место по звонку незнакомца.

— Верно. Мои первоначальные предположения подтверждаются: это преступление совершил кто-то из ее окружения.

— Если исключить персонал дома престарелых, в Лиши у Гун Ямэй были знакомые только из «Большой семьи».

— А как насчет ее старых связей?

— Кстати, Лао Тань, знаешь что? В телефонной книге и «Вичат»-контактах Гун Ямэй были только люди, с которыми она познакомилась в Лиши. Разве это не странно? Ей ведь пятьдесят восемь лет. Где же все ее родственники, друзья, одноклассники, коллеги?

— Тут я могу объяснить. Она сама нам рассказывала. Гун Ямэй пережила сильнейшее

потрясение, хотела уйти в монахини и даже покончить с собой. Позже, по совету одного духовного наставника, она приехала в Лиши, чтобы начать новую жизнь. Но она подчеркивала: это решение означало полный разрыв с прошлым — как бы «перерождение из пепла». Поэтому она сменила номер и оборвала все старые связи.

— Выходит, круг подозреваемых ограничен «Большой семьей». Другими словами, убийца — кто-то из них. К тому же у всех них нет алиби на момент преступления.

— Пока все улики указывают на это. Но я не могу понять мотив. И еще: если звонивший действительно был из «Большой семьи», почему Гун Ямэй не сказала Ли Сюэли о звонке, а молча ушла?

— Возможно, этот человек хотел обсудить с Гун Ямэй что-то сугубо личное. То, о чем никто не должен знать. Поэтому он был уверен — она никому не расскажет об их встрече.

— Но они жили в одном доме, в одном районе! Если нужно было поговорить, почему бы не встретиться у нее или у него дома? Зачем тащиться в такую даль? Разве Гун Ямэй не сочла бы это подозрительным?

— Все зависит от того, как именно он ее угово-

рил. Возможно, использовал какую-то уловку, чтобы заманить ее на смотровую площадку с целью убийства.

Тань Юн задумчиво потер щетину на подбородке:

— Если так, то можно сделать вывод: Ли Сюэли вне подозрения. После того как Юань Дун и Шэнь Фэнся ушли, в доме остались только она и Гун Ямэй. Нелепо предполагать, что она стала бы заманивать соседку в беседку для разговора. Да и зачем звонить, если они были вместе?

— Логично.

— Ли Бинь, нам нужно наведаться в жилой комплекс «Юэхайвань».

— Зачем?

— Я поговорю с Ли Сюэли наедине. А ты обыщешь квартиру Гун Ямэй — вдруг найдем новые улики.

Ли Бинь кивнул. Они вышли из кабинета.

4

Перед тем как отправиться в ЖК «Юэхайвань», Тань Юн позвонил Ли Сюэли, чтобы удостовериться, что она дома. Получив утвердительный ответ, они с Ли Бинем разделились: Ли Бинь направился в квартиру Гун Ямэй на тринадцатом этаже, а Тань Юн спустился на этаж ниже — в квартиру 1203.

Ли Сюэли налила Тань Юну чашку горячего чая и спросила:

— Лао Тань, ты пришел снова что-то уточнить?

— Да. По трем моментам.

— Говори.

— Во-первых, позавчера вечером, когда вы с Гун Ямэй остались одни, ты готовила на кухне танъюань. Ты слышала, как она разговаривала по телефону?

— Точно не скажу. Телевизор громко работал. К тому же она, кажется, ходила туда-сюда. То по гостиной, то по балкону. Когда я вышла с едой, она точно не говорила по телефону.

— То есть содержание разговора ты не слышала?

— Нет. Я даже не знала, что она кому-то звони-

ла. Да и у сестрицы Ямэй была привычка — она любила принимать звонки на балконе.

Выходит, Гун Ямэй вышла на балкон, чтобы принять этот решающий звонок. Кухня находилась далеко, так что Ли Сюэли в самом деле не могла ничего расслышать.

Тань Юн, обдумывая это, продолжил:

— Следующий вопрос касается твоей личной жизни, но мне важно знать…

— Я догадываюсь, о чем ты хочешь спросить. Почему я тайно встречаюсь с Ма Цяном, верно?

— Мм… Тебе ведь известно, что он сын прежней хозяйки квартиры?

— Конечно.

Тань Юн пристально посмотрел на нее.

— Сама не понимаю, как так вышло. — Ли Сюэли вздохнула. — Поэтому и скрывала от всех. Но раз уж ты спросил… — Она сделала паузу. — Я подала в суд на прежнюю хозяйку за то, что продала мне квартиру, где произошло убийство, но проиграла. Я была в ярости. Несколько раз ходила ругаться к этой старухе. Та все извинялась, но помочь не могла. И тогда Ма Цян сам пришел ко мне. Сказал: «Мы виноваты. Но я могу компенсировать ущерб». Я спросила: «Как? Вернешь мне деньги?» Он ответил: «Нет, мать уже вложила

их в мою закусочную». Потом предложил: «Если боишься жить одна — могу поселиться у тебя. Только мать не должна знать. Она суеверная, запретит мне ночевать здесь. Но мне все равно. Я в эти глупости не верю».

— И ты согласилась? Правда пустила его жить к себе?

— У меня тогда не было выбора. — Ли Сюэли горько усмехнулась. — Я только переехала, не знала здесь ни души, «Большая семья» еще не появилась. Остаться одной в квартире с дурной славой? Я бы не решилась. Тогда зачем вообще покупала это жилье? Вот и разрешила Ма Цяну остаться. Ирония судьбы в том, что эту квартиру мать изначально купила ему на свадьбу. Но после того случая поспешила продать ее, чтобы сын не жил в «несчастливой» квартире. А в итоге он все равно здесь поселился. А я? Потратила кучу денег, а в результате сын прежней хозяйки живет у меня бесплатно, да еще и делает одолжение, «защищает» меня. Теперь это я ему обязана.

Тань Юн тоже почувствовал всю абсурдность ситуации и замолчал.

— Но главное, Лао Тань, — Ли Сюэли пристально посмотрела на него, — задумывался ли ты? Если… чисто гипотетически… я выйду за Ма Ця-

на, то и так буду жить здесь. Выходит, миллион с лишним, который я потратила на покупку и ремонт, коту под хвост?

— Почему же Ма Цян больше здесь не живет?

— Я выгнала его. — Ее голос стал ледяным.

— Почему? Неужели его «защита» была лишь предлогом? Он что-то замышлял?

— Нет, что ты. Он вел себя прилично — все время спал в гостевой. Позже я сама… предложила ему перебраться в мою комнату.

— Тогда зачем выгонять?

— Потом я познакомилась с соседями, создала «Большую семью» — и его поддержка стала не нужна. Лао Тань, ты его видел? Низкорослый, невзрачный — разве он пара мне? Я, конечно, не Су Сяотун, но выгляжу неплохо, согласен? Вышла бы за такого — опозорилась бы.

— Но зачем тогда ночевать у него в закусочной?

Ли Сюэли на секунду запнулась, затем холодно бросила:

— Лучше уж так, чем одной здесь оставаться. Это, считай, как номер в гостинице, только денег не берут.

— Его мать в курсе?

Она покачала головой.

— Сюэли, мы знакомы больше года. — Тань Юн отхлебнул чая. — Я тебя хоть и немного, но изучил. Когда ты говоришь неискренне, твое поведение становится полной противоположностью твоему настоящему характеру.

Ли Сюэли замерла:

— Я… в чем я неискренна?

— Думаю, все было так, — продолжил Тань Юн. — Вы с Ма Цяном полюбили друг друга, пока он жил у тебя. Но его суеверная мамаша узнала и запретила ему здесь оставаться. Ему пришлось уйти. Потом вы тайно встречались, и, чтобы быть вместе, ты приходила к нему. — Тань Юн сделал паузу. — Ты скрывала это, потому что отношения бесперспективны. Его мать никогда не благословит ваш брак. Она не позволит, чтобы ее сын снова поселился в проклятой квартире. Да и тебе приятного будет мало: бывшая хозяйка станет свекровью… Конечно, это лишь мои догадки. Если ошибаюсь — поправь.

Губы Ли Сюэли дрогнули, но она не нашла слов. Через мгновение ее защита рухнула — слезы хлынули ручьем.

— Лао Тань… что ж за судьба у меня такая? Копила-копила — купила «несчастливую» квартиру. Встретила любимого — а наш союз под запретом.

Создала «Большую семью» — и вот сестрица Ямэй погибла… Почему жизнь так несправедлива?

— Девять из десяти событий в человеческой жизни — несчастья, — мягко сказал Тань Юн, подавая ей салфетку. — Ты не одна такая.

Ли Сюэли вытерла слезы.

— Лао Тань, ты вроде хотел три вопроса обсудить.

— Уже заканчиваю. — Тань Юн поднялся с дивана. — Мы не смогли разыскать родных и друзей Гун Ямэй из прошлой жизни. Тело нельзя вечно хранить в морге… Может, устроим скромные похороны? Как ее друзья, проводим в последний путь.

— Я тоже об этом думала, — кивнула Ли Сюэли. — Сообщу «Большой семье». Дату оставляю на твое усмотрение.

Тань Юн согласился и вышел. Поднявшись на тринадцатый этаж, он обнаружил, что Ли Бинь уже закончил осмотр квартиры Гун Ямэй, которая располагалась точно над квартирой Ли Сюэли.

— Нашел что-то? — спросил он, переступая порог.

— Все обыскал, но увы… — Ли Бинь покачал головой. — Только бытовые мелочи да алтарь с благовониями. Скажи, Гун Ямэй была буддист-

кой?

— Верно. Ничего полезного не обнаружил?

— Ничего. — Ли Бинь достал телефон Гун Ямэй. — Кстати… Тебе о чем-нибудь говорит имя Фэн Чжэн?

— Не знаю такого. — Тань Юн нахмурился. — Он что, из «Большой семьи»?

— Нет? Тогда я ошибся. — Ли Бинь почесал затылок. — Похоже, это единственный человек в контактах Гун Ямэй, с которым она познакомилась не в Лиши.

— Что? — Тань Юн резко выпрямился. — Звони ему немедленно.

— Уже пробовал. Телефон выключен.

— Продолжай дозваниваться, — приказал Тань Юн, сжимая кулаки. — Если весь день будет недоступен — пробьем его по своим каналам.

Ли Бинь кивнул и снова набрал номер.

5

В час дня Ли Бинь сообщил Тань Юну:

— Фэн Чжэн наконец ответил. Он был в самолете, поэтому выключил телефон.

— Кто он? Как связан с Гун Ямэй?

— Адвокат. Раньше работал юрисконсультом в ее компании, они были близкими друзьями. Новость о смерти Гун Ямэй шокировала его. Завтра прилетит в Лиши урегулировать кое-какие дела.

— Это кстати. — Тань Юн кивнул. — Завтра как раз траурная церемония.

Ли Бинь нахмурился:

— В телефоне Гун Ямэй не было контактов ни родных, ни старых друзей — один этот адвокат. Неспроста.

— Думаю, дело не столько в их личных отношениях, — после некоторых раздумий сказал Тань Юн, — сколько в его профессии.

— Какие именно дела он собирается урегулировать, как считаешь?

— Откуда мне знать? Вот он завтра приедет — все и прояснится.

После работы Тань Юн вернулся домой. Тань

Яли сидела в гостиной и играла в мобильную игру.

— Яли? — удивился он. — Ты дома? Разве сегодня нет вечерних занятий?

— Нет, — ответила девушка, не отрываясь от экрана. — Сегодня в школе спортивные соревнования, занятия отменили. Вот я и пришла.

— Может, сходим куда-нибудь перекусить?

— У мамы наверняка уже ужин стоит на плите.

Доу Хуэй вышла из кухни в фартуке:

— Я не знала, что Яли сегодня так рано придет, не приготовила ничего особенного. Может, возьмем что-нибудь навынос?

— Не надо, — улыбнулся Тань Юн. — Пойдем в ресторан. Моя дочь всегда учится на отлично — надо ее вознаградить. Одевайтесь!

— Ура! — Тань Яли весело подпрыгнула на диване.

Семнадцатилетняя Яли была в расцвете юности — высокая, стройная, с миловидным лицом, полная жизненной энергии, свойственной этому возрасту. Это было самое прекрасное время в ее жизни.

Тань Юн открыл приложение с рекомендациями местных заведений и протянул телефон

дочери. Та уже переоделась.

— Яли, выбирай, где нам поужинать.

Тань Яли, прижавшись головой к плечу отца, изучала отзывы в приложении. Вскоре она нашла тайский ресторан с хорошим рейтингом:

— Как насчет этого? Говорят, у них самый лучший том-ям.

— Отлично, идем туда!

— Э-э… Лучше не надо.

— Что такое?

— В отзывах пишут, средний чек — больше двух сотен на человека.

— Ха! Неужели твой папа скупердяй? — Тань Юн легонько ткнул дочь в лоб. — Дорого — но мне по карману!

— Я знаю, но… если можно сэкономить, почему бы этого не сделать?

Тань Юн недоумевал: прежде дочь при выборе заведений никогда не смотрела на цены. То ли повзрослела, то ли… Внезапно он вспомнил разговор с Доу Хуэй — Яли мечтает учиться за границей, и его озарило.

— Яли, ты из-за Гарварда так о деньгах беспокоишься?

Дочь закусила губу и кивнула.

— Просто мама говорила… у нас меньше ста

тысяч накоплений…

— Скажи мне честно: ты очень сильно этого хочешь?

Тань Яли выпрямилась и твердо кивнула.

— Кроме учебы, есть еще причины?

Лицо девушки залилось румянцем. Она робко взглянула на отца:

— Мама тебе рассказала?

— Мм… она упомянула этого Сунь Хуэя…

— Ладно, хватит! — Яли перебила отца, покраснев до корней волос.

Тань Юн усмехнулся:

— Отец тоже когда-то был молодым, и я не из тех закостенелых ретроградов. В твоем возрасте встретить того, кто нравится, познать вкус любви — это прекрасно. Стесняться тут нечего.

— Правда?..

— Конечно.

Тань Яли сжала губы, в уголках ее рта затаилась сладкая улыбка, а на лице расцвело неподдельное счастье. Это выражение Тань Юн уже видел лет тридцать назад. По опыту он знал: так выглядит по-настоящему влюбленная девушка. Ему и спрашивать не надо было, чтобы понять, как сильно его дочери нравится тот мальчик.

— А он тебя любит?

— Мм… да… — призналась Тань Яли едва слышным шепотом.

— Значит, чувства взаимны. Но скажи, зачем вам обязательно уезжать на учебу за границу? Разве нельзя поступить в лучший университет здесь, в Китае?

— Пап, школа может порекомендовать нас для учебы в Гарварде. — Тань Яли подняла голову. — Ты хоть представляешь, насколько это ценно? Такая возможность не каждый год выпадает. Только благодаря удачному стечению обстоятельств наша школа получила такой особый ресурс. Из всех старших школ страны лишь у нас есть два этих места. И это же не просто престижный вуз — это Гарвард! В рейтинге лучших университетов мира он занимает одно из первых мест. Гарвард воспитал сто шестьдесят нобелевских лауреатов и восемь президентов США. Ты же понимаешь, что значит этот шанс для меня? И для Сунь Хуэя? Он точно поедет. А если я откажусь…

Тут голос Тань Яли дрогнул, на лице ее отразилась грусть. Тань Юн обнял дочь за плечи:

— Теперь я понял. Давай сообщи учителю, что поедешь в Гарвард вместе с Сунь Хуэем.

— Но ведь еще нужно сдать экзамены, это не так просто… Правда? — Тань Яли вспыхнула от

радости, но тут же вспомнила о практической стороне. — Но как же деньги?

— Я что-нибудь придумаю. Не переживай об этом.

Тань Яли, растроганная, обняла отца. В этот момент из комнаты вышла Доу Хуэй. Она подслушала разговор дочери с отцом, пока переодевалась. Немного помедлив, она предостерегла мужа:

— Лао Тань, хорошенько подумай. Взять кредит больше чем на миллион — это не шутки.

— Не нужно брать сразу всю сумму. Соберем на первый год, а там видно будет.

— Ты прав, но все же…

Тань Яли была уже достаточно взрослой, чтобы заметить беспокойство родителей, поэтому она осторожно предложила:

— Может, пока отложим принятие решения? В конце концов, у нас есть целый месяц, чтобы дать ответ учителю.

— Яли… — Тань Юн открыл рот, но слова застряли в горле.

— Пап, мам, я правда очень хочу поехать в Гарвард, но не позволю, чтобы вы из-за этого погрязли в долгах. Я не могу быть такой эгоисткой.

Тань Юн посмотрел на свою рассудительную дочь, и у него выступили слезы.

— Давайте действительно позже об этом подумаем, — перевела тему Доу Хуэй. — Куда пойдем ужинать?

— В тайский ресторан! — Тань Юн встал, крепко сжимая руку дочери. — Пошли!

Глава шестая. Завещание

1

Траурная церемония была обречена стать мрачной и необычной. Причин тому имелось несколько: Гун Ямэй умерла насильственной смертью, а не естественной; среди присутствующих не было ни одного родственника, набралось меньше тридцати человек (включая сотрудников дома престарелых и нескольких пожилых постояльцев). Вдобавок — среди этих людей мог находиться ее убийца…

Присутствовали все члены «Большой семьи». Облачившись в черную или просто неброскую одежду, они пришли проводить Гун Ямэй в последний путь. Церемонию максимально упростили и назначили на десять утра. К девяти сорока собрались почти все — кроме одного человека: адвоката Фэн Чжэна, который, по словам Ли Биня, обещал посетить похороны.

— Лао Тань, — спросила Ли Сюэли, — а этот адвокат Фэн так и не объявился?

— Ли Бинь дал мне его номер, но все мои звонки переключаются на автоответчик, — ответил Тань Юн.

— Будем ждать?

Тань Юн задумался.

— Максимум до половины одиннадцатого. Если он не появится или не выйдет на связь — начнем без него.

Ближе к половине одиннадцатого Тань Юн в последний раз попытался дозвониться Фэн Чжэну, но телефон по-прежнему был выключен. Он сообщил распорядителю церемонии, что можно начинать.

Под руководством ведущего собравшиеся провели ряд траурных ритуалов: звучала погребальная музыка, объявлялась минута молчания, возлагались венки. Для произнесения прощальной речи единогласно выбрали Ли Сюэли — создательницу «Большой семьи».

С заранее подготовленным текстом в руках она обратилась к присутствующим. Голосом, полным неподдельных эмоций, она поведала историю знакомства с Гун Ямэй и вспомнила светлые моменты, проведенные вместе с ней за прошедший год. Когда дошло до самых трогательных воспоминаний, Ли Сюэли не смогла сдержаться и заплакала. Остальные тоже прослезились.

После завершения последнего ритуала тело Гун Ямэй отправили в крематорий.

Собравшиеся остались ждать в зале. В двадцать

минут двенадцатого в помещение поспешно вошел средних лет мужчина в черном костюме, с чемоданом на колесиках. Когда он узнал, что опоздал на церемонию, то неподдельно расстроился.

Тань Юн подошел к нему:

— Вы тот самый адвокат Фэн Чжэн, с которым говорил Ли Бинь? Друг Гун Ямэй?

— Да, это я.

— Я Тань Юн, следователь из уголовного отдела полиции города Лиши.

— Здравствуйте, следователь Тань, — пожал ему руку Фэн Чжэн; его голос звучал подавленно. — У меня был билет на шесть утра, я должен был прилететь к восьми. Но самолет задержали, и я упустил возможность попрощаться с сестрицей Ямэй.

Тань Юн ободряюще похлопал его по плечу:

— Знаете, вы единственный из старых знакомых, чей номер был в телефоне Гун Ямэй.

Фэн Чжэн замер, но затем кивнул без особого удивления. Он явно знал о прошлом Гун Ямэй.

Именно это хотел выяснить Тань Юн.

— Вы знаете, почему Гун Ямэй сменила номер и оборвала все связи с прежними друзьями и родственниками?

— В общих чертах — да. Вы ведь слышали, что сестрица Ямэй раньше была предпринимательницей? Пока у нее водились деньги, все родственники и друзья крутились вокруг, льстили и заискивали. Некоторые даже вложились в ее компанию, надеясь получить свою долю. Но когда у компании возникли трудности, они тут же переметнулись. Вместо поддержки стали требовать назад свои вложения, что только усугубило кризис и ускорило крах бизнеса. Думаю, потому сестрица Ямэй ожесточилась и разорвала все отношения с этими людьми.

— А ее семья? Я имею в виду ближайших родственников — мужа, сына. Неужели и они поступили так же?

— Насколько я знаю, муж, точнее, бывший муж был первым, кто добил Гун Ямэй, когда она оказалась в беде.

— Что? Как так?

— Говорят, у него давно была любовница. Он не подавал на развод только потому, что сестрица Ямэй была богата. Когда у компании начались проблемы, ее муж показал свое истинное лицо. Подробностей я не знаю, но в итоге они развелись, и он ушел к той женщине, забрав больше половины совместно нажитого имущества.

— А сын Гун Ямэй?

Фэн Чжэн покачал головой:

— Яблоко от яблони… Видимо, сестрица Ямэй допустила ошибки в его воспитании. Ее сын вырос беспринципным и меркантильным. Когда мальчик понял, что мать лишилась всего, то бросил ее и выбрал жить с более состоятельным отцом — хотя прекрасно знал, что тот приложил к случившемуся свою руку. Представьте: сестрица Ямэй потеряла бизнес, а почти все близкие люди от нее отвернулись. Такой удар выдержит не каждый.

Зал ожидания в морге был небольшим и очень тихим. Су Сяотун, Ли Сюэли и остальные прекрасно слышали слова Фэн Чжэна. Только сейчас они узнали, какие трагические события пришлось пережить Гун Ямэй. Невольно вырвались сочувственные вздохи.

Ли Сюэли не выдержала:

— Но… почему так получилось? Сестрица Ямэй была мягкой, доброжелательной… Такой человек не заслуживает предательства со стороны близких.

Фэн Чжэн задумался.

— Мне не следовало бы говорить такое на ее похоронах… Но вы, наверное, знаете Гун Ямэй

уже другой. Раньше она была совершенно иным человеком.

— Правда? Неужели?

— Да, сестрица Ямэй была классической «железной леди». Я работал юристом в ее компании и был хорошо знаком с ее стилем руководства. — Фэн Чжэн вздохнул. — Но если задуматься, как можно управлять предприятием с тысячами сотрудников без твердой руки? К тому же на пике успеха человек неизбежно меняется, и этот деловой стиль она, вероятно, переносила и в семью. А мужчины, как правило, не любят излишне сильных женщин, так что…

— Я это прекрасно понимаю. В этом и заключается самая большая несправедливость по отношению к женщинам! — с возмущением вступила Фань Линь. — Если быть образцовой женой и матерью, рискуешь прослыть заурядной домохозяйкой. Если строишь карьеру и вращаешься в деловых кругах — тебя назовут бесполой карьеристкой. Добиваешься успеха, становишься генеральным директором — а муж не принимает женщину-босса и мечтает о нежной и покладистой. Какой бы путь ни выбрала женщина — все не так!

Фэн Чжэн предпочел не развивать тему, лишь

пожал плечами.

Вскоре сотрудник морга сообщил, что урну можно забирать. Все вместе они получили прах Гун Ямэй и, посовещавшись, решили временно оставить его в морге, тем самым отложив вопрос о месте захоронения.

На этом похоронные хлопоты были завершены. Когда все уже собирались уходить, Фэн Чжэн неожиданно сказал:

— Друзья, я приехал в Лиши не только для участия в церемонии. Есть еще одно, гораздо более важное дело…

Все присутствующие устремили взгляды на Фэн Чжэна.

— Пусть члены «Большой семьи» поднимут руки, — попросил он.

Большинство сразу же подняли руки. Тань Юн неуверенно спросил:

— Включая меня?

— Полагаю, да.

— Хорошо. О чем вы хотели поговорить?

— О завещании Гун Ямэй, — ответил Фэн Чжэн. — Но здесь обсуждать это неудобно. Может, найдем другое место?

— Раз это касается «Большой семьи», давайте поедем ко мне, — предложила Ли Сюэли. — Мы

часто проводим встречи у меня дома.

— Договорились, — согласился Фэн Чжэн.

Дальше они разделились и кто на такси, кто на своей машине направились в сторону ЖК «Юэхайвань», чтобы собраться в квартире у Ли Сюэли.

2

Когда все расселись в гостиной, Фэн Чжэн обратился к собравшимся:

— Члены «Большой семьи», позвольте мне официально представиться. Я Фэн Чжэн, адвокат первой категории уханьской юридической фирмы «Хуасин». Раньше я был юрисконсультом компании Гун Ямэй, а также ее близким другом. По ее поручению я уполномочен заниматься всеми вопросами, связанными с ее завещанием.

С этими словами он открыл чемодан, извлек доверенность с подписью и отпечатком пальца Гун Ямэй, а также нотариально заверенный документ и передал их Тань Юну и остальным для ознакомления.

Тань Юн, изучив документы, задал вопрос:

— Смерть Гун Ямэй была неожиданной. Как она могла заранее подготовить завещание?

— Завещание было составлено год назад на случай непредвиденных обстоятельств, — пояснил Фэн Чжэн.

Тань Юн кивнул. Фэн Чжэн продолжил:

— Хотя завещание Гун Ямэй было составлено год назад, оно несколько раз изменялось. Весь

процесс внесения поправок осуществлялся мной строго в соответствии с ее пожеланиями. Все наши обсуждения зафиксированы в переписке по электронной почте и в «Вичате». Если у вас нет возражений, я приступлю к оглашению завещания. Хочу подчеркнуть, что это последняя версия, измененная всего неделю назад.

Ни у кого не возникло возражений. Фэн Чжэн достал из чемодана еще один документ:

— Это завещание составлено по стандартной форме, поэтому я опущу некоторые формальности и зачитаю только самое важное. — Он откашлялся. — «Я, Гун Ямэй, уже устала от жизни и почти потеряла надежду, но, к счастью, после переезда в Лиши встретила замечательных друзей. Благодаря их поддержке я вновь обрела давно забытое счастье и радость, почувствовала тепло семьи и искреннюю человеческую доброту. Эти друзья стали мне ближе родных. Поэтому я решила разделить свое наследство поровну между всеми членами „Большой семьи“, а именно: Ли Сюэли, Ся Ци, Фань Линь, Юань Дуном, Шэнь Фэнся, Ван Синсином, Хань Лэй, Тань Юном, а также Су Сяотун и Гу Лэем (как супружеская пара). Всего девять долей».

Здесь Фэн Чжэн сделал паузу и пояснил:

— То есть, за исключением Су Сяотун и Гу Лэя, которые получают одну долю на двоих, все остальные получают по индивидуальной доле.

— Даже я? — удивился Тань Юн. — Хоть я и член «Большой семьи», но не живу в этом районе и появляюсь здесь лишь изредка, в отличие от остальных, которые видятся ежедневно.

— Я поражена еще больше, — сказала Су Сяотун. — Мы переехали сюда меньше месяца назад. Я и не ожидала, что сестрица Ямэй включит нас в завещание.

— Да, — согласился Гу Лэй.

— Срок знакомства и частота встреч не имеют значения, — сказала Хань Лэй. — Ведь все мы знали сестрицу Ямэй не так долго — максимум чуть больше года. Для нее не было разницы, как давно ты в «Большой семье» или насколько активно участвуешь в застольях. Главное — что ты ее часть.

Все дружно закивали. Ван Синсин добавил:

— Но если все-таки вернуться к наследству… Наверное, самое ценное — это ее квартира в Лиши? По нынешним меркам она стоит около миллиона.

— Нет, там не только квартира, — возразил Фэн Чжэн.

— Тогда о какой сумме идет речь? — спросил Ван Синсин.

— Поскольку все произошло внезапно, у меня не было времени провести детальную оценку, — объяснил адвокат. — Но по моим приблизительным подсчетам — принимая во внимание сбережения, акции, облигации и недвижимость Гун Ямэй, — если перевести все в денежный эквивалент… сумма составит около двухсот пятидесяти миллионов.

В гостиной воцарилась мертвая тишина. Все уставились на Фэн Чжэна с окаменевшими лицами, рты приоткрылись от изумления. Юань Дун дрожащим голосом переспросил:

— Сколько-сколько, вы сказали?

Фэн Чжэн четко, по слогам повторил:

— Я сказал, что состояние Гун Ямэй, по скромным подсчетам, составляет двести пятьдесят миллионов.

Когда эти слова достигли слуха Су Сяотун, ее будто ударило током — по коже побежали мурашки. «Неужели это сон?» — мелькнуло у нее в голове. Нет, она точно знала, что не спит. Двести пятьдесят миллионов разделить на девять… Сколько это получится? Достать сейчас калькулятор? Не будет ли это слишком?.. Ей ужасно

хотелось узнать итоговое число.

Кто-то уже сделал это — Ван Синсин открыл калькулятор на телефоне, ввел цифры и ахнул:

— Двести пятьдесят миллионов, деленные на девять, — это больше двадцати семи миллионов! Ого, каждому из нас достанется столько?!

— Вообще-то, сумма будет меньше из-за налогов на наследство, — предупредил Фэн Чжэн. — Но все равно немало.

— Даже после налогов останется больше двадцати миллионов! — Ван Синсин вскочил с дивана от возбуждения.

— Но как это возможно? — недоверчиво спросила Ся Ци. — Сестрица Ямэй говорила нам, что компания обанкротилась, оставив ее в долгах. Откуда взялись эти двести с лишним миллионов?

— Банкротство касалось только компании и не затрагивало личные активы. После процедуры банкротства Гун Ямэй распродала акции и ликвидировала компанию, чтобы погасить долги. Что касается ее личного состояния, изначально оно составляло около шестисот миллионов. После развода муж получил — или, точнее, отжал — больше трехсот миллионов. Осталось как раз примерно двести пятьдесят.

— О-го-го… «Худой верблюд все равно больше

лошади». Мы столько времени общались с сестрицей Ямэй, а она вела себя так скромно, ни разу не обмолвилась о таких деньгах! — изумленно воскликнула Хань Лэй.

— И при этом играла с нами в маджонг на жалкие монетки… — покачала головой Шэнь Фэнся. — Вот это действительно умела хранить секреты.

— К тому же она играла весьма серьезно. Видно, ее заботили вовсе не победа или поражение, а удовольствие от самого процесса, — заключила Фань Линь.

— Но сестрица Ямэй вовсе не была скрягой, в некоторых вещах она проявляла щедрость. Знаете, на наших общих ужинах алкоголь почти всегда спонсировала она. Мне даже было неловко, и я предлагала повысить ежемесячные взносы, раз все так любят выпить. Но сестрица Ямэй отказывалась: «Не надо, пусть за напитки плачу я». — Ли Сюэли отыскала в памяти эту деталь. — Теперь, когда я вспомнила, то поняла: те напитки и правда были дорогими. Она явно зарабатывала больше нас…

— Господа, пожалуйста, обсудите это позже. Я еще не дочитал завещание, — прервал их Фэн Чжэн.

— Хорошо, продолжайте, — сказал Тань Юн.

— Наследство составляет огромную сумму, и способ его получения довольно необычный. Пожалуйста, слушайте внимательно: доля каждого выплачивается не единовременно.

— Что? — спросил Ван Синсин. — То есть частями?

— Да. Выплаты растянуты на двадцать лет равными долями.

— Так долго? — удивилась Фань Линь. — Почему?

Не дожидаясь ответа Фэн Чжэна, нетерпеливый Ван Синсин уже подсчитал на калькуляторе:

— Если разделить названную сумму на двадцать, получится один миллион триста восемьдесят тысяч в год.

— Да, примерно так, — сказал Фэн Чжэн. — Что касается причины… Гун Ямэй объяснила ее мне.

— И в чем же она состоит? — спросила Фань Линь.

— Вернее будет сказать «они», потому что причины две. Первая — Гун Ямэй учитывала налог на наследство. Если получить сразу более двадцати миллионов, придется заплатить огромный налог. Но если растянуть выплаты на двадцать лет, сумма налога значительно уменьшится.

Вторая причина и главная… — Фэн Чжэн сделал паузу, — Гун Ямэй при жизни говорила мне, что ей безумно нравилась теплая, оживленная атмосфера вашей «Большой семьи». Она хотела, чтобы даже после ее смерти вы продолжали жить так же. Тогда, глядя на вас с небес, она будет счастлива. Другими словами, она не желала, чтобы после получения денег вы разбежались кто куда. Поэтому наследство выплачивается в течение двадцати лет с одним условием.

— Каким условием? — спросила Фань Линь.

— Начиная с момента вступления в наследство и все последующие двадцать лет вы обязаны проживать в жилом комплексе «Юэхайвань». Тот, кто съедет раньше срока, автоматически лишится прав на наследство. Следующую выплату распределят между оставшимися.

— Погодите, а как же путешествия? — В голосе Фань Линь прозвучало недоверие. — Или если кому-то нужно навестить родных? Неужели ради наследства мы обязаны двадцать лет не выходить за пределы района?

— Все не настолько строго. В завещании четко указано: достаточно проводить подавляющее большинство времени в году на территории комплекса. Под «подавляющим большинством»

подразумевается девяносто процентов.

— Десять процентов от трехсот шестидесяти пяти… — Ван Синсин щелкнул калькулятором. — То есть в год у нас есть тридцать шесть дней на поездки или визиты к родным. Неплохо. Почти как летние каникулы.

— Неужели, чтоб посчитать десять процентов от трехсот шестидесяти пяти, тебе нужен калькулятор? — фыркнул Юань Дун. — Это же тридцать шесть с половиной дней.

— Хе-хе, привык считать на нем.

— А как же я? — спросил Тань Юн. — Я даже не житель «Юэхайваня».

— Верно. Поэтому в завещании особо оговорено: вы, Тань Юн, исключение. Единственный, кто получает наследство без каких-либо условий.

Тань Юн остолбенел, охваченный сложными чувствами.

Тут Юань Дун поднял другой вопрос:

— Если выплаты растянуты на двадцать лет… Что, если кто-то не доживет? В моем случае, увы, это вполне реально. Я не уверен, что БАС подарит мне еще двадцать лет жизни.

— Учитель Юань, не говори так! — взволнованно воскликнула Шэнь Фэнся. — С тобой все будет хорошо.

Он сжал ее руку:

— Я лишь рассматриваю все варианты. Конечно, я надеюсь провести с тобой как можно больше времени. Но если уйду раньше… Можно ли передать мою долю тебе?

— Нет, — твердо ответил Фэн Чжэн. — В такой ситуации доля будет распределена между остальными наследниками — как и при добровольном отказе.

— Значит, мы не можем распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению, — произнес Юань Дун.

— Учитель Юань, хватит уже. Вы с Фэнся и так получили по отдельной доле! — вмешалась Хань Лэй. — Су Сяотун и Гу Лэй делят одну на двоих. Чего вам еще надо?

— Для нас и одна доля на двоих — большая удача, — мягко сказала Су Сяотун. — Мы ведь переехали сюда недавно, да и к тому же женаты. А вы с учителем Юанем не расписаны. Думаю, сестрица Ямэй учла это.

— Уже само то, что мы попали в число наследников, неожиданно. — Гу Лэй старался скрыть довольную ухмылку. — Да и одна доля — это немало.

— И правда, даже первая выплата в полтора

миллиона — целое состояние. Мои родители в горах за всю жизнь столько не заработали бы, — вздохнула Шэнь Фэнся.

Юань Дун молча кивнул.

— Вот и все основное содержание завещания. — Фэн Чжэн раздал распечатанные копии. — Кстати, даже если со мной что-то случится за эти двадцать лет, исполнение завещания не прервется — наша юридическая фирма продолжит выполнять все обязательства перед вами.

— Адвокат Фэн, раз вы были другом Гун Ямэй, почему она не оставила долю и вам? — поинтересовался Тань Юн.

— Вообще-то, она предлагала, но я отказался. Когда я работал в компании Гун Ямэй, она и так хорошо ко мне относилась. Потом, как частный консультант, я получал щедрые гонорары. Совесть не позволила бы мне принять наследство. Да и включать себя в завещание, будучи юристом, — сомнительно. К тому же за двадцать лет ведения наследственного дела я получу вознаграждение — оно предусмотрено в завещании и будет вычтено из общей суммы, — улыбнулся Фэн Чжэн.

Тань Юн кивнул.

После того как завещание обошло всех по кругу

и вернулось к Фэн Чжэну, он сказал:

— Полагаю, никто не собирается отказываться от наследства? Тогда я приступаю к дальнейшим процедурам — нужно провести аудит и конвертацию всех активов Гун Ямэй, как упоминалось ранее. Это займет около месяца, но я постараюсь ускорить процесс. Как только все будет готово, мы переведем первую выплату каждому из вас.

— Благодарим вас за труды, господин Фэн, — сказала Ли Сюэли.

Остальные также выразили адвокату свою признательность.

— Не стоит благодарностей, это моя работа. Что ж, мне пора возвращаться в Ухань. До свидания.

Фэн Чжэн вежливо помахал собравшимся, взял свой чемодан и вышел из квартиры Ли Сюэли.

3

— Похороны закончились? — спросила Доу Хуэй, когда Тань Юн вернулся домой.

— Угу, — пробормотал он, опускаясь на диван.

Глаза его были устремлены в пустоту — он все еще не мог решить, как рассказать семье о неожиданном наследстве.

— У нас сегодня снова хого, — объявила Доу Хуэй, хлопоча на кухне.

— Хорошо, — автоматически ответил Тань Юн.

— Вчерашний обед влетел нам в копеечку. Больше пятисот юаней, — вздохнула она, перебирая контейнеры с остатками. — На эти деньги можно было бы недельный запас продуктов купить. Хорошо хоть том-ям не вылила. Разбавлю кипятком, овощей добавлю, вот и на обеде сэкономим.

— Ага, — кивнул Тань Юн, но мысли его были далеко.

Доу Хуэй подошла к мужу и заметила его отсутствующий взгляд.

— Что с тобой? Ты будто в облаках витаешь, отвечаешь односложно… Все в порядке?

Тань Юн поднял взгляд на жену, помолчал несколько секунд и спросил:

— Яли дома?

— Да, в комнате уроки делает, — нахмурилась Доу Хуэй.

— Позови ее сюда.

— Зачем?

— Просто позови. Мне нужно поговорить с вами обеими.

Доу Хуэй, испытывая смутное беспокойство, позвала дочь. Тань Яли появилась на пороге с недовольным видом:

— Пап, я контрольную пишу. Учитель велел засекать время, как на экзамене.

— Прервись ненадолго. — Тань Юн указал на диван напротив. — Это важно.

Мать и дочь, прекрасно знавшие, что Тань Юн обычно не устраивает семейных собраний без серьезного повода, переглянулись. В воздухе повисло напряжение.

— Пап… — осторожно проговорила Тань Яли, — что-то случилось?

Тань Юн посмотрел на них, беспомощно открыв рот, затем неожиданно усмехнулся и покачал головой. Эта странная пантомима только усилила их тревогу.

— Лао Тань, говори уже! Ты меня пугаешь…

Тань Юн глубоко вдохнул и медленно выдох-

нул:

— У меня такое ощущение, будто я во сне. Хотя это явно не так.

— Пап, хватит интриговать! — нетерпеливо воскликнула Тань Яли. — Говори уже, в чем дело!

— Даже не знаю, с чего начать… Когда вы услышите, то тоже решите, что это сон. — Он нервно провел рукой по лицу. — Вчера мы ломали голову над твоей учебой за границей, а сегодня… проблема решилась сама собой.

— Что? — Доу Хуэй резко наклонилась вперед. — Ты что, занял деньги у кого-то?

— Зачем брать в долг заранее? — Тань Юн покачал головой. — Ведь поездка не завтра.

— Пап, — глаза Тань Яли загорелись, — ты выиграл джекпот?

— Это куда невероятнее, чем джекпот.

— Тогда я сдаюсь.

Тань Юн снова сделал глубокий вдох, словно набираясь храбрости:

— Сегодня на поминках Гун Ямэй появился ее адвокат. После церемонии он сообщил нам, что она оставила завещание. Все свое состояние она разделила между членами нашей «Большой семьи»… включая меня.

— Серьезно? — Доу Хуэй схватила мужа за руку. — Сколько тебе досталось?

— Один миллион триста восемьдесят тысяч.

— Что?! Такая огромная сумма?! — Доу Хуэй аж подпрыгнула на месте. — У Гун Ямэй было столько денег? Но ты же говорил, ее компания обанкротилась…

— Подожди, я не закончил. — Тань Юн поднял ладонь. — Ежегодно по одному миллиону триста восемьдесят тысяч. Двадцать лет подряд. В сумме — больше двадцати семи миллионов.

Губы матери и дочери синхронно разомкнулись.

— Лао Тань… — Доу Хуэй наконец прикрыла рот ладонью. — Ты… ты сейчас не разыгрываешь нас?

— Ну скажи, по-твоему, я способен на такие шутки?

— Значит… это правда? — Она вскочила с дивана, дрожа всем телом. — Каждый год… миллион с лишним… О небеса… — Слова от волнения застревали в горле.

Тань Яли выпустила воздух со свистом.

— Мне… мне нужно пару секунд, чтобы это переварить.

Им потребовалось добрых десять минут, чтобы

прийти в себя. Когда Доу Хуэй наконец заговорила, по ее щекам уже катились слезы:

— Это же… это же сама судьба! Точно как ты сказал — вчера голову ломали, а сегодня… — Она всхлипнула, сжимая руку мужа до побеления костяшек. — Небеса нас услышали! Как там говорится… «Небо вознаграждает усердие»! Вот оно, вот!

Тань Юн горько усмехнулся:

— «Небо вознаграждает усердие»? Неужели за то, что я ходил на посиделки к Ли Сюэли, Небеса решили осыпать меня золотом?

— Я не про тебя! — горячо перебила Доу Хуэй. — Я про Яли! Наша дочь так упорно учится. Разве Небеса могли этого не заметить? Они подарили Яли возможность поехать в лучший университет мира!

— Ну… это да, — кивнул Тань Юн.

— Только вот «вознаграждение» слишком уж щедрое, — фыркнула Тань Яли, игриво высунув язычок. — Моя учеба за границей обойдется максимум в миллион, а папе-то достанется больше двадцати семи!

— Именно поэтому мне как-то… не по себе. — Тань Юн поерзал на диване. — Чувствую себя мошенником. Незаслуженные деньги — они ведь

как… как горячие угли в кармане.

— Да что ты мелешь? — Доу Хуэй всплеснула руками. — Деньги не украдены, не отняты! Гун Ямэй сама решила оставить тебе наследство. Да и не тебе одному — всей вашей «Большой семье»!

— Но я-то среди них чужак. Они живут в одном доме, видятся каждый день. А я лишь изредка захожу на их посиделки. Вот уж не думал, что Гун Ямэй включит меня в завещание. И вот еще что! Для остальных есть условие: двадцать лет жить в «Юэхайване», иначе лишатся наследства. И только у меня нет никаких ограничений, то есть я за просто так получаю эти двадцать семь миллионов

Доу Хуэй уже захлебывалась от восторга:

— Лао Тань… Скажи, за какие такие заслуги? Гун Ямэй… она и правда к тебе так хорошо относилась?

— Да уж слишком хорошо. — Тань Юн в замешательстве почесал затылок. — Кстати, мне нужно доложить об этом руководству…

— Что?! — Жена всплеснула руками. — Где это написано, что полицейские не могут получать наследство? Ты что, заставлял Гун Ямэй вписывать тебя в завещание? Какое твоему начальству до этого дело?

— Точно! Если что — уйдешь оттуда. Пап, ты же теперь мультимиллионер! Чего бояться какого-то начальника?

— Не неси ерунды! Полиция — это не просто работа для меня. Это призвание.

— Ага-ага! Мой папа — воплощение справедливости, гроза преступников, посланник мира! Самый крутой полицейский на свете! — Яли обвила руками его шею.

— Ну и язык у тебя! — Тань Юн шутливо щелкнул ее по носу.

В комнате раздался дружный смех.

— Пойду разогрею еду, — объявила Доу Хуэй.

— Мам, серьезно? Вчерашний том-ям? Папа же скоро станет миллионером! Разве это не повод для праздника?

— Опять в ресторан?

— Конечно! — неожиданно согласился Тань Юн. — Сегодня идем в хороший стейк-хаус!

— Ура! Ты лучший!

— А твоя контрольная…

— Сделаю, как вернемся. Сейчас я могу сосредоточиться на том, что впредь буду жить за счет богатого папули! — Дочь цепко ухватилась за отцовскую руку.

— Ну и ну, откуда в тебе столько наглости?

— Ха-ха-ха!

Видя, как сияют лица жены и дочери, Тань Юн ощутил прилив ни с чем не сравнимой радости. Оказывается, деньги могут приносить столько положительных эмоций. Впервые за долгие годы он осознал это с такой ясностью.

Глава седьмая. Темное пятно

1

Что можно сделать с ежегодным доходом в один миллион триста восемьдесят тысяч юаней? Ну, за вычетом налогов.

Если верить интернет-исследованиям, пара может позволить себе комфортное кругосветное путешествие за два миллиона. То есть на эти деньги двое людей объедут полмира, причем не в режиме жесткой экономии.

Если вложиться в недвижимость, в небольшом городе можно сразу без ипотеки купить трехкомнатную квартиру. Через двадцать лет в собственности будет как минимум двадцать объектов — и жизнь рантье обеспечена.

А если тратить на повседневные нужды? Ежедневный бюджет составит три тысячи семьсот восемьдесят юаней. Можно каждый день ужинать в ресторане на тысячу юаней — и все равно останется уйма денег. Или выпивать по сто чашек «Старбакса» в месяц. Любые развлечения, кроме, пожалуй, запредельной роскоши, будут тебе легкодоступны.

Одежда и аксессуары? Если не гнаться за люксовыми брендами, можно каждый день покупать

новый комплект одежды или сумку из премиум-сегмента. Триста шестьдесят пять дней в году — столько же новых образов.

Знаете, даже Лю Цяндун, президент JD.com[19], как-то признался в интервью: «Вообще-то, я заметил, что моей семье хватает меньше миллиона в год». И это не уникальный случай. Обычной семье — если, конечно, не пускаться в безумные траты и не сталкиваться с крупными расходами — тоже редко требуется больше. Другими словами, один миллион триста восемьдесят тысяч в год — это финансовая свобода даже для состоятельных людей, не говоря уже о простых смертных.

Об этом размышляла Су Сяотун. И скорее всего, остальные тоже.

После того как Фэн Чжэн и Тань Юн ушли, в «Большой семье» воцарилась недолгая, но ощутимая тишина.

Первой ее нарушил Ван Синсин:

— Эй, вы уже пришли в себя?

Шэнь Фэнся покачала головой:

— Мне… нужно еще немного времени.

— Мне тоже, — добавил Юань Дун, оглядывая присутствующих. — Это правда? Мы все… станем

---

[19] Примечания: 19

JD.com — один из крупнейших китайских интернет-магазинов, аналог «Амазона» или «Вайлдберриз», основанный Лю Цяндуном в 1998 году.

мультимиллионерами?

— Похоже на то, — сказал Ван Синсин. — Причем без всяких усилий. Никаких рисков, никакой работы — просто один миллион триста восемьдесят тысяч каждый год, как по расписанию.

Ранее, пока Фэн Чжэн зачитывал завещание, дети — Фань Вэньцзин и Гу Сяолян — играли в соседней комнате. Теперь девочка вышла и спросила:

— Мама, а кто такой мультимиллионер?

— Это тот, у кого очень много денег, — объяснила Фань Линь.

— А у нас будет много денег?

— У всех нас будет.

— Ура-а-а! — Девочка захлопала в ладоши. — Тогда мне можно купить новую куклу Барби?

— Целый домик Барби купим! — не дожидаясь ответа Фань Линь, вставил Ван Синсин.

— Правда?! — Глаза Фань Вэньцзин загорелись.

— Вэньцзин, иди пока поиграй с Сяоляном, — мягко прервала ее мать. — Обсудим кукол позже.

Девочка послушно скрылась в комнате.

Ли Сюэли взглянула на часы:

— Уже половина первого. Давайте лапшу на обед приготовим, ладно?

— Серьезно? — Ван Синсин поднял брови. —

Мы только что стали миллионерами, а в меню — домашняя лапша?

— Наследство мы еще не получили. Фэн Чжэн сказал — минимум месяц ждать.

— Какая разница? Все равно это дело решенное. Разве не стоит отметить?

— Синсин, мы только что с похорон вернулись. — Ли Сюэли нахмурилась. — Какие празднования?

— А что такого? Я из Сычуани. У нас после похорон как раз обед устраивают. Такой обычай.

— У нас в Гуйчжоу тоже, — поддержала Шэнь Фэнся.

— Что думаете? — Ли Сюэли обвела взглядом остальных.

— Думаю, не надо притворяться, — неожиданно произнесла Фань Линь.

— В смысле?

— Вижу же — все напряжены, стараются не показать эмоций. Но внутри… — ее губы дрогнули, — вы все так же ликуете, как и я, да?

После этих слов все переглянулись. Прошло несколько секунд — и Ван Синсин больше не смог сдерживать смех. Хань Лэй, сидевшая рядом, шлепнула его по плечу и тоже рассмеялась. В тот же миг напряжение растаяло, и комната напол-

нилась искренним, громким хохотом.

Фань Линь развела руками:

— Вот и отлично! Разве не так должны реагировать люди, узнав, что им полагается двадцать семь миллионов? Да и сама Ямэй в завещании писала: даже с небес она хочет видеть, как наша «Большая семья» остается шумной и счастливой. Так давайте выполним ее желание — отпразднуем этот дар как положено!

— Фань Линь права, — поддержала Хань Лэй. — Ямэй именно этого и хотела. Сегодня мы отметим так, будто это самый важный праздник в году. Пусть она увидит нас сверху и порадуется!

— Тогда идем в шикарный ресторан! — воскликнул Ван Синсин.

— Нет, — возразила Ли Сюэли. — Этот ужин особенный. Провести его нужно здесь, у меня дома.

— Правильно! — кивнула Фань Линь. — Сегодня мы все вместе, как в Новый год. Приготовим обед всем миром, с шутками и смехом. Согласны?

— Согласна! — Ся Ци первая подняла руку.

Остальные дружно закивали.

Атмосфера действительно напоминала подготовку к новогоднему торжеству. Ли Сюэли сбегала в магазин за ингредиентами для теста, мясным фаршем и овощами. Все уселись вокруг большого

круглого стола и принялись лепить пельмени под веселые разговоры. На кухне хлопотали Ли Сюэли, Шэнь Фэнся и Гу Лэй.

Справились всего за час — обычно на такое уходило полдня. Ровно в половине второго праздничный обед был готов.

Это был особенный день. Ли Сюэли открыла бутылку водки «Маотай» и, наполнив стаканы, подняла свой:

— Предлагаю тост за Ямэй. Благодарим ее за то, что считала нас родными и оставила такое богатство. Обещаем, что будем, как она хотела, одной семьей — счастливой и дружной!

— За Ямэй!

— За Ямэй!

Все чокнулись, сказали слова благодарности и осушили стаканы.

Ся Ци налила себе еще:

— Ямэй, второй тост за тебя. Ты покинула нас, но, сидя за этим столом, я чувствую, будто ты снова рядом. Пусть в ином мире тебе будет так же тепло, как нам сейчас.

Ее голос дрогнул, слезы капнули в стакан. Она резко опрокинула алкоголь в рот и вытерла ладонью глаза. Фань Линь потрепала ее по плечу:

— Теперь мой черед выпить за Ямэй.

Так каждый по очереди сказал пару слов об усопшей. Ли Сюэли напоминала, что нужно поесть:

— Не пейте натощак, опьянеете же!

Гу Лэй, как всегда, терпеливо кормил Гу Сяоляна. Остальные, подогретые алкоголем, разговорились начистоту.

— Вопрос на засыпку: что сделаете, когда получите первый миллион триста восемьдесят тысяч? — спросил Ван Синсин.

— Поеду в кругосветку! — мечтательно протянула Хань Лэй. — Хотя… тридцать шесть дней маловато для такого турне. Разве что галопом по Европам, но это же неинтересно.

— Я тоже хочу путешествовать, можем поехать вместе! — подхватила Ся Ци. — Не обязательно же за один раз. Давайте разобьем на этапы!

— Правильно! Первый год — Юго-Восточная Азия, Япония, Корея. Второй год — Европа. Третий год — Австралия и Новая Зеландия. Четвертый — США и Канада. Пятый год — Африка… — Хань Лэй загибала пальцы.

— Вот что меня беспокоит, — задумчиво произнесла Су Сяотун. — Это условие — проводить девяносто процентов времени в «Юэхайване»… Насколько строго его будут контролировать? Кто

вообще следить станет?

— Верно! — Хань Лэй щелкнула пальцами. — Фэн Чжэн — исполнитель завещания, но он в Ухане, у него своей работы полно. Не будет же он отслеживать наши перемещения? Да и как он поймет, сколько дней мы в отъезде?

— Разве что наймет шпиона, — рассмеялся Гу Лэй. — Но это же бред. Думаю, все держится на честности.

— Или на взаимном контроле. — Су Сяотун провела пальцем по краю стакана. — Если кто-то исчезнет надолго, посторонние не заметят, но наша «семья» — сразу.

— И что? Побежим рассказывать Фэн Чжэну, чтобы того лишили наследства? — Фань Линь скривилась. — Это же донос. Кто из нас на него способен?

— Я не утверждаю, что так будет. — Су Сяотун подняла ладони. — Просто размышляю вслух.

— Лучше соблюдать правила, — заметил Юань Дун. — Лишиться денег из-за пустяка — идиотизм.

— А вдруг Фэн Чжэн уже установил слежку? — ахнула Шэнь Фэнся.

— Хватит уже серьезных бесед! — Ван Синсин стукнул кулаком по столу. — Мой вопрос еще ви-

сит в воздухе. Что сделаете с первым «траншем»? Мне очень любопытно.

— Вот ты первый и колись. Какие у тебя планы? — Фань Линь ответила вопросом на вопрос.

— Я уже все решил. Куплю спорткар, я об этом всю жизнь мечтал. Представьте: «Феррари» на шоссе возле нашего ЖК. Уже от одной мысли мурашки по коже!

— «Феррари» стоит подороже, если не ошибаюсь? — Гу Лэй поднял бровь.

— Рассрочка! На следующий год ведь будет еще один транш. Если уж на то пошло, можно и к «ламборгини» приценится…

— Эй, а можно мне прокатиться, если купишь? — У Гу Лэя глаза загорелись. — Хоть раз в жизни почувствовать себя гонщиком…

— Еще чего! — Ван Синсин фыркнул. — Ишь, слюнки распустил! У тебя ведь та же сумма ежегодно!

— Не совсем. — Гу Лэй горько усмехнулся. — Эти деньги общие — для меня, Сяотун и Сяоляна. Не могу спустить их на свои прихоти. Да и… крутая тачка — это слишком вызывающе для такого скромняги, как я.

— Ха-ха, ладно! Прокачу с ветерком!

— Насчет машины… — Фань Линь лукаво

прищурилась, — я тоже куплю новую, но попроще — за пару миллионов. Остальное… — она перевела взгляд на Ся Ци и Хань Лэй, — вы же догадываетесь, на что потрачу?

— Лимитированные коллекции «Эрмес» и «Прада», — моментально откликнулась Хань Лэй и вдруг взвизгнула: — Я тоже! И еще очки «Диор» — те самые, что приглядела в прошлом месяце, но пожалела денег. Теперь можно устроить шопинг-безумие!

— Сначала Шанхай или Гонконг! — Хань Лэй ухватила Су Сяотун за руку. — Штурм бутиков в самых роскошных торговых центрах! Ты с нами, да? Я же заметила — ты разбираешься в брендах: в первый визит к Сюэли ты была в весеннем пальто «Гуччи».

— Оно из старой коллекции… — смущенно пробормотала Су Сяотун.

— Теперь сможешь обновить весь гардероб! — Хань Лэй звонко щелкнула пальцами.

— Отлично, пойдем вместе по магазинам. — Су Сяотун улыбнулась с легкой отстраненностью.

— Шопинг, послеобеденный чай, изысканный ужин, ночной вид с вращающегося ресторана, джаз-бар… — Ся Ци с наслаждением погрузилась в фантазии. — Одна мысль об этом опьяняет.

«Признаться, это та самая жизнь, о которой я всегда мечтала… Но… Есть один тревожный факт, который, кажется, все упускают из виду. В такой радостной атмосфере поднимать этот вопрос явно неуместно…»

Су Сяотун сохраняла молчание, погруженная в свои мысли.

— Учитель Юань, а ты как планируешь распорядиться деньгами? — не унимался Ван Синсин.

— Я еще не решил… Наверное, просто положу в банк.

— Ой, ну что за скукотища!

— Учитель, тут я не пойму. — Хань Лэй покачала головой. — У тебя с Фэнся на двоих почти три миллиона в год выходит — в два раза больше, чем у нас! Неужели не хочешь хоть немного себя побаловать? Скряга!

— Я говорю только о своих деньгах. Фэнся вольна распоряжаться своей частью как пожелает. Если она захочет что-то купить — я не стану препятствовать.

— Но мне ведь и правда нечего покупать. — Шэнь Фэнся робко улыбнулась. — Все, что вы перечислили, — спорткары, люксовые сумки — мне не нужно. Вы же знаете, я из деревни. Живу в таком прекрасном районе, ни в чем не нуждаюсь,

рядом с любимым человеком — чего еще желать? Деньги для меня не главное. Разве что отложу часть да родителям в деревню отправлю.

Юань Дун с теплым одобрением смотрел на Фэнся, тронутый ее простодушием. Он взял ее руку:

— Я тоже. Ты для меня дороже любых денег.

— Фу, терпеть не могу эти сюси-пуси! — фыркнула Хань Лэй. — Фэнся, пора менять мышление! Раньше не было денег — вот и скромничали. Теперь надо баловать себя. Жизнь коротка — нельзя себя обделять. У тебя же фигура отличная. Если оденешься со вкусом, будешь смотреться по-королевски.

Шэнь Фэнся рассмеялась:

— Ладно, Хань Лэй, тогда поможешь мне выбрать наряды.

— Договорились!

— Сюэли, а ты? — не унималась Ван Синсин.

— Я… наверное, куплю квартиру, — задумчиво ответила Ли Сюэли.

— Где именно?

— В нашем же ЖК. Хочу поменяться на квартиру попросторнее — так у нас будет больше места для встреч и вечеринок.

При этих словах Су Сяотун и Фань Линь пере-

глянулись. К ним присоединились Хань Лэй и Ся Ци. Эти четверо знали о проклятье и сразу поняли намерения Ли Сюэли.

Но Ван Синсин и Юань Дун не были в курсе.

— Отличная идея! — воскликнул Ван Синсин. — Можно оборудовать домашний кинотеатр с экраном и колонками. Просто улет!

— Я об этом же подумала, — улыбнулась Ли Сюэли и поспешно сменила тему: — Давайте выпьем за наше светлое будущее!

Обед затянулся до половины четвертого. Все выпили ровно столько, чтобы ощутить легкую эйфорию, но не допиться до беспамятства.

День выдался солнечным, настроение — еще лучше, и кто-то предложил отправиться на набережную для послеобеденного чая.

— А давайте в мое кафе! — оживилась Ся Ци. — Сяотун и остальные еще там не были.

— С радостью, — откликнулась Су Сяотун. — Давно хотела заглянуть.

— Тогда пошли! — Ся Ци весело махнула рукой. — Угощаю всех кофе!

2

Кафе Ся Ци под названием «Летние кошки» располагалось на пешеходной набережной озера Юэхай. Среди множества заведений оно выделялось особой богемной обстановкой. Небольшое помещение было оформлено в японском стиле — белые стены, деревянная мебель, аккуратные книжные полки с литературой об искусстве и обилие зеленых растений в керамических кашпо. Мягкий естественный свет лился из больших окон, создавая уютную атмосферу.

У входа располагался миниатюрный японский садик всего с одним столиком, который, конечно же, уже был занят. Две ленивые кошки грелись там на солнце, а еще несколько свободно бродили вокруг, совершенно не боясь посетителей. Фань Линь, Хань Лэй и другие, бывавшие здесь не раз, уже знали, как зовут некоторых из них, и бесцеремонно брали кошек на руки, чтобы погладить.

В выходной в кафе было многолюдно. Какая-то компания расположилась в татами-зоне с низкими столиками и мягкими подушками. Японские ширмы делили пространство, обеспечивая гостям приватность. Су Сяотун, впервые попавшая

сюда, сразу влюбилась в это место.

— Ты сама придумала весь дизайн? — спросила она Ся Ци, оглядывая пространство.

— Ага. Перед открытием я объездила кучу кофеен для вдохновения, — ответила Ся Ци. — В итоге остановилась на этом свежем и лаконичном стиле. Как тебе?

— Очень здорово, правда.

— Ха-ха, для меня большая честь получить одобрение дизайнера!

— Я не дизайнер интерьеров, в основном работаю с упаковкой и логотипами.

— Все равно это же творческая сфера, принципы общие, — улыбнулась Ся Ци и обратилась ко всем: — Что будете пить? У нас есть кофе, молочный чай, соки, газировка.

— Я хочу молочный чай! — первой выпалила Фань Вэньцзин.

Остальные тоже выбрали напитки. Су Сяотун заказала для сына свежевыжатый сок. Ся Ци записала все и передала заказ бармену.

Вскоре появился опрятный молодой официант с аккуратной челкой. Он разнес напитки и десерты на подносе, вежливо пожелал всем приятного аппетита.

Хань Лэй не сводила глаз с симпатичного пар-

ня. Когда он ушел, она шепнула Ся Ци:

— Это новенький? Милашка такой.

— Что поделаешь, на этой набережной как минимум пятнадцать кофеен — жесткая конкуренция. Некоторые заведения вообще используют тематические концепции вроде горничных или аниме, нанимают сплошь красавцев и красавиц. Так что теперь при приеме на работу внешность — ключевой критерий.

— Кофейный бизнес дошел до такого? — удивилась Су Сяотун.

— Увы. — Ся Ци горько усмехнулась. — Я и не думала, что открытие кофейни принесет мне столько головной боли. Приходится подстраиваться под тренды, чтобы оставаться на плаву.

— Верно, внедрять стратегию с красавцами нужно обязательно! Заодно и личные интересы удовлетворим. — Хань Лэй толкнула Ся Ци локтем, хищно ухмыляясь.

— О чем ты?! У него же есть девушка… Тсс, идет.

Официант подошел с напитками. Хань Лэй, с трудом сдерживая улыбку, снова рассмотрела молодого человека. Когда он ушел, Фань Линь протянула ей салфетку:

— Вытри слюни, а то вот-вот капнет.

Женщины вновь разразились смехом. Когда шум утих, Ли Сюэли спросила Ся Ци:

— После получения наследства ты планируешь и дальше держать эту кофейню?

— Само собой! Я вложила в это место столько души, да и кофейня для меня — дело сердца, а не просто заработок. Теперь, когда не нужно гнаться за прибылью, я смогу обустроить все по своему вкусу, сделать атмосферу более камерной.

— Полностью поддерживаю, — отозвалась Су Сяотун.

— Отличная идея! Будет наш частный клуб. И главное — того красавчика обязательно оставь! — подмигнула Хань Лэй.

Компания снова рассмеялась. Затем каждый занялся своим делом: кто-то болтал, кто-то читал, кто-то гладил кошек. Дети увлеклись книжками с картинками и играми с пушистыми обитателями кафе.

Су Сяотун задумчиво посмотрела на озеро Юэхай за окном и тихо предложила Гу Лэю:

— Давай прогуляемся?

— Конечно.

— Мы пойдем прогуляемся, присмотрите за Сяоляном, хорошо?

— Без проблем, идите, — хором ответили Ли

Сюэли и Ся Ци.

Су Сяотун и Гу Лэй вышли на улицу и направились вдоль набережной Юэхай. Под чистым голубым небом Гу Лэй пребывал в прекрасном настроении.

— Знаешь, мне кажется, это место — настоящий рай. Купить здесь дом было лучшим решением в нашей жизни!

Су Сяотун лишь слабо улыбнулась в ответ. Не замечая ее сдержанности, Гу Лэй продолжил с энтузиазмом:

— С тех пор как мы переехали в Лиши, одно хорошее событие сменяет другое. Сначала мы влились в «Большую семью», обрели столько друзей. Сяолян стал общительнее. А потом — совершенно неожиданно — завещание Гун Ямэй. Представь, она включила нас в список наследников, хотя мы знали ее меньше месяца! Нам невероятно повезло. Опоздай мы с переездом на месяц — и все бы прошло мимо нас.

Дойдя до безлюдного участка набережной, Су Сяотун остановилась и, глядя на мужа, призналась:

— Я позвала тебя сюда, чтобы поговорить как раз об этом.

— О чем?

— Ты действительно считаешь, что это абсолютное везение?

— У всего есть две стороны. Но я искренне не вижу, какой вред может принести нам это наследство. Разве что некоторые ограничения — нельзя переезжать из «Юэхайваня» двадцать лет, выезжать больше чем на тридцать шесть дней в год… Ты об этом?

Су Сяотун покачала головой:

— Это несерьезные ограничения. Мы и так планировали жить здесь постоянно, а тридцать шесть дней в год на поездки — обычная практика для большинства семей. Да и Лиши — туристический город, здесь полно достопримечательностей.

— Тогда что тебя беспокоит?

Су Сяотун слегка нахмурилась:

— Гу Лэй, я заметила одну вещь еще за обедом, но не стала говорить при всех. Не знаю, пришло ли это в голову только мне, или остальные тоже догадываются, но молчат.

— О чем ты?

— Раз спрашиваешь, значит тебе это в голову не пришло. Похоже, деньги тебя совсем ослепили.

— Да о чем ты?..

Су Сяотун пристально посмотрела ему в глаза:

— Ты забыл? После визита Лао Таня к Ли Сюэли мы точно узнали одно: Гун Ямэй убили и убийца, скорее всего, кто-то из ее близкого окружения. Говоря прямо — этот человек, вероятно, член нашей «Большой семьи».

— Хм… но…

— Но тогда все, включая Лао Таня, не могли понять мотив убийцы. Теперь-то ты догадываешься, в чем он состоял?

Гу Лэй открыл было рот, но застыл в нерешительности. Наконец он произнес:

— Ты считаешь, что убийца лишил Гун Ямэй жизни ради наследства? Но… это же невозможно. О завещании было известно только адвокату, остальные узнали уже после ее смерти.

— А если кто-то узнал об этом еще при жизни Гун Ямэй? — Су Сяотун пристально смотрела на мужа. — Это не исключено, так? Мы столько времени проводили вместе, часто выпивали. Что, если в один из таких вечеров она в подпитии проболталась кому-то?

— Даже если так, зачем ее убивать? — Гу Лэй развел руками. — Если человек уже знал, что получит долю, к чему рисковать? Можно было просто подождать, пока Гун Ямэй умрет естественной смертью.

Су Сяотун покачала головой:

— Подумай: Гун Ямэй было пятьдесят восемь. При средней продолжительности жизни в семьдесят восемь лет ей оставалось еще двадцать. А если бы она прожила до девяноста или до ста? Тогда ждать пришлось бы лет сорок-пятьдесят. Плюс выплаты осуществляются в течение двадцати лет. Какой смысл в наследстве, когда тебе за семьдесят?

— Ты права, — кивнул Гу Лэй. — В таком возрасте качество жизни неизбежно ухудшается: все больше ограничений в еде, многие развлечения уже недоступны… Даже получив огромные деньги, вряд ли сможешь ими по-настоящему насладиться.

— Именно. Вдобавок за эти десятилетия в «Большой семье» могут произойти ссоры, отношения испортятся или вовсе разрушатся. Разве тогда Гун Ямэй оставила бы наследство всем? Фэн Чжэн говорил, что она постоянно вносила изменения в завещание.

— Верно…

— Поэтому убийца не стал ждать. Он устранил Гун Ямэй, притворился ничего не знающим, а при оглашении завещания изобразил удивление — и вот обман удался, наследство получено

досрочно.

— Ох… Если это правда, то насколько же ужасен этот человек. Гун Ямэй доверила ему тайну, а он… Неужели среди нас действительно может быть такой коварный и жестокий тип? Все кажутся такими… нормальными.

— Маску легко надеть, но трудно разглядеть, что под ней. Если человек решил тщательно скрывать свою истинную суть, окружающие едва ли разгадают, какой он на самом деле.

— И все же… как ты думаешь, кто это мог быть? Кто вызывает у тебя больше подозрений?

— Бесполезно строить домыслы, нужно рассуждать логически. Тому, кто способен на такое, явно не чужды корысть и алчность. Он должен особенно сильно жаждать денег или остро нуждаться в них.

Гу Лэй задумался, вспоминая.

— За обедом все обсуждали, как распорядятся наследством. Ван Синсин мечтал о спорткаре. Фань Линь, Хань Лэй и Ся Ци планировали накупить одежды и сумок. Но все эти вещи не стоят того, чтобы ради них убивать. Юань Дун и Шэнь Фэнся и вовсе сказали, что нынешняя жизнь их вполне устраивает и деньги для них не так важны. Выходит…

— Да, только Ли Сюэли недовольна своим положением. Причина очевидна — ее «несчастливая» квартира. Поэтому она честно призналась, что купит другую в нашем же ЖК. А эту квартиру… продаст или нет — уже не важно. Ведь она получит больше двадцати миллионов, можно вообще ничего с ней не делать.

— Сяотун, если следовать твоей логике, разве не очевидно, кто убийца?

— Не обязательно, — покачала головой Су Сяотун. — Кто знает, говорили ли остальные правду? Возможно, кто-то скрывает истинные обстоятельства своей жизни.

— В таком случае, когда мы получим первые деньги, можно будет проверить, совпадают ли их траты с заявленными планами.

— Да, но это произойдет не раньше чем через месяц.

— Сяотун, вернемся к начальному вопросу. В чем же для нас недостаток этой ситуации?

Су Сяотун пристально посмотрела на него:

— Рядом с нами находится хитрый и жестокий убийца. Мы не знаем, кто он, но каждый день едим с ним за одним столом, общаемся, а наш сын проводит время в обществе этого человека. Ты действительно считаешь, что это не имеет

значения?

— Разумеется, нет. Просто я думаю, кто бы это ни был, он уже добился своего и вряд ли снова решится на подобное. Это как… — Гу Лэй резко замолчал.

— Что ты хотел сказать?

— Ничего…

— Ты хотел сказать: «Как и мы сами»?

Гу Лэй покраснел:

— Ты же просила меня больше не вспоминать об этом.

— Гу Лэй, ты ведь понимаешь, что наша ситуация совершенно иная?

— Конечно.

Наступило неловкое молчание. Су Сяотун наконец произнесла:

— «Вещи, достигнув предела, обращаются в противоположность»[20].

— Что?

— Ты только что говорил, что с переездом в Лиши нам сплошь везет. Но я боюсь, что за процветанием последует падение. Как гласит древняя мудрость, беда — там, где гнездилось счастье; счастье — там, где таилась беда. За чередой

---

[20] Примечания: 20

Цитата из «Дао дэ цзин», основополагающего источника учения даосизма и одного из выдающихся памятников китайской мысли.

удач может скрываться грядущая катастрофа…

— Сяотун, не накручивай себя.

— Надеюсь, я тревожусь зря.

Гу Лэй обнял ее за плечи:

— Хватит переживать. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом, чтобы защитить тебя. И Сяоляна тоже. Я не позволю никому причинить вам вред. Я ведь дал слово, помнишь?

Глубоко тронутая, Су Сяотун взглянула на мужа и кивнула. Они направились обратно в кафе Ся Ци.

3

В кофейне Гу Сяолян и Фань Вэньцзин играли с рыжим котенком. Котенок забавно подпрыгивал, пытаясь поймать резиновый мячик, что вызывало у детей взрывы смеха. Во время игры Ли Сюэли заметила, что Гу Сяолян постоянно трогал себя за промежность.

— Сяолян, тебе нужно в туалет? — спросила она, подойдя ближе.

Тот кивнул.

— Я отведу тебя.

Туалет располагался на втором этаже. Поднявшись по деревянной лестнице, они оказались перед двумя кабинками. Сяолян зашел в одну, даже не закрыв дверь, спустил штаны до колен и начал мочиться — типичное поведение маленького мальчика.

Ли Сюэли ждала снаружи. Когда он закончил, она помогла ему одеться, показала, как пользоваться жидким мылом, и тщательно вытерла его руки бумажным полотенцем. В этот момент на втором этаже больше никого не было.

Внезапно Ли Сюэли осознала, что это редкая возможность поговорить с ребенком наедине.

— Сяолян, хочешь мороженое? — спросила она, присев на корточки.

Мальчик молча кивнул.

— Тогда я задам несколько вопросов, а ты ответишь, хорошо?

Гу Сяолян, судя по виду, не горел желанием это делать, но, вероятно из-за обещанного мороженого, не отказался.

— Первый вопрос: днем на небе светит солнышко, а что появляется ночью?

— Бабушка-луна.

Стандартный ответ, который можно встретить в любой детской книжке.

— Правильно! Какой ты умный. — Ли Сюэли погладила его по голове. — Второй вопрос: яблоко, банан, шоколад, ананас — что из этого не фрукт?

— Шоколад! — Сяолян ответил без колебаний.

— И это знаешь? — Ли Сюэли сделала удивленное лицо. — Тогда следующий будет сложнее. Так… третий вопрос: чем мама отличается от папы?

— Мама — девочка, папа — мальчик.

— Вау, ты просто гений! — Ли Сюэли захлопала в ладоши. — Последний вопрос, и если ответишь правильно, сразу куплю мороженое, договорились?

Сяолян оживился, кивая с улыбкой.

— Четвертый вопрос: Гу Лэй ведь не твой настоящий папа, правда?

Гу Сяолян замер, улыбка медленно сошла с его лица, сменившись страхом. Он замотал головой и тут же развернулся, чтобы сбежать по лестнице.

Ли Сюэли схватила его за руку. С прежней доброжелательностью она задала еще более деликатный вопрос:

— Хорошо, давай по-другому: что твоя мама сделала твоему папе?

Сяолян вскрикнул от испуга. Растерявшись, Ли Сюэли мгновенно сменила тон:

— Ладно, ладно, больше не буду спрашивать. Не бойся, Сяолян, сейчас купим мороженое. Только не говори маме и папе, что тетя задавала такие вопросы, а то…

Не дав ей закончить, Гу Сяолян резко вырвал руку и помчался вниз. Ли Сюэли в панике погналась за ним. Они сбежали со второго этажа один за другим, отчего все присутствующие пришли в недоумение.

— Что случилось? — Фань Линь вскочила.

Сяолян направился прямиком к выходу. Ли Сюэли уже хотела крикнуть: «Поймайте его!», как вдруг заметила: Су Сяотун и Гу Лэй уже возвра-

щаются. Увидев родителей, мальчик бросился к ним и крепко обхватил маму за талию.

— Что стряслось? — удивилась Су Сяотун, глядя на запыхавшуюся Ли Сюэли.

— Это… — начал Гу Лэй.

— Ребенок… просто соскучился по вам, — смущенно пробормотала Ли Сюэли.

— Правда, малыш? — присев перед сыном, спросила Су Сяотун.

Ли Сюэли нервно наблюдала за мальчиком, боясь, что он сейчас расскажет все как было. К счастью, речевые навыки Сяоляна явно не позволяли ему четко изложить произошедшее. Он промолчал, и Су Сяотун восприняла это как согласие.

— Мы редко оставляем его одного, наверное, он просто заволновался, — поглаживая сына по голове, сказала Су Сяотун.

— Да… конечно, — поспешила уверить ее Ли Сюэли и сразу сменила тему: — Только что Сяолян и Вэньцзин играли с рыжим котенком. Это было так мило! Я записала на видео, хотите посмотреть?

— Конечно.

— Тогда присаживайтесь…

Су Сяотун и Гу Лэй вернулись на свои места,

чтобы посмотреть запись. Тем временем Фань Вэньцзин придумала новую игру и позвала к себе Сяоляна:

— Иди скорее сюда!

Мальчик снова переключился на котенка, словно позабыв об инциденте. Наблюдая за этим, Ли Сюэли тихо вздохнула с облегчением.

4

Су Сяотун не знала, что Тань Юн спустя час после ухода из дома Ли Сюэли осознал ту же проблему.

Первый час он, как и все, был опьянен радостью от неожиданно свалившегося наследства. Лишь придя в себя, он вновь обрел способность трезво мыслить.

Сейчас они сидели в европейском ресторане — жена и дочь рядом. Семья праздновала грядущее богатство за стейками. Но Тань Юн, осознав всю важность происходящего, внезапно потерял аппетит.

— Мотив, — пробормотал он себе под нос. — Вот же мотив…

— Что ты сказал? — Сидящая рядом Доу Хуэй не расслышала слов мужа.

— Ничего, просто кое-что вспомнил. — Тань Юн отложил нож и вилку. — Мне нужно срочно найти капитана Цзяна.

— Сейчас? Хотя бы доешь стейк, он же больше сотни юаней стоит, — возразила жена.

— Ладно, — сдался Тань Юн, но мысли его были далеко от еды.

Он отказался от затеи нарезать мясо в изысканной манере — вместо этого наколол весь стейк на вилку и начал откусывать большими кусками, словно это была не сочная говядина, а простая шаньдунская лепешка.

— Пап… Ты так некрасиво ешь… — Тань Яли смущенно оглянулась по сторонам, — окружающие подумают, что мы деревенщины, никогда приличной еды не видели. Кто так ест стейк?

Тань Юн уже успел расправиться с мясом в несколько укусов. Жуя, он вытер рот салфеткой.

— Вы не торопитесь, а мне нужно по делам.

С этими словами он поднялся и вышел из ресторана. Оказавшись на улице, Тань Юн набрал номер капитана Цзян Мина:

— Капитан, вы где?

— Я дома. Выходной же!

— Мне нужно срочно кое-что обсудить.

Цзян Мин ненадолго задумался.

— Хорошо, приезжай.

Закончив разговор, Тань Юн поймал такси и назвал адрес.

Через десять с небольшим минут он прибыл в дом начальника отдела Цзян Мина. Цзян Мин был примерно одного возраста с Тань Юном. Они поступили в уголовный розыск почти одновре-

менно и проработали вместе более двадцати лет. Несколько лет назад его повысили до начальника отдела после раскрытия громкого дела. Так он стал непосредственным руководителем Тань Юна.

Тань Юн не испытывал ни малейшей зависти, — скорее, ему было стыдно за себя. За все годы службы он, конечно, раскрыл немало дел, но ни одного по-настоящему значимого. Два года назад Цзян Мин доверил ему расследование убийства на двенадцатом этаже в ЖК «Юэхайвань», но до сих пор никакого прогресса достигнуто не было. А теперь еще и дело Гун Ямэй, которое связано с той же квартирой.

Эти мысли не давали Тань Юну спокойно сидеть за семейным ужином — он спешил обсудить ситуацию с Цзян Мином.

Цзян Мин с женой, судя по всему, только что закончили трапезу: жена еще убирала со стола. Тань Юн вежливо поздоровался с ней, обменялся парой ничего не значащих фраз. Цзян Мин провел его в кабинет, закурил и устроился в кресле:

— Говори, что случилось.

— Мы с Ли Бинем уже провели предварительное расследование по делу Гун Ямэй. Можно с уверенностью заявить, что это убийство, но

личность и мотив убийцы остаются неясными. Однако сегодня утром после похорон Гун Ямэй кое-что произошло, и я вдруг понял, какой мог быть мотив.

— И какой же?

Тань Юн рассказал Цзян Мину о визите адвоката и о завещании. Выслушав, начальник отдела настолько удивился, что даже затушил сигарету в пепельнице и произнес:

— Гун Ямэй разделила более двухсот миллионов между девятью друзьями, включая тебя?

— Да.

— И каждый получит свыше двадцати семи миллионов?

— Д-да…

— Лао Тань, да ты разбогател! — воскликнул Цзян Мин.

Тань Юн не мог понять, какой подтекст скрывался в этих словах. Он смущенно пробормотал:

— Не знаю, почему она вписала меня в завещание. Я лишь изредка бывал на их встречах. Да и то во многом из-за дела двухлетней давности.

— Не нужно оправдываться. — Цзян Мин махнул рукой. — Мы тоже люди, у нас тоже есть друзья. Если завещание составлено добровольно и законно — принимай наследство с чистой

совестью. Это право любого гражданина, полицейского в том числе.

— Спасибо за понимание… Но я не об этом.

— Да, вернемся к главному. Ты считаешь, что мотив убийцы связан с наследством?

— Так точно. Смерть Гун Ямэй явно была на руку членам «Большой семьи». Я полагаю, убийца устранил ее, чтобы ускорить получение денег.

— Но ты же сам сказал — при оглашении завещания все были шокированы, утверждали, что ничего не знали о нем. Да и ты раньше никогда не слышал, чтобы Гун Ямэй обсуждала эту тему.

— Верно, но это может быть лишь видимостью. Вдруг кто-то заранее знал о намерениях Гун Ямэй, но притворился неосведомленным?

Цзян Мин кивнул:

— Это действительно дает мотив для убийства. А согласно полученным ранее данным, никто из «Большой семьи» не мог подтвердить свое алиби в ночь преступления.

— Именно.

— Тогда ситуация непростая. Круг подозреваемых хоть и наметился, но как определить убийцу без видеозаписей и вещественных доказательств?

— В этом и заключается вся сложность дела.

— Лао Тань, ты же часто с ними общаешься. На твой взгляд, есть среди «Большой семьи» те, кто пойдет на все ради выгоды?

Тань Юн тяжело вздохнул:

— Не знаю, то ли я слишком простодушен, чтобы разглядеть их истинную суть, то ли некоторые маскируются слишком хорошо. Лично я считал всех членов «Большой семьи» достойными людьми — иначе не стал бы с ними дружить. Поэтому мне трудно поверить, что кто-то из них способен на такое. Разве что…

— Что?

— Есть одна пара, которая переехала из Цзинчжоу в Лиши только в прошлом месяце. Они знали Гун Ямэй всего ничего, но она почему-то включила их в завещание. Это подозрительно. А я встречался с ними всего несколько раз и не могу сказать, что хорошо их знаю.

Цзян Мин нахмурился, обдумывая услышанное:

— Значит, эта пара переехала в «Юэхайвань» меньше месяца назад и вскоре Гун Ямэй была убита. За такой короткий срок их внесли в завещание, а в ночь убийства у них не было алиби… Выглядит очень подозрительно.

— Но я не понимаю, как они выяснили, что та

оставила завещание. Даже те, кто знал Гун Ямэй больше года, пребывали в полном неведении. Неужели она рассказала о нем новым знакомым?

— Может, им стало известно о завещании еще до переезда? Например, от адвоката. Иными словами, они специально приехали ради него.

Тань Юн открыл рот, но не сказал ни слова.

— Ты считаешь такое возможным? — спросил Цзян Мин.

— То есть они намеренно втерлись в доверие к «Большой семье», завоевали расположение Гун Ямэй, чтобы та включила их в завещание, подтвердили это через адвоката, а затем убили ее? Если так, то это заранее спланированная афера, а адвокат — их сообщник, — заключил Тань Юн.

— Такая вероятность существует, не думаешь?

— Да.

— Тогда нужно проверить прошлое этой пары — есть ли у них судимости, пересекались ли они ранее с Гун Ямэй или тем адвокатом.

— Хорошо, я понял. Сейчас же свяжусь с управлением общественной безопасности Цзинчжоу! — Тань Юн резко встал.

— Постой, Лао Тань!

— Что еще, капитан?

— Мне нужно доложить начальнику Чэню об

обстоятельствах этого дела. — замявшись, ответил Цзян Мин.

— Порядок мне известен. — Тань Юн моргнул. — Зачем вы мне это говорите?

Цзян Мин жестом предложил ему сесть.

— Лао Тань, разве ты не видишь проблемы?

— Какой проблемы?

— Ты тоже причастен. — Цзян Мин пристально посмотрел Тань Юну в глаза.

Тань Юн застыл, не сразу поняв смысл этих слов. Когда до него дошло, он резко вскочил со стула, гневно уставившись на начальника, и обратился к нему уже совсем другим тоном:

— Лао Цзян, что вы хотите сказать?! Что раз я среди наследников, то теоретически тоже могу быть убийцей? На это вы намекаете?!

— Эй-эй! — Цзян Мин хлопнул его по плечу, усаживая обратно. — Успокойся! Сколько лет мы знакомы — разве я не знаю, кто ты? Конечно, я ни на йоту не сомневаюсь в тебе. Но по правилам в такой ситуации тебя нужно отстранить от дела. Сможешь ли ты продолжать расследование, решит начальник Чэнь после моего доклада. Неужели ты хочешь, чтобы я скрыл это от него?

— Доложить нужно, но зачем меня отстранять? Если кто-то — будь то вы, начальник Чэнь или

кто еще в управлении — сомневается во мне, то я глубоко оскорблен!

В этот момент жена Цзян Мина приоткрыла дверь и тихо спросила:

— О чем вы так громко… ссоритесь?

— Кто ссорится? Мы работу обсуждаем! — Цзян Мин взмахнул рукой, давая жене знак закрыть дверь.

В комнате повисло молчание. Цзян Мин похлопал Тань Юна по колену:

— Лао Тань, успокойся и послушай. Никто в нашем отделе и управлении не сомневается в твоей честности — мы тебя знаем. Но вот простые люди… Что они подумают? Ты часто бывал в «Юэхайване», участвовал во встречах «Большой семьи». Те, кто тебя знает, понимают: ты ответственный следователь, хочешь раскрыть дело и защитить жителей. Но посторонние? Узнав, что ты сблизился с Гун Ямэй, а потом стал ее наследником, что они решат? Найдется немало любителей сплетен.

— Это что, моя вина? — вспыхнул Тань Юн. — Я разве просил вносить меня в завещание?

— Конечно нет. Но объяснить это всем невозможно, отсюда и недопонимание. Ты можешь игнорировать слухи, но решение о твоем участии

в деле принимаю не я. Пусть начальник Чэнь рассудит. Завтра я лично доложу ему и сообщу тебе результат.

Тань Юн долго молчал, затем поднялся и вышел. Цзян Мин проводил его взглядом и тяжело вздохнул.

Глава восьмая. Отравленный суп

1

Управление общественной безопасности и уголовный розыск Лиши разделяла лишь одна стена. В понедельник утром, после планерки, Цзян Мин встретился с начальником управления Чэнь Синем и подробно доложил о деле Гун Ямэй, а также о причастности к нему Тань Юна. Посовещавшись с заместителями, Чэнь Синь принял решение.

Вернувшись в угрозыск, Цзян Мин вызвал Тань Юна в кабинет.

— Лао Тань, руководство решило отстранить тебя от расследования, — без всяких прелюдий заявил Цзян Мин. — Оба дела, начиная с сегодняшнего дня, переходят ко мне. Не исключено создание специальной следственной группы.

Этот исход Тань Юн предвидел. Сдерживая гнев, он спросил:

— Оба дела? То есть дело Хэ Юйшань двухлетней давности тоже забирают?

— Да.

— Значит, дела Гун Ямэй и Хэ Юйшань будут объединены?

— Нет. — Цзян Мин покачал головой. — Пока

прямой связи между ними не обнаружено.

— Тогда почему меня отстраняют даже от старого дела?

Цзян Мин колебался с ответом.

— Возможно, начальник Чэнь считает, что за два года расследование так и не продвинулось по существу.

Чувство унижения поднялось в груди Тань Юна вместе с приливом злости. Его давление, казалось, взлетело до небес. Отстранение от обоих дел означало сразу две вещи: во-первых, начальство ему не доверяет, во-вторых, ставит под сомнение его профессиональные способности. Любой из этих пунктов был жестоким ударом для Тань Юна, всей душой преданного своей работе.

По-видимому, начальник Чэнь думал, что, если бы дело изначально вел Цзян Мин, оно давно было бы раскрыто и последующих событий удалось бы избежать.

Цзян Мин видел, как лицо собеседника посерело от напряжения. Он прекрасно понимал состояние Тань Юна.

— Лао Тань, посмотри на это с другой стороны. Тебе же станет легче без этого груза. Я знаю, как ты переживал все два года. Но в расследованиях иногда полезно сменить подход. Так что не при-

нимай близко к сердцу. У начальника Чэня не было скрытых мотивов. Да и я сам не уверен, что смогу раскрыть дело.

Тань Юн знал, что Цзян Мин пытается его утешить.

— И чем же мне теперь заниматься?

— Сейчас новых дел нет, можешь отдохнуть. Возьми отпуск — куда-нибудь съезди. Ты же еще не использовал свои пятнадцать дней ежегодного отпуска.

— Понял. — Тань Юн резко поднялся со стула.

Вернувшись в свой кабинет, он погрузился в гнетущее молчание. Ли Бинь сразу заметил его настроение:

— Лао Тань, что случилось? Вид у тебя убитый.

— Начальник Чэнь и Цзян Мин отстранили меня от расследования этих двух дел, — мрачно ответил Тань Юн.

— Почему?

В кабинете никого больше не было, и Тань Юн подробно все объяснил. Узнав, что коллега унаследует более двадцати семи миллионов, Ли Бинь остолбенел, затем недоуменно покачал головой:

— Да о чем ты переживаешь? На твоем месте я бы прыгал от радости. Один миллион триста восемьдесят тысяч в год — это в двадцать раз

больше нашей зарплаты! Такой офигенной удаче любой позавидует!

Тань Юн бросил на него взгляд:

— Не все в этом мире измеряется деньгами.

— Ты ответственный работник, любишь раскрывать дела. Но вспомни — когда два года назад нашли тело той женщины, прошло уже больше двадцати дней. Ни следов, ни улик. Да и убитая была приезжей, никто в районе с ней не общался. Как такое дело раскрыть? Разве твоя вина, что это висяк? — Ли Бинь оглянулся на дверь и понизил голос: — Пусть Цзян Мин ломает голову над этим безнадежным делом. Тебе же выпала возможность избавиться от этого балласта.

Тань Юн нахмурился, но не нашелся что ответить: Ли Бинь говорил логичные вещи.

— Особенно сейчас, когда прошло два года. Не верю, что Цзян Мин сможет его раскрыть. Он же не волшебник. С делом Гун Ямэй та же история. Ты же сам знаешь этих людей из «Большой семьи» и не нашел у них слабых мест. Какие у него могут быть преимущества? — Ли Бинь говорил почти шепотом. — Думаю, его просто заставили взять эти дела и он сейчас под огромным давлением.

— Да, Цзян Мин сказал, что не уверен в успехе.

— Вот именно! Даже Шерлоку Холмсу такое не

по зубам.

— Но то, что начальник Чэнь доверил ему дела, хотя бы показывает его авторитет, — горько усмехнулся Тань Юн. — А я все эти годы пахал как вол и вместо признания теряю даже доверие.

Ли Бинь, понимая чувства коллеги, похлопал его по плечу:

— Не зацикливайся, Лао Тань. Теперь у тебя есть деньги — можешь вообще завязать с работой.

С этими словами Ли Бинь вернулся на свое место. Но мысли Тань Юна не утихали. В подавленном состоянии он всерьез задумался над последней фразой коллеги.

В обед, за семейным столом, Тань Юн неожиданно спросил жену:

— Как думаешь, если я действительно получу наследство Гун Ямэй, можно будет уволиться?

— Оставить работу в уголовной полиции? Я не против. Служба у тебя опасная. Каждый раз, когда ты на задании, я вся на нервах. Если захочешь уйти, я полностью поддержу. Но… ты ведь сам этого не хочешь? Это же не всерьез?

— Мне нравится моя работа. Но если руководство мне не доверяет, оставляет без дел, какой в ней смысл?

— Как так получилось?

Тань Юн излил жене все обиды. Доу Хуэй, естественно, встала на его защиту. Утешив мужа, она прямо заявила:

— Если тебе так тяжело — увольняйся. Один миллион триста восемьдесят тысяч ежегодно — какая уж тут работа? Время пожить в свое удовольствие.

Тань Юн посмотрел на нее:

— И чем мы тогда будем заниматься?

— Наслаждаться! Тебе ведь уже под пятьдесят — считай, досрочная пенсия. Будем путешествовать: сначала по стране, потом за границу. Наездимся — откроем чайную на берегу Юэхай. Можно будет загорать, играть в маджонг… Ведь нам не нужно зарабатывать. Наймем персонал, а сами будем общаться с гостями, пить чай. Красота какая!

Тань Юн представил себе беззаботную жизнь, описанную женой, и рассмеялся:

— Звучит неплохо.

Помолчав, он добавил:

— Может, начнем уже завтра? Выбирай, куда отправимся.

— Завтра? Ты правда хочешь сразу уволиться? Лучше подождать, пока деньги поступят, — так надежнее.

— Я не об увольнении, а об отпуске. Цзян Мин сам предложил мне взять перерыв.

— Отлично! Я так давно никуда не ездила. Давай в районы к югу от Янцзы. Я всегда мечтала побывать в Учжэне и Чжоучжуане.

— Хорошо, как скажешь.

Так и решили. Тань Юн сообщил Цзян Мину о своем намерении взять пятнадцатидневный отпуск со следующего дня. Поскольку это было его же предложение, Цзян Мин сразу согласился.

Вечером супруги принялись планировать поездку и договорились начать с Ханчжоу. Доу Хуэй позвонила дочери и сообщила о предстоящем путешествии. Тань Яли полностью поддержала родителей. Она знала, что те не отдыхали минимум пять лет, и заверила мать, что на выходных останется в общежитии с двумя одноклассницами, так что те могут не волноваться и просто наслаждаться отпуском.

Тань Юн забронировал авиабилеты через приложение. Привыкшие экономить, они выбрали не самые удобные рейсы: билеты на двадцать один сорок следующего вечера оказались значительно дешевле.

Доу Хуэй достала давно пылившийся без дела чемодан и собрала вещи. Супруги весело обсуж-

дали, как будут отдыхать в Ханчжоу, и Тань Юн понял: как бы ни была важна работа, ему нужна эта передышка. Он словно сбросил груз с плеч, пока паковал сумки.

На следующий день ровно в восемь часов вечера супруги приехали в аэропорт Лиши, получили посадочные талоны, прошли контроль безопасности и устроились в зале ожидания у выхода на посадку.

Ближе к девяти вечера зазвонил телефон Тань Юна — это был Ли Бинь.

— Алло? — Тань Юн поднес трубку к уху; после нескольких фраз собеседника его лицо исказилось от шока. Он резко вскочил. — Что?!

— Что случилось? — Сидящая рядом Доу Хуэй вздрогнула.

Тань Юн оставил ее вопрос без ответа и отошел поговорить. Через пару минут он вернулся бледный как полотно. Жена сразу поняла: что-то не так.

— Ну что там?

Он опустился на металлическую скамью, беззвучно шевеля губами. Доу Хуэй занервничала:

— Да говори же! Что? Неужели что-то с Яли?

— Нет, не с Яли…

— Тогда с кем?

Тань Юн посмотрел ей в глаза:

— С «Большой семьей»…

— Что с ней?!

Тань Юн заметил, что окружающие на них оглядываются. После короткой паузы он сказал жене:

— Поездка отменяется. Мне нужно срочно вернуться.

— Да объясни ты наконец, что случилось!

— Здесь не место это обсуждать. Да и Ли Бинь сам не до конца понимает. Он только едет на место преступления.

— На место пре… — Доу Хуэй расширила глаза. — Кто-то умер?

— Да.

— Кто?..

Тань Юн не стал продолжать. Схватив чемодан, он зашагал к выходу. Жена бросилась следом:

— А билеты?

— Сдай.

— Самолет вот-вот вылетит. Разве их еще можно вернуть?

— Какая разница?! Некогда этим заниматься!

— Но это же больше тысячи за билет, почти три тысячи за оба…

Тань Юн резко обернулся, сверкнув глазами:

— Ты хоть осознаешь всю серьезность ситуа-

ции? Сейчас не до билетов! «Большая семья»… — он оглянулся и понизил голос, — по словам Ли Биня, отравилась. Чуть ли не все погибли!

— А-а! — Доу Хуэй в ужасе прикрыла рот ладонью.

Тань Юн в последний раз сердито посмотрел на нее и зашагал еще быстрее. Жена больше не возражала и покорно следовала за ним.

2

Как обычно, в три часа дня Су Сяотун и Гу Лэй с сыном пришли в гости к Ли Сюэли. Едва Су Сяотун переступила порог, как в ноздри ударил густой аромат.

— Чем так вкусно пахнет?

— Угадай, — улыбнулась Ли Сюэли.

Гу Лэй, опытный кулинар, сразу определил:

— Курица, причем деревенская. Только она дает такой аромат.

— А ты знаток! Верно, сегодня купила жирную деревенскую курицу. Вечером будет хого на курином бульоне.

— Отлично! — обрадовался Гу Лэй.

— Нужна помощь? — спросила Су Сяотун.

— С хого все просто — нужно только нарезать овощи.

Су Сяотун и Ли Сюэли отправились на кухню, Гу Лэй работал в гостиной, а Гу Сяолян играл рядом.

В начале шестого после школы пришли Фань Линь с дочерью. Как и другие, они сразу почувствовали аппетитный аромат. К этому времени бульон в глиняном горшочке уже готовился шесть часов — с одиннадцати утра. Фань Линь,

не удержавшись, налила себе маленькую пиалу бульона, чтобы попробовать, и дала глотнуть дочери.

— Ну как, вкусно?

— Невероятно вкусно! Настоящий, насыщенный куриный бульон, — восхитилась Фань Линь.

— Кроме соли, ничего не добавляла. Бульон должен быть натуральным, — пояснила Ли Сюэли.

— Овощи, баранина и грибы готовы? Сегодня будет хого?

— Именно так.

— Надо поторопить остальных, не могу дождаться!

Фань Линь сделала несколько фотографий бульона и гарниров, отправила их в групповой чат с подписью: «Сегодня вечером хого с куриным бульоном! Приходите быстрее, а не то я все съем!»

Ван Синсин, Хань Лэй и остальные прислали стикеры «ОК». Фань Линь отметила Тань Юна, спросила, сможет ли он прийти. Тань Юн ответил, что взял отпуск и собирается в путешествие с женой.

Фань Линь написала: «Хорошо, отличного отдыха!»

К шести вечера все члены «Большой семьи» были в сборе. На столе уже стоял медный котел

с бульоном, окруженный тарелками с мясом, овощами и соусами.

— Сегодня у нас особые деликатесы. — Ли Сюэли подняла блюдо с грибами. — Четыре вида грибов!

— Сюэли, твои расходы на наше питание явно превысили сумму в двадцать юаней с человека, — заметил Ван Синсин.

Ли Сюэли, добавляя грибы в бульон, рассмеялась:

— Теперь у всех есть деньги, разве нужно экономить? Зачем ограничиваться двадцатью юанями?

— Может, нам стоит увеличить взносы на еду? — спросила Су Сяотун.

— Нет-нет, подождем, пока деньги поступят. Я просто на эмоциях купила что подороже.

Грибы, добавленные в бульон, усилили его аромат. Особенно грибы мацутакэ — они идеально сочетались с куриным бульоном. Еще до того, как приняться за еду, все наслаждались одним только запахом. Когда грибы сварились, Ли Сюэли разлила суп, и каждый выразил восторг. Юань Дун и вовсе заявил, что это самый вкусный бульон в его жизни.

— Лао Тань и правда молодец — выбрался в

путешествие с женой. Как думаете, это как-то связано с наследством? — спросила Фань Линь, попивая суп.

— Конечно связано. Если я не ошибаюсь, это его первая поездка за все время, что мы его знаем, — заметила Хань Лэй.

— Может, и нам стоит куда-нибудь съездить? — предложила Ся Ци. — В следующем месяце, когда получим наследство, вступят в силу ограничения — придется дни считать.

— Отличная идея! — сразу согласился Ван Синсин. — Честно говоря, с тех пор как узнал о наследстве, вообще не могу сосредоточиться на работе.

— Разве то, чем ты занимаешься, можно назвать работой? — съязвила Ли Сюэли. — Ты же просто играешь в игры.

— Ну откуда эта предвзятость?! Сколько раз говорил — я профессиональный игрок, пишу обзоры и гайды. Но сейчас… как-то пропал энтузиазм…

— У меня тоже, — призналась Фань Линь. — Последние дни будто в тумане — не могу сосредоточиться, только и думаю, как потрачу эти деньги.

— И я… — Гу Лэй горько усмехнулся. — Сложно сконцентрироваться на работе.

— Похоже, мы все в одинаковом состоянии, — сказала Хань Лэй. — А я думала, у меня одной так.

— Такова человеческая природа, — многозначительно заметил Юань Дун.

— Учитель Юань, опять хочешь поделиться мудростью?

— Лучше промолчу, а то опять начнешь подкалывать.

— Обещаю, в этот раз не буду. Говори.

— Хорошо. Богатство, внезапно свалившееся на голову, конечно, приносит радость, но одновременно оставляет ощущение пустоты. Когда все мечты и стремления внезапно осуществляются, человек теряет ориентиры. «Что делать дальше?» — вот какой вопрос начинает его мучить. Продолжать работать — но где теперь мотивация? Бездельничать, развлекаться — но где тогда радость? Со временем такое существование вызовет отвращение к самому себе. Постепенно ты осознаешь, что превратился в никчемного человека, и тогда возникнет вопрос о смысле жизни. Человек — противоречивое и вечно неудовлетворенное создание.

Слова Юань Дуна заставили всех задуматься. Ван Синсин произнес с серьезным видом:

— Если поразмыслить, так оно и есть. Это как в играх — сначала у персонажа всего первый уровень и слабая экипировка, что мотивирует игрока развивать его. Сам этот процесс полон азарта. Но когда герой переходит на высший уровень и получает лучшие доспехи, становясь непобедимым, игра теряет смысл. Ведь исчезает вызов, остается только пустота и скука.

— Значит, получая наследство, мы теряем радость от достижения целей? — спросила Хань Лэй. — Учитель Юань, есть ли выход из этой ситуации?

— Конечно есть. Наполнить жизнь смыслом вполне реально. Например, можно пожертвовать деньги на благотворительность, помочь нуждающимся. Это принесет духовное удовлетворение, появится множество полезных дел. Разве в таком случае можно будет чувствовать себя опустошенным?

— Учитель Юань, как мудро! — Шэнь Фэнся смотрела на него с безграничным обожанием. — Я все думала, на что же потратить эти деньги, и теперь все стало ясно.

— Так или иначе, я уже решил, что бóльшую часть я потрачу на благотворительность, — сказал Юань Дун. — Если конкретнее, я хочу помочь

детям из бедных горных районов, улучшить условия их жизни и учебы.

— Что бы ты ни делал, я поступлю так же, — тут же заявила Шэнь Фэнся.

— Сестрица Сюэли, принеси вина! В такой момент обязательно нужно поднять тост за учителя Юаня и Фэнся, за их благородство! — искренне сказала Хань Лэй, без намека на сарказм.

— Конечно, я тоже тронута их решением!

Ли Сюэли встала, достала из бара бутылку красного вина и бокалы. Все выпили за Юань Дуна и Шэнь Фэнся. Юань Дун тут же замахал руками, показывая, что это не обязательно.

Выпив, Фань Линь сказала:

— Но после поступка учителя Юаня мы, собравшиеся спустить деньги на ветер, выглядим совсем бледно.

— Не говори так, у каждого свои ценности и взгляды на жизнь, — ответил Юань Дун. — Разумные траты и удовольствия — это тоже нормально. Я ни на кого не хочу морально давить.

— Думаю, можно найти компромисс, — предложила Ся Ци. — Например, часть денег потратить на себя, а часть — на благотворительность. Разве одно мешает другому?

— Верно, отличная идея, — согласилась Фань

Линь. — Эти сумки от люксовых брендов все равно непрактичные. Купим что попроще, а деньги пустим на что-то стоящее.

— Сестрица Ямэй при жизни активно занималась благотворительностью, — добавила Ли Сюэли. — Она была бы счастлива, если бы знала, что мы продолжаем ее дело.

— Какие мы все вдруг стали благородные и великодушные! Ха-ха-ха! — рассмеялся Ван Синсин.

— Так выпьем же за нас! — Ся Ци снова подняла бокал.

Все поддержали ее и чокнулись.

Взрослые вернулись к выпивке, и Фань Вэньцзин поняла: ужин затянется надолго. Она вышла из-за стола и отправилась в соседнюю комнату делать уроки. Гу Сяолян, последовав за ней, принялся собирать пазл на полу. У взрослых тем временем застолье было в самом разгаре.

— Эй, так вы поедете в путешествие или нет? — спросила Фань Линь. — Если да, я могу спланировать для вас маршрут.

— Конечно поедем! — сказал Ван Синсин. — Я сейчас вообще не хочу работать.

— Кто едет? Поднимайте руки.

Ван Синсин, Ся Ци и Хань Лэй тут же подняли

руки. Ли Сюэли немного подумала и сказала:

— Я тоже поеду, давно никуда не выбиралась.

— Сяотун, Гу Лэй, учитель Юань, Фэнся, а вы как? — спросила Фань Линь.

— Ноги у меня уже не те, так что я пас, — ответил Юань Дун. — Вдруг придется долго ходить — только вас задерживать буду.

— Я… — Су Сяотун заколебалась, взглянув на Гу Лэя.

— Я не против, — сказал Гу Лэй. — Мне один проект доделать надо, но ноутбук можно и с собой взять.

— А куда поедем? — спросила Су Сяотун.

Все наперебой называли любимые достопримечательности и города, а Фань Линь помогала им советом. Юань Дун и Шэнь Фэнся в обсуждении не участвовали. Прислушиваясь, однако, к разговору, Шэнь Фэнся заметила, что Юань Дун с удовольствием ест суп из диких грибов с курицей, и налила ему еще две чашки.

Су Сяотун так и не решила окончательно, стоит ли ехать с остальными. Причины ее колебаний были очевидны — смерть Гун Ямэй по-прежнему не давала ей покоя.

Как раз когда все почти договорились о поездке на северо-запад, Юань Дун схватился за живот, его

лицо исказилось от боли, и он громко застонал.

— Учитель, что такое? — встревожилась Шэнь Фэнся.

— Не знаю, живот вдруг резко заболел, и голова кружится…

Не успел он договорить, как Ли Сюэли пробормотала:

— Мне тоже как-то нехорошо…

В считаные секунды всем за столом стало плохо, включая Су Сяотун. Боль накатывала волнами, словно прилив: сначала резь в животе, головокружение, затем онемение рук и ног. Это было неописуемое мучение — будто приступ аппендицита совпал с сильнейшей морской болезнью. Су Сяотун внутренне ахнула, но сознание уже затуманивалось. Хуже того, она не могла издать ни звука — ни позвать на помощь, ни даже закричать. Мучения нарастали, дыхание становилось все тяжелее. Наконец Су Сяотун полностью потеряла сознание, и ее голова бессильно упала на стол.

3

Тань Юн и Доу Хуэй, покинув аэропорт, поймали разные такси. Тань Юн велел Доу Хуэй отвезти чемодан домой, а сам немедленно отправился в Первую городскую больницу: Ли Бинь сообщил ему в «Вичате», что почти все члены «Большой семьи» сейчас проходят там срочное лечение.

На взводе Тань Юн примчался в отделение неотложной помощи и встретил Ли Биня в коридоре. Рядом на скамейке сидели Фань Вэньцзин и Гу Сяолян. Фань Вэньцзин непрерывно рыдала, явно напуганная до смерти; Гу Сяолян, как обычно, сохранял безучастное выражение лица.

— Где они? — спросил Тань Юн у Ли Биня.

— Девять человек, все в реанимации, практически заполнили отделение.

— Ты сказал, это пищевое отравление?

— Да, врачи предварительно определили так. Сейчас им промывают желудок, ставят капельницы…

Тань Юн взглянул на рыдающую Фань Вэньцзин, отвел Ли Биня в сторону и тихо спросил:

— Сколько человек погибло?

— Пока неизвестно.

— Неизвестно? Но ты же только что сказал мне, что больше половины из них мертвы.

— Это была ошибка. Когда в больницу поступил экстренный вызов, человек, звонивший в службу спасения, вероятно, увидел, что все в комнате без сознания, запаниковал и решил, что они погибли. Работники больницы тоже перепугались и сразу вызвали полицию. Когда я прибыл, врачи сказали мне, что все пострадавшие еще живы, их пытаются спасти. Но ситуация не слишком оптимистичная.

— Что значит «не слишком оптимистичная»?

— Неизвестно, выживут ли они.

— А причина отравления уже установлена? Чем они отравились?

— Пока нет.

— Это точно связано с ужином. Нужно срочно ехать к Ли Сюэли. Возьмем пробы еды — и станет ясно, в чем дело.

— Уже сделано, — сказал Ли Бинь. — Команда Цзяна с детективом Лю прямо сейчас у нее дома.

Тань Юн замер: он вспомнил, что дела, имеющие отношение к квартире 1203, теперь ведет Цзян Мин. Однако, учитывая серьезность происшествия, он не мог остаться в стороне.

— Кто звонил в службу спасения?

— Не знаю. Но я спросил медсестру, принимавшую звонок. По ее словам, голос женский.

— Номер? У больничного телефона же есть определитель.

— Есть. Звонили со стационарного телефона Ли Сюэли.

Стационарный… Значит, позвонить мог кто угодно. Тань Юн нахмурился:

— Есть запись разговора?

— Нет… — Ли Бинь сделал паузу. — Лао Тань, я позвонил тебе, потому что знал: вы друзья и я должен тебе сообщить…

— Но не для того, чтобы я занялся расследованием, верно? Ты намекаешь, чтобы я не выходил за рамки полномочий?

Ли Бинь вздохнул с легкой досадой:

— В общем, просто не ставь меня в неловкое положение. Сегодня капитан Цзян четко дал понять: всю информацию, связанную с делом квартиры двенадцать ноль три, следует передавать только ему. Я уже нарушил инструкцию, когда рассказал тебе…

Услышав это, Тань Юна вновь охватило раздражение, но срываться на Ли Бине не имело смысла. Сдерживая эмоции, он пробурчал:

— Ладно, больше не буду тебя ни о чем спра-

шивать. Но как их друг я могу хотя бы дождаться вердикта врачей и присмотреть за детьми, да?

С этими словами он направился к скамейке и сел рядом с Фань Вэньцзин и Гу Сяоляном, стараясь их успокоить. Увидев дядю Таня, девочка немного пришла в себя, но страх ее не отпускал — она то и дело спрашивала, умрет ли мама. Тань Юн не знал, что ответить, и бормотал что-то обнадеживающее про врачей.

Глядя на детей, он вдруг задумался: разве они не ужинали вместе со взрослыми? Почему все взрослые отравились, а эти двое — нет? Хотя знал: Ли Сюэли иногда готовит детям отдельно. Но это не значит, что они совсем не притрагиваются к общим блюдам.

— Вэньцзин, — спросил он, — а что вы сегодня ели?

— Суп с курицей и грибами в хого, — ответила девочка.

— Кроме супа, было еще что-то?

— Овощи, мясные рулетики, грибы… много разных грибов.

Грибы? Тань Юн нахмурился. Неужели они случайно съели ядовитые грибы?

— Вэньцзин, а вы с Сяоляном ели грибы?

Фань Вэньцзин кивнула.

— Вы оба ели? — переспросил Тань Юн, чтобы убедиться.

— Угу. Мама налила мне куриный суп, там было несколько видов грибов, все очень вкусные.

Странно. Если грибы были ядовитыми, почему дети не отравились? К тому же детский организм более уязвим. В случае отравления симптомы проявились бы у них даже сильнее, чем у взрослых. Но сейчас продолжать расспросы казалось бесполезным.

Подумав, Тань Юн задал другой вопрос:

— Вэньцзин, ты не знаешь, кто звонил в «скорую»?

— Не знаю, — покачала головой девочка. — Я делала уроки в комнате, дверь была закрыта. Потом раздался громкий стук, я вышла и увидела, что все уже лежат без сознания… Стучали врачи.

— Понятно. — Тань Юн потрепал ее по голове и повернулся к Гу Сяоляну. — Сяолян, а ты? Ты не знаешь, кто звонил?

Мальчик молча покачал головой.

— Он был со мной в комнате, — пояснила Фань Вэньцзин. — Мы почти ничего не слышали.

Тань Юн кивнул.

Просидев с детьми в коридоре больше часа, Тань Юн увидел, как из реанимации вышел врач,

и тут же подошел узнать новости.

— После промывания желудка и детоксикации почти все стабилизированы, — сообщил доктор. — Только один все еще в критическом состоянии.

— Кто? — невольно вырвалось у Тань Юна.

— Не знаю. — Врач покачал головой. — Мужчина.

Мужчина… Значит, это либо Гу Лэй, либо Ван Синсин, либо Юань Дун.

— Почему его состояние хуже, чем у остальных?

— Мы предполагаем пищевое отравление. Вероятно, он получил с пищей больше токсинов, чем другие.

— Доктор, как вы считаете, они могли отравиться ядовитыми грибами?

— Вполне. Грибной сезон в самом разгаре. Каждый год в это время к нам поступают пациенты с подобными симптомами. Но чтобы сразу столько народу — такое впервые. Хорошо, что «скорая» приехала вовремя, иначе последствия могли быть трагичными.

— А тот, кто в критическом состоянии… у него есть шансы?

— Конечно, мы сделаем все возможное, но сей-

час сложно сказать. Он все еще без сознания.

— Значит, остальные уже пришли в себя? Можно их увидеть?

— Вы родственник?

— Да. И еще я полицейский. — Тань Юн показал удостоверение.

— А, тогда конечно. Но пациенты только очнулись, пережили промывание желудка, они еще очень слабы. Им нужен покой.

— Я понимаю. Просто хочу проведать их, я не буду мешать.

Фань Вэньцзин тоже заволновалась:

— Я хочу к маме!

— Хорошо, заходите. Только, пожалуйста, потише.

— Я с вами, — сказал Ли Бинь.

Двое полицейских с детьми вошли в отделение неотложной помощи. Там располагались четыре реанимационные палаты, в каждой — по три койки, и сейчас почти все они были заняты членами «Большой семьи».

В первой палате лежали Ли Сюэли, Фань Линь и Су Сяотун. Бледные, с синеватыми губами, они выглядели изможденными. Едва избежавшие смерти, женщины смотрели на вошедших, будто видели их сквозь пелену. Фань Вэньцзин с ры-

даниями кинулась к матери. Гу Сяолян, подойдя к Су Сяотун, тихо позвал ее.

Ли Сюэли, глядя на Тань Юна, заплакала и слабым голосом спросила:

— Лао Тань… как ты здесь оказался? Ты же… уехал отдыхать…

— В аэропорту мне позвонил Ли Бинь, сказал, что с вами что-то случилось. Я сразу вернулся.

Ли Сюэли вяло кивнула, не в силах говорить дальше. Тань Юн знал, что закупкой продуктов обычно занималась именно она, значит в случае пищевого отравления она несет наибольшую ответственность. Ему страшно хотелось задать Сюэли несколько вопросов, но, видя ее состояние, он понимал: сейчас не время. Проблема была в том, что официально он больше не имел права расследовать это дело. Но если упустит момент, как потом получить ответы?

Пока он раздумывал, из соседнего зала вдруг раздался душераздирающий вопль. Тань Юн узнал голос Шэнь Фэнся — сердце его сжалось, и он вместе с Ли Бинем поспешил туда.

В этой палате находились Ся Ци, Шэнь Фэнся и Юань Дун. Врачи и медсестры столпились вокруг койки Юань Дуна. Кардиомонитор издавал пронзительный звук тревоги, а на экране тяну-

лась прямая линия, которая свидетельствовала о наступлении смерти.

Шэнь Фэнся в отчаянии бросилась на тело Юань Дуна, ее рыдания эхом разносились по палате. Ся Ци, сидя на кровати, прикрывала рот рукой, слезы катились по ее щекам. Вскоре из соседнего помещения подошли Гу Лэй, Ван Синсин и Хань Лэй, за ними, едва держась на ногах, следовали Ли Сюэли, Фань Линь и Су Сяотун. Все услышали слова врача:

— Простите, мы сделали все возможное… Но доза токсинов в его организме была слишком высока, яд проник в кровь и сердце. Спасти его не удалось.

В палате воцарилась гнетущая тишина, прерываемая всхлипываниями. Хань Лэй дрожащим голосом спросила:

— Доктор… как так вышло? Почему мы отравились?

— По предварительным данным, это пищевое отравление, и, скорее всего, оно вызвано ядовитыми грибами, — резюмировал врач.

— Ядовитыми… грибами?

Собравшиеся переглянулись, а затем устремили взгляды на Ли Сюэли.

— Что за грибы ты купила?! — вырвалось

у Фань Линь.

Ли Сюэли побледнела еще сильнее. Она качала головой, не в силах принять услышанное:

— Нет… не может быть! Я купила их на рынке, у проверенного продавца. Они не могли быть ядовитыми!

— Но мы же отравились! — упрекнула ее Фань Линь. — Как это «не могли»?

Ли Сюэли ухватилась за руку Тань Юна, слезы текли по ее лицу:

— Лао Тань, ты должен помочь доказать мою невиновность! Я правда купила их на рынке! И… их покупали многие. Если грибы ядовитые, почему отравились только мы?!

Тань Юн уже размышлял над этим очевидным противоречием. В его голове зрела куда более мрачная и пугающая версия.

Тань Юн сурово молчал, и Ли Сюэли решила, что он ей не верит. Ее рыдания стали еще отчаяннее.

— Пожалуйста, расследуй случившееся! — умоляла она.

У Тань Юна ком застрял в горле. Что он мог ответить? «Прости, это дело больше не в моей компетенции»? Разве мог он произнести это вслух?

В переполненную палату вошли начальник уголовного следствия Цзян Мин и его подчиненный Лю. Они только что вернулись из квартиры Ли Сюэли. При виде Тань Юна Цзян Мин нахмурился и укоризненно посмотрел на Ли Биня.

— Капитан Цзян, я сообщил Лао Таню, потому что он их друг, — кинулся объяснять Ли Бинь. — Да и я думал, что он уже уехал отдыхать, что его нет в городе…

Цзян Мин с недовольным видом, сдерживая раздражение при посторонних, спросил Тань Юна:

— Разве ты не уехал с женой в отпуск? Почему вернулся?

— Не успел, — огрызнулся Тань Юн. — Что, теперь я даже навестить друзей не могу?

— Лао Тань, ты опытный следователь, мы двадцать лет работаем вместе. Неужели мне нужно говорить прямым текстом? — Голос и выражение лица Цзян Мина ожесточились. — В уставе четко прописано: в подобных ситуациях ты обязан соблюдать дистанцию! Любой твой контакт с ними — смешение личного со служебным. Кто знает, ты здесь как друг или как следователь? Прости за грубость, но ты мешаешь моему расследованию!

От этих слов Тань Юна бросило в пот, возразить

он не посмел. За все годы начальник впервые так жестко отчитал его, да еще и при всех. Унижение было ничто по сравнению с тем, что он ощутил в этот момент — невыносимое чувство несправедливости и собственного бессилия. Постояв несколько секунд, он молча вышел из переполненной палаты.

Покинув больницу, Тань Юн с опустошенным сердцем побрел по улице. До дому было далеко, но ему не хотелось вызывать такси: только холодный ночной ветер и одиночество могли немного успокоить его мысли.

Одно он понимал совершенно ясно: происшедшее — не просто несчастный случай.

Всего через три дня после оглашения завещания Гун Ямэй случилось массовое отравление «Большой семьи». Это не могло быть совпадением. Смерть Гун Ямэй, огромное наследство, отравление — эти три события явно были связаны.

«В такой ситуации доля будет распределена между остальными наследниками — как и при добровольном отказе», — вспомнил Тань Юн слова адвоката Фэна, и по спине пробежал холодок.

Смерть одного означает перераспределение его доли в пользу остальных. Чем меньше наследни-

ков, тем больше наследство.

Отравление, если догадка верна, явно было делом рук кого-то из «Большой семьи». Мотив очевиден. Подмешать яд в куриный суп, который едят все, включая самого убийцу, — это, разумеется, была уловка, необходимая жертва. Останься он один невредим, это выглядело бы слишком подозрительно. Рассчитав дозу и вовремя вызвав «скорую», убийца устранил бы неугодных и вместе с тем увел бы следствие по ложному пути. И его целью наверняка был не только Юань Дун. Злоумышленник, вероятно, надеялся одним ударом убрать половину или больше, чтобы утроить или учетверить свою долю!

Другими словами, если бы сегодня кто-то, как и Юань Дун, съел много супа, сейчас в морге лежало бы не одно тело.

От этой мысли кровь в жилах Тань Юна закипела, но внутри стало леденяще холодно. Его тело будто разрывалось между пламенем и льдом, его то окатывал жар, то сотрясал озноб. В теплой, дружной «Большой семье» скрывался коварный, чудовищный убийца. Какой кошмар! Как он мог раньше не заметить, что среди них затесался такой человек? Столько раз они вместе ели, общались, делились радостью. Для следователя это

был жестокий удар по самолюбию!

«И что, если этот убийца — тот самый, который два года назад убил арендаторшу из квартиры двенадцать ноль три, Хэ Юйшань? — думал Тань Юн. — Если это так, значит он все это время был рядом со мной? И я столько раз… Это несмываемый позор! Сколько раз он внутренне смеялся надо мной! Но главное — кто может гарантировать, что он не совершит новых преступлений?»

Тань Юн резко остановился. Гнев и тревога исказили его лицо. Прохожие при одном взгляде на Тань Юна испуганно шарахались в сторону, но он этого даже не замечал.

Спустя несколько минут к нему пришло еще более горькое осознание: он больше не может расследовать эту цепь преступлений.

А значит, чувство стыда останется с ним навсегда, превратившись в вечное сожаление.

Ни профессиональная честь, ни чувство справедливости не позволяли ему просто смириться. Но что он мог поделать? Цзян Мин ясно дал понять свою позицию, к тому же Тань Юн — человек разумный, он сам знает, что в текущей ситуации ему действительно лучше не вмешиваться.

Разве что…

После получаса напряженных раздумий Тань

Юн принял решение. Возможно, самое своевольное и важное в его жизни. Но если он не сделает этого, то никогда больше не обретет покоя, не говоря уже о счастье.

Тань Юн достал телефон и набрал номер. Когда на том конце ответили, он четко изложил свою мысль.

— Следователь Тань… Вы точно уверены?

— Да, я все обдумал, — твердо ответил Тань Юн.

Глава девятая. Расследование

1

В четверг в половине девятого утра начальник уголовного следствия Цзян Мин подошел к своему кабинету и увидел у двери Тань Юна в полицейской форме.

— Лао Тань?.. — Цзян Мин замер. — Что ты здесь делаешь?

— Жду вас, капитан.

Цзян Мин оценивающе взглянул на него, ключом открыл дверь:

— Зачем? Ты же взял отпуск. Отдыхай.

Тань Юн вошел вслед за ним:

— Передумал. Хочу приступить к работе сегодня же.

Цзян Мин сел, жестом приглашая Тань Юна последовать его примеру, и закурил.

— Ты же сейчас не станешь уговаривать меня оставить тебя на этом деле? — выпустив дым, произнес он.

— Угадали. Вы меня хорошо знаете.

— Лао Тань, ну почему ты такой упрямый? Сколько раз повторять — в таких ситуациях ты должен…

— Держаться в стороне, — перебил Тань Юн и

достал из кармана сложенный лист бумаги. — Но обстоятельства изменились.

— Что это?

— Факс от адвоката Фэн Чжэна из уханьской юридической фирмы «Хуасин». Смотрите сами.

Цзян Мин взял листок, развернул и, пробежав глазами по тексту, воскликнул:

— Лао Тань, ты отказался от наследства Гун Ямэй?!

— Да, — спокойно ответил Тань Юн. — Вчера я поручил адвокату Фэн Чжэну оформить отказ. Это официальное уведомление с печатью юридической фирмы. Можете позвонить в «Хуасин» и проверить.

— Что за разговоры? Конечно я тебе верю, проверка не нужна. Просто не ожидал такого… Лао Тань, неужели ты отказался от наследства, только чтобы продолжить расследование?

— Именно так.

— Не понимаю… Это дело для тебя настолько важно?

Тань Юн ненадолго задумался.

— Причин много. Но главное — я не могу.

— Не можешь что?

— Спокойно смотреть, как убийца продолжает бесчинствовать, а я в это время получаю милли-

оны, живу в свое удовольствие и делаю вид, что ничего не происходит. Так я не умею.

— Но расследованием же занимаюсь я! Разве ты мне не доверяешь?

— Конечно доверяю.

— Тогда почему ты так рвешься вести дело лично?

— Капитан Цзян, боюсь, вы не поймете моих чувств, — горько усмехнулся Тань Юн. — С детства я зачитывался детективами, мечтал раскрывать преступления, как герои этих книг. Поступил в полицейскую академию, стал следователем — думал, мечта сбылась. Но прошло двадцать лет, а я так и не раскрыл ни одного громкого дела. Если бы только это… Но теперь у меня перед носом серия убийств, а преступник — человек, которого я считал другом! Мы встречались, а я не разглядел его сущности. Позволил безнаказанно убивать снова и снова! Оставаться в стороне в такой ситуации — для меня настоящая пытка. Если я не раскрою это дело сам, не схвачу подлеца своими руками, то до конца дней буду жить с клеймом позора и считать себя никудышным полицейским и жалким человеком.

Цзян Мин долго смотрел на Тань Юна. Наконец он слегка кивнул:

— Я понимаю тебя, Лао Тань. Но задумывался ли ты вот о чем — даже если ты откажешься от наследства и возьмешь дело, это не гарантирует, что ты его раскроешь.

— Задумывался.

— Тогда, если ты откажешься от огромного наследства, но так и не поймаешь убийцу, разве ты не будешь сожалеть еще больше?

— Да, и не просто сожалеть — возможно, даже раскаиваться. Я ведь обычный человек, такие деньги для меня не пустой звук.

— Если ты все это осознаешь, зачем тогда идешь на такой шаг?

— Я хочу проверить, смогу ли таким отчаянным способом найти в себе скрытые резервы. Другими словами — чтобы потом не жалеть, я клянусь поймать этого убийцу и раскрыть дело!

Искренность Тань Юна потрясла Цзян Мина, вызвав в нем сложную гамму чувств. Он кивнул:

— Я понял. Тогда я сейчас позвоню начальнику Чэню и доложу ситуацию. Жди меня в кабинете.

— Хорошо.

Тань Юн развернулся к выходу, но Цзян Мин остановил его:

— Лао Тань…

— Что?

Цзян Мин на секунду застыл с приоткрытым ртом, затем махнул рукой:

— Ничего… Иди.

Когда дверь кабинета закрылась, Цзян Мин, глядя вслед Тань Юну, прошептал:

— Ты единственный за все эти годы, кто вызвал у меня настоящее уважение.

2

Через десять минут Цзян Мин вызвал Тань Юна в кабинет.

— Начальник Чэнь разрешил тебе вернуться к делу. Более того, предложил создать специальную группу под твоим руководством.

Тань Юн, переполненный энтузиазмом, ответил:

— Спецгруппа потребует слишком много ресурсов. Да и никто не знает «Большую семью» лучше меня. Пока хватит нас с Ли Бинем.

— Хорошо, — кивнул Цзян Мин. — Чэнь оставил это на твое усмотрение. Но у него есть условие.

— Какое?

— Нужно раскрыть дело в установленный срок. Чэнь опасается, что убийца может снова нанести удар.

— Я разделяю его опасения. — Тань Юн кивнул. — Поэтому планирую раскрыть дело в течение месяца.

— Хорошо, я передам Чэню. А теперь расскажу все, что нам удалось выяснить с вечера вторника. Сегодня утром мы с Лю как раз собирались продолжить расследование. С этого момента им

займешься ты, а Ли Бинь будет помогать.

— Договорились.

— Начнем с отравления. Мы сразу отправились в квартиру Ли Сюэли, взяли пробы еды. Результаты экспертизы уже готовы: в курином супе обнаружен яд смертельно опасного гриба «огненный коралл».

— «Огненный коралл»? Это же самый ядовитый из известных грибов!

— Именно. Всего три грамма могут убить человека. Судя по концентрации токсина в пробе, в суп добавили значительно больше — поэтому и пострадало девять человек, а один и вовсе погиб.

— Капитан, подождите, я запишу. — Тань Юн достал блокнот.

— «Огненный коралл» — гриб красного цвета, по форме напоминает пальцы. Внешне он сильно отличается от съедобных грибов. Такой точно не продают на рынках, и никто не купил бы его по ошибке. Так что это не случайное отравление. Это умышленное преступление.

Тань Юн поднял голову:

— В «Большой семье» за покупку продуктов и готовку отвечают Ли Сюэли и Су Сяотун. Теоретически они главные подозреваемые. Но они же явно сами это понимают. Да и столь очевидные

методы несвойственны нашему хитроумному убийце. Возможно, яд подсыпали не они.

— Не исключено. Поэтому найти отравителя — ключевая задача. Вчера «Большая семья» еще была в больнице, вечером их выписали. Я планировал сегодня допросить их. Теперь это твоя забота.

— Хорошо.

— Еще кое-что — супруги Су Сяотун и Гу Лэй. Ты отмечал, что они приехали в Лиши меньше месяца назад. Вскоре после этого произошло убийство Гун Ямэй, и они стали наследниками. Это подозрительно. Я запросил данные из цзинчжоуского управления — оказалось, с ними не все чисто, особенно с Су Сяотун.

— Да? — Тань Юн нахмурился. — Что такого в их прошлом?

— Их сына зовут Гу Сяолян, верно? Но знал ли ты, что Гу Лэй ему не родной отец?

— Не знал. — Тань Юн вздрогнул. — Су Сяотун и Гу Лэй никогда об этом не упоминали. А кто тогда биологический отец Гу Сяоляна?

— Некто по имени Чжан Шэн. И он мертв.

— И от чего же он умер?

— Тут начинается самое интересное. Полиции Цзинчжоу известна только внешняя сторона

истории, истину они так и не установили. В деле о смерти Чжан Шэна слишком много темных пятен.

— И что это значит? — Тань Юн недоумевал. — Почему они не расследовали эти «темные пятна»?

— Расследовали, конечно. Но согласно информации от наших коллег из Цзинчжоу, в момент происшествия присутствовали только трое: Су Сяотун, Чжан Шэн и Гу Сяолян — тогда еще Чжан Сяолян. Чжан Шэн погиб, мальчик стал умственно отсталым, остались только показания Су Сяотун. Без доказательств они ничего не могли сделать. Потом Су Сяотун увезла сына из Цзинчжоу и поселилась с Гу Лэем в Лиши.

— Погоди, ты сказал, Гу Сяолян стал умственно отсталым после этого случая? То есть он не был таким от рождения?

— Все так.

— Что именно произошло в их семье? — нетерпеливо спросил Тань Юн.

— Покушение на самоубийство с помощью угарного газа. Случилось это около года назад. По словам Су Сяотун, ее бывший муж Чжан Шэн после неудачных инвестиций решил уйти из жизни вместе с семьей. Он подмешал снотворное в пи-

тьевую воду, а когда жена и сын уснули, развел в доме огонь. Но Су Сяотун проснулась раньше времени, спасла сына и вызвала полицию. Когда прибыли стражи порядка, Чжан Шэн был уже мертв — отравление угарным газом. Женщина с ребенком выжили, но мальчик из-за комбинации снотворного и угарного газа получил органическое поражение мозга, что привело к умственной отсталости. — Цзян Мин наклонился вперед, пристально глядя на Тань Юна. — Звучит подозрительно, не так ли? Если это было самоубийство, почему Су Сяотун, хоть она и приняла снотворное, внезапно проснулась? И еще — раз они с сыном выжили, значит концентрация угарного газа не была смертельной. Тогда почему погиб Чжан Шэн?

— Действительно, подозрительно. Получается, в этом случае возможен другой сценарий. Все было наоборот — инициатором выступал не Чжан Шэн, а Су Сяотун. Она пыталась таким способом убить мужа, — анализировал Тань Юн.

— Полиция Цзинчжоу тоже допускала такой вариант развития событий. Но к сожалению, доказательств не нашлось, и дело пришлось закрыть.

— Но тогда есть нестыковка — неужели Су

Сяотун ради убийства мужа рискнула бы собственным сыном? Вряд ли она хотела сделать ребенка умственно отсталым.

— Скорее всего, она рассчитывала, что сын просто сыграет свою роль, но не учла разницу между детским и взрослым организмом. Взрослый бы отделался легким отравлением, а для развивающегося мозга ребенка даже небольшая доза угарного газа фатальна.

— Допустим, — кивнул Тань Юн. — Есть еще какая-то информация?

— В основном все. В детали тебя посвятит Ли Бинь. Главное — Су Сяотун и ее муж серьезные подозреваемые, их нужно тщательно проверить. Советую начать с дела о «самоубийстве». Если удастся доказать причастность к нему Су Сяотун, то она, вероятно, замешана и в том, что происходит сейчас.

— Понял, — кивнул Тань Юн. — Кстати, капитан, вчера я спросил Фэн Чжэна, могло ли содержание завещания Гун Ямэй быть раскрыто заранее. Он категорически заверил, что, кроме него и самой Гун Ямэй, о нем никто не знал. Завещание — крайне деликатный документ, его утечка спровоцировала бы преступные намерения. Именно поэтому Гун Ямэй доверила такое

важное дело Фэн Чжэну. Более того, он утверждает, что до этого не был знаком ни с кем из «Большой семьи» — включая супругов Су Сяотун и Гу Лэя. То есть сговора быть не могло.

— Не стоит верить ему на слово.

— Разумеется. Я выясню, говорил ли адвокат правду. Но я склонен ему верить. Если бы Фэн Чжэн хотел смошенничать, проще было бы подделать само завещание.

— Хорошо, я доверяю твоей оценке. Тебе предстоит раскрыть истину об этой серии преступлений.

— Так точно! — Тань Юн встал. — Они уже вернулись домой, да? Я сейчас же отправлюсь в «Юэхайвань»!

— Вперед! Жду хороших новостей!

Тань Юн зашел в свой кабинет и рассказал Ли Биню, что отказался от наследства ради расследования.

Как и ожидалось, Ли Бинь был в шоке.

Не тратя времени на разговоры, Тань Юн велел ему собираться: они немедленно едут в «Юэхайвань». План допроса уже созрел в голове Тань Юна.

Как и было решено в ходе беседы с Цзян Мином, главной целью он выбрал Су Сяотун и ее мужа.

Тань Юн позвонил женщине и вежливо поинтересовался ее самочувствием. Убедившись, что она оправилась, попросил о встрече. Су Сяотун согласилась.

Полицейские выехали из управления и направились к жилому комплексу.

3

— Неизбежное все-таки настало, — вздохнула Су Сяотун, положив трубку.

— Что? — спросил Гу Лэй.

— Тань Юн сейчас едет к нам «уточнить детали».

— Ну и что? Он же расследует отравление, а мы тут ни при чем. Мы жертвы.

— Держу пари, он явится не только из-за отравления. — Су Сяотун покачала головой. — Будет расспрашивать о моем прошлом.

— С чего ты взяла?

— Все просто. Если бы дело было только в отравлении, он собрал бы всю «семью», а не только нас.

— Может, решил опросить всех по отдельности.

— Даже так. Раз он начал с нас, значит мы главные подозреваемые. После всего случившегося Тань Юн наверняка порылся в моем прошлом и узнал о той истории. Теперь он считает ее сомнительной, потому и решил со мной побеседовать.

Гу Лэй задумался.

— Ничего страшного. Просто повторим заранее

подготовленную версию, как в прошлый раз.

Су Сяотун тревожно покачала головой:

— Боюсь, на этот раз обмануть будет не так просто…

— Почему? Думаешь, полиция Лиши умнее цзинчжоуской?

— Дело не в этом. — Она пристально посмотрела на мужа. — После убийства Гун Ямэй и отравления полиция точно поняла: убийца — кто-то из «Большой семьи». Они будут копать глубже, чем год назад. Даже тогда в Цзинчжоу мне не все поверили — они просто не смогли меня опровергнуть. Теперь тем более никто не станет принимать мои слова на веру.

— Пусть проверяют. Свидетелей нет, труп давно в земле. Вряд ли Тань Юн сможет докопаться до правды.

— Но если полиция сосредоточится на нас, настоящий убийца уйдет от ответственности, — встревожилась Су Сяотун. — Гу Лэй, мне страшно. Если убийство Гун Ямэй было скрытым, то отравление — уже открытый вызов! Ведь за столом сидели только свои, значит отравитель среди нас! Конечно, это не мы, но поверит ли нам полиция? Они решат, что мы просто выгораживаем себя!

Гу Лэй ненадолго задумался.

— Поэтому, если полиция спросит о том деле, твои ответы должны быть безупречными. Тогда им не за что будет зацепиться и подозрения на наш счет рассеются. Главное — убедить их, что мы не имеем отношения к этим преступлениям.

Су Сяотун кивнула.

— А где Сяолян?

— В гостиной, играет.

— Пусть зайдет в комнату. Во время допроса его не должно быть рядом — чтобы не выпалил чего-нибудь, как в прошлый раз.

— Хорошо.

Они вышли из спальни в гостиную. Су Сяотун объяснила сыну, что дядя Тань придет в гости, взрослым нужно обсудить важные дела. Попросила Гу Сяоляна побыть в своей комнате и не мешать, пообещав за хорошее поведение сводить его в «Кей-эф-си» и купить новую игрушку. Мальчик радостно согласился.

Через несколько минут раздался звонок. Су Сяотун отперла дверь и пригласила Тань Юна и Ли Биня войти. Гу Лэй налил горячий чай.

— Я договорился с начальством, чтобы расследование по этому делу продолжили мы с Ли Бинем, — без предисловий начал Тань Юн. — Нам нужно выяснить некоторые детали. Прошу вас

говорить честно.

— Конечно, Лао Тань, — первым откликнулся Гу Лэй. — Как пострадавшие, мы очень хотим, чтобы отравителя скорее поймали.

— Отравление мы обязательно расследуем. Но сначала мне нужно узнать о происшествии в Цзинчжоу, которое случилось год назад.

Су Сяотун, хотя и была готова к этому вопросу, сделала удивленное лицо:

— Лао Тань, откуда вы об этом знаете?

— Я говорил с полицией Цзинчжоу.

— Вы… проверяете нас?

— Не только вас. После случившегося мне пришлось проверить всех членов «Большой семьи».

— Ясно. Но если вы уже общались с полицией Цзинчжоу, зачем тогда спрашивать меня?

— Разве полиция Цзинчжоу знает ситуацию лучше вас? — твердо спросил Тань Юн. — Я хочу услышать из ваших уст, что тогда произошло.

— Лао Тань, — Гу Лэй сделал обеспокоенное лицо, — это очень болезненная тема для Сяотун. Она не любит вспоминать тот кошмар.

— Это не светская беседа, а официальный допрос. — Тань Юн смотрел прямо на Су Сяотун. — Прошу преодолеть себя и сотрудничать со следствием.

— Хорошо, я поняла. — Су Сяотун глубоко вздохнула. — Мой бывший муж Чжан Шэн был заместителем председателя банка Цзинчжоу. По служебным каналам он узнал, куда можно выгодно инвестировать, и, злоупотребив положением, взял крупные кредиты. Но случился форс-мажор, муж прогорел. Отчаявшись покрыть долги, он занялся маржинальной торговлей акциями, что лишь усугубило ситуацию. Не сумев расплатиться по кредитам, он потерял работу, попал в черный список и оказался в безвыходном положении. Чжан Шэн очень дорожил своей репутацией. После краха у него началась тяжелая депрессия. Я уговаривала его лечиться, но он твердил, что хочет умереть, — жалел только меня и Сяоляна. Я не понимала намека, пока…

Су Сяотун замолчала, чтобы успокоиться. Это не было наигранным: все, что она рассказала, являлось правдой.

Тань Юн и Ли Бинь не перебивали, давая ей продолжить.

— Однажды вечером Чжан Шэн казался спокойнее обычного. Он купил готовую еду и напитки, мы устроили семейный ужин. После еды меня стало клонить в сон, и я прилегла на диван смотреть телевизор. Вскоре уснула. Не знаю, сколько

прошло времени, но меня разбудил телефон — звонил друг. К счастью, я выпила не так много воды со снотворным, поэтому смогла проснуться. Конечно, о таблетках я узнала много позже. Открыв глаза, я увидела ужасную картину. Посреди гостиной дымилась жаровня с углями. Сяолян и Чжан Шэн лежали без сознания на диване. Я чувствовала слабость, тошноту, но сознание было ясным. Я сразу поняла, что происходит. Все двери были плотно закрыты. Я из последних сил поднялась. Балкон находился ближе, поэтому я распахнула стеклянную дверь, впустив свежий воздух. Затем подхватила сына и отнесла его на балкон. Потом попыталась перетащить Чжан Шэна. Он был очень тяжелым, я еле справилась. На балконе сразу вызвала «скорую» и полицию…

Тань Юн прервал ее:

— Если вы спасли Чжан Шэна, почему он все же умер?

— Я тоже задавала врачам этот вопрос. По их словам, к приезду «скорой» он уже был мертв. Что касается нас с сыном — объяснили, что концентрация карбоксигемоглобина[21] у всех была разная. Даже в одном помещении время наступ-

[21] Примечания: 21

Карбоксигемоглобин — соединение, образующееся в крови при связывании гемоглобина с угарным газом.

ления смерти от угарного газа отличается. Нам просто повезло.

«Звучит логично, но что-то не сходится, — подумал Тань Юн. — Говорит ли она правду? Опровергнуть сложно. Видимо, полиция Цзинчжоу столкнулась с той же проблемой».

— Кто покупал угли? — спросил Ли Бинь. — Сохранились ли чеки?

— Мы купили угли вместе с Чжан Шэном в супермаркете. У нас был большой балкон, мы иногда жарили шашлык. Но я никогда не думала, что он использует эти угли для… такого. Да еще и решит забрать с собой меня и сына.

«Покупали вместе? Значит, оба знали о наличии углей. Тогда был ли инициатором Чжан Шэн?» Тань Юн понимал, что этот вопрос бессмыслен, — даже если Су Сяотун виновата, она никогда в этом не сознается.

— После этого случая у Гу Сяоляна появились признаки умственной отсталости?

— Да. Результат отравления угарным газом. Это подтвердили врачи.

— Мальчик дома? Можно задать ему несколько вопросов?

Су Сяотун напряглась, но сохранила спокойствие:

— Он дома, но… Лао Тань, что вы хотите у него спросить? Что он сможет ответить? Сяолян ведь болен. Да и будь он здоров — ему на тот момент едва шесть лет исполнилось. Разве он смыслит что-то в самоубийствах? Тем более что это задумал его родной отец! Ребенок таких вещей не понимает! Я никогда не рассказывала ему жестокую правду и прошу вас тоже не поднимать эту тему.

Тань Юн задумался.

— Хорошо. Тогда поделитесь, как вы сошлись с Гу Лэем.

— Мы учились в одном университете, между нами уже были чувства. После той трагедии я была совершенно разбита и нуждалась в поддержке, чтобы заботиться о Сяоляне. Гу Лэй — замечательный человек, вы и сами это видите. Поэтому мы решили быть вместе, переехали в Лиши, чтобы начать новую жизнь. Кто бы мог подумать, что случится такое…

Гу Лэй обнял жену за плечи, утешая. Тань Юн отметил про себя, что ее ответы были безупречны. Сказанное либо чистая правда, либо тщательно продуманная ложь.

— Ладно, с прошлым разобрались. — Он сменил тему: — Теперь я хочу пригласить сюда осталь-

ных членов «Большой семьи», чтобы расспросить об отравлении. Вы не против?

— Конечно, — кивнула Су Сяотун.

4

Впервые в доме Су Сяотун собралось так много людей. Члены «Большой семьи» сидели тесным кругом, выпрямив спину, на лицах у всех читалась жуткая подавленность — легко было представить их состояние после случившегося. Глаза Шэнь Фэнся покраснели и опухли — сразу понятно, что она долго плакала. Тело Юань Дуна уже отправили в морг, а Шэнь Фэнся уведомила его родителей и родственников, те сейчас спешили в Лиши для организации похорон.

— Есть одна вещь, о которой я должен вам сообщить. — Тань Юн достал из кармана куртки документ и показал всем. — Я отказался от наследства Гун Ямэй.

Присутствующие изумились.

— Почему? — спросила Фань Линь.

— В тот день в больнице вы слышали, что сказал наш начальник отдела: поскольку я являюсь одним из наследников, то не могу продолжать расследование по этому делу и меня нужно отстранить. Но я не захотел этого и добровольно отказался от наследства. Таким образом, дело по-прежнему остается в моем ведении. — Тань

Юн не стал вдаваться в подробности, изложив все просто и сдержанно.

— Ради расследования ты отказался от наследства в двадцать семь миллионов?! — Хань Лэй не скрывала недоверия. — Лао Тань, о чем ты только думал?

— Я думал о том, что должен лично поймать убийцу, который орудует прямо у меня под носом. — Тань Юн обвел всех взглядом. — После отравления, уверен, вы все тоже поняли: этот человек находится среди вас.

Все переглянулись, в глазах читался страх и беспокойство. Шэнь Фэнся, опустив голову, сквозь зубы прошипела:

— Убийца…

— Фэнся, кого ты называешь убийцей? — спросил Тань Юн.

Шэнь Фэнся подняла голову. Ее ледяной, полный ненависти взгляд медленно скользнул по каждому, когда она с отвращением произнесла:

— Я не знаю… Но этот человек сейчас сидит рядом со мной. Одна только мысль об этом…

Ее выражение лица стало поистине устрашающим. Никто не ожидал, что всегда мягкая и добрая Шэнь Фэнся после потери любимого так преобразится. Она словно превратилась в мсти-

тельного демона.

— Фэнся, я понимаю твои чувства. — Тань Юн попытался ее успокоить. — Но это дело уже находится под особым контролем полиции. Я даже отказался от наследства, чтобы полностью сосредоточиться на поимке подлого убийцы. Прошу тебя — не поддавайся эмоциям, доверься мне.

— Лао Тань, тебе лучше найти убийцу, — процедила Шэнь Фэнся. — Иначе я сама с ним разберусь.

— Фэнся, что ты имеешь в виду? — встревожилась Фань Линь. — Ты же не знаешь, кто убийца. Как ты с ним разберешься? Неужели из-за случившегося ты будешь считать каждого из нас преступником? Большинство здесь невиновны, мы и сами пострадали.

— Фань Линь права, — поддержал Тань Юн. — Тебе нужно взять себя в руки.

Шэнь Фэнся едко усмехнулась:

— После потери учителя мне больше не нужно притворяться.

Все переглянулись в недоумении.

— О чем ты? — спросил Тань Юн.

— Помните, я рассказывала вам историю? В сельской школе, где я училась, была девочка, которая после выпуска устроилась в караоке-бар.

Юань, тогда еще молодой учитель, лично пришел и вытащил ее оттуда. Так вот, этой девочкой была я.

В комнате повисло потрясенное молчание.

— Да, я не была примерной ученицей… Когда родители собрались выдать меня за богатого старика, я сбежала и начала работать в караоке-баре. Думала, этот толстосум не станет жениться на «ночной бабочке». Но мои родители… они даже не возражали. Деньги ведь. Только учитель один не сдался. Вытащил меня из этого ада, прошел десятки горных троп, чтобы убедить моих родителей дать мне образование. Тогда ему было чуть больше двадцати — красивый, страстный идеалист. Я полюбила его сразу. И знала — ни один мужчина не будет относиться ко мне так же. Если бы представился шанс, я бы отдала за него жизнь. Поэтому, когда у учителя диагностировали БАС, я безраздельно посвятила себя заботе о нем. Все эти годы я прекрасно знала, какой тип девушек ему нравится. Ради него я могла отказаться от собственного «я», превратиться в кроткую, добродетельную женщину. Хоть это и не была моя истинная натура. Но ему нравилась такая я — и это главное. На самом деле я готова была пожертвовать ради него не только своей сущностью, но и

всем остальным. «Что бы ты ни делал, я поступлю так же». То были не просто пустые слова.

Шэнь Фэнся вновь окинула всех взглядом:

— Но теперь его нет. Его отравил кто-то из вас. Я будто потеряла маяк в океане жизни. Не понимаю, зачем кому-то понадобилось убивать его. Учитель Юань собирался потратить наследство на благотворительность. Если бы я знала, кто это сделал, я бы вырвала его сердце и посмотрела, насколько оно черное!

Слова Шэнь Фэнся заставили всех похолодеть. Тань Юн сказал:

— Убийца целился не только в Юань Дуна, но и в остальных.

— Да, мы все отравились, — подхватил Ван Синсин.

— Но наверняка один из нас притворяется. Возможно, тот, кто отравился меньше всех, — предположила Фань Линь.

— Мы тоже об этом подумали, — согласился Ли Бинь. — Вчера я спросил врачей, у кого симптомы были слабее.

Тань Юн не знал об этом.

— Врачи назвали кого-то конкретного?

— И не одного. По их словам, трое перенесли отравление легче.

— Кто именно?

— Говорить сейчас?

Тань Юн подумал.

— Говори.

— Ся Ци, Су Сяотун и Шэнь Фэнся.

Все взгляды устремились на названных женщин. Ся Ци сказала:

— Те, кто легче перенес отравление, не обязательно убийцы. Я просто съела меньше супа. К тому же убийца мог специально съесть больше, чтобы симптомы выглядели убедительнее, но не привели к смертельному исходу. Разве не так?

Тань Юн сделал паузу.

— Теперь я буду задавать вопросы, а вы — отвечать честно. Первый вопрос: кто покупал продукты в тот день?

— Лао Тань, неужели это не очевидно? — спросила Ли Сюэли. — Я же уже говорила тебе в больнице — закупкой продуктов всегда занимаюсь я.

— Ли Бинь, запиши, — распорядился Тань Юн.

— Хорошо. — Ли Бинь достал блокнот и ручку.

— Где ты покупала продукты в тот день? — продолжил Тань Юн.

— На ближайшем к «Юэхайваню» рынке. Я всегда хожу туда.

— Все дикие грибы куплены на рынке? Нигде больше?

— Да, — твердо ответила Ли Сюэли. — Лао Тань, если не веришь, посмотри записи уличных камер — я была только на рынке.

— Среди купленных грибов были красные?

— Ни в коем случае. Яркие грибы обычно ядовиты — это всем известно. Я готовлю больше десяти лет — как я могла этого не знать?

— Капитан Цзян провел экспертизу образцов еды с того вечера. В курином супе обнаружены компоненты смертельно ядовитого гриба «огненный коралл». — Тань Юн обвел всех взглядом. — Вспомните — попадались ли вам на глаза в тот вечер грибы подозрительного вида?

— «Огненный коралл»… Я слышал об этом грибе, — сказал Гу Лэй. — Он похож на красные пальцы, да? Если бы за ужином было что-то столь необычное, все бы обратили внимание.

— Снаружи этот гриб красный, а внутри белый, — пояснил Ли Бинь. — Убийца, конечно, не стал бы класть в суп грибы с такими характерными признаками. Скорее всего, он срезал красную часть, а оставшуюся измельчил в порошок. Попробуйте вспомнить, видели ли вы незнакомые грибы.

Все покачали головой. Ся Ци сказала:

— Все грибы, которые мы ели тем вечером, мне знакомы. Если не ошибаюсь, их было четыре вида. Я их прекрасно знаю.

— Верно, я купила четыре вида съедобных грибов, — подтвердила Ли Сюэли.

— Эти грибы я ела сотни раз. Среди них не могло быть ядовитых, — добавила Фань Линь.

Тань Юн кивнул:

— Как я и предполагал, ядовитые грибы добавили уже во время ужина, а не при приготовлении. Иначе бы и дети пострадали. В тот вечер ведь они вышли из-за стола раньше?

— Да. Мы пили алкоголь, детям нечего было делать за столом так долго, — ответила Фань Линь. — Вэньцзин и Сяолян ушли в комнату — заниматься уроками и играть.

— Видимо, у убийцы осталась совесть — не стал травить детей, — заключил Тань Юн. — Специально дождался, когда они уйдут.

— Разве нет другого объяснения? — вдруг не выдержала Шэнь Фэнся.

— Какого? — спросил Тань Юн.

— Даже тигр не съест своего детеныша.

Смысл этих слов был слишком очевиден. Фань Линь тут же отреагировала:

— Фэнся, ты намекаешь, что если убийца не я, то это либо Су Сяотун, либо Гу Лэй?

— Тебе лучше знать.

— Ты!..

— Хватит! — резко прервал их Тань Юн. — Полиция будет учитывать все обстоятельства. Мои вопросы еще не закончились.

Обе женщины замолчали. Тань Юн продолжил:

— Раз мы установили, что ядовитые грибы добавили позже, попробуйте вспомнить, кто вел себя подозрительно после того, как дети вышли из-за стола.

Присутствующие растерянно переглянулись.

— Мы тогда обсуждали планы на отпуск, — сказала Ся Ци. — Взрослые сидели за столом — все у всех на глазах. Кто бы сумел подсыпать яд при таких условиях?

— Именно, — поддержал Ван Синсин. — Незаметно добавить ядовитые грибы в суп было невероятно сложно.

— Открыто, конечно, нельзя. Значит, человек сделал это, когда все отвлеклись, — рассудила Су Сяотун.

— В супе не нашли кусочков «огненного коралла», только порошок, — пояснил Ли Бинь. —

Значит, убийца ждал удобного момента, чтобы подсыпать заранее измельченные грибы. Так яд равномернее распределился и быстрее всосался. Убийца продумал детали. Это был хладнокровный расчет.

— Порошком отравить проще, — добавил Тань Юн. — Можно спрятать его в рукаве и подсыпать, когда наливаешь суп или накладываешь себе еду. Запястье прикроет это движение. Так что провернуть это при всех вполне реально.

— Лао Тань, выходит, вычислить отравителя невозможно, — сказала Фань Линь. — Все тогда оживленно общались, каждый наливал суп и брал закуски. Никто же не следил за чужими руками.

Несколько человек кивнули.

— Пока оставим этот вопрос. Следующий — в каком порядке вы почувствовали симптомы отравления?

— Никакого порядка не было, нам поплохело почти одновременно, — сказала Хань Лэй.

— Но кто-то же был первым? Кому стало плохо раньше всех?

— Учителю Юаню. Потому что… я налила ему несколько порций супа. Знала, что он его любит, — с горечью произнесла Шэнь Фэнся.

— А затем?

— Наверное, мне, — сказала Ли Сюэли. — Меня прихватило вскоре после того, как Юань Дун пожаловался на боль в животе.

— Честно говоря, у меня закружилась голова еще до того, как Юань Дун заговорил, — добавил Гу Лэй. — Я просто не подумал, что это может быть отравление. Когда все начали жаловаться, стало страшно, тело уже не слушалось.

— У меня так же, — подтвердил Ван Синсин.

— Симптомы проявились у всех за каких-то десять секунд, трудно определить очередность, — заверила Су Сяотун. — Я только помню, что теряла сознание, когда больше половины уже лежали без сил.

— Понятно. Тогда скажите — кто вызвал «скорую»?

Это был ключевой вопрос, но он постарался задать его максимально непринужденно.

Все переглянулись. Прошла пара томительных секунд, но никто не признался.

— В чем дело? — нахмурился Тань Юн. — Почему никто не отвечает?

— Странно… — удивилась Ся Ци. — Ведь тот, кто вызвал «скорую», фактически спас всех нас. Зачем скрываться?

Прошла минута тягостного молчания, но никто так и не заговорил.

— Ладно, на сегодня вопросов достаточно, — сказал Тань Юн. — Если кто-то вспомнит важные детали — сразу свяжитесь со мной. До завершения расследования никто не покидает Лиши. И постарайтесь не собираться вместе за едой — оставайтесь дома.

— Лао Тань, после такого они и сами ко мне не придут, — горько вздохнула Ли Сюэли.

— Тогда мы…

Тань Юн не успел закончить, как Фань Линь перебила:

— Подожди, Лао Тань.

— Что такое?

— Ты велел сообщить, если что-то вспомним. Я сейчас кое-что важное вспомнила.

— Что именно? — Тань Юн внимательно посмотрел на нее.

Фань Линь заколебалась.

— Изначально я хотела поделиться с тобой этим лично — по телефону или в «Вичате». Но подумала, что лучше сказать при всех, так как нужны свидетели.

— Говори, в чем дело.

— На самом деле среди нас один человек вызы-

вает подозрения.

Эти слова вызвали всеобщее потрясение.

— И кто же? — спросил Тань Юн.

— Ся Ци.

— Что?! — Ся Ци побледнела. — С чего ты взяла?

— У меня есть основания.

— Какие?!

— Ся Ци, среди всех нас только ты одна бывала у сестрицы Ямэй дома, верно? Она сама мне об этом рассказывала.

— Ну и что? Я просто забегала к ней поболтать. Разве это преступление?

— Кто-нибудь еще бывал у сестрицы Ямэй? — Фань Линь обвела взглядом присутствующих. — Или знает о таких визитах?

В гостиной повисло молчание. Фань Линь снова обратилась к Ся Ци:

— Видишь? Я права. Только ты оставалась с сестрицей Ямэй наедине.

— Даже если так, что это доказывает?

Фань Линь повернулась к Тань Юну:

— Лао Тань, я не следователь и не могу делать выводы. Просто сообщаю подозрительный факт. Ся Ци была ближе всех к сестрице Ямэй, часто называла ее второй матерью, а та относилась к

ней как к дочери. Плюс только Ся Ци бывала у нее дома. Не исключено, что сестрица Ямэй рассказала Ся Ци о завещании и двухстах миллионах. То есть только Ся Ци могла знать о них заранее. Разве это не основание для беспокойства?

В словах Фань Линь была логика. Тань Юн посмотрел на Ся Ци — она заливалась слезами.

— Я навещала не только сестрицу Ямэй. Я бывала у сестриц Сюэли, Хань Лэй и у Ван Синсина… — сквозь слезы говорила Ся Ци. — Просто считала вас своими друзьями и даже семьей. Не думала, что вы сочтете это подозрительным. Сестрица Ямэй никогда не говорила мне о наследстве, но даже если бы сказала — я бы только поблагодарила ее, без всяких дурных мыслей… Хотя вы, наверное, все равно мне не поверите. Мне больно, что вы так обо мне думаете.

Видя ее слезы, Ван Синсин не выдержал:

— Ся Ци всегда была общительной. Ей нравится ходить в гости. Называть ее убийцей из-за этого…

— Я не называла ее убийцей, — холодно поправила Фань Линь. — Просто считаю, что это подозрительно. Я не хожу вокруг да около — вы это знаете. Повторю: я лишь изложила факты, а выводы пусть делает Лао Тань.

— Хорошо, я учту эту информацию. — Тань Юн подумал и поднялся. — Мы с Ли Бинем возвращаемся в управление. Остальным тоже пора расходиться.

Вдвоем с Ли Бинем они покинули квартиру Су Сяотун.

Спустившись вниз, Ли Бинь спросил:

— Лао Тань, мне кажется, Фань Линь права. Если Ся Ци была ближе всех к Гун Ямэй, она действительно могла знать о завещании. Чтобы быстрее получить наследство, убила Гун Ямэй, а затем подсыпала яд в суп. Чем меньше наследников, тем больше ее доля.

— Возможно. Но это лишь бездоказательные предположения. Меня больше волнует другое.

— Что же?

— Никто не признался, что звонил в «скорую».

— Да, я тоже удивился. Что ты думаешь?

Тань Юн остановился и посмотрел на Ли Биня:

— Тот, кто вызвал «скорую», скорее всего, и есть убийца.

5

Когда Тань Юн и Ли Бинь сели в полицейскую машину, Ли Бинь не стал сразу заводить двигатель, а повернулся к напарнику:

— Почему убийца — тот, кто позвонил в скорую? Разве он не намеревался всех отравить? Логичнее было бы не вызывать помощь.

— Простая логика подсказывает именно так. Но ты забываешь: чтобы инсценировать отравление, убийца сам должен был съесть ядовитого супа. Отсутствие симптомов сразу бросилось бы в глаза. С «огненным кораллом» невозможно точно рассчитать дозу. Никто не знает, сколько нужно принять, чтобы появились симптомы, но не наступила смерть. Да и распределение яда в супе неравномерное — один глоток мог случайно оказаться фатальным. Поэтому убийца должен был позаботиться о двух вещах: во-первых, не потерять сознание, во-вторых — обязательно позвонить в скорую. Иначе он рисковал умереть вместе со всеми.

— Но как это контролировать? — возразил Ли Бинь. — Нужно и отравиться, и остаться в сознании, чтобы вызвать помощь. Разве это воз-

можно?

— Более чем. Все легко: сначала убийца притворяется отравленным и «теряет сознание» вместе со всеми. На деле же в этот момент он просто играет роль. Выжидает, пока некоторые умрут от яда, и только потом звонит в скорую. После звонка — быстро выпивает немного отравленного бульона, чтобы к приезду врачей уже появились первые симптомы.

— Хитро… — протянул Ли Бинь. — Но в доме Ли Сюэли же были дети. Если отбросить слабоумного Гу Сяоляна, то Фань Вэньцзин могла заметить, что взрослые отравились… — Он вдруг осекся. — Тогда Фань Вэньцзин сама вызвала бы помощь. На это убийца и рассчитывал!

— Верно. Но дети были в комнате и ничего не заметили, поэтому убийце пришлось делать все самому. Это была лишь моя догадка. Однако сегодня она практически подтвердилась, когда никто не признался, что звонил в скорую. Убийца, конечно, предвидел такой поворот, поэтому и не решается сознаться.

— Может, нам стоит вызвать медсестру, которая ответила на звонок? Пусть послушает голоса всех членов «Большой семьи» — вдруг опознает?

— Я уже спрашивал ее вчера. Она сказала, что

за ночь принимает десятки звонков и не запоминает голоса. Да и убийца мог изменить голос.

— Да, тяжело… Тогда что будем делать, Лао Тань?

— Во-первых, нужно выяснить, откуда взялся «огненный коралл». Этот гриб не растет в городах — только в глухих горных районах. Проверим, не выезжал ли кто из «семьи» недавно за город или не контактировал ли с подозрительными лицами. Во-вторых, необходимо предотвратить новые убийства.

— Ты думаешь, убийца снова нанесет удар? Теперь, когда они перестали собираться у Ли Сюэли, у него не будет удобного случая.

— Надеюсь. Но для перестраховки я с сегодняшнего вечера поселюсь в «Юэхайване». Буду патрулировать округу и проверять квартиры. Не думаю, что убийца осмелится действовать в таких условиях.

Ли Бинь с уважением посмотрел на напарника:

— Лао Тань, ты действительно выкладываешься по полной. Только… где ты будешь жить?

— В этом ЖК полно свободных квартир. Сниму любую.

Ли Бинь одобрительно поднял большой палец,

затем озадаченно спросил:

— Кстати, жена и дочь в курсе, что ты отказался от наследства?

— Пока нет.

— И когда собираешься им сказать?

— Не знаю. — Тань Юн похлопал себя по животу. — Я голоден. Пора перекусить — угощаю ланьчжоуской лапшой.

— Всего-то… А я-то надеялся, что с этим наследством ты угостишь меня ужином в шикарном ресторане.

— Так будешь есть или нет?

— Буду, буду…

Ли Бинь завел машину, и они тронулись в путь.

Глава десятая. Предчувствие

1

После ухода Тань Юна и Ли Биня члены «Большой семьи» разошлись по домам. Су Сяотун и Гу Лэй ранее пообещали Гу Сяоляну, что если он будет вести себя хорошо, то они пойдут в «Кей-эф-си». Пока взрослые разговаривали в гостиной, мальчик спокойно играл в своей комнате. И вот теперь они вышли из дому и направились в ближайший ресторан.

Гу Лэй заказал семейное комбо. Гу Сяолян с аппетитом уплетал куриные ножки, запивая их колой, и вскоре весь перепачкался в масле. Су Сяотун, однако, совсем не хотелось есть — она лишь наблюдала, как муж и сын наслаждаются едой. Гу Лэй протянул ей крылышко:

— Ты тоже поешь, очень вкусно.

— Ешьте вы. — Су Сяотун покачала головой.

— Что с тобой?

— Ничего, просто я никогда не любила фастфуд.

— Точно, я же помню: из западной еды ты любишь только стейки в хороших местах. — Гу Лэй достал телефон и открыл приложение. — Сейчас поищу что-нибудь подходящее рядом…

— Не надо! — резко оборвала его Су Сяотун.

— Вот, нашел… Сет на двоих за четыреста восемьдесят девять юаней. Может, сходим?

— Гу Лэй, я сказала — не надо.

Он убрал телефон, а потом спросил:

— Почему?

— Ты и так много работаешь, часто не спишь ночами. Давай экономить.

Гу Лэй огляделся и понизил голос:

— Но ведь скоро мы получим огромное наследство…

— Если получим! Тогда и поговорим.

— Как это — если? Ты что, думаешь…

— Не здесь. Обсудим дома.

Су Сяотун достала из ведерка крылышко и доела картошку, давая понять, что вопрос со стейками закрыт.

Вернувшись домой, Гу Сяолян лег в главной спальне, а супруги прошли в соседнюю комнату.

— Ты же слышал, что говорил Тань Юн, — начала Су Сяотун. — Он опасается, что убийца снова нанесет удар. Как нам теперь жить спокойно?

— Это всего лишь опасения полиции. Не факт, что убийца продолжит в том же духе.

— Но теперь точно ясно — убийца среди нас. Главное, я не понимаю, какой у него мотив. Это

пугает больше всего.

— Что тут непонятного? — пожал плечами Гу Лэй. — Очевидно же — деньги. Чем меньше наследников, тем больше доля.

— На поверхности это выглядит так. Но если копнуть глубже — логика убийцы странная.

— В каком смысле?

— Подумай: Гун Ямэй оставила каждому из девяти — считая нас за одного — больше двадцати семи миллионов. Это же огромные деньги, причем халявные. Разве нормальному человеку их будет мало? Даже двадцать семь тысяч обрадовали бы любого, не говоря уже о миллионах.

Гу Лэй горько усмехнулся:

— Для меня и две тысячи на халяву — повод для радости, не то что двадцать семь миллионов.

— Вот, так рассуждает нормальный человек. Деньги все равно, считай, с неба свалились — какая разница, сколько именно? Разве не стоит просто радоваться?

— Да, согласен.

— А убийца думает иначе. Узнав, что получит больше двадцати семи миллионов, он не удовлетворился — всего за пару дней придумал план отравить остальных. Хотя… возможно, этот план созревал давно. Убить Гун Ямэй, затем

расправиться с «семьей», — может, таков был изначальный замысел.

— Но зачем ему это?

— Я же сказала — не понимаю.

— Наверное, обычная жадность. Людским желаниям нет предела. Узнав, что получит огромные деньги, убийца захотел еще больше. Скорее всего, он рассуждал именно так.

— Такую возможность я, конечно, рассматривала, и полиция, думаю, тоже. Но с точки зрения убийцы, это чересчур рискованно. Отравление — тяжкое преступление. В случае поимки можно лишиться не только денег, но и жизни. Гу Лэй, зачем идти на такой риск, когда вот-вот получишь огромное состояние?

— Возможно, убийца решил, что отравление грибами — это идеальное преступление без малейших улик. Тогда вероятность быть пойманным близка к нулю.

— Хорошо, оставим в стороне риски. Убийца, поступая так, платит огромную цену. Во-первых, для инсценировки он сам должен съесть суп и тем самым подвергнуться отравлению; во-вторых, это явно разрушит доверие между всеми, заставит членов «Большой семьи» относиться друг к другу с подозрением. Но убийце предстоит

жить с ними бок о бок целых двадцать лет! Такой поступок равносилен отказу от всех друзей — разве тогда он сможет жить счастливо? И самое главное — неужели убийца не боится, что его действия вызовут цепную реакцию? После истории с отравлением те, кто никогда не думал об убийстве, из чувства самосохранения или желания сыграть на опережение тоже могут задуматься о преступлении. Если ситуация разовьется таким образом, это явно будет невыгодно и самому убийце. Не слишком ли велика цена? И стоит ли идти на такой опасный шаг лишь для того, чтобы и без того богатый человек стал еще богаче? Тебе это не кажется нелогичным?

Выслушав анализ Су Сяотун, Гу Лэй кивнул:

— Рационально мыслящий человек так не поступил бы точно. Но что, если убийца не брал ничего из этого в расчет?

Су Сяотун покачала головой:

— Судя по методам убийцы и его хладнокровию, это явно предусмотрительный и безжалостный человек. К тому же решение совершить убийство не принимается спонтанно. Не верю, что преступник не учитывал эти факторы.

— Теперь я совсем запутался, — почесал затылок Гу Лэй. — Если убийца такой хитрый и

предусмотрительный, зачем ему вообще убивать?

Су Сяотун задумалась.

— Есть только два объяснения.

— Какие?

— Первое: убийца — не нормальный человек, а маньяк. Он убивает не ради денег, а ради удовольствия. Второе: у него есть какая-то особая причина убивать. Какая именно — не знаю.

— Маньяк… — Гу Лэй задумался. — Два года назад в доме Ли Сюэли уже произошло убийство с расчленением.

— Я тогда говорила тебе: тот неуловимый убийца мог все это время скрываться в нашем районе. Вероятно, даже среди «Большой семьи».

— Неужели ты права?

— Не знаю. Если это действительно маньяк, который столько лет ждал подходящего момента…

— Но теперь у него нет шансов, верно? Мы больше не будем собираться у Ли Сюэли на совместные ужины…

— Разве отравление — единственный способ убийства?

Гу Лэй беспокойно поерзал:

— Тогда остается надеяться на полицию. Разве Лао Тань не сказал, что с сегодняшнего вечера

поселится в «Юэхайване»? Это должно отпугнуть убийцу.

Су Сяотун вздохнула:

— Лао Тань и раньше часто бывал в районе, был частью «Большой семьи», но убийца все равно действовал у него под носом.

— Сейчас все иначе. Лао Тань явно настроен серьезно.

— Хочется верить.

— Кстати, может, позвонишь Лао Таню и поделишься своими догадками?

Су Сяотун покачала головой:

— Для него мы все под подозрением, а я, возможно, главная подозреваемая. Если я начну что-то объяснять, он решит, что я пытаюсь его запутать. Да и Лао Тань наверняка сам все понимает.

— Главная подозреваемая? Это, скорее, Ся Ци.

— Почему? Из-за слов Фань Линь, что Ся Ци одна бывала у Гун Ямэй и подлизывалась к ней?

— Разве ее слова не кажутся тебе логичными? Только самый близкий человек мог знать о наследстве и завещании.

Су Сяотун задумалась.

— Но я не верю, что Ся Ци — убийца. По крайней мере, не убийца Гун Ямэй.

— С чего ты взяла?

— В ту ночь, когда убили Гун Ямэй, мы с Ся Ци вышли из бара. Она предложила перекусить, но я отказалась. Тогда она стала уговаривать, расхваливала бараньи шашлыки в одном месте. Разве стала бы она так делать, если бы планировала убийство?

— Может, она заранее знала, что ты откажешься, и специально так сказала. Чтобы развеять возможные подозрения.

— Но она не могла читать мои мысли. А если бы я согласилась?

— Тогда бы Ся Ци перенесла свои планы на другой день. Не обязательно было совершать убийство именно в ту ночь.

Су Сяотун помолчала.

— Ты прав.

— В общем, пока Ся Ци — главная подозреваемая, — заключил Гу Лэй. — Давай будем с ней осторожнее.

2

Перед окончанием рабочего дня Тань Юн зашел в агентство недвижимости с просьбой подыскать ему квартиру в третьем подъезде жилого комплекса «Юэхайвань». Агент быстро подобрал ему двухкомнатную квартиру с ремонтом и организовал просмотр.

Квартира находилась на втором этаже. Кроме небольшого недостатка естественного света, других проблем не было. Тань Юн договорился о размере арендной платы, заплатил за три месяца вперед и внес депозит.

Затем он отправился в управляющую компанию и задал вопрос:

— Где в вашем комплексе установлены камеры наблюдения?

Начальник знал, что Тань Юн — полицейский, а потому ответил:

— У главного входа, во внутреннем дворе, в лифтах и на парковке.

— А в коридорах на этажах?

— В коридорах камер нет.

— С сегодняшнего дня нужно установить камеры на каждом этаже.

Начальник скривился:

— Это же немалые расходы… Обычно в жилых комплексах не ставят камеры в коридорах, разве что жильцы сами их оплачивают.

Тань Юн холодно улыбнулся:

— Рекламные щиты в холлах и лифтах вы размещаете за деньги рекламодателей. А эти площади оплачены жильцами как общедомовые. По логике, часть доходов от рекламы должна идти жильцам. Думаю, вы никогда с ними не делились? Как считаете, стоит мне посоветовать жильцам потребовать свою долю? Или лучше потратить эти деньги на камеры — как благодарность жителям?

Начальник, осознавая свою неправоту, не осмелился спорить с полицейским и сразу согласился:

— Хорошо, товарищ Тань, я немедленно распоряжусь о приобретении оборудования.

— Как скоро установите?

— Нужно закупить камеры, найти монтажников… Минимум неделя.

— Слишком долго. — Тань Юн покачал головой. — Три дня.

— Э-э… Три дня?

Тань Юн понизил голос:

— В вашем районе снова произошло убийство, преступник разгуливает на свободе. Теперь понимаете, почему нужно срочно установить камеры? Если из-за вашей медлительности случится новое преступление, вы готовы понести ответственность?

Начальник явно испугался и закивал:

— Понял, товарищ Тань! Займусь этим немедленно!

Тань Юн кивнул и ушел.

Дома он сразу направился в спальню и начал собирать вещи. Доу Хуэй сначала не обратила внимания, но, когда позвала мужа к ужину, увидела чемодан с одеждой.

— Ты куда собрался? В командировку?

— Нет. Я переезжаю на время.

— О чем ты? — Доу Хуэй замерла.

— Я переезжаю в «Юэхайвань» на время. — Тань Юн повернулся к жене.

— Почему? Разве у тебя не забрали это дело?

— С сегодняшнего дня оно снова мое. Начальник Чэнь и капитан Цзян поручили мне продолжить расследование.

— Как тебе это удалось? — Доу Хуэй удивилась. — Они же отстранили тебя из-за наследства.

Тань Юн задумался. Он осознавал, что жене все равно придется рассказать правду и это вызовет бурю. Решив, что лучше признаться ей во всем сразу, он взял ее за руку и усадил на кровать:

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

По его выражению лица Доу Хуэй поняла, что новости будут неприятными.

— Что такое?

— Помнишь, когда выходила за меня, ты обещала поддерживать мою работу и быть образцовой женой полицейского?

— Да, я говорила такое. И что? Куда ты клонишь?

— Сейчас как раз тот момент, когда мне нужна твоя поддержка.

— Какая поддержка? — Доу Хуэй моргнула. — Разрешить тебе переехать в «Юэхайвань»?

— Да… но есть еще кое-что, в чем я тоже надеюсь на твое понимание.

Женская интуиция подсказала Доу Хуэй: надо готовиться к худшему. Она пристально посмотрела на мужа, в горле пересохло.

— В чем именно?

Тань Юн, обычно бесстрашный полицейский, неожиданно замялся. Он сглотнул, прежде чем выдавить:

— Ты знаешь, почему начальник Чэнь и капитан Цзян снова поручили мне это дело?

— Тань Юн, хватит загадок, — ледяным тоном отрезала Доу Хуэй. — Говори уже.

Тань Юн глубоко вдохнул:

— Я отказался от наследства Гун Ямэй.

Доу Хуэй уставилась на него.

Секунды тянулись в гробовой тишине.

Прошло около минуты, но Доу Хуэй по-прежнему молчала, ее лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Тань Юн украдкой взглянул на нее и прошептал:

— Прости, Доу Хуэй… Мне нужно было посоветоваться с тобой. Но я боялся, что ты не согласишься, поэтому принял решение сам. Надеюсь, ты сможешь понять…

— А теперь… еще можно что-то исправить?

— Нет. — Тань Юн опустил голову. — Адвокат Фэн уже оформил отказ.

— Значит, двадцать семь миллионов… исчезли.

Тань Юн открыл было рот, но не нашел слов.

Доу Хуэй внезапно рассмеялась. Этот смех заставил Тань Юна похолодеть. Он хотел что-то сказать, но жена встала, подошла к шкафу и достала оттуда маленькую игрушку.

— Посмотри, разве эта куколка не прелесть? — улыбаясь, спросила она.

— Прелесть…

— Я ее сделала. Фабрика дает материалы, а я шью одежду, шапочку, рисую глазки, ротик. На одну куклу уходит два-три часа. Знаешь, сколько она стоит в интернет-магазине?

Тань Юн вдруг осознал, к чему все идет. Он встал, попытался обнять жену, но Доу Хуэй отстранилась. Она открыла приложение «Таобао» и показала мужу:

— Такая кукла продается за сорок юаней. Фабрика забирает половину, мне остается двадцать.

В груди Тань Юна что-то сжалось. Он внезапно ощутил жгучее раскаяние:

— Прости, Доу Хуэй, правда прости…

— Двадцать юаней. За одну куколку — двадцать. Для меня это немало. Сделаю две-три в день — и на жизнь хватит. Полкило мяса, пару видов овощей…

— Перестань…

Слезы наконец хлынули из глаз Доу Хуэй.

— Тогда представь, что я почувствовала, когда ты сказал, что унаследуешь больше двадцати семи миллионов. Я выглядела счастливой, да? Но это лишь на поверхности. Внутри я ликовала

в сто раз сильнее. А теперь ты сообщаешь, что отказался от всего. Двадцать семь миллионов — просто взял и выбросил. Тань Юн, мне не нужны твои объяснения. Нет. Потому что я никогда не пойму. Ты великодушный, бескорыстный, благородный человек. А я простая мещанка. Ты думаешь о раскрытии преступлений, я — о ценах на продукты. Мы из разных миров. Но ответь мне: кто я для тебя? Свинья? Собака? Мусор? Я для тебя пустое место? Моя жизнь, мое счастье для тебя ничего не значат, да?

— Доу Хуэй! Что ты говоришь?! Я знаю, что поступил неправильно, и сейчас горько сожалею! Но тогда мне казалось, что позволить убийце творить свои злодеяния на моем участке — несмываемый позор. Если я не поймаю его сам, это будет мучить меня всю жизнь. И я думал… Разве мы плохо жили без этих денег? У нас есть любовь, послушная дочь. Мы не богачи, но и не бедствуем. Зачем нам вообще это наследство? Давай просто забудем о нем, хорошо?

— О некоторых вещах можно забыть, если их изначально не было. Это еще куда ни шло; но стоит их обрести, а потом потерять — и смириться уже невозможно. Так устроены люди. Без денег, без любви можно как-то радоваться простым

вещам, но, однажды овладев всем этим, уже не вернуть прежнее состояние души. Иначе почему столько людей ежегодно кончают с собой? Неужели все они дошли до крайней нищеты или их разлюбили? Конечно нет. Просто они не вынесли чувства утраты. Я такая же. Тань Юн, я обычный человек. Ты что, хочешь, чтобы я стала святой?

Тань Юн не знал, что ответить. Он сожалел, искренне сожалел. Если бы время можно было повернуть вспять, он без колебаний вернулся бы к тому вечеру. Выйдя из больницы, он бы отправился домой, обнял жену за плечи, и они вместе поехали бы в аэропорт, чтобы затеряться среди рек и гор южного края… Что ему до дел и убийц? Разве мнимые стыд и неудовлетворенность стоили того?

Но были ли эти мысли искренними сейчас? И не пожалел бы он точно так же в будущем, выбрав иной путь? Человеческая природа полна противоречий.

Тань Юн погрузился в раздумья, а Доу Хуэй ощущала лишь горечь. Молчание затянулось на добрых десять минут.

Наконец Тань Юн осознал, что нельзя оставаться в этом состоянии. Решение принято — значит нужно идти вперед. Он попытался найти утеше-

ние для них обоих:

— Даже отказавшись от наследства, я кое-что выгадаю.

— Что именно?

— Теперь остальные члены «Большой семьи» получат больше. И все они знают — я отказался от своей доли ради расследования, то есть чтобы защитить их. А если я действительно поймаю убийцу… Как думаешь, они не выразят благодарность?

— Например? Подарят тебе по миллиону с каждого?

— Почему бы и нет.

— Мечтать не вредно. Благодарность — это добрая воля каждого. Разве ты вправе морально давить на них, вынуждать отблагодарить тебя деньгами?

— Конечно нет. Но если у меня возникнет финансовая необходимость — например, для обучения Яли за границей, — я уверен, они не откажут. Ведь к тому времени они станут богачами, да и будут считать себя обязанными мне.

Доу Хуэй фыркнула, не соглашаясь, но и не возражая. Ее выражение лица смягчилось.

Признаться, и самому Тань Юну стало легче от таких мыслей. Видя, что жена успокаивается,

он внутренне вздохнул с облегчением — кризис миновал. Обняв Доу Хуэй за плечи, он продолжил говорить приятные слова, и они пошли ужинать.

После Тань Юн сказал:

— Главное сейчас — поймать злодея и предотвратить новые жертвы. Поэтому я должен…

— Иди, не надо меня уговаривать, — перебила его Доу Хуэй. — Раз уж снял квартиру, как я могу тебя остановить?

— Только будь осторожна, ты теперь одна дома.

— Знаю.

— Пока не говори Яли об отказе от наследства — чтобы не расстраивать и не отвлекать от учебы. И не переживайте насчет ее обучения за границей — я что-нибудь придумаю.

Доу Хуэй кивнула, помогла собрать вещи и проводила мужа до двери.

— От «Юэхайваня» до нас всего десять минут на такси, — сказал Тань Юн. — Если что — сразу звони.

— Угу.

— Тогда я пошел.

Он уже собирался закрыть дверь, когда Доу Хуэй окликнула его:

— Тань Юн!

— Что?

— Будь осторожен там один… с этим убийцей.

Теплое чувство охватило Тань Юна — несмотря на обиду, жена все же заботилась о нем.

— Не волнуйся.

— И пообещай мне кое-что.

— Что?

— Поймай этого гада.

Тань Юн опешил: не ожидал, что просьба жены окажется именно такой. Раньше она никогда не проявляла большого интереса к его работе.

— Так ты оправдаешь свою жертву, — пояснила Доу Хуэй. — И избавишь себя от сожалений.

Невыразимое чувство переполнило Тань Юна. Терпимость, поддержка и понимание жены тронули его до глубины души. Ему страстно хотелось обнять ее, но после стольких лет брака это казалось неестественным.

После секундного раздумья он по-военному выпрямился, щелкнул каблуками и четко отсалютовал:

— Есть!

3

В восемь вечера Тань Юн написал в групповом чате «Большой семьи»: «Я поселился в „Юэхайване“, в вашем же подъезде. Квартира 202 на втором этаже. С сегодняшнего дня буду патрулировать территорию и этажи, чтобы обеспечить вам безопасность».

Участники чата дружно выразили благодарность. Тань Юн добавил: «Я договорился с управляющей компанией. В течение трех дней в коридорах установят камеры. До этого старайтесь не выходить вечером».

В ответ посыпались сообщения «принято» с эмодзи «большой палец вверх».

Несмотря на это, Тань Юна не отпускала тревога. Он позвонил Ли Биню:

— Хочу, чтобы ты тоже переехал в «Юэхайвань».

Ли Бинь — молодой приезжий холостяк — и так жил в съемной квартире. К тому же он тоже участвовал в расследовании, поэтому сразу согласился. Через полчаса он был у Тань Юна с вещами, прихватив с собой запас снеков и лапши быстрого приготовления.

— Две комнаты — выбирай любую, — сказал Тань Юн.

— Что тут выбирать? Ты в главную спальню, я в гостевую.

— Договорились.

Оба были людьми действия. К девяти вечера Ли Бинь уже застелил кровать.

— Сегодня вечером я пойду на обход, — предложил он.

— Хорошо. — Тань Юн отправил ему сообщение в «Вичате». — Сохрани эту информацию.

Ли Бинь открыл телефон и увидел список:

Ли Сюэли: 12-й этаж, кв. 1203

Су Сяотун и Гу Лэй: 12-й этаж, кв. 1201

Ся Ци: 9-й этаж, кв. 902

Фань Линь: 14-й этаж, кв. 1401

Шэнь Фэнся: 8-й этаж, кв. 803

Ван Синсин: 15-й этаж, кв. 1503

Хань Лэй: 6-й этаж, кв. 604

— Это этажи и номера квартир каждого. Во время обхода стучись к ним, проверяй обстановку. Три цели… — Он перечислил по пальцам: — Первое: убедиться, что все дома и в безопасности. Второе: напомнить плотно закрывать окна и двери, особенно — запирать дверь изнутри на все замки, чтобы даже с ключом нельзя было

открыть. Третье: среди них точно есть убийца. Наши неожиданные проверки будут сдерживающим фактором.

— Понял, — кивнул Ли Бинь и вышел.

Примерно через двадцать минут он вернулся.

— Ну как? — спросил Тань Юн.

— Все дома, обещали запираться.

— Отлично. Теперь они знают — в здании двое полицейских. Это сдержит убийцу.

— В таких условиях убийца точно не рискнет действовать. Разве что он умеет ходить сквозь стены!

Ли Бинь говорил уверенно в ожидании одобрения, но Тань Юн промолчал, погруженный в раздумья.

— Лао Тань, ты все еще переживаешь?

— Я думаю, мы что-то упустили.

Ли Бинь сел и начал размышлять. Через некоторое время стал загибать пальцы:

— Окна закрыты, двери заперты изнутри на все замки — даже с ключом не откроешь. В таких условиях убийца не сможет проникнуть в квартиру. Конечно, это не гарантирует полной безопасности, людям ведь все равно нужно выходить из дому. Если преступник захочет напасть на кого-то из них на улице, мы ничего не сможем

сделать.

— Маловероятно. После случившегося все начеку. Да и я предупредил их не выходить вечером. Совершить убийство днем, при всех, будет сложно.

— Тогда в чем проблема?

Тань Юн снова промолчал. Ли Бинь похлопал его по плечу:

— Лао Тань, мы сделали все возможное, предусмотрели все варианты. Не дави на себя. Уверен, больше ничего не случится.

— Будем надеяться.

— Тогда давай спать, завтра нам надо выяснить, откуда взялись ядовитые грибы.

— Хорошо, иди первым в душ.

Ли Бинь отправился в ванную. Тань Юн лег на кровать, думая о том, что Фань Линь назвала Ся Ци главной подозреваемой.

Она заявила, что только Ся Ци навещала Гун Ямэй. Сама Ся Ци это подтвердила, но добавила, что также бывала одна у Ли Сюэли, Хань Лэй и Ван Синсина.

«А что, если визиты к остальным троим — просто прикрытие? — подумал Тань Юн. — Чтобы скрыть особые отношения с Гун Ямэй…»

Кроме того, за год Тань Юн заметил, что именно

Ся Ци была ближе всех к Гун Ямэй. Он вспомнил: когда Ся Ци только присоединилась к «Большой семье», она не умела играть в маджонг. Но поскольку Гун Ямэй любила эту игру, Ся Ци научилась и часто составляла ей компанию. Гун Ямэй любила музыку — Ся Ци играла для нее на гитаре. За едой и выпивкой Ся Ци часто рассказывала забавные истории, чем смешила Гун Ямэй. Более того, Ся Ци постоянно брала Гун Ямэй под руку или обнимала за плечи, демонстрируя почти дочернюю близость. Гун Ямэй не раз при всех говорила: «Ся Ци мне как родная дочь». Это наталкивает на определенные мысли.

Все эти признаки действительно указывали, что Ся Ци, как утверждала Фань Линь, могла намеренно завоевать расположение Гун Ямэй. Особенно показательно, что Фань Линь проводила в компании Ся Ци и Гун Ямэй каждый день. Поэтому ее подозрения нельзя считать безосновательными.

Однако нельзя отрицать, что Ся Ци от природы была общительной. У нее сложились теплые отношения со многими в «Большой семье»…

«Была ли ее сердечность искренней или расчетливой?» — размышлял Тань Юн.

А может, и той и другой?

Как бы то ни было, завтра он снова поговорит с Ся Ци наедине, испытает ее разными способами. Пока это единственное, что приходит в голову.

Перед сном Тань Юн написал в групповом чате, отметив всех: «Пожалуйста, еще раз подтвердите: все ли дома, закрыты ли окна, заперты ли входные двери на все замки?»

Последовали сообщения:

Ли Сюэли: Дома, все закрыто и заперто. Спасибо, Лао Тань, ложись отдыхай.

Гу Лэй: У нас тоже. Спасибо за заботу, Лао Тань!

Шэнь Фэнся: Все сделала, как ты сказал.

Фань Линь: Я тоже. Спасибо за напоминание! С тобой стало намного спокойнее!

Ван Синсин и Хань Лэй написали слово в слово то же, что и Фань Линь.

Ся Ци: Я закрыла окна и заперла входную дверь. Спасибо, Лао Тань, ты очень внимателен.

Убедившись, что все ответили, Тань Юн медленно выдохнул, отложил телефон и выключил свет.

4

— Лао Тан такой ответственный, — со смешанными чувствами произнесла Су Сяотун.

— Да, — согласился Гу Лэй. — Чтобы предотвратить новые преступления, он не только сам переехал в ЖК, но и привлек Ли Биня. И патрулирует, и предупреждает, и в чате напоминает о соблюдении мер безопасности. Такого добросовестного полицейского я еще не встречал. С ним и правда легче.

— Но ведь Тань Юн не будет жить здесь все двадцать лет и вечно за нами присматривать.

— Он найдет способ нас защитить. И я тоже, Сяотун. Пока я здесь, никто не тронет тебя и Сяоляна.

Су Сяотун кивнула:

— Отведи Сяоляна в душ.

Пока Гу Лэй купал сына, Су Сяотун лежала в постели и смотрела видео на телефоне. Около десяти вечера раздался звонок в «Вичате» — звонила Ся Ци.

— Алло, Ся Ци?

— Да, сестрица Сяотун, ты еще не спишь?

— Нет. Что-то случилось?

— Можем поговорить?

— Конечно.

— Сегодня утром Фань Линь сказала, что я — главная подозреваемая. Хочу узнать твое мнение. Ты тоже так думаешь?

Су Сяотун стало неловко.

«Да», — хотелось ей ответить. Но как сказать такое в лицо?

— Нет, я так не считаю, — после паузы солгала она.

— Правда?

— Угу.

— Спасибо, сестрица Сяотун!

«За что спасибо-то? Разве мое мнение так важно? Я ведь не полицейский. Или она надеется, что я буду выгораживать ее перед полицией? Но она же понимает, что это бессмысленно…»

— Вы с Гу Лэем недавно в «Большой семье», поэтому вам сложно понять мои чувства к этим людям. Я правда… считаю их родными. — Голос Ся Ци дрожал, она готова была расплакаться.

— Я это заметила.

— После убийства сестрицы Ямэй мне было невыносимо тяжело. А теперь еще это отравление… — Голос Ся Ци прерывался. — Во что превратилась наша дружная «Большая семья»?..

Су Сяотун нахмурилась. Она не могла определить, правду ли говорит Ся Ци, или она притворяется. «Если это спектакль, зачем он мне? Или она обзванивает всех подряд?»

— Мне доводилось слышать, что деньги — нож, который режет без крови. Но я не верила, пока сама не убедилась, — горько сказала Ся Ци. — Некоторые ради наживы готовы на все. Ни родственные узы, ни дружба для них не имеют значения.

— Ся Ци, к чему ты все это говоришь? — не выдержала Су Сяотун.

— Сестрица Сяотун, я думаю… если жить в постоянном страхе, какая польза от денег? Может, мне просто уехать?

— То есть… как Лао Тань? — Су Сяотун опешила. — Отказаться от наследства?

— Да, именно так. Но я еще не решила окончательно, в душе полный хаос. Хотела с кем-то поговорить. Ты не против?

— Конечно нет, — ответила Су Сяотун, все еще сомневаясь в искренности Ся Ци. — Ся Ци, если ты откажешься от наследства и уедешь из «Юэхайваня» или даже из Лиши… то чем займешься?

— Хочу выйти замуж, — без малейших колебаний ответила Ся Ци. — Найти надежного

мужчину и жить простой жизнью. Для меня этого достаточно. Деньги не так важны. Главное в жизни — настоящая любовь.

«Так только молодая девушка и может сказать, — подумала Су Сяотун. — Но потом, когда столкнешься с жестокой реальностью, давлением конкуренции, начнешь сравнивать себя с друзьями, родишь детей, — тогда ты поймешь, насколько важны деньги. В тот момент обнаружишь, что настоящая любовь — это как раз то, без чего можно обойтись».

— К слову, о любви: я очень завидую вам с Гу Лэем.

— Чему тут завидовать? — усмехнулась Су Сяотун.

На самом деле она хотела спросить: «И как ты догадалась, что между нами настоящая любовь?» Но сдержалась и не сказала этого вслух.

— У вас такие хорошие отношения. Вы ведь уже много лет в браке? Гу Лэй относится к тебе так, будто ты его первая любовь.

Су Сяотун ненадолго замолчала, затем ответила:

— Вообще-то, мы не так давно поженились, только в прошлом году.

— А? Но ваш ребенок… Разве Сяоляну не семь

лет уже?

— Он от предыдущего брака.

— Вот как… прости, я всегда думала, что ты в первый раз замужем и Сяолян — ваш общий ребенок.

— Ничего, я сама вам не говорила.

— Сяотун, тогда можно спросить? После развода с бывшим мужем ты долго была одна или вы быстро сошлись с Гу Лэем?

«Ся Ци на удивление любопытна, — подумала Су Сяотун. — Раньше она редко задавала личные вопросы. Что с ней сегодня? Но раз уж спросила, придется ответить. Конечно, без подробностей, иначе придется объяснять слишком многое. Например, что с бывшим мужем мы не разводились…»

— Вскоре после того, как я стала свободна, мы сошлись.

— Вот как… Сяотун, тебе повезло. Каждая девушка мечтает выйти за такого хорошего человека, как Гу Лэй.

Су Сяотун с трудом выдавила улыбку.

— Ты, наверное, устала? Тогда не буду тебя задерживать, ложись пораньше. Спокойной ночи, Сяотун.

— Спокойной ночи.

Повесив трубку, Су Сяотун задумалась. Ей казалось, что Ся Ци звонила не просто так, но зачем — она понять не могла. В спальню, прервав ее размышления, вошли муж с сыном, в майках и шортах. Гу Сяолян, забравшись в кровать, попросил маму прочитать ему сказку.

— Ладно, — согласилась Су Сяотун, а потом обратилась к Гу Лэю: — Мне только что звонила Ся Ци.

— Да? И что она сказала?

— Ничего особенного, просто болтала. Говорила, как ей больно видеть, во что превратилась наша «Большая семья».

— Искренне?

— Откуда я знаю?

— Если искренне, значит Ся Ци действительно чувствительная натура. Если нет, значит у нее есть скрытый мотив.

— Я тоже об этом подумала. Но зачем ей говорить это мне? Я же не полицейский, такие вещи надо рассказывать Лао Таню.

— Это было бы слишком очевидно. Лучше передать через третье лицо. Так вероятнее, что полиция в это поверит.

— То есть ты хочешь сказать…

— Нет, я просто размышляю вслух. — Гу Лэй

взглянул на Сяоляна. — Давай не будем обсуждать такое при ребенке.

Су Сяотун была согласна с этим. Она раскрыла детскую книжку, лежавшую у изголовья, и собралась читать сыну. Гу Лэй с улыбкой посмотрел на них:

— Я пойду в кабинет, доделаю тот дизайн-проект.

— Разве теперь тебе нужно продолжать так много трудиться?

Гу Лэй понял ее намек и усмехнулся:

— Пока нам не перечислили первую выплату, я должен работать. Да и дело не только в деньгах — важно поддерживать репутацию.

Су Сяотун кивнула и начала читать сыну сказку. Гу Лэй прикрыл дверь, зашел в кабинет и включил компьютер.

Не дослушав и одной истории, Гу Сяолян сладко уснул. Уложив сына, Су Сяотун взяла телефон, чтобы посмотреть сериал, но тут пришло сообщение в «Вичате».

Чжоу Сыда: Сяотун, ты не спишь?
Су Сяотун: Еще нет.
Чжоу Сыда: Не хочешь выпить?
Су Сяотун: ???

Чжоу Сыда: Я приехал в Лиши, собираюсь в бар.

Су Сяотун: А? Когда ты успел приехать?

Чжоу Сыда: Только с самолета – и сразу связался с тобой.

Су Сяотун: С чего вдруг тебя в Лиши потянуло?

Чжоу Сыда: В смысле «вдруг»? Я же говорил тебе в прошлый раз, что приеду в Лиши повидаться.

Су Сяотун: Я думала, ты это не всерьез.

Чжоу Сыда: Нет, давно тебя не видел, соскучился.

Су Сяотун: Не надо этого.

Чжоу Сыда: А что? Мы же договорились, что после расставания останемся друзьями? Разве нельзя навестить старого друга?

Су Сяотун не знала, что ответить. Пока она молчала, Чжоу Сыда снова написал:

Чжоу Сыда: Ну что, выпьем?

Су Сяотун: Лучше не надо, мне нужно быть с сыном, да и муж не отпустит так поздно.

Чжоу Сыда был человеком понятливым. Он не стал настаивать:

Чжоу Сыда: Ясно. Я пробуду в Лиши какое-то время, можем встретиться в другой раз.

Су Сяотун: Ага.

Чжоу Сыда: Кстати, посоветуй отель или гостевой дом на берегу, с частным бассейном.

Су Сяотун: Не знаю таких. Тебе же нужен самый роскошный. Поищи в интернете.

Чжоу Сыда: Ладно, не буду мешать отдыхать. Спокойной ночи.

Су Сяотун: Спокойной ночи.

Каждое сообщение от Чжоу Сыда вызывало у Су Сяотун душевное волнение. Особенно сейчас, когда он неожиданно приехал в Лиши. Ее мысли метались в беспорядке. Чжоу Сыда был ее первым парнем после университета. Красавчик из обеспеченной семьи.

Она вспомнила те дни — в целом счастливые. Если бы не его сложные родственники и ее собственная юношеская горячность, они бы, возможно, и не расстались. Но прошли годы, и Чжоу

Сыда, кажется, стал самостоятельным, он больше не зависел от родителей…

И почему-то за все эти годы он так и не женился. То ли не наигрался, то ли не встретил подходящую девушку, то ли… все еще не может забыть бывшую?

Неужели он приехал в Лиши просто как турист? Или…

Су Сяотун взяла себя в руки, не позволяя сомнениям проникнуть в душу. В конце концов, она замужняя женщина, а с Чжоу Сыда все давно в прошлом. Некоторые фантазии лучше сразу пресекать — тем более сейчас, когда вокруг столько неразберихи: тайна зловещего убийства и угроза смерти по-прежнему висят над ними. Когда тут предаваться ностальгии?

Она встряхнула головой, прогнала навязчивые мысли и вернулась к сериалу.

Ближе к полуночи раздался звук уведомления. Пришло сообщение в «Вичате». Су Сяотун подумала, что это снова Чжоу Сыда, но, взглянув на телефон, раскрыла глаза от удивления.

В групповом чате «Большой семьи» было сообщение от Ся Ци: «Сегодня я долго размышляла и, кажется, поняла, кто убийца».

5

— Что? — Су Сяотун остолбенела. — Ся Ци знает, кто убийца?

Она резко выпрямилась, на секунду задумалась и с телефоном в руке зашла в соседнюю комнату к Гу Лэю:

— Ты видел, что написали в группе?

Гу Лэй сидел за компьютером, работал над дизайном в графическом редакторе.

— Нет, а что?

— Срочно посмотри.

Гу Лэй взял лежащий рядом телефон и, увидев сообщение Ся Ци, тоже изумился:

— Ся Ци вычислила убийцу?

Не успел он договорить, как раздался очередной звук уведомления — Ван Синсин написал:

«Реально?!»

Затем Хань Лэй отправила целую серию шокированных эмодзи.

Но Ся Ци не ответила, и в чате воцарилась тишина. Гу Лэй не выдержал и написал:

«Серьезно? Кто?»

Су Сяотун села на край кровати и принялась ждать вместе с мужем, но Ся Ци по-прежнему

молчала.

— Почему она замолчала? — недоумевал Гу Лэй. — И почему остальные тоже не пишут?

— Уже почти полночь, наверное, многие спят. Или… кто-то после этого сообщения сразу позвонил ей.

— Откуда вдруг Ся Ци могла узнать, кто убийца? Да и если правда узнала — надо было сообщить Лао Таню. Зачем писать в группу?

— Я как раз об этом думаю, — отозвалась Су Сяотун. — Наверное, у нее просто появились подозрения на чей-то счет, поэтому она и написала «кажется». Если бы Ся Ци была уверена на сто процентов, она бы сразу обратилась в полицию.

— Значит, она отправила это сообщение как пробный шар? Чтобы посмотреть на реакцию?

От слов «пробный шар» Су Сяотун внутренне содрогнулась. Она вдруг вспомнила тот странный звонок от Ся Ци около десяти вечера.

— Если вдуматься, ее звонок мне походил на зондирование почвы. Как будто она пыталась что-то выведать…

— Выведать? У тебя? — Гу Лэй удивился. — Неужели она подозревает тебя?

— У Ся Ци есть основания подозревать кого угодно. Да и вряд ли она звонила только мне. С

десяти до двенадцати прошло достаточно времени, — возможно, она обзвонила нескольких человек.

— И в процессе разговоров что-то заметила, поэтому… — Гу Лэй не договорил.

Телефон пикнул.

Ся Ци наконец ответила в чате:

«Уже поздно. Обсудим завтра. Спокойной ночи».

Супруги переглянулись. Гу Лэй беспомощно пожал плечами.

— Может, мне позвонить ей и спросить, в чем дело? — предложила Су Сяотун.

— Она же ясно дала понять — завтра. Даже если позвонишь, вряд ли она сейчас что-то объяснит.

Подумав, Су Сяотун отказалась от этой идеи. Гу Лэй закрыл ноутбук:

— Давай спать. Завтра все выясним у Ся Ци. Хотя, скорее всего, нам даже не придется: как только Лао Тань утром увидит переписку, он тут же отправится к ней за разъяснениями.

Су Сяотун кивнула. Гу Лэй обнял ее за плечи, и они вместе направились в спальню. Гу Сяолян крепко спал. Супруги легли рядом с ним. Су Сяотун прислонилась к изголовью, погруженная в раздумья.

— Не спится? — спросил Гу Лэй.

— Все думаю, что же тут происходит.

— Я тоже. Как Ся Ци смогла выйти на убийцу? Даже полиция пока в тупике. Неужели несколько телефонных звонков членам «Большой семьи» помогли ей вычислить преступника? Разве это возможно?

— Если Ся Ци смогла это сделать, то только по одной причине — благодаря глубокому пониманию некоторых членов «Большой семьи». Она целенаправленно устроила проверку, обнаружила странности в чьих-то словах или реакциях, на основе чего сделала выводы.

— Но Лао Тань тоже член «Большой семьи» и хорошо всех знает.

— Но не настолько хорошо, как Ся Ци. Он ведь лишь изредка приходил на встречи, в отличие от нее. Она практически ежедневно общалась со всеми.

— Тоже верно.

— И еще я думаю, что Ся Ци начала проверять каждого потому, что сегодня утром Фань Линь прямо высказала подозрения в ее адрес. Когда становишься главным подозреваемым, приходится переходить в наступление — самой искать способы вычислить настоящего убийцу.

Гу Лэй задумался на мгновение.

— А может, это отвлекающий маневр? Если убийца и правда Ся Ци, ей нужно было срочно что-то предпринять — например, перевести подозрения на кого-то другого, чтобы всех запутать.

— Хм… — Су Сяотун слегка нахмурилась. — Вероятно. Сегодняшние действия Ся Ци выглядят нарочитыми. Сначала она позвонила мне, задала какие-то непонятные вопросы, потом обзвонила еще нескольких человек, а затем заявила в чате, что вычислила убийцу. Но когда все начали спрашивать, кто именно убийца, она вдруг притихла и уклончиво ответила: «Обсудим завтра». Со стороны это очень похоже на намеренную попытку внести путаницу.

— Так она пыталась отвлечь от себя внимание? Но получилось ведь совсем неуклюже. После неумелых попыток скрыть правду Ся Ци мне кажется еще подозрительнее. Вот только неизвестно, что подумает полиция.

— Полицию тоже не так просто обмануть. Завтра утром Лао Тань, увидев переписку, сразу пойдет допрашивать Ся Ци. Если она не сможет представить веских доказательств против кого-то конкретного, у него возникнут те же мысли, что и у нас, — это намеренная попытка отвлечь

внимание.

— Что ж, посмотрим завтра, — сказал Гу Лэй. — Уже половина первого, хватит на сегодня размышлений, давай спать.

Су Сяотун кивнула и выключила ночник. Но, лежа в темноте, еще долго не могла заснуть.

Почему-то вновь появилось то самое тревожное предчувствие.

Точно такое же, как в ночь, когда убили Гун Ямэй.

«Неужели завтра… случится что-то плохое?» — с беспокойством подумала она.

Глава одиннадцатая. Убийство

1

Почти пятидесятилетний Тань Юн хранил верность давней привычке: перед сном он отключал вайфай и мобильный интернет, чтобы уведомления из «Вичата» и других приложений не мешали ему спать. Сам телефон он не выключал — на случай, если кому-то срочно понадобится с ним связаться.

В семь утра Тань Юн уже был на ногах. В съемной квартире не было вайфая, поэтому он включил мобильный интернет. Под звуки уведомлений перед ним замелькали непрочитанные сообщения.

При виде переписки в группе «Большая семья» глаза Тань Юна округлились от неожиданности. Он быстро оделся и без стука распахнул дверь в соседнюю комнату, где спал Ли Бинь:

— Эй, взгляни на это!

Ли Бинь сел на кровати, потирая заспанные глаза:

— Что такое?

Тань Юн протянул ему телефон. Прочитав сообщения, Ли Бинь мгновенно проснулся:

— Ся Ци говорит, что знает, кто убийца?

— Да, но, когда Ван Синсин и Гу Лэй спросили, кто же это, она написала только: «Обсудим завтра».

— Она отправила это прошлой ночью, завтра уже как раз наступило. Давай срочно позвоним ей.

Тань Юн кивнул и начал аудиозвонок в «Вичате», но Ся Ци так и не ответила, хотя гудки шли длинные.

— Может, еще слишком рано? Она просто не проснулась и не включила вайфай? Позвони на мобильный.

Тань Юн набрал номер Ся Ци, но результат был тот же — ответа не последовало.

— Почему она не берет трубку? — пробормотал он себе под нос.

— Молодые девушки любят поспать, возможно, она решила сон досмотреть и проигнорировала звонок. Или телефон не рядом. Попробуем позже.

Тань Юн промолчал и лишь сильнее сдвинул брови.

Ли Бинь оделся и предложил:

— Все равно наша текущая задача — расследование этого дела. Нам не нужно отмечаться в уголовном отделе. Давай сначала позавтракаем, а потом снова попробуем связаться с Ся Ци.

Тань Юну очень хотелось сразу отправиться к Ся Ци домой, но сейчас было всего семь с небольшим утра. Являться так рано казалось невежливым, поэтому он неохотно кивнул.

Приведя себя в порядок, они вышли и направились в закусочную неподалеку от жилого комплекса. Заказали рисовую лапшу, соевое молоко и яйца, отваренные в чае с приправами.

— Что Ся Ци делала вчера вечером? — Тань Юн ел и одновременно размышлял вслух. — Как она вдруг узнала, кто убийца?

— Ты уверен, что она знает? — хмыкнул Ли Бинь, поглощая лапшу. — По-моему, она выразилась довольно туманно. Может, просто гадает на кофейной гуще.

— Даже если гадает, должны же быть какие-то основания. Она написала: «Сегодня я долго размышляла» — значит это не пустые слова. К тому же она знает, что я состою в чате, и понимает: после такого сообщения я обязательно приду к ней за разъяснениями. Если у нее нет доказательств, как она это объяснит?

— Вчера Фань Линь заявила, что Ся Ци — главная подозреваемая. А вечером Ся Ци вдруг объявляет, что знает убийцу… Похоже на попытку отвлечь внимание.

— Если Ся Ци не убийца, то ей нечего скрывать и нечего бояться. Наоборот, если она намеренно отвлекает наше внимание, это только усиливает подозрения против нее.

— Верно. Поэтому посмотрим, что скажет Ся Ци. Если она не укажет на виновника обоснованно, мы почти наверняка сможем заключить, что убийца она сама.

— Но даже в этом случае у нас нет доказательств.

— Однако, определив главного подозреваемого, мы сможем перейти к психологической атаке. А это невозможно, пока у нас семь или даже восемь потенциальных преступников.

Тань Юн кивнул, соглашаясь с доводами Ли Биня. Он даже потерял аппетит и, оставив недоеденной полмиски лапши, достал телефон и снова попытался дозвониться до Ся Ци. Как и прежде, без ответа.

— Может, с Ся Ци что-то случилось? — обеспокоенно произнес Тань Юн.

— Исключено. Вчера я лично обошел всех и предупредил, чтобы обязательно закрывали двери на все замки. Разве при таких условиях могло что-то произойти?

Тань Юн считал, что теоретически не могло, но

в душе испытывал беспокойство. В нынешних обстоятельствах Ся Ци вряд ли удавалось спать так крепко. Она не проснулась от нескольких звонков подряд? Да и телефон ее не может не быть рядом: современные люди, особенно молодежь, практически не расстаются со своими мобильниками. С первого звонка прошло уже полчаса — в обычной ситуации она бы уже давно проверила телефон. А значит…

— Ладно, ладно. — Ли Бинь тоже перестал есть, вытер рот салфеткой, оплатил завтрак через «Вичат» и вместе с Тань Юном вернулся в жилой комплекс.

Квартира Ся Ци находилась на девятом этаже третьего подъезда — номер 902. Тань Юн подошел к двери, сначала нажал звонок, затем постучал. Внутри не раздавалось ни звука. Он снова набрал номер Ся Ци, прижался ухом к металлической двери и услышал приглушенную мелодию. Как только он положил трубку, музыка резко оборвалась — это определенно звонил телефон Ся Ци.

— Телефон внутри, значит и Ся Ци там. Но не берет трубку и не открывает. Возможно, с ней действительно что-то случилось. — Лицо Тань Юна посуровело.

— Мне вызвать слесаря, чтобы вскрыл дверь? —

Ли Бинь тоже почуял недоброе.

— У меня есть один знакомый мастер, живет неподалеку. Сейчас свяжусь с ним.

Слесарь, о котором говорил Тань Юн, два года назад вскрыл дверь квартиры 1203. Профессия специалиста по взлому замков относится к особой категории и требует регистрации в полиции. Мастеру было за пятьдесят. Честный и неболтливый, он часто сотрудничал с правоохранительными органами. Когда полиция просила о помощи, он просто делал, что велели, и никогда не задавал ненужных вопросов. Тань Юн полностью доверял ему.

Минут через десять слесарь прибыл. Как обычно, без лишних слов, сразу достал инструменты и принялся за работу. Благодаря многолетнему опыту он управился с металлической дверью в несколько приемов.

— Дверь была заперта изнутри на засов? — спросил Ли Бинь.

— Нет. — Слесарь покачал головой. — Иначе я бы не открыл ее так легко.

Ли Бинь и Тань Юн переглянулись. При слесаре они не стали обсуждать детали. Тань Юн протянул мастеру пятьдесят юаней:

— Спасибо, можешь идти.

Слесарь кивнул и уехал на лифте.

Тань Юн и Ли Бинь вошли в квартиру Ся Ци.

— Ся Ци? — позвал Тань Юн.

Ответа не последовало.

Они прошли через прихожую и гостиную в спальню, где увидели Ся Ци на кровати. Пока не понимая ее состояния, Тань Юн позвал Ся Ци еще раз и приблизился.

Она лежала на боку, укрытая одеялом, будто забылась глубоким сном. Но опытный Тань Юн сразу заметил неладное. Он резко сдернул одеяло — оба полицейских ахнули от ужаса.

В области сердца у девушки торчал нож. Она была мертва уже несколько часов.

2

Вместе с судмедэкспертами прибыл Цзян Мин. Тань Юн стоял перед руководителем, стыдливо опустив голову. Однако Цзян Мин не стал ругать его и Ли Биня, лишь спросил:

— Вы же вселились в этот комплекс как раз для предотвращения подобного. Как получилось, что убийство все равно произошло?

— Не знаю, — с горестным видом ответил Ли Бинь. — Вчера вечером я лично обошел все квартиры «Большой семьи», постучал в каждую дверь и напомнил: обязательно закрываться на все замки. Все — включая Ся Ци — уверили, что так и сделают.

— Я тоже неоднократно напоминал им в групповом чате… — Тань Юн показал Цзян Мину переписку, — вот, Ся Ци даже ответила.

Цзян Мин прочитал сообщение Ся Ци: «Я закрыла окна и заперла входную дверь. Спасибо, Лао Тань, ты очень внимателен» — и тяжело вздохнул.

— Я вчера даже пошутил с Лао Танем, — сквозь зубы проговорил Ли Бинь, — что если убийца и в таких условиях совершит преступление, то

только если умеет проходить сквозь стены. И кто бы мог подумать, что… Чертов убийца, как ему это удалось?

— Хватит нести чушь! Никто не проходил сквозь стены! — огрызнулся Тань Юн. — Слесарь же сказал, что дверь вообще не была заперта изнутри на засов.

— Вот именно, это еще страннее. Мы столько раз напоминали, Ся Ци четко подтвердила, что заперла дверь. Почему же она оказалась незапертой? — Ли Бинь никак не мог взять в толк.

— Может, Ся Ци потом выходила? — спросил Цзян Мин.

Тань Юн покачал головой:

— Я уже поручил службе безопасности проверить записи с камер в лифтах и на территории комплекса. Ся Ци не покидала квартиру вечером.

Цзян Мин взглянул в сторону — двое судмедэкспертов осматривали тело.

— Время смерти?

— Исходя из степени окоченения, реакции зрачков и ригидности мышц можно заключить, что смерть наступила около полуночи, — ответил один из них.

Тань Юн проверил переписку в «Вичате»:

— Ся Ци отправила первое сообщение в двадцать три пятьдесят одну. Через восемь минут, в двадцать три пятьдесят девять, — второе, после чего больше не писала. Если убийство произошло около полуночи, значит ее убили вскоре после второго сообщения.

Цзян Мин уточнил у судмедэкспертов:

— Какая погрешность?

— Плюс-минус полчаса.

— А где телефон жертвы?

— Вот здесь, на тумбочке, — ответил Ли Бинь. — Убийца не забрал телефон Ся Ци.

— В двадцать три пятьдесят девять Ся Ци отправила сообщение в «Вичате», значит в тот момент была жива. С погрешностью в полчаса убийство произошло в промежутке между двадцатью тремя часами пятьюдесятью девятью минутами и двадцатью девятью минутами первого, — заключил Цзян Мин.

— Понятно, — сказал Тань Юн. — Мы с Ли Бинем немедленно проверим алиби членов «Большой семьи» на этот период.

— В коридорах этого дома нет камер наблюдения? — поинтересовался Цзян Мин.

— Нет. — Тань Юн помрачнел. — Я уже выявил эту уязвимость в системе безопасности и вчера

потребовал от управляющей компании установить камеры на каждом этаже в течение трех дней. Но не успели… и вот очередное убийство…

Почувствовав горечь и отчаяние Тань Юна, Цзян Мин похлопал его по плечу:

— Лао Тань, ты предусмотрел все возможные проблемы, сделал все, что мог, даже переселился с Ли Бинем в этот комплекс — проявил исключительную ответственность. Так что не кори себя. Просто это дело необычное, убийца ужасно хитер. Вероятно, он как раз учел, что через три дня в коридорах появятся камеры, поэтому спешил совершить свое преступление. Чтобы выяснить, как ему удалось проникнуть в квартиру и убить жертву при таких обстоятельствах, нам нужно объединить усилия. В «Юэхайване» это уже не первая смерть, и все они связаны с одним делом. Пора создать спецгруппу. Конкретные меры обсудим после доклада начальнику Чэню.

Тань Юн молча кивнул, соглашаясь с необходимостью организации спецгруппы.

Судмедэксперт, закончив осмотр, сообщила:

— Капитан Цзян, я обнаружила, что жертва была убита не в кровати, а в другом месте. Убийца перенес тело на кровать, уложил его в позу спящего человека и накрыл одеялом. Очевидно,

чтобы имитировать, будто жертву убили во сне.

Это была важная информация. Цзян Мин, Тань Юн и Ли Бинь подошли и внимательно осмотрели место происшествия.

— Если бы жертву убили во сне, площадь и угол разбрызгивания крови были бы значительно больше, — сообразил Цзян Мин. — Это не соответствует текущему расположению пятен на простыне и одеяле.

— Совершенно верно, — подтвердила судмедэксперт.

— Но это же слишком очевидно. Разве убийца — если он не полный идиот — не понимал, что мы сразу раскроем обман? — поинтересовался Ли Бинь. — Зачем тогда устраивать все это?

— Полагаю, у убийцы просто не было времени на тщательную маскировку, — анализировал Тань Юн. — Он успел проделать лишь этот неуклюжий трюк и поспешно покинул место преступления. Знал, что внизу находятся двое полицейских. Если бы кто-то позвонил Ся Ци после ее сообщения в «Вичате» и не дозвонился, он заподозрил бы неладное и явился к ней.

Цзян Мин кивнул.

— Ся Ци убили не в кровати, но определенно где-то в этой квартире. Проверим входную зону,

гостиную, ванную. Попытаемся найти первоначальное место преступления.

Полицейские разошлись по квартире для осмотра. Однако поиски ничего не дали.

— Вероятно, убийца перед уходом успел избавиться от крови на полу. — Ли Бинь внимательно смотрел на плитку. — Здесь гладкое покрытие, следы крови легко удалить тряпкой или салфеткой.

Тань Юн присел у входа, тщательно изучая покрытие:

— У порога участок особенно чистый, похоже, его протирали. Скорее всего, Ся Ци убили в тот момент, когда она открыла дверь.

— Согласен, — кивнул Цзян Мин. — Это объясняет, почему дверь не была заперта изнутри.

— Но зачем ей было это делать? — возразил Ли Бинь. — Логично предположить, что убийца, узнав о сообщении Ся Ци, примчится устранить ее из опасения, что она пойдет в полицию. В такой ситуации Ся Ци должна была быть предельно осторожной — вряд ли она стала бы открывать дверь.

— Верно, в столь сложной ситуации нормальный человек вряд ли бы так поступил. Особенно если учитывать, что гостем оказался тот самый

убийца, которого Ся Ци раскусила. Какой бы беспечной Ся Ци ни была, она не стала бы так рисковать, — заключил Цзян Мин.

— Да и насколько убийца самонадеян? — дальше высказывал свои сомнения Ли Бинь. — Загадочное сообщение Ся Ци в группе многих взбудоражило. Кто-то мог позвонить ей или даже прийти лично. И в такое время убийца осмелился проникнуть в квартиру? Оставим пока вопрос, как он заставил Ся Ци открыть дверь, — сама дерзость его поступка поражает. Судя по предыдущим преступлениям, мы имеем дело с хладнокровным и расчетливым злоумышленником, а не с безрассудным головорезом. Как он мог быть уверен, что во время убийства и зачистки следов его не застанет кто-то из пришедших проведать Ся Ци?

— Таким образом, в деле убийства Ся Ци есть две главные загадки, — подвел итог Цзян Мин. — Первая: каким способом убийца заставил Ся Ци добровольно открыть дверь. Вторая: как он гарантировал, что его не обнаружат во время преступления. Убийца наверняка использовал какую-то хитрость, чтобы добиться и того и другого.

Полицейские одновременно замолчали. Цзян

Мин продолжил:

— Здесь, на месте, мы эти загадки не разгадаем. Сейчас вернемся в уголовный отдел: сначала отправим телефон Ся Ци к технарям, взломаем пароль и проверим, нет ли в нем полезной информации. Затем я сообщу начальнику Чэню и созову экстренное совещание по вопросу создания спецгруппы.

Тань Юн и Ли Бинь синхронно кивнули. Двое судмедэкспертов уложили тело Ся Ци на носилки и погрузили в машину. Тань Юн огородил квартиру на девятом этаже полицейской лентой и распорядился, чтобы управляющая компания никого сюда не подпускала. Закончив с бумажками, они отправились в уголовный отдел города Лиши.

3

Прошлой ночью Су Сяотун так и не смогла уснуть, в полудреме она постоянно думала о словах Ся Ци и убийце. В половине девятого утра она проснулась от непрерывных звуков уведомлений из «Вичата». Очевидно, те члены «Большой семьи», кто не видел сообщений Ся Ци прошлым вечером, теперь прочитали ее шокирующее заявление и начали реагировать.

Ли Сюэли: Ся Ци, что ты имеешь в виду?! Ты знаешь, кто убийца?

Фань Линь: Как ты узнала? Расскажи!

Фань Линь: Ты же сказала – обсудим сегодня? Ся Ци, ты уже проснулась?!

Хань Лэй: Ся Ци обычно спит до победного, наверное еще не встала.

Фань Линь: В такое время разве можно настолько крепко спать?

Ван Синсин: Вот именно. Я обычно сплю часов до одиннадцати-двенадцати, а последние дни просыпаюсь в семь-восемь. Вообще не могу спать нормально.

Шэнь Фэнся: Я пойду разбужу Ся Ци!

Гу Лэй тоже проснулся и, просматривая сообщения, сказал Су Сяотун:

— Похоже, Шэнь Фэнся не терпится. Собирается бежать к Ся Ци.

— Она же мечтает отомстить за Юань Дуна, готова сама расправиться с убийцей.

— И что, Ся Ци расскажет ей, кто убийца, а Шэнь Фэнся тут же кинется на того с кулаками?

— Да вычислила ли Ся Ци на самом деле убийцу — еще вопрос. Мы же вчера обсуждали, что это может быть блеф.

— Верно. Сегодня многие наверняка потребуют у нее объяснений, особенно полиция. Посмотрим, что она сможет сказать.

Пока они разговаривали, Шэнь Фэнся отправила в группу фотографию с подписью: «Что это значит?!»

Су Сяотун и Гу Лэй остолбенели. На снимке был изображен подход к квартире Ся Ци на девятом этаже, огороженный полицейской лентой и табличкой «Вход воспрещен».

— Девятьсот вторая… — потрясенно произнес Гу Лэй. — Это же квартира Ся Ци? Почему там лента?

— Если верить телевизионным сериалам, обычно такое означает, что произошло что-то

серьезное… Чаще всего — убийство.

Су Сяотун переглянулась с Гу Лэем. В глазах обоих читался немой ужас.

После фотографии Шэнь Фэнся чат взорвался сообщениями: все выражали шок и недоумение. Ван Синсин предложил: «Давайте тоже пойдем посмотрим», и многие поддержали.

— Может, и нам стоит сходить? — спросил Гу Лэй.

— Разве мы сквозь дверь что-то увидим? Хотя… надо послушать, что люди говорят.

— Хорошо.

Супруги быстро оделись. Гу Сяолян по-прежнему крепко спал. Не будя сына, они умылись и на лифте спустились до девятого этажа.

Все члены «Большой семьи» уже собрались здесь — вместе с соседями по этажу. В узком коридоре, судача между собой, столпилось с десяток человек. Су Сяотун и Гу Лэй подошли ближе и услышали, как люди расспрашивают пожилую женщину из квартиры 901.

— Сама не знаю, что случилось, — говорила соседка, — но я видела, как несколько полицейских вошли в ту квартиру и провели там больше получаса. Потом вынесли носилки. Наверное, это была та самая девушка — хозяйка квартиры

напротив.

— Она… умерла? — побледнев, спросила Ли Сюэли.

— Не буду гадать. Полиция запретила нам приближаться. Но я видела, как тело на носилках накрыли белой простыней…

Ситуация прояснилась. Присутствующие переглянулись. Атмосфера напряженности, страха и тревоги окутала их.

В этот момент появился представитель управляющей компании:

— Чего вы все собрались? Полиция запретила посторонним тут находиться, расходитесь!

— Здесь что, произошло убийство? — спросила Су Сяотун.

Сотрудник, видимо получивший от полиции указание не разглашать информацию, уклончиво ответил:

— Понятия не имею. Это компетенция полиции, а не нашей управляющей компании. Мы лишь выполняем указание не допускать сюда жителей. Не усложняйте нам работу, пожалуйста, идите домой. Официальные сведения предоставит полиция.

После такого происшествия у членов «Большой семьи», естественно, возникла потребность об-

судить случившееся. Переглянувшись со всеми, Ли Сюэли поняла, что они думают о том же, и предложила:

— Может, зайдем ко мне?

Все молча кивнули. Вместе они поднялись на лифте до двенадцатого этажа, в квартиру Ли Сюэли.

Место, где раньше ежедневно собиралась «Большая семья», теперь казалось чужим. Они даже не стали соблюдать формальности с чаем — просто расселись в гостиной.

— Как такое могло произойти? — вздохнула Ли Сюэли.

— Ся Ци… ее убили, да? — с горечью произнес Ван Синсин.

— Разве не очевидно? — мрачно заметила Хань Лэй. — Иначе зачем полиции понадобилось ограждать ее квартиру?

— Вчера вечером она еще писала в чат, а утром уже… — размышляла Фань Линь. — Получается, убийца пробрался к ней ночью.

— Убийца, очевидно, один из нас. — Ледяной взгляд Шэнь Фэнся заставил всех содрогнуться. — К чему эти намеки? Давайте скажем прямо: кто-то из присутствующих здесь прошлой ночью проник в квартиру Ся Ци и убил ее.

Хотя все понимали, что это правда, такая формулировка многих покоробила. Несколько человек нахмурились, и в гостиной воцарилось краткое молчание.

— Прежде чем делать выводы, давайте позвоним Лао Таню и уточним, — нарушил тишину Гу Лэй.

— По сути, Лао Тань уже косвенно все подтвердил, — сказала Су Сяотун.

— А? — Гу Лэй не понял.

— Он же состоит в группе. Даже если не видел вчерашних сообщений, разве мог пропустить сегодняшние? Его молчание — уже подтверждение, — объяснила Су Сяотун.

— Логично…

— Среди полицейских, которые утром проводили осмотр в квартире Ся Ци, наверняка был и Лао Тань, — продолжила Су Сяотун. — Сейчас он, вероятно, в уголовном отделе, обсуждает с коллегами расследование. А объектами этого расследования, разумеется, станем мы. Думаю, скоро он появится здесь с вопросами.

— Тогда давайте проведем собственную проверку до прихода полиции, — предложила Фань Линь.

— Каким образом? — спросила Ли Сюэли.

— Вчера вечером Ся Ци написала в чат, что разоблачила убийцу, и вскоре после этого ее убили. Значит, мотивом убийцы стало устранение свидетеля — Ся Ци не должна была передать полиции ключевую информацию, — логично вывела Фань Линь.

Присутствующие закивали.

— Следовательно, Ся Ци действительно обладала важными сведениями, причем получила их именно вчера вечером — иначе она не сделала бы такого заявления, — продолжила Фань Линь.

— Но вчера вечером она ни с кем из нас не встречалась, — возразил Ван Синсин. — Разве не все сидели по домам?

— Лично — нет, но она могла позвонить или написать.

— Ся Ци с кем-нибудь из вас вчера общалась? — Ван Синсин обвел взглядом присутствующих.

— Признаюсь, — Фань Линь подняла руку, — Ся Ци звонила мне. Разговор длился минут десять. Но она наверняка звонила еще кому-то?

Су Сяотун все-таки решила, что скрывать правду нет смысла — это бы выглядело подозрительно при дальнейшем расследовании.

— Да, Ся Ци разговаривала со мной, тоже около десяти минут.

— И со мной, — добавила Хань Лэй. — Хотя я не знала, что она звонила и тебе. Думала, только мне.

— Еще кому-то? — спросила Фань Линь.

— Мне, — сказала Ли Сюэли. — Она и мне звонила.

Фань Линь перевела взгляд на Ван Синсина, Шэнь Фэнся и Гу Лэя:

— Остальные?

— Нет, Ся Ци мне не звонила. Можете проверить мою историю вызовов, — тут же стал защищаться Ван Синсин, но сразу осознал, что записи можно удалить. — Если телефон Ся Ци сохранился, все будет видно по ее журналу звонков.

— Мне она тоже не звонила, — заявила Шэнь Фэнся.

— Уж мне-то точно нет, — добавил Гу Лэй. — Мы с Сяотун — одна семья. Зачем ей звонить мне, если она уже поговорила с женой?

— Вот это странно, — нахмурилась Фань Линь. — Сомневаюсь, что она звонила нам просто поболтать. Ведь позже она написала в группу: «Сегодня я долго размышляла и, кажется, поняла, кто убийца». Очевидно, в беседах с нами четырьмя она выявила чьи-то подозрительные моменты или промахи. Но почему только мы? Разве Ван

Синсин, Гу Лэй и Шэнь Фэнся были в ее глазах безупречны?

— Уверена, что нет, — сказала Ли Сюэли. — Разве так очевидно, кто из нас хороший, а кто плохой? Вряд ли у Ся Ци был способ это определить.

— А вдруг она изначально планировала обзвонить всех для проверки, но после разговора с четвертым человеком поняла, кто убийца, поэтому оставшимся троим звонить не стала? — предположила Су Сяотун.

— Возможно, — кивнула Фань Линь. — Если так, то убийца, скорее всего, одна из нас четырех: я, Су Сяотун, Хань Лэй или Ли Сюэли. А та, кому Ся Ци вчера вечером позвонила последней, сейчас главная подозреваемая.

4

В конференц-зале уголовного отдела города Лиши для экстренного совещания собрались начальник городского управления общественной безопасности Чэнь Синь, его заместитель Хао Дун, а также Цзян Мин, Тань Юн, Ли Бинь и другие. Поводом стала серия убийств в жилом комплексе «Юэхайвань».

Доклад о ходе расследования представил Тань Юн, курирующий дело с самого начала. Записывая ключевые моменты на маркерной доске, он изложил обстоятельства преступлений:

— Первой жертвой стала Гун Ямэй. Утонула в озере Юэхай, куда ее столкнули. После ее смерти адвокат Фэн Чжэн прибыл в Лиши и сообщил членам «Большой семьи», что Гун Ямэй оставила огромное состояние — около двухсот пятидесяти миллионов юаней — и поровну разделила его между девятью членами группы. Приблизительно двадцать семь миллионов на человека. Однако наследство выплачивается не единовременно, а в течение двадцати лет — примерно по одному миллиону триста восемьдесят тысяч ежегодно. Обязательным условием для наследников явля-

ется постоянное проживание в ЖК «Юэхайвань». При этом, если кто-то из «Большой семьи» умирает, положенные ему средства распределяются между оставшимися. Проще говоря — чем меньше людей, тем больше денег получает каждый.

Всего через три дня после смерти Гун Ямэй произошло отравление куриным супом. Кто-то подмешал в бульон смертельно ядовитый порошок из грибов «огненный коралл», что вызвало массовое отравление. Юань Дуна не удалось спасти. Примечательно, что среди отравившихся был и сам убийца, использовавший это происшествие как алиби.

После этого как полиция, так и члены «Большой семьи» стали предельно бдительны: ясно, что убийца устраняет наследников ради увеличения своей доли. Совместные трапезы в доме Ли Сюэли прекратились, все держались настороже. Для расследования и защиты жильцов мы с Ли Бинем поселились в «Юэхайване» — на втором этаже их же подъезда. Однако, несмотря на принятые меры, вчера, в день нашего заселения, произошло новое убийство. На этот раз жертвой стала Ся Ци. По сравнению с делом об отравлении это убийство куда более запутанное. Как убийца проник в дом Ся Ци? Настоящая головоломка.

Вчера вечером я и Ли Бинь несколько раз обошли комплекс и напомнили всем закрывать окна и обязательно запирать двери на все замки, чтобы предотвратить ночное проникновение. Ведь члены «Большой семьи» были так близки, что сделать дубликат ключа от чужой квартиры не составляло труда. Ся Ци вчера четко подтвердила, что закрыла окна и заперла дверь на все замки. Сегодня на месте мы убедились — окна были заперты, проникнуть в дом снаружи не представлялось возможным. На входной двери никаких следов взлома, но она не была заперта изнутри. Это главная загадка. Мы предполагаем, что убийца неизвестным нам способом заставил Ся Ци отпереть дверь, убил девушку в момент ее открытия, затем перенес тело в спальню и обставил все так, будто убили жертву в кровати. Это подтвердила судмедэкспертиза.

Важная зацепка в этом деле — сообщение, которое отправила Ся Ци в групповой чат ближе к полуночи: «Сегодня я долго размышляла и, кажется, поняла, кто убийца». Но когда ее спросили, кто убийца, она ответила лишь: «Сейчас уже поздно, обсудим завтра». После этого она больше не писала. Мы полагаем, Ся Ци каким-то образом вычислила убийцу, и тот, опасаясь, что она обра-

тится в полицию, поспешил ее устранить.

Тань Юн сделал паузу, и Цзян Мин добавил:

— Дополню: наш технический отдел взломал пароль на телефоне Ся Ци. Проверив ее переписку в «Вичате», эсэмэс и историю звонков, мы выяснили, что вчера вечером она звонила Фань Линь, Су Сяотун, Ли Сюэли и Хань Лэй. Каждый разговор длился около десяти минут. Через полчаса после последнего звонка она отправила то самое сообщение в чат. Вскоре ее убили. Это позволяет предположить, что во время разговоров Ся Ци вышла на след убийцы. Другими словами, преступник, скорее всего, одна из четырех женщин.

— Если Ся Ци действительно знала, кто убийца, почему она не обратилась в полицию, а написала в группу? — задал резонный вопрос начальник Чэнь.

— Возможно, она не была до конца уверена и хотела проверить реакцию подозреваемого, — объяснил Цзян Мин. — Но эта проверка стоила ей жизни.

— В таком случае она тем более не должна была открывать дверь. Ни один здравомыслящий человек не стал бы так рисковать, зная, что за ним охотится убийца.

— Именно, — согласился Тань Юн. — Почему Ся

Ци все-таки открыла — один из первоочередных вопросов в этом деле.

— Два года назад в «Юэхайване» уже произошло убийство приезжей девушки, арендовавшей там квартиру. Дело до сих пор не раскрыто. Считаете ли вы, что эти преступления связаны? — поинтересовался начальник Чэнь.

— Лично я считаю, что да. Пока у нас нет явных доказательств, но все ниточки так или иначе тянутся к квартире двенадцать ноль три. Думаю, это не просто совпадение.

— Тогда, учитывая старое дело, в «Юэхайване» погибли уже четыре человека, — подвел итог начальник Чэнь. — С какой стороны ни посмотри — это дело особой важности. Если не раскрыть его быстро — возникнет паника. Приказываю немедленно создать спецгруппу. Состав и руководителя определите сами.

Цзян Мин взглянул на Тань Юна:

— В спецгруппу войдем я, Тань Юн и Ли Бинь. А руководителем рекомендую назначить Тань Юна.

Тань Юн удивленно посмотрел на Цзян Мина. Руководство всегда доверяли самому высокопоставленному сотруднику.

— Почему не ты возглавишь группу? — спросил

начальник Чэнь.

— Потому что расследование с самого начала вел Тань Юн, — пояснил Цзян Мин. — Он глубже всех изучил фигурантов, пожертвовал многим ради этого дела. Он не только поселился в «Юэхайване», но и отказался от наследства. Такая преданность работе обязательно даст результаты. С нашей поддержкой он раскроет это дело.

От этих слов у Тань Юна в груди потеплело. Он бросил благодарный взгляд на Цзян Мина, но одновременно ощутил небывалое давление.

— Хорошо, так и поступим! — Начальник Чэнь кивнул.

Перед тем как закрыть совещание, он задал последний вопрос:

— Гун Ямэй разделила двести пятьдесят миллионов между девятью людьми. Сколько наследников осталось сейчас?

— Юань Дун и Ся Ци мертвы, а я отказался от наследства, — ответил Тань Юн. — То есть трое выбыли. Теперь доля каждого выросла с двадцати семи до сорока одного миллиона шестисот тысяч.

— Выходит, всего за несколько дней потенциальное наследство каждого увеличилось на тринадцать миллионов. И чем меньше людей

останется — тем больше будет сумма, — нахмурился начальник Чэнь. — При таком искушении алчность может взять верх. Тань Юн, Цзян Мин, Ли Бинь — вы должны сделать все, чтобы остановить убийцу. Это дело в ваших руках!

Цзян Мин, Тань Юн и Ли Бинь встали как один:

— Так точно!

Глава двенадцатая. Подделка

1

После создания спецгруппы три следователя немедленно обсудили план работы. Было решено: Тань Юн и Ли Бинь отправятся в «Юэхайвань» для допроса членов «Большой семьи», а Цзян Мин проверит записи камер наблюдения на предмет подозрительных лиц и изучит телефон Ся Ци в поисках зацепок.

Просмотрев переписку в группе, Тань Юн предположил, что все уже знают о смерти Ся Ци. Он позвонил Ли Сюэли и, выяснив, что группа собралась у нее дома, велел передать:

— Оставайтесь на месте. Я уже еду.

Через пятнадцать минут следователи вошли в квартиру. По гнетущей атмосфере и выражениям лиц было понятно: всем известно об убийстве.

— Вы уже в курсе? — Тань Юн присел.

— Ся Ци убили? — спросила Фань Линь.

— Прошлой ночью. — Тань Юн кивнул. — Вскоре после ее сообщений в чате кто-то проник в квартиру.

— Очевидно, убийца — один из нас, — обвела взглядом присутствующих Фань Линь. — И сейчас сидит здесь.

— Скорее всего, так и есть, — мрачно подтвердил Тань Юн.

— Лао Тань, вы пришли взять показания, чтобы вычислить убийцу? Я могу сразу изложить результаты нашего анализа, — предложила Фань Линь.

— Давайте, — согласился Тань Юн, жестом велев Ли Биню записывать.

Тот достал блокнот.

— Вчера вечером Ся Ци звонила четырем людям: мне, Су Сяотун, Ли Сюэли и Хань Лэй, — продолжила Фань Линь. — Каждый разговор длился около десяти минут. После этого она написала в группу то самое сообщение — что поняла, кто убийца. А ночью ее убили. Хоть я не полицейский и не берусь делать категоричные выводы, но все выглядит предельно очевидно: убийца наверняка испугался, что Ся Ци раскрыла его личность, и потому убил ее. Таким образом, те телефонные разговоры, которые Ся Ци провела с нами четырьмя, приобретают особое значение. Возможно, в ходе беседы она что-то выяснила. И убийца, осознав это, решил устранить свидетеля.

Ли Бинь, закончив записывать, сказал:

— Вам нужно просто рассказать нам, что вам известно. Без субъективных интерпретаций.

— Лао Тань, — Фань Линь посмотрела на Тань Юна, — так, значит, мы должны механически отвечать на вопросы, просто констатировать факты, без права высказать свое мнение?

— Нет, можете высказываться, — ответил Тань Юн.

В этот момент Ли Бинь отправил Тань Юну сообщение в «Вичате»:

«Лао Тань, убийца среди них. Будь осторожен. Они могут намеренно вводить нас в заблуждение».

Тань Юн ответил:

«Я знаю. Но чем больше говорят — тем больше у них шансов ошибиться. Хочу услышать их версии и поискать в них противоречия».

Ли Бинь кивнул.

О том, что Ся Ци звонила четырем соседкам, Цзян Мин уже упоминал на совещании. Однако сейчас Тань Юн намеренно сделал вид, что не знает об этом, и спросил:

— В какое именно время Ся Ци звонила каждой из вас? В истории звонков ваших телефонов должны сохраниться записи.

Су Сяотун, Фань Линь, Ли Сюэли и Хань Лэй в унисон кивнули.

— Покажите мне ваши телефоны, — попросил

Тань Юн.

Четыре женщины по очереди передали свои мобильные. Тань Юн, просматривая журнал звонков, зачитал вслух:

— Девять часов сорок шесть минут: Ся Ци звонила Хань Лэй, продолжительность разговора — шестнадцать минут. Десять часов одиннадцать минут: звонок Су Сяотун, продолжительность — семнадцать минут. Десять часов тридцать пять минут: звонок Фань Линь, продолжительность — четырнадцать минут. Десять часов пятьдесят восемь минут — звонок Ли Сюэли, продолжительность — девятнадцать минут.

Тань Юн сделал паузу.

— С последнего звонка прошло около получаса, и в одиннадцать часов пятьдесят одну минуту Ся Ци отправила в группу сообщение о том, что вычислила убийцу. А еще через полчаса ее убили в собственной квартире.

— Ся Ци убили после полуночи? — уточнила Су Сяотун.

Тань Юн посмотрел на нее и кивнул.

— Позже я подробно опрошу каждого о ваших действиях в тот период. А сейчас давайте разберемся с телефонными разговорами. Хань Лэй, Су Сяотун, Фань Линь, Ли Сюэли, о чем с вами

говорила Ся Ци?

Хань Лэй ответила первой:

— Ничего особенного, мы просто болтали о пустяках.

— Даже если и так — рассказывай, — настаивал Тань Юн.

— Лао Тань, я не могу дословно воспроизвести весь разговор.

— Тогда кратко перескажи суть.

— Ладно. — Хань Лэй задумалась. — Сначала Ся Ци спросила: «Ты правда считаешь, что я главная подозреваемая?» Как я должна была ответить? Конечно, я сказала, что нет. Она поблагодарила, а потом спросила о моих критериях выбора партнера, о том, какой тип мужчин мне нравится.

— И что ты ответила?

— Я сказала, что такие раскрепощенные и кокетливые женщины, как я, многих мужчин пугают. Поэтому вопрос не в том, какие мужчины мне нравятся, а в том, каким мужчинам могу понравиться я. Но Ся Ци все равно спрашивала о моих предпочтениях. Тогда я сказала, что люблю мужчин постарше, с жизненным опытом. Ся Ци ответила: «А разве в моем кафе ты не заигрывала с тем молодым красавчиком?» Я сказала: какая женщина устоит перед красавцем? Но с такими

«малышами» я только поразвлечься могу, а замуж выйду за «папика». Вот и все. Я рассказала достаточно подробно? Лао Тань, честно, не понимаю, как наши девичьи разговоры помогут расследованию.

— У тебя не создалось впечатления, что Ся Ци намеренно вытягивала из тебя информацию?

— Нет. Я решила, что она просто расстроилась после того, как Фань Линь назвала ее главной подозреваемой, и хотела поговорить по душам.

— Хорошо. — Тань Юн посмотрел на Су Сяотун. — А о чем с тобой говорила Ся Ци?

— Она задала тот же вопрос — действительно ли я считаю ее главной подозреваемой. Я ответила примерно как Хань Лэй. Потом мы просто болтали. Она сказала, что завидует моему браку с таким замечательным мужчиной, как Гу Лэй, и поинтересовалась, долго ли я была одна до того, как мы поженились. Вроде все.

— Раньше она поднимала подобные темы? — уточнил Тань Юн.

— Нет. Поэтому мне это показалось странным. Она будто что-то проверяла или выведывала. Но я не поняла, что конкретно.

Тань Юн и Ли Бинь переглянулись. Решив сначала опросить всех, Тань Юн переключился на

Фань Линь:

— А ты?

Фань Линь пожала плечами:

— Я же прилюдно заявила, что Ся Ци — главная подозреваемая. Поэтому, когда она позвонила, я сразу поняла — хочет обсудить именно это. Так и вышло. Она спросила: «Сестрица Фань Линь, ты правда считаешь, что я убийца? Что я могла убить сестрицу Ямэй и отравить всех?» Что прикажете отвечать? Пришлось сказать, что я это не со зла, что я ее ни в чем не обвиняю.

— А потом? О чем еще вы говорили?

— Она спросила, встречалась ли я с кем после развода с бывшим мужем.

— И что ты ответила?

— Ответила прямо — нет. После первого брака я практически разочаровалась в мужчинах. Сказала ей, что, скорее всего, больше не буду ни с кем встречаться и выходить замуж.

— Что-то еще?

— Нет, это все.

— Сюэли, о чем с тобой говорила Ся Ци? — Тань Юн обратился к последней из четырех.

— Примерно о том же, о чем и с остальными. Ся Ци знала, что я тайно встречаюсь с Ма Цяном, и спросила, правда ли он мне нравится.

— И что ты ответила?

Ли Сюэли слегка нахмурилась, не желая обсуждать подобное при всех:

— Это так важно, Лао Тань? Мой ответ никак не связан с делом.

— Решать, связан он или нет, буду я.

— Ладно, — вздохнула Ли Сюэли. — Я сказала: «Разве стала бы я встречаться с таким невзрачным мужчиной, если бы не любила его по-настоящему?» Ся Ци спросила: «Ты не держишь на него зла?» Я поняла, что она имеет виду ситуацию с квартирой, и ответила: «Тогда меня подставила мать Ма Цяна, а не он сам. Он всегда чувствовал вину и поэтому поддерживал меня. Именно его искренность меня и тронула». Когда Ся Ци поинтересовалась, планирую ли я выйти замуж за Ма Цяна, я ответила неопределенно: «Как сложится». Вот и все.

После опроса четырех женщин Тань Юн погрузился в раздумья. В конце концов он резюмировал:

— Подведем итог: вчера вечером Ся Ци обсуждала с вами одни и те же темы. Помимо вопроса, считаете ли вы ее убийцей, разговоры сводились к браку, отношениям и критериям выбора партнера. Верно?

Четыре женщины кивнули в унисон.

— Разве это не естественно? — добавила Хань Лэй. — О чем еще говорить женщинам? О международной политике или экономике?

— Но есть одна странность. Ся Ци никогда не касалась этих тем. А вчера внезапно проявила к ним интерес. Причем с каждой из вас.

— А Лао Тань прав… — заметила Ли Сюэли. — Все мы знали, что Ся Ци не была любительницей сплетен. Раньше она никогда не лезла в наши личные дела.

— Следовательно, она явно что-то выведывала. И скорее всего — выведала, — заключил Тань Юн.

Женщины переглянулись, на их лицах отразилось недоумение.

Хань Лэй покачала головой:

— Я правда не понимаю, что она могла узнать. Как по мне, мы говорили на самые обычные темы…

— И почему она выбрала нас четырех? — добавила Фань Линь. — Почему не поговорила с Ван Синсином, Шэнь Фэнся или Гу Лэем? Этот вопрос я уже поднимала. Мы решили, что Ся Ци изначально планировала обзвонить всех для проверки, но после разговора с четвертым человеком поняла,

кто убийца, поэтому остальным троим звонить не стала.

— Четвертой была…

— Я, — заявила Ли Сюэли. — Согласно теории Фань Линь, теперь я главная подозреваемая.

— Сюэли, ты же знаешь, я…

— Не оправдывайся, — перебила Ли Сюэли. — Я знаю, ты всегда объективна. Но хочу отметить два пункта. Во-первых, после звонка мне Ся Ци написала в чат, что вычислила убийцу. Разве это не могло быть следствием всех четырех звонков? Почему именно разговор со мной дал ей ответ?

— Прости, мне тоже придется перебить, — вклинилась Фань Линь. — Если так, мы возвращаемся к моему вопросу: почему Ся Ци сделала вывод, поговорив только с нами четырьмя? Как она могла быть уверена, что Ван Синсин, Шэнь Фэнся и Гу Лэй не убийцы, если даже не попыталась их проверить?

— Да, я тоже об этом думал, — сказал Ван Синсин. — Предположим, Ся Ци считала, что убийца — женщина. Тогда почему Шэнь Фэнся сразу вычеркнули из списка?

— С чего она вообще взяла, что убийца — обязательно женщина? — спросила Хань Лэй.

— Думаю, Ся Ци просто знала, что я не способна

на убийство, — рассудила Шэнь Фэнся. — Я бы никогда не отравила учителя Юаня. Разве что вы решите, что я психопатка, готовая убить даже его. Но тогда мне нечего добавить.

— Допустим, — настаивала Фань Линь. — Но по какой причине эта участь обошла Ван Синсина и Гу Лэя?

Ответа не последовало.

— Вот поэтому я и говорю, — продолжила Фань Линь, — что Ся Ци сделала выводы не на основе всех четырех звонков. Только последний звонок дал ей ключ к разгадке — это единственное логичное объяснение.

— Возможно, этих четырех звонков вполне хватило, — сказал Ван Синсин.

— Ван Синсин, ты намекаешь, что убийца — одна из нас четырех? — фыркнула Фань Линь. — А вы трое уже вне подозрений, да?

— Разве не нужно судить по фактам, а не по людям? — решительно парировал Ван Синсин. — Сейчас факты таковы.

Фань Линь замолчала, не найдя что возразить. Тань Юн, слушая каждое слово и наблюдая за выражениями лиц этих людей, лихорадочно анализировал ситуацию. Убийца умело маскируется — в этом он был уверен. Жаль только, интуиция

не подсказывала, кто именно убийца.

Вспомнив, что Ли Сюэли не договорила, Тань Юн спросил:

— Ли Сюэли, ты хотела что-то добавить в свою защиту? Ты упомянула первый пункт, но был же и второй?

— Второй пункт ключевой, — сказала Ли Сюэли. — Он доказывает, что я не могла быть убийцей.

— И почему же?

— Вчера вечером я не выходила из дому, и у меня есть свидетель.

— Кто?

— Ма Цян.

— Ма Цян ночевал у тебя вчера?

— Да.

— Когда он пришел и когда ушел?

— Он пришел около одиннадцати вечера. В это время Ся Ци еще была жива, верно? Потом мы оба не выходили. Мы можем подтвердить алиби друг друга.

— Когда он ушел?

— Он…

Ли Сюэли запнулась. Все уставились на нее.

В этот момент дверь спальни открылась и мужской голос произнес:

— Я еще не уходил. Я все время был здесь.

2

Перед всеми предстал Ма Цян — невысокий невзрачный мужчина со смуглой кожей и широким лицом, одетый в потрепанную серую одежду. Заметив всеобщее удивление, он стыдливо почесал затылок:

— Простите, я не подслушивал. Просто раз уж речь зашла обо мне…

— Присаживайся, — велел Тань Юн. — У нас как раз есть к тебе вопросы.

Ма Цян, послушно придвинув табурет, сел поодаль, будто подчеркивал, что он чужак среди членов «Большой семьи».

— Почему ты здесь ночевал? — спросил Тань Юн.

— Я часто бываю у Сюэли. Мы… встречаемся. — Он бросил взгляд на Ли Сюэли. — Разве странно переночевать у подруги?

— Эта квартира ведь была куплена твоей матерью… для тебя?

— Да, но после той истории мама продала квартиру Сюэли и здорово ее подставила…

— И ты чувствуешь вину?

— Да.

— И заглаживаешь ее… своими визитами?

— Да, иначе не могу. Не покупать же обратно эту квартиру.

— Но твоя мать вряд ли одобряет ночевки здесь?

— Да, поэтому я прихожу тайком. Мать — простая деревенская женщина, немолодая и необразованная. Но я не разделяю ее предрассудков.

— Ты живешь здесь последние дни?

Ма Цян вновь посмотрел на Ли Сюэли, боясь сболтнуть лишнего. Убедившись, что она не возражает, продолжил:

— Да, после того случая с отравлением супом ночую здесь. Сюэли страшно одной.

— А как же твой шашлычный бизнес? Бросил?

— Нет, я прихожу уже после одиннадцати вечера, ближе к закрытию. Повар и работники сами справляются.

— Раньше ведь Ли Сюэли ночевала у тебя? Почему теперь ты приходишь сюда?

— Имеете в виду мою забегаловку? — Ма Цян смутился. — На втором этаже есть комната, но условия там ужасные. Не сравнить с «Юэхайванем». Иногда переночевать можно, но жить там постоянно — это для Сюэли уже слишком.

— Говоришь, закрываешься после одиннадца-

ти? — вмешался Ли Бинь, делая записи. — Но шашлычная всегда была открыта допоздна. Я сам видел у тебя клиентов часа в два ночи.

— То раньше было… Теперь мы по ночам не работаем.

— Почему?

— Уж очень утомительно работать до утра.

— Деньги, считай, сами в руки плывут, а ты устал? Для шашлычной работать до рассвета — обычное дело.

Произнеся это, Ли Бинь переглянулся с Тань Юном. Тот мгновенно уловил намек и спросил Ма Цяна:

— Раз вы с Ли Сюэли встречаетесь, то ты в курсе последних событий?

— Угу…

— Значит, ты решил, что незачем горбатиться, ведь Ли Сюэли скоро получит больше двадцати миллионов. Если поженитесь — эти деньги станут и твоими. А насчет квартиры можно вообще не беспокоиться.

Ма Цян замер с приоткрытым ртом, явно застигнутый врасплох. Его растерянность красноречиво подтверждала догадку полицейских.

— Лао Тань, Ма Цян — человек простой, — вступилась Ли Сюэли. — К чему эти вопросы? Они

хоть как-то связаны с делом?

— Ладно, тогда задам вопросы по существу, — сдался Тань Юн. — Ма Цян, отвечай честно.

— Конечно, — кивнул Ма Цян.

— Вчера вечером во сколько ты пришел в «Юэхайвань»?

— Около половины двенадцатого.

— И после этого вы с Ли Сюэли не выходили?

— Нет.

— Во сколько легли спать?

— Дайте подумать… Я пришел, помылся и уснул где-то без двадцати двенадцать.

Тань Юн сразу уловил несоответствие:

— В это время Ся Ци как раз написала в группу то важное сообщение. Вы же еще не спали? Ли Сюэли, ты видела это сообщение?

— Я… не видела. Заметила только утром.

— Почему?

— Мы в тот момент… — Ли Сюэли покраснела. — Лао Тань, ты думаешь, Ма Цян приходил ко мне просто поспать?

— То есть вы были… заняты и не смотрели в телефон, — понял Тань Юн.

— Ага…

— Сюэли, не сердись за бестактность, но это важно — сколько времени это заняло? С двена-

дцати до половины первого вы постоянно были вместе?

— Да, — твердо ответила Ли Сюэли. — До часу ночи примерно… Не расставались ни на минуту.

— Целый час? — прошептал Ван Синсин с примесью зависти в голосе.

Ли Сюэли, испытывая неловкость от таких откровений, смущенно сказала:

— Лао Тань, довольно уже! Почему ты допрашиваешь только нас?

— Не переживай, допросим всех. — Тань Юн обратился к другим членам «Большой семьи». — Пусть каждый расскажет, где был вчера с двенадцати до половины первого.

Ван Синсин вызвался первым:

— Я всю ночь играл в онлайн-игру. С ужина до трех утра. Есть свидетели.

— Какие свидетели?

— Это массовая многопользовательская игра, где мы сражаемся командами. Все мои напарники подтвердят, что я был в Сети.

— И это все твое алиби? — усомнился Ли Бинь. — Ты мог просто дать кому-то свой аккаунт.

— Теоретически — да, но на практике нет. Мой игровой стиль уникален, повторить его невозможно. Спросите у команды — они сразу узнают,

играл с ними я или кто-то другой.

Ли Бинь молчал. Тань Юн продолжил:

— Мы это проверим. Остальные?

— После случая с отравлением я перестала ходить в бар, каждый вечер сижу дома, — ответила Хань Лэй. — Вчера смотрела короткие видео. После сообщения Ся Ци в одиннадцать с чем-то отправила кучу вопросительных стикеров и потом все думала, что бы значили ее слова. Уснула около часа.

— На то сообщение отреагировали только Ван Синсин, Хань Лэй и Гу Лэй, — уточнил Тань Юн. — Никто потом не писал и не звонил Ся Ци?

Все трое покачали головой. Ван Синсин пояснил:

— Она же написала «завтра обсудим». Я решил ее не беспокоить.

— Я тоже, — поддержала Хань Лэй. — Тема слишком деликатная. Ся Ци все равно бы ничего не сказала, пока не убедилась бы на сто процентов.

— Мы с Сяотун тоже так подумали. — Гу Лэй нервно почесал затылок. — Обсуждали сообщение Ся Ци до половины первого, потом легли, но долго не могли уснуть. Мы подтвердим алиби друг друга. Хотя, Лао Тань, ты же сам говорил, что

супруги не вправе выступать свидетелями друг для друга.

Тань Юн промолчал и перевел взгляд на Фань Линь и Шэнь Фэнся.

— У меня тоже нет свидетелей, — сказала Фань Линь. — Вэньцзин уснула около девяти. Я почитала, легла до одиннадцати и отключила вайфай, поэтому даже не видела сообщения Ся Ци.

— Я легла спать около десяти вечера, и все, — кратко заявила Шэнь Фэнся.

— Получается, ни у кого нет железного алиби, — констатировал Тань Юн.

— Но Ма Цян же сказал… — начала Ли Сюэли, но вздохнула. — Мы тоже не можем выступать свидетелями друг для друга, да?

— Лао Тань, тебе нужно, чтобы алиби подтвердил посторонний человек? — спросила Фань Линь. — Но кто сейчас осмелится выходить ночью? Да и ты же велел нам запираться на все замки!

Тань Юн понимал относительную бессмысленность следующих вопросов, но процедура требовала их задать. Он обдумывал дальнейшую стратегию.

— Вчера вы с Ли Бинем велели нам запереть двери, — прервал молчание Гу Лэй. — Все так

и сделали — включая Ся Ци. Как тогда убийца проник к ней?

— Меня тоже мучает этот вопрос, — тревожно произнесла Хань Лэй. — Если даже запертая на все замки дверь не останавливает убийцу, как мы можем спать спокойно?

На совещании в уголовном отделе Тань Юн уже высказывал свои предположения, но теперь хотел услышать мнение остальных.

— Как, по-вашему, убийца это сделал?

— Есть только одно объяснение, — сказала Су Сяотун.

— Какое? — спросил Тань Юн.

— Он каким-то образом заставил Ся Ци открыть дверь. Скорее всего, обманом. И напал как раз в тот момент, когда она отперла дверь.

«Точно как я и предполагал», — подумал Тань Юн.

Су Сяотун явно обладала ясным умом и аналитическими способностями выше среднего. Вряд ли она стала бы раскрывать способ совершения преступления, если бы была убийцей… Но с другой стороны: а если убийца как раз рассчитывал, что полиция так подумает? Такой ход вполне в духе хитроумного преступника.

— Но я не понимаю, как в такой напряженной

обстановке убийца мог заставить Ся Ци открыть дверь, — запротестовала Фань Линь. — На ее месте я ни за что не стала бы этого делать в столь поздний час, кто бы там ни стоял за порогом.

— Я тоже, — поддержала Хань Лэй.

Остальные кивнули.

— В двери Ся Ци был глазок? — спросил Гу Лэй.

— Нет, — ответила Шэнь Фэнся. — Я проверяла — никакого глазка.

— Значит, она не видела, кто стоит за дверью?

— Так. И что с того? — спросила Шэнь Фэнся.

— Я думаю, — сказал Гу Лэй, — могла ли Ся Ци открыть дверь, если бы была уверена, что за ней точно не убийца?

— Но разве среди нас есть тот, кто не вызывает никаких подозрений? — возразила Фань Линь.

— Возможно, для Ся Ци такой человек существовал, — предположил Ван Синсин.

— То есть она считала убийцей человека А и потому решила, что остальные не представляют угрозы, — развила мысль Фань Линь. — Но ошиблась — убийцей был Б. Именно он и заставил ее открыть дверь.

— Может быть, — согласился Ван Синсин.

— Но если бы Ся Ци была полностью уверена, — вмешалась Ли Сюэли, — она бы сразу пошла в

полицию, а не писала в чат.

— В этом есть смысл…

— Собственно, среди присутствующих Ся Ци считала невиновным только одного, — произнесла Су Сяотун.

— Кого? — хором спросили несколько человек.

Су Сяотун замялась, не решаясь назвать имя. Вскоре все вдруг поняли, о ком речь, и уставились на Тань Юна.

— В чем дело? — Тань Юн вздрогнул. — Вы теперь меня подозреваете?

— Да вы что! — Ли Бинь вспыхнул. — Мы вас допрашиваем или вы нас? Опомнитесь! Лао Тань ради расследования даже от наследства отказался! Это что, попытка отвлечь внимание полиции?

— Нет, товарищ Ли, вы не так поняли. Мы абсолютно доверяем Лао Таню, как и Ся Ци. Но убийца мог этим воспользоваться, — спокойно пояснила Су Сяотун. — Он мог выдать себя за Лао Таня.

Тань Юна будто ударили по голове. Ли Бинь хотел было вступиться за коллегу, но Тань Юн жестом остановил его:

— Изложи свою версию. Как мог кто-то выдать себя за меня?

— Подделал твой голос. Тут сработали два

фактора: во-первых, все мы часто общаемся и прекрасно знаем твою манеру речи. Во-вторых, ты с недавних пор живешь в нашем доме. Твой визит к Ся Ци выглядел бы естественно.

— У меня довольно низкий голос. Мужчине подделать его проще, но женщине? Разве это возможно?

— Лао Тань, для этого сейчас существуют мобильные приложения, да и в интернет-магазинах полно подобных устройств. Изменить тембр и тон — дело несложное. К тому же убийца разговаривал с Ся Ци через железную дверь, она не могла слышать его четко. Решив, что за порогом ты, она не стала долго думать и открыла дверь…

После слов Су Сяотун в гостиной воцарилась тишина. В голове Тань Юна гудело. Неужели все так и было? Если это правда, значит его переезд в «Юэхайвань» предоставил убийце возможность расправиться с Ся Ци? Какая ирония — он хотел защитить жильцов, а убийца воспользовался этим в своих целях.

Ли Бинь заметил, что Тань Юн выглядит подавленным. При всех он не мог его утешить, поэтому сказал только:

— Это лишь одна из версий. Не факт, что все было именно так.

— Да, я просто выдвигаю такую гипотезу, — сказала Су Сяотун.

— Записал все, о чем они говорили? — спросил Тань Юн у Ли Биня.

— Записал.

— Тогда мы уходим. И вы все расходитесь, — обратился Тань Юн к присутствующим. — Пару дней не выходите из дому. Я могу в любой момент вызвать вас на допрос. — Он сделал паузу. — Чтобы убедиться, что это действительно я, перед тем как открыть дверь, сначала позвоните мне.

Все кивнули. Тань Юн и Ли Бинь поднялись и вышли из квартиры Ли Сюэли.

3

Вернувшись в съемную квартиру на втором этаже, Ли Бинь заметил, что Тань Юн хмурится и явно о чем-то размышляет.

— Лао Тань, ты правда думаешь, что убийца притворился тобой, чтобы обмануть Ся Ци и заставить ее открыть дверь? Ты только не дай этой Су Сяотун заморочить тебе голову!

— Разве я так легко поддаюсь на провокации? Но ты не считаешь, что ее версия имеет право на существование? Это объясняет, почему Ся Ци открыла дверь: она подумала, что я, увидев сообщения в чате, пришел к ней выяснить обстоятельства.

— Это лишь один из вариантов. На практике все могло быть не так просто. Разве программа способна идеально сымитировать твой голос? Я в этом сомневаюсь.

— Сложно имитировать голос малознакомого человека, но со мной они слишком хорошо знакомы… Им прекрасно известны моя манера речи, интонации.

— Ладно, Лао Тань, давай пока сменим тему. После этой беседы у тебя появились подозрева-

емые?

— Конкретные — нет. Если уж называть кого-то, то, пожалуй, Су Сяотун.

— Я тоже считаю, что она могла намеренно вводить тебя в заблуждение. Помимо нее, есть еще Ли Сюэли и Ма Цян.

— А они что?

— Ли Сюэли — последняя, кому звонила Ся Ци, это подозрительно. А еще Ма Цян в последние дни поселился у Ли Сюэли. Это тоже вызывает вопросы.

— Думаешь, они могли действовать сообща?

— Да, и прикрывали друг друга.

— А как ты оцениваешь содержание тех четырех телефонных разговоров?

— Думаю, женщины могли нам соврать.

— Но их показания полностью совпадают.

— Кто знает? Вдруг они просто подстроились друг под друга. В любом случае Ся Ци уже мертва и правду не узнать.

— Судя по всему, звонки Ся Ци этим четырем женщинам — главная зацепка. Включая сообщение, которое она отправила в чат после. Все это доказывает, что она пыталась вычислить убийцу. И эти попытки явно не были беспочвенными — иначе преступник просто проигнорировал бы

ее, а не стал убивать.

Ли Бинь скрестил руки на груди и, немного поразмыслив, произнес:

— Лао Тань, ты всерьез думаешь, что последние два сообщения отправила сама Ся Ци?

— То есть ты предполагаешь, что их отправил убийца?

— Да, убийца мог войти в дом Ся Ци, убить ее, а затем отправить сообщения с ее телефона, разве нет?

— Мог, но какой ему от этого прок? Ся Ци уже мертва. Зачем убийце создавать видимость, что она еще жива? Если только для алиби. Но ты же слышал показания «Большой семьи» — у всех алиби очень шаткие. Зачем тогда такие сложности? К тому же это крайне безрассудно. Между сообщениями прошло восемь минут. Если их отправил убийца, значит все это время он находился в доме жертвы. Разве он не боялся, что после первого сообщения мы или кто-то другой придем проверить Ся Ци и застанем его на месте преступления?

— Действительно… Значит, сообщения отправила сама Ся Ци.

— Скорее всего, так и есть.

— А убийца расправился с Ся Ци, потому что

осознал: она могла выудить важную информацию во время их разговора.

— Верно. Поэтому ему пришлось срочно устранить свидетеля.

— Получается, звонки Ся Ци все-таки несли в себе особый смысл.

— Правильно. Если мы поймем, как именно Ся Ци допрашивала этих женщин и какую информацию извлекла, мы сможем вычислить убийцу, как это сделала она сама.

— Попросим капитана Цзяна или начальника Чэня оформить запрос к оператору связи, чтобы получить записи разговоров?

Тань Юн покачал головой:

— Даже с разрешением нам предоставят доступ только к журналу звонков или позволят установить прослушку номеров в дальнейшем. Содержание прошлых разговоров не восстановить.

— Тогда это тупик.

— Ты записал, о чем, по словам женщин, говорила с ними Ся Ци? Даже если среди них есть убийца, который *лжет*, показания остальных трех будут правдивыми. Нам нужно тщательно проанализировать, зачем Ся Ци задавала им эти вопросы и почему считала, что так сможет вы-

числить убийцу.

— Хорошо. — Ли Бинь открыл блокнот.

4

— Критерии выбора партнера, романтическое прошлое, взгляды на брак и любовь… — Спустя полчаса изучения записей Ли Бинь подвел итог. — Ся Ци обсуждала с ними исключительно вопросы личных отношений. Обычные женские разговоры.

— Но все не может быть так просто, — возразил Тань Юн. — Иначе она не вычислила бы убийцу.

— Да. Думаю, ключ к разгадке кроется в мелочах. Ся Ци под видом светской беседы искусно вела допрос. Все важные детали скрыты в ответах на вопросы, которых мы никогда не узнаем. Допрашивать женщин снова бесполезно: невиновные, сколько бы они ни рассказывали, не дадут нужной информации, а убийца точно не раскроет ключевых деталей. Это дохлый номер.

— Выходит, ты считаешь, что убийца — обязательно одна из этих четырех?

— Нет, — покачал головой Ли Бинь, — но с большой вероятностью преступница среди них.

— Интересно, какой именно метод использовала Ся Ци, чтобы прощупать их… — пробормотал себе под нос Тань Юн, нахмурившись. — Хорошо

бы нам догадаться…

Зазвонил телефон. Взглянув на экран, Тань Юн увидел, что звонит Цзян Мин. Он принял вызов и включил громкую связь, чтобы Ли Бинь тоже мог слышать разговор.

— Капитан Цзян?

— Лао Тань, я только что просмотрел все вчерашние записи с камер наблюдения в «Юэхайване». Подозрительных лиц, пытавшихся проникнуть на территорию, не обнаружено. Так что можно вычеркнуть версию с посторонним преступником. Убийца, скорее всего, кто-то из «Большой семьи».

— Хм…

— Затем я вернулся в участок и тщательно изучил телефон Ся Ци, но не нашел ничего полезного. Сейчас я предполагаю два варианта: либо в ее телефоне действительно не было улик, либо убийца после содеянного удалил все.

— Если верно второе, почему убийца просто не забрал телефон Ся Ци и не уничтожил его? Зачем удалять компромат, но оставлять телефон на месте? — спросил Тань Юн.

— Верно, я тоже над этим думал. Логично, что убийца должен был опасаться компрометирующих материалов в телефоне жертвы. И после

убийства проще было забрать телефон, чем тратить время на просмотр и удаление данных. Похоже, телефон оставили намеренно — чтобы мы его нашли.

— Но, капитан, вы сказали, что не обнаружили в телефоне полезной информации. Тогда какой смысл был его оставлять? — продолжил Тань Юн.

— Да, это было бы оправданно, если б убийца хотел подставить кого-то. Но в телефоне Ся Ци — ни в «Вичате», ни в эсэмэс, ни в заметках — нет ничего подозрительного. Поэтому я тоже не понимаю, зачем преступнику оставлять телефон.

Мужчины на секунду умолкли.

— Точно ли целью убийцы была именно Ся Ци? Или ему не важно, кого убивать, — лишь бы число наследников уменьшилось? — предположил Ли Бинь.

— Считаю, эта версия маловероятна, — ответил Тань Юн.

— Почему? — спросил Ли Бинь.

— Потому что это излишне рискованно. Отравление удалось, так как никто не был настороже. Но после этого инцидента и полиция, и члены «Большой семьи» стали предельно бдительны. Тем более мы с тобой, полицейские, поселились

в их доме. Совершить убийство в таких условиях в разы сложнее и опаснее. Даже ради увеличения доли наследства нормальный человек вряд ли пойдет на такой риск. Если преступника поймают с поличным или он оставит улики — последствия будут губительными. Можно не только денег лишиться, но и жизни.

— Это логика нормального человека. А если убийца не в себе?

— То есть ты предполагаешь, что он маньяк-психопат? Убивает без причины, просто для удовлетворения своих больных фантазий?

— Такую возможность тоже нельзя полностью исключать.

— Лао Тань, дело Хэ Юйшань двухлетней давности так и не было раскрыто, — вмешался Цзян Мин, — и мотив убийцы до сих пор неизвестен. Как думаешь, убийца тогда и сейчас — один и тот же человек?

— Это лишь домыслы.

— Вот посмотри: если убийца действительно маньяк, то два года назад он убил квартирантку Хэ Юйшань без причины — просто потому, что она жила одна и была легкой мишенью. Затем он затаился на время, пока нынешняя история с наследством не спровоцировала его на новое

убийство. Такое возможно?

Тань Юн, глубоко поразмыслив, заключил:

— Нет, навряд ли.

— Почему?

— Я слишком хорошо знаю «Большую семью». Будь среди них такой человек, я бы обязательно заметил. Судя по истории мировой преступности, маньяки-психопаты всегда отличаются от обычных людей манерой речи и поведением. Но члены «Большой семьи» ведут себя совершенно нормально — их взгляды, жесты, речь ничем не выделяются. Капитан Цзян, ты и сам знаешь: некоторые вещи можно подделать, но взгляд и непроизвольные мелкие движения очень трудно имитировать. Особенно учитывая, как часто «Большая семья» устраивает попойки. Сохранять полный контроль над своей натурой в таком состоянии практически невозможно.

— Угу. — Цзян Мин признал доводы Тань Юна обоснованными. — Хорошо, что это дело ведет такой опытный следователь, как ты, который знает все обстоятельства изнутри. Значит, ты по-прежнему считаешь, что убийца действовал преднамеренно…

— Да, но его цель не обязательно связана только с деньгами. Если убийца не глуп, он понимает,

что убивать еще кого-то слишком рискованно. А наш преступник не то что не глуп — он чрезвычайно хитер. Поэтому я считаю, что убийство Ся Ци было совершено с особым мотивом.

Полицейские ненадолго замолчали.

— Уже полдень, — сказал Цзян Мин. — Вы еще не обедали? Лао Тань, Ли Бинь, идите поешьте, а потом решите, как действовать дальше.

— Сейчас не до еды, — запротестовал Тань Юн.

— Так нельзя! Нужно поесть. Лао Тань, я знаю, что ты, как руководитель спецгруппы, испытываешь большое давление, но это дело нельзя раскрыть в спешке. Ли Бинь, отведи Лао Таня перекусить.

— Есть!

— Ладно, — неохотно согласился Тань Юн.

— Лао Тань, последнее. Убийца крайне коварен, вряд ли мы поймаем его за день-два. Но нельзя допустить новых жертв. Подумай, как гарантированно защитить оставшихся и полностью исключить возможность нового преступления.

— Хорошо, я понял.

— Идите поешьте. — Цзян Мин повесил трубку.

— Пошли в ресторан. Сегодня я угощаю! — щедро предложил Ли Бинь, буквально вытаскивая

Тань Юна за дверь.

Глава тринадцатая. Разведка

1

Погода стояла ясная. Солнце пряталось за облаками, температура и влажность были идеальными. В такое время здорово бы взять книгу, сесть под плакучей ивой и любоваться прекрасным озером Юэхай, пока легкий ветерок ласкает лицо. Какое наслаждение!

Но Су Сяотун не осмеливалась выйти из дому, отказывала даже сыну, просившемуся погулять. В нынешней ситуации у нее не было ни настроения, ни смелости выводить ребенка на улицу. Снаружи она бы только тревожилась при каждом шорохе, не в силах расслабиться.

«Долго это еще продлится?» — с досадой думала она.

Постояв немного на балконе, Су Сяотун зашла в кабинет к Гу Лэю. Тот работал за компьютером.

— Давай поговорим.

— Хорошо. — Гу Лэй оторвался от экрана и повернулся к жене.

— Почему ты ведешь себя так, будто ничего не случилось? Сидишь тут и занимаешься проектом, как обычно?

— А как, по-твоему, я должен себя вести? — Гу

Лэй усмехнулся.

— Ты не чувствуешь подавленности или тревоги?

— Тебе тревожно?

— Немного. Как я могу не переживать, когда вокруг один за другим погибают люди?

— Да, мне тоже нелегко… — Гу Лэй вздохнул, — но жизнь продолжается. Нельзя же все время пребывать в страхе и унынии.

— Но в такой обстановке я не могу даже дух перевести и уж тем более радоваться. Ты прав — жизнь продолжается, но обязательно ли нам оставаться в «Юэхайване»?

— Сяотун, ты о чем? Хочешь уехать? Тогда нам придется отказаться от наследства.

— Да.

— Ты готова на это пойти?

Су Сяотун помедлила, внутренне борясь с собой.

— Не знаю, — наконец произнесла она. — Если мы откажемся… будет обидно. Двадцать с лишним миллионов… нет, теперь уже больше сорока. Кому не будет горько от потери таких денег? Но если останемся здесь, продолжим влачить унылое существование в постоянном страхе и взаимных подозрениях; какая польза от всех этих

богатств?

— Я понимаю твои чувства, Сяотун. — Гу Лэй взял ее руку и нежно погладил. — Но эта ситуация временная, она не будет длиться вечно.

— Откуда такая уверенность?

— Во-первых, я не думаю, что преступления повторятся. Помнишь, утром все обсуждали — возможно, убийца устранил Ся Ци, потому что она его вычислила. Во-вторых, через два дня в подъезде установят камеры наблюдения, и тогда убийце будет крайне сложно действовать. В-третьих, нужно доверять полиции и Лао Таню. Они относятся к этому делу со всей серьезностью и обязательно его раскроют.

— Лао Тань так и не раскрыл дело двухлетней давности. — Су Сяотун покачала головой. — Честно говоря, я не слишком высокого мнения о его способностях.

— Даже если он не поймает убийцу, он точно обеспечит нашу безопасность и не допустит новых жертв.

— Но пока убийца на свободе, мы не сможем жить спокойно.

— Хорошо, Сяотун, решать тебе. Я приму любой твой выбор.

— Если я решу уехать, ты правда откажешься

от сорока с лишним миллионов, которые почти у нас в кармане?

— Сяотун, в моей жизни есть только одна по-настоящему важная вещь: это ты. Если ты несчастна здесь, никакие деньги не имеют для меня значения.

Су Сяотун растрогалась, но оставалась в смятении.

— Но я боюсь, что потом пожалею о таком решении.

— Я не стану жалеть.

— А я вот не уверена. Нельзя просто так взять и забыть о таких деньжищах. Их хватит, чтобы десятки раз объехать весь мир, не говоря уже о покупках и развлечениях. Особенно если полиция поймает убийцу вскоре после того, как мы откажемся от наследства. Тогда я точно умру от сожаления.

— Ты права. Сейчас мы словно в игре на выбывание — и мы, и все члены «Большой семьи». Наверняка кто-то еще мучится такими же сомнениями. Но когда видишь, что остальные не сдаются, уходить первым — все равно что признать себя побежденным.

— Это же не соревнование… — вздохнула Су Сяотун.

— В каком-то смысле это оно и есть. Тот, кто дойдет до конца, получит главный приз. Причем у нас в этой гонке преимущество.

— Какое?

— Мы семья, можем поддержать друг друга. А вот Ван Синсин, Хань Лэй, Шэнь Фэнся совсем одни. Если кто и сдастся первым, так это они.

— Хм…

— Сяотун, давай продержимся еще пару дней. Скоро установят камеры в подъезде. Кстати, как закончу с текущим заказом, брошу работу. Буду целыми днями с тобой и Сяоляном. Возьму на себя роль вашего личного телохранителя. Так ты будешь чувствовать себя безопаснее?

Надо признать, после слов Гу Лэя Су Сяотун действительно стало легче. Она кивнула и улыбнулась:

— Может, после получения наследства мы и правда наймем пару телохранителей? С такими деньгами мы легко сможем их содержать.

— Два здоровых мужика будут жить у нас дома. Разве это не странно?

— Тогда возьмем женщин-телохранителей. Одна будет жить с нами, вторая пусть охраняет нас снаружи.

— Договорились.

Супруги рассмеялись. Су Сяотун осознала, что не смеялась уже очень давно.

В этот момент на обоих телефонах одновременно прозвучало уведомление. Обычно так приходили сообщения в группе в «Вичате». Они взяли свои телефоны и увидели, что Фань Линь отметила всех и написала:

«Все сейчас свободны? Приходите к Сюэли, нужно кое-что обсудить».

Ван Синсин: Что случилось?

Ли Сюэли: О чем идет речь?

Фань Линь: Придете – узнаете. Сейчас же день, неужели боитесь даже за дверь выйти?

Тань Юн: Фань Линь, что ты хочешь обсудить?

Фань Линь: Лао Тань, если свободен, заходи тоже. Придумала способ обеспечить нам всем безопасность.

Через некоторое время Тань Юн ответил: «Хорошо. Тогда я запущу групповой видеозвонок. Все подключайтесь и идите к Сюэли».

Все сразу поняли его замысел и отправили стикеры «ОК».

— Лао Тань теперь так осторожен, — заметила

Су Сяотун. — Когда все на видеосвязи, никто не сможет подстроить ловушку.

— Видно, Лао Тань теперь как перепуганная птица, боится нового происшествия. — Гу Лэй горько усмехнулся. — Если кто-то откроет дверь и получит ножом в живот — будет беда.

— Верно, — вздохнула Су Сяотун, выходя с мужем из кабинета.

Она включила детский канал на телевизоре и строго наказала Гу Сяоляну:

— Будь умницей, никуда не выходи.

Увлеченный мультиками, мальчик послушно кивнул.

2

Все, как и велел Лао Тань, держа в руках телефоны с включенными видеозвонками, пришли в квартиру Ли Сюэли. Собравшись в гостиной, они расселись кругом.

— Лао Тань, отличная идея, — сказал Ван Синсин. — Давайте так и делать, когда нужно собираться.

Тань Юн проигнорировал его слова и обратился к Фань Линь:

— Какой у тебя план для обеспечения безопасности?

— Вот в чем дело, — начала Фань Линь. — Скажите, вы боитесь сейчас выходить из дому?

Присутствующие молчали, но по их выражениям лиц было ясно — боятся все. Особенно Су Сяотун, которая только что обсуждала эту проблему с Гу Лэем.

— Я привыкла говорить прямо, без обиняков. Из всех нас я единственная, кто вынужден регулярно выходить из дому — чтобы отвозить Вэньцзин в школу. Другими словами, убийце проще простого подкараулить меня у порога.

— Потерпи пару дней. Лао Тань обещал, что

через два дня в подъезде установят камеры. Тогда убийца не осмелится действовать, — заметила Хань Лэй.

— Камеры помогут, но они не гарантируют полной безопасности. А если убийца переоденется? Нацепит маску, шляпу, пальто? Даже если камеры его заснимут, опознать его будет невозможно. Я все это учла.

Тань Юн признал, что ее доводы разумны. Камеры лишь частично решат проблему, но не остановят изобретательного преступника.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил он.

Фань Линь вместо ответа повернулась к Ли Сюэли:

— Сюэли, Ма Цян сейчас у тебя дома?

— Нет, днем он всегда в шашлычной.

— Значит, вы договорились, что он будет приходить к тебе каждый вечер?

— Пока что так.

— Хорошо, тогда сейчас мы разделены на шесть групп: Ли Сюэли и Ма Цян — первая; семья Су Сяотун — вторая; я с Вэньцзин — третья; Ван Синсин, Шэнь Фэнся и Хань Лэй отдельно. Вот все, кто сохранил права на наследство, так?

Тань Юн кивнул, ожидая продолжения.

— Вот моя идея: начиная с сегодняшнего вечера

мы объединяемся по две группы в одной квартире. Например, я с Вэньцзин поселюсь у Хань Лэй. Если кому-то понадобится выйти, второй сопроводит его до двери. Так убийца не сможет напасть сразу на двоих. Безопасность повысится. К тому же, живя вместе, мы сможем присматривать друг за другом.

— Но… — только и успел сказать Ван Синсин, прежде чем Фань Линь приказала ему молчать, прижав палец к губам:

— Я знаю, о чем ты хочешь спросить: «А вдруг тот, с кем я поселюсь, окажется убийцей?» Я тоже об этом подумала. Поскольку объединяются только две группы, если с представителем одной случится беда, убийцей автоматически окажется представитель второй. Так что даже если кому-то «повезет» жить с убийцей — не страшно. Ведь преступник не настолько глуп, чтобы действовать так открыто.

После слов Фань Линь в гостиной воцарилась тишина — все напряженно размышляли. Подождав две минуты, она спросила Тань Юна:

— Лао Тань, как думаешь, годится мой вариант?

С логической точки зрения план казался разумным, но что-то все равно смущало… Впрочем,

лучшего решения пока не просматривалось. Если не принять меры, угроза, о которой говорила Фань Линь, сохранится. Что, если убийца высчитает, когда они выходят из квартиры, и подкараулит у двери? Охранять столько людей круглосуточно полиция не в состоянии…

Тань Юн решил сначала узнать мнение остальных:

— А что думаете вы?

— Мне кажется, идея неплохая. Ведь не только Фань Линь, но и я каждый день открываю дверь в определенное время, — сказал Ван Синсин. — Я заказываю доставку еды на обед или ужин. Убийца ведь может переодеться курьером и напасть, когда я открою ему дверь?

— Почему бы просто не установить глазок? — предложил Гу Лэй. — Или камеры видеонаблюдения у каждого входа.

— Глазок и камеры показывают только то, что происходит непосредственно у двери, — возразил Ван Синсин. — Если убийца спрячется чуть подальше, они бесполезны. А в нашем подъезде как раз есть парочка мест, где можно затаиться.

— Он прав, — подхватила Фань Линь. — Убийце даже не нужно долго ждать у двери. Достаточно рассчитать время, внезапно напасть и скрыть-

ся во внутреннем дворе или на парковке. Наш жилой комплекс достаточно большой, а камеры есть не везде. Здесь полно слепых зон.

— Если вас послушать, — вмешалась Шэнь Фэнся, — зачем убийце вообще ограничиваться подъездом? Переодевшись, он может напасть и на улице.

— Так и есть! — подтвердила Фань Линь. — Но на улице больше людей, это сложнее. А в подъезде проще. Кстати, в чате собственников «Юэхайваня» уже обсуждают эту череду убийств. Многие жильцы считают район небезопасным, и те, у кого есть выбор, планируют переехать. Чем меньше людей останется — тем легче будет убийце.

— Есть выбор? — Шэнь Фэнся усмехнулась. — Разве у нас его нет? Достаточно отказаться от наследства и уехать — и не о чем будет беспокоиться.

— Верно. Тогда скажи, Фэнся, почему ты до сих пор здесь? — резонно заметила Фань Линь. — Если не ошибаюсь, ты всегда говорила, что деньги тебя не интересуют? Почему же ты все еще не уехала?

— А тебе только этого и надо, да? Тогда тебе достанется больше. Уговаривать других отказаться от наследства, конечно, легче, чем убивать. Но я

останусь здесь — хотя бы затем, чтобы увидеть, как поймают убийцу учителя Юаня. Сбежать под давлением этого негодяя? Ни за что!

— Хватит! — прервал их Тань Юн. — Вернемся к делу. Вы согласны с предложением Фань Линь?

— Я уже сказал — согласен, — ответил Ван Синсин.

— Лао Тань, меня вот что интересует: если А и В живут вместе и А убивают, значит ли это, что убийца обязательно В? — высказала сомнение Ли Сюэли. — А если С тайком пробрался в дом и убил А?

— Я об этом думала, — ответила Фань Линь. — Если дверь надежно заперта изнутри, убийце практически нереально проникнуть в дом. А обманом заставить открыть дверь не выйдет — ведь в квартире больше одного человека.

— Но убийца настолько хитер, что вполне может придумать новый трюк — убить и подставить соседа. — Ли Сюэли бросила взгляд на Тань Юна.

— Да. Абсолютно надежным этот план не назовешь, — признал тот.

— Тогда что ты предлагаешь, Лао Тань? — раздраженно воскликнула Фань Линь. — Может, полиция будет каждое утро дежурить у моей двери и охранять нас с дочерью?

«Естественно, это невозможно. Ненадолго — да, но не постоянной основе», — подумал Тань Юн.

Фань Линь, и сама понимая нереальность такого варианта, тревожно сказала:

— Каждый день в семь утра я вожу Вэньцзин в школу — ничего поделать с этим я не могу. Сейчас… каждый раз, открывая дверь, я как перепуганная птица — все время боюсь, что из-за угла выскочит убийца. Что же делать?

— Разве уже не озвучили решение? — рявкнула Шэнь Фэнся. — Просто возьми и уедь отсюда!

— Вот ты первая и уезжай! Уедешь ты, уеду и я!

— Я уже сказала — не уеду, пока не поймают убийцу!

— Красивые слова! На самом деле это чистая отговорка. Все ради денег! Ты можешь следить за ходом дела, живя где угодно. Разве обязательно оставаться в «Юэхайване»? Чем ты помогаешь расследованию?

— Ничем не помогаю, но не хочу доставлять убийце удовольствие! — взорвалась Шэнь Фэнся. — Я ненавижу его и знаю, как он хочет, чтобы мы уехали! Именно поэтому я останусь!

— Хватит! — поднявшись, громко прервал их Тань Юн.

Фань Линь и Шэнь Фэнся сразу замолчали.

— Давайте так: никого не будем заставлять, — продолжил он. — Кто согласен жить парами — поднимите руку.

Фань Линь и Ван Синсин подняли руки. Ли Сюэли воздержалась. Гу Лэй посмотрел на Су Сяотун и, увидев ее легкое покачивание головой, промолчал. Хань Лэй колебалась.

— Я бы… не против. Но желающих жить со мной что-то не набралось.

— У меня есть Ма Цян, его достаточно, — сказала Ли Сюэли.

— Я не буду жить ни с кем из вас. Честно говоря, я никому не доверяю, — холодно заявила Шэнь Фэнся.

— Тогда ладно, останусь одна, — сказала Хань Лэй, поняв, что Су Сяотун с мужем тоже не согласны с планом.

— Ван Синсин, значит, ты переедешь к нам с дочкой? — спросила Фань Линь. — У меня две свободные спальни, выбирай любую.

— Договорились.

После принятия решения Тань Юн обратился к Фань Линь и Ван Синсину:

— Вы можете жить вместе. Но предупреждаю заранее: это не повод расслабляться. Надежно запирайте окна и двери, будьте предельно

бдительны во всем. Помните: при соблюдении должной осторожности убийце не удастся проникнуть в вашу квартиру. Если что-то случится — второй человек автоматически станет главным подозреваемым.

Фань Линь и Ван Синсин уловили смысл его слов и кивнули.

— Остальные, позаботьтесь о своей безопасности. В ближайшее время я и Ли Бинь будем ежедневно проводить внезапные проверки и патрулировать этажи, тем самым лишая убийцу любой возможности проскочить незамеченным.

Эти слова, словно адресованные затаившемуся среди присутствующих убийце, были произнесены с внушительной твердостью.

Тань Юн убедился, что все его услышали, и напоследок сказал:

— Расходимся. Возвращаемся по домам так же, как пришли, — с включенным видеозвонком в «Вичате».

Су Сяотун и Гу Лэй, войдя в квартиру и надежно заперев дверь, перевели дух.

— Мы ошибались, — сказала Су Сяотун.

— В чем?

— Не стоит надеяться, что они отступят. Даже перепуганные до смерти, они найдут способы

продержаться. Похоже, нас ждет затяжная битва.

3

В восемь сорок и девять пятьдесят вечера Тань Юн проверил все этажи и наведался в случайные квартиры. Согласно договоренности с жильцами, он всегда сначала звонил по видеосвязи для подтверждения личности. По-другому двери не отпирали.

В десять минут одиннадцатого Тань Юн сказал Ли Биню:

— Теперь твой черед.

— С прошлого обхода прошло всего двадцать минут, — посмотрел на часы Ли Бинь. — Не слишком ли часто?

— Я хочу, чтобы убийца знал — наши проверки идут без расписания.

— Ладно. — Ли Бинь вышел из комнаты.

Примерно через пять-шесть минут раздался стук в дверь. «Слишком быстро, — подумал Тань Юн. Он заподозрил, что Ли Бинь отнесся к заданию спустя рукава. Прежде чем открыть, спросил:

— Ли Бинь?

Из-за двери никто не ответил.

— Кто там? — насторожившись, повторил Тань

Юн.

— Я.

Тань Юн узнал голос — это была его жена Доу Хуэй. Он открыл дверь и увидел ее на пороге:

— Ты как здесь оказалась?

— Принесла тебе перекусить. — Доу Хуэй вошла и поставила на стол полиэтиленовый пакет с двухъярусным ланч-боксом. — Сегодня лепили пельмени с луком, ты же их любишь.

— Почему не предупредила? — Тань Юн недовольно покачал головой. — В этом доме сейчас… разве ты не знаешь, что здесь происходит?

— Я подумала, убийца вряд ли станет нападать на меня. Я ведь не из «Большой семьи».

— Здесь все равно небезопасно. Почему не сказала, что придешь?

Доу Хуэй не стала оправдываться и открыла контейнер:

— Ешь, пока горячие. Хочешь уксуса?

Тань Юн сел, взял пальцами пельмень и отправил его в рот:

— Вкусно. Но зачем тебе было специально сюда приезжать? Сейчас можно заказать доставку еды за считаные минуты.

— Соскучилась по тебе, вот и заглянула. Заодно посмотрю, как ты тут устроился.

С этими словами Доу Хуэй распахнула дверь спальни Тань Юна, осмотрелась, затем направилась к комнате напротив.

— Это комната Ли Биня, не надо туда заходить.

— Ли Бинь тоже здесь живет?

— Да, мы вместе ведем это дело.

— А, тогда ладно… А где он сейчас?

— Наверху, делает обход.

Доу Хуэй кивнула и села напротив Тань Юна, наблюдая, как он ест пельмени. Съев две штуки, Тань Юн внезапно замер, перестал жевать и уставился на жену:

— Откуда ты узнала, где я живу?

— Ты сам мне сказал.

— Я говорил только, что переехал в «Юэхайвань», но не называл номер квартиры. Как ты нашла нужную дверь?

Доу Хуэй опустила глаза и промолчала. Тань Юн нахмурился:

— Ты спросила у Ли Биня?

— Нет. — Она покачала головой.

— Тогда у Цзяна… Хотя нет, я и ему не говорил номер. Как ты меня нашла?

— Да перестань, я просто поинтересовалась кое у кого.

— Нет, скажи мне точно: у кого ты поинтере-

совалась? У агента? Но ты же не знала, в какое агентство я обращался.

Доу Хуэй, загнанная в угол допросом мужа, вынуждена была признаться:

— Я спросила у Ли Сюэли, она мне сказала.

— Ли Сюэли? — Тань Юн поразился. — Насколько я помню, вы с ней никогда не встречались. Вы знакомы? У тебя есть ее контакты?

— Лично мы не встречались, но однажды, когда ты ужинал у нее, она позвонила мне, пригласила присоединиться. Я отказалась, но сохранила ее номер телефона.

— Вспомнил! Это было год назад. Ты сохранила номер Ли Сюэли и не упомянула об этом?

— Мне что, обязательно докладывать тебе о каждом пустяке? Даже о том, чьи номера в своем телефоне сохраняю, нужно отчитываться?

— Но почему ты не спросила номер квартиры у меня, а побежала к Ли Сюэли? В чем смысл?

Доу Хуэй смутилась, не зная, что ответить.

В этот момент вернулся Ли Бинь. Увидев Доу Хуэй, он сказал:

— О, невестка[22] пришла!

— Да, принесла Лао Таню пельменей. Ты тоже

---

[22] Примечания: 22

Ли Бинь говорит о Доу Хуэй как о жене старшего брата, выражая тем самым почтение.

поешь, Ли Бинь.

— Спасибо, я как раз проголодался. — Он помыл руки, взял пельмень. Но, сделав пару укусов, заметил неловкое молчание и решил тактично ретироваться. — Пойду-ка я к себе…

— Возьми пельмени, — сказал Тань Юн.

— А ты?

— Я уже поел.

— Ладно. — Ли Бинь прихватил контейнер и ушел в комнату, закрыв за собой дверь.

Супруги молчали некоторое время. Тань Юн, анализируя поведение жены, вдруг понял истинную цель ее визита:

— Так ты не ужином меня накормить пришла, а проверку устроить?

— Нет, ты все выдумываешь…

— Выдумываю? Тогда объясни: почему не предупредила о визите? Почему спросила номер у Ли Сюэли, а не у меня? Зачем сразу бросилась осматривать комнаты? Разве это я выдумываю? Это ты нафантазировала себе что-то.

Доу Хуэй, не в силах отрицать, тихо пробормотала:

— Я просто волновалась… В наше время столько соблазнов. В «Большой семье» так много красавиц. Ты говорил, что защищаешь их, и я

подумала…

Тань Юн смотрел на жену с недоверием:

— Да о чем ты вообще? Мы женаты двадцать лет! Ты что, действительно думаешь, что я под предлогом расследования… Да мне уже под пятьдесят, кто на меня посмотрит? Эти красавицы, как ты выразилась, могут быть убийцами. У меня слов нет!

Чувствуя, что муж начинает закипать, Доу Хуэй поспешила попросить прощения:

— Прости, Лао Тань, я же тебя знаю. Сегодня что-то на меня нашло, решила тебя проверить. Наверное, потому, что мы так редко расстаемся… Я была не права, больше так не буду.

— Главное — что теперь подумает Ли Сюэли? — Тань Юн сердито покачал головой. — Она точно догадалась! Буду в ее глазах подозрительным типом!

Доу Хуэй виновато извинялась. Тань Юн махнул рукой:

— Ладно, провожу тебя.

Они вышли, Тань Юн довел жену до ворот, посадил в такси и, дождавшись, пока машина скроется из виду, вернулся в съемную квартиру.

Только переступил порог, как увидел Ли Биня: тот сидел за столом и улыбался.

— Ты чего ухмыляешься?

— Я слышал ваш разговор, — едва сдерживая смех, сказал Ли Бинь. — Невестка думала, ты здесь любовницу содержишь. А оказалось — меня! Ха-ха…

Тань Юн сжал кулаки, и Ли Бинь отпрыгнул.

— Мало тебе пельменей, еще и подслушивать вздумал? — проворчал Тань Юн.

— Что там подслушивать-то? Вы так громко говорили, что не услышать было невозможно.

Тань Юн молча сел, налил полный стакан воды и залпом выпил.

— Лао Тань, не стоит злиться, — утешал его Ли Бинь. — Раз невестка примчалась сюда, значит ты ей небезразличен. Если бы ты переехал на пару недель, а ей было бы все равно — вот это уже тревожный звоночек. А так видно: ваши чувства еще не остыли.

— Отсутствие доверия после стольких лет брака — это повод для радости? — Тань Юн сердито посмотрел на Ли Биня. — Может, мне еще и поблагодарить ее за сегодняшнее?

— Благодарить не нужно, но ты правильно сделал, что позволил жене убедиться в беспочвенности ее подозрений. В следующий раз она так не поступит. Но вообще-то, женщины всегда

проверяют тех, кого любят.

— Когда ты успел так изучить женщин? — Тань Юн искоса взглянул на Ли Биня.

— Я с девчонками еще в старшей школе общаться начал, опыта хватает, — усмехнулся Ли Бинь.

— Ну все, хватит об этом. Через полчаса снова пойдешь в обход.

— Опять? Разве на сегодня уже не хватит?

— Ночь — самое опасное время, расслабляться нельзя. Мы не можем допустить новых происшествий!

— Хорошо, понял, — покорно согласился Ли Бинь.

4

Этой ночью ничего плохого не случилось, но Тань Юн ворочался в постели без сна. Был уже час ночи, а в голове продолжали крутиться мысли о расследовании.

Кто убийца? Этот вопрос не давал Тань Юну покоя. Пока имелись только догадки и подозрения, но не хватало улик и четкого направления следствия.

Единственная зацепка — четыре телефонных звонка, которые Ся Ци сделала Су Сяотун, Хань Лэй, Фань Линь и Ли Сюэли перед смертью. Теперь было ясно: Ся Ци звонила им не просто чтобы поболтать, а дабы что-то выведать. Но каким образом она их проверяла? И что узнала?

Эта загадка сводила Тань Юна с ума. Чем больше он думал, тем сильнее болела голова. Он сдавил виски пальцами, пытаясь снять напряжение.

После десяти минут массажа головная боль немного утихла. Тань Юн понял, что зашел в тупик, — нужно было сменить угол зрения.

Он накинул рубашку, подошел к столу и включил лампу. На чистом листе бумаги написал слова: «Ся Ци», провел от них четыре линии и

записал имена Су Сяотун, Ли Сюэли, Фань Линь и Хань Лэй. В другом углу листа добавил имена Гу Лэя, Ван Синсина и Шэнь Фэнся, поставив рядом с ними вопросительные знаки.

Иногда визуализация помогает увидеть новое. Тань Юн долго смотрел на эту схему, и внезапно его осенило.

Почему именно Ся Ци решила звонить и выуживать информацию? Почему не болтливая Ли Сюэли, не прямолинейная Фань Линь, не сообразительная Су Сяотун, а Ся Ци, которая всегда казалась простодушной и доверчивой?

Тань Юн обвел имя Ся Ци кружком и поставил большой знак вопроса.

Может, она что-то знала? Чем она отличалась от остальных?

По словам Фань Линь, Ся Ци была единственной, кто встречался с Гун Ямэй наедине, они были близки, поэтому Ся Ци могла заранее узнать о завещании. Но… Тань Юну в голову пришла неожиданная мысль — а что, если это произошло еще раньше? Могла ли Ся Ци узнать о наследстве еще до приезда в Лиши?

Значит, ее переезд в «Юэхайвань» изначально был связан с завещанием.

Но Ся Ци и Гун Ямэй тогда еще не были зна-

комы…

Возможно, Ся Ци была знакома с кем-то из окружения Гун Ямэй? С кем-то, кто знал о ее огромном наследстве и о том, что оно не достанется родственникам.

Кстати, адвокат Фэн упоминал, что у Гун Ямэй есть сын. Их отношения были натянутыми: после банкротства компании матери, несмотря на роль отца в случившемся, он выбрал жизнь с более состоятельным родителем и бросил мать. Поэтому убитая горем Гун Ямэй сменила номер и уехала в Лиши. Она предпочла оставить наследство «Большой семье», а не предавшим ее мужу и сыну.

Вот еще кое-что: перед смертью Гун Ямэй звонили с иногороднего номера. Звонивший заманил ее в беседку — это мог сделать только кто-то из близких. Неужели это был…

Тань Юн слегка дрожал от волнения. Мысли прояснялись, пазл складывался.

Тут он вспомнил визит жены и слова Ли Биня: «Женщины всегда проверяют тех, кого любят».

Он резко вскочил, распахнул дверь соседней комнаты и ворвался внутрь.

Ли Бинь сладко спал. Тань Юн щелкнул выключателем:

— Ли Бинь, вставай!

Тот проснулся и уставился на начальника: Тань Юн был в одних трусах и рубашке.

— Что случилось?

— Я понял, в чем тут дело!

— Полвторого ночи… — Ли Бинь взглянул на часы. — Ты чего не спишь?

— Мне не спится, значит и тебе не до сна. Послушай мою версию и скажи, сходится ли все!

— Ладно. — Ли Бинь поднялся, умылся холодной водой и окончательно проснулся. Он сел на кровать и посмотрел на Тань Юна. — Говори, Лао Тань.

Тань Юн показал ему свою схему:

— Я все пытаюсь понять, почему звонила именно Ся Ци. Возможно, она знала то, чего не знали другие. Остальные просто не догадались бы, как подступиться к проверке. Ты как думаешь?

— Логично. А о чем конкретно она знала?

— О наследстве Гун Ямэй! Возможно, еще с самого начала!

— С какого начала?

— Еще до переезда в Лиши!

— Но тогда она не была знакома с Гун Ямэй…

— Верно, но она могла знать кого-то из ее окружения. Например, сына Гун Ямэй!

Ли Бинь, молодой и сообразительный, сразу уловил мысль:

— Сын Гун Ямэй, конечно, был в курсе всего. И поскольку их отношения совсем испортились, он понимал: мать скорее оставит деньги чужим людям, чем ему. Вот он и задумал заполучить наследство…

— Точно! — воодушевленно воскликнул Тань Юн. — Мы с тобой мыслим в одном русле!

— Но тут логическая неувязка. Если сын так хотел получить наследство, зачем тогда выбрал отца? Ведь отец, кажется, присвоил еще больше денег и был богаче матери. По логике, раз он сделал такой выбор, ему должно быть наплевать на наследство. И наоборот, если оно ему так нужно, стоило поддерживать связь с матерью, а не доводить до полного разрыва.

— А если он передумал? Или за эти два года произошло то, что заставило его изменить планы?

— Вполне возможно.

— Это легко проверить. Завтра выясним текущее местоположение бывшего мужа и сына Гун Ямэй, а сейчас продолжим разработку этой версии.

— Да! — Глаза Ли Биня загорелись, сон как рукой сняло.

— Думаю, — сказал Тань Юн, — когда Гун Ямэй переживала предательство сына, она могла наговорить лишнего вроде: «Лучше оставлю деньги тем, кто по-настоящему ко мне добр, чем тебе». Тогда сыну было все равно — отец богач, его денег хватит. Но позже сын Гун Ямэй передумал и решил прибрать к рукам наследство. Мириться с матерью было бы слишком очевидно. Поэтому он придумал другой способ — использовать третье лицо.

— Этим третьим лицом выступила Ся Ци! — подхватил Ли Бинь. — Сын Гун Ямэй нашел обаятельную и приятную Ся Ци, чтобы та сблизилась с его матерью. Она так расположила к себе Гун Ямэй, что та стала относиться к ней как к дочери и решила оставить ей наследство!

— Точно! Вот почему Ся Ци и Гун Ямэй были так близки. Вот почему они часто общались наедине. Члены «Большой семьи» заметили их особую связь, поэтому Фань Линь и заявила, что Ся Ци специально подлизывалась к Гун Ямэй.

— Но они думали, что Ся Ци узнала о наследстве только после знакомства с Гун Ямэй. А на самом деле она знала о нем еще до переезда в Лиши. Ради него она и приехала!

— Да, об этом я тоже не догадывался.

— Если эта версия верна, то все последующие события находят объяснение.

— Да. В вечер гибели Гун Ямэй ей позвонили с иногороднего номера и заманили в беседку. Подумай: уже почти одиннадцать вечера. Кто мог заставить ее выйти в такое время? Только очень близкий человек, возможно тот, кого она отчаянно хотела увидеть. Это вполне мог быть ее сын!

— На первый взгляд кажется, что Гун Ямэй порвала с прошлым и со всеми близкими, но к родному сыну она не могла не испытывать теплых чувств. Узнав, что он приехал в Лиши и хочет встретиться, она сразу же согласилась.

— Но она не ожидала, что у сына коварные планы — убить ее ради денег.

— Лао Тань, выходит, по-твоему, он убил собственную мать? Но разве сын способен на такое?

— Пока это лишь предположение. Нужно все проверить. Давай пока отложим этот момент и разберем последующие события.

— Хорошо.

— После смерти Гун Ямэй адвокат Фэн сообщил членам «Большой семьи» о наследстве. Они слышали об этом впервые, но Ся Ци — нет. Результат, однако, оказался совершенно другим. Вместо того чтобы оставить состояние своей названой

дочери, Ся Ци, Гун Ямэй разделила наследство между всеми. Так двести пятьдесят миллионов превратились в двадцать семь — минус девяносто процентов. Сына Гун Ямэй это явно расстроило.

— Поэтому он подговорил Ся Ци отравить других, надеясь таким образом убить половину «Большой семьи» или даже больше, чтобы получить львиную долю. — Ли Бинь почесал затылок. — Пока все логично. Но дальше я не понимаю. Кто убил Ся Ци? Зачем?

— Вспомни, что сделала Ся Ци перед смертью, — подсказал Тань Юн.

— Позвонила Су Сяотун, Фань Линь и еще двум женщинам.

— Верно. А теперь подумай: зачем ей было звонить, если отравитель — она сама? Разве в этом был смысл?

— А-а, ты хочешь сказать, что отраву подсыпала не Ся Ци, а кто-то другой.

— Именно.

— Но… кто же тогда?

— Как раз над этим вопросом и ломала голову Ся Ци: «Сын Гун Ямэй ведь договорился со мной. Откуда взялся этот жестокий тип, который, похоже, планирует убить и меня?»

— Значит, заподозрив неладное, Ся Ци пред-

положила, что у сына Гун Ямэй был еще один сообщник, — внезапно сообразил Ли Бинь.

— Точно! Ся Ци решила, что это женщина. Не знаю почему, но наверняка на то имелись причины. Например, сын Гун Ямэй особенно хорошо манипулирует женщинами. Поэтому она позвонила Су Сяотун и остальным — якобы просто поболтать, но на самом деле проверить, связаны ли они как-то с ним. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что Ся Ци и сын Гун Ямэй были любовниками. Как ты сказал, женщины всегда проверяют тех, кого любят.

— Тогда все сходится! — Ли Бинь ударил кулаком по раскрытой ладони. — Обзвонив четырех женщин, Ся Ци поняла, что одна из них — сообщница ее парня. Но она не была уверена на сто процентов, поэтому и написала в чат ту странную фразу — чтобы удостовериться. Убийца понял, что его раскроют, и срочно устранил Ся Ци!

Тань Юн тяжело вздохнул и кивнул:

— Верно. Хотя это пока лишь наша гипотеза, но она лучше всего объясняет факты. Проверить ее несложно. Завтра с утра обсудим все с капитаном Цзяном и сосредоточимся на расследовании связи между сыном Гун Ямэй и Ся Ци.

— Отлично. Лао Тань, вот это ты даешь! — Ли

Бинь хлопнул начальника по плечу. — Не спал всю ночь, но нашел зацепку. Теперь есть надежда раскрыть дело!

Тань Юн взглянул на часы и горько усмехнулся:

— До утра еще далеко, но я, похоже, уже вряд ли усну.

Глава четырнадцатая. Задержание

1

Прибыв в отдел, Тань Юн и Ли Бинь подробно изложили капитану Цзяну свои ночные рассуждения. Цзян слушал, кивая, и в конце сказал:

— Я считаю ваш анализ очень логичным. Немедленно берем сына Гун Ямэй под пристальное наблюдение.

Следующие несколько часов прошли в активной работе: Тань Юн звонил адвокату Фэну, Цзян связывался с полицией города, где прежде жила Гун Ямэй. Ли Бинь опрашивал всех, кто знал ее сына… Полицейские разными способами собирали информацию о сыне Гун Ямэй и ее бывшем муже.

В итоге, сопоставив результаты расследования, они получили следующие сведения: сына Гун Ямэй зовут Фань Кэ. Двадцать восемь лет от роду, рост почти метр девяносто, фигура пропорциональная, наружность приятная. Со школьных времен он был главным красавцем и пользовался неизменным успехом у девушек. Одним словом, ловелас. Постоянно оказывался в самом хвосте успеваемости, не смог поступить в старшую школу, и родители отправили его учиться в Америку,

где фактически купили ему диплом.

После университета Фань Кэ месяц стажировался в компании матери, но уволился, сославшись на усталость. Больше не работал, жил на родительские деньги и транжирил их на развлечения. Благодаря смазливой мордашке, заграничному образованию, богатству и умению веселиться он сменил бесчисленное количество подруг. Но была ли в их числе Ся Ци — пока неизвестно.

Что касается бывшего мужа Гун Ямэй, Фань Чжиго, то это подлый тип с дурным характером. Он давно завел любовницу втайне от жены. До того как компания Гун Ямэй обанкротилась, перевел бóльшую часть семейных активов на свое имя, затем подал на развод, потребовав половину имущества. В результате он захапал немало и сбежал с любовницей.

Корыстный Фань Кэ выбрал отца. Эти удары судьбы довели Гун Ямэй до тяжелой болезни, едва не стоившей ей жизни. Лишь со временем она оправилась и начала все с чистого листа в Лиши.

— Капитан Цзян, Лао Тань, эти данные позволяют почти наверняка утверждать, что Фань Кэ причастен к делу, — сказал Ли Бинь. — Подумайте: этот парень — праздный гуляка и транжира без постоянной работы, помешанный на удо-

вольствиях. Разве такой человек оставит без внимания материнские двести миллионов? Он непременно попытается завладеть деньгами.

— Но его отец ведь еще богаче. Они развелись всего два года назад. Неужели миллионные активы уже растрачены? — спросил капитан Цзян. — Почему Фань Кэ вдруг заинтересовался наследством матери?

— Возможно, это вовсе не спонтанное решение, а давно спланированное, — предположил Ли Бинь. — Парень мог изначально все рассчитать: сначала заручиться поддержкой более богатого отца, получить от него выгоду, а потом прикарманить и материнское наследство.

— Вполне вероятно, — заключил Тань Юн. — Ненасытный человек никогда не скажет, что денег достаточно — ему их всегда будет мало.

— Это правда, — подхватил Ли Бинь. — У таких прожигателей жизни траты несравнимы с обычными людьми. Миллионы для нас — целое состояние, а такому повесе одна ночь в клубе может обойтись в сотни тысяч, не говоря уже о том, сколько он спускает на женщин. Как иначе поддерживать такой уровень жизни?

— Но мы пока не можем подтвердить, была ли Ся Ци его девушкой, — заметил Цзян. — Шанхай-

ская полиция не располагает такими деталями. Разве что самим поехать в Шанхай и опросить его окружение, но это займет уйму времени, да и межрегиональные запросы — головная боль.

Тань Юн задумался.

— У нас же есть фото Фань Кэ? Шанхайская полиция и его школа прислали снимки.

— Да, несколько штук.

— А если он сейчас в Лиши?

— С чего вдруг? — удивился Цзян.

— Если он действительно убил Гун Ямэй, значит приезжал в Лиши, — сказал Тань Юн. — Как организатор, он мог лично контролировать сообщников и непосредственно участвовать в преступлении.

— Логично, — согласился Цзян. — Сейчас запрошу данные аэропорта на предмет его прилета.

Капитан позвонил в аэропорт Лиши, объяснил ситуацию руководству. Через десять минут пришел ответ.

Четвертого марта Фань Кэ прилетел из Шанхая в Лиши. Было подтверждено, что это сын Гун Ямэй, а не его тезка. При этом информации о его вылете не нашлось. Если Фань Кэ не уехал другим транспортом, значит он все еще в городе.

— Отлично! — Цзян ударил кулаком по сто-

лу. — Лао Тань, ты был прав — Фань Кэ в Лиши!

— Сам факт его приезда практически подтверждает связь с этими преступлениями, — сказал Тань Юн. — Он прибыл четвертого марта, а уже через шесть дней, десятого марта, погибла Гун Ямэй.

Цзян кивнул:

— Теперь вопрос: как его найти? Лиши не такой уж большой город, но и не маленький. Да еще и туристический — тут сотни отелей и гостевых домов. Где его искать?

— Может, объявить в розыск? — предложил Ли Бинь.

— Нет, — покачал головой Цзян. — Пока Фань Кэ только подозреваемый, а не обвиняемый. К тому же это его спугнет. Сбежит еще в горы или, того хуже, за границу. До Лаоса и Мьянмы от Лиши рукой подать, и тогда поймать его будет крайне сложно.

— И что делать? — спросил Ли Бинь.

Трое мужчин молча размышляли, пока Тань Юн не нарушил тишину:

— Судя по имеющимся данным, Фань Кэ и Ся Ци с вероятностью девяносто процентов были любовниками. Значит, приехав в Лиши, он наверняка искал встречи с ней. Но появляться

публично не мог — если бы мать его узнала, весь план рухнул бы. Скорее всего, они тайно встречались, поэтому он должен был жить неподалеку от жилого комплекса «Юэхайвань».

— То есть нам сосредоточиться на проверке отелей, гостевых домов и съемных квартир возле «Юэхайваня»? — уточнил Ли Бинь.

— Верно. Но сначала зайдем в кофейню Ся Ци, — сказал Тань Юн. — Расспросим сотрудников. Возможно, они видели Фань Кэ и смогут рассказать что-то полезное.

— Хорошо, идите вдвоем. Если что-то выясните, сразу звоните, — распорядился Цзян. — В случае необходимости мобилизую весь уголовный розыск и местную полицию для совместной операции.

Тань Юн и Ли Бинь кивнули и вышли из кабинета.

2

Тань Юн опасался, что после смерти Ся Ци ее кофейня закрылась, но уже на подходе увидел, что заведение работает в обычном режиме. Они с Ли Бинем вошли внутрь.

Одетые в гражданское, полицейские не вызвали подозрений у бариста. Девушка за стойкой спросила:

— Что будете заказывать?

Тань Юн не стал сразу раскрывать свою личность:

— Ваша владелица на месте?

— Вы о Ся Ци? Она не появлялась последние пару дней.

Только тогда Тань Юн вспомнил: полиция официально не объявляла о смерти Ся Ци. Возможно, сотрудники не в курсе произошедшего. Хотя в эпоху интернета новости про «Юэхайвань» должны были уже разлететься по городу…

Тань Юн решил проверить, знают ли сотрудники правду.

— А почему ее нет?

— Не знаю, — ответила девушка. — Но ходят слухи, будто с ней что-то случилось. Мы не можем

до нее дозвониться.

— Что именно случилось?

Бариста сжала губы. Тань Юн понял — спрашивать бесполезно. Он достал телефон:

— Можно вас спросить?

— О чем?

— Вы видели этого парня? — Тань Юн показал фото Фань Кэ.

Девушка внимательно рассмотрела снимок:

— Да это же наш новый сотрудник! Устроился в этом месяце.

Тань Юн и Ли Бинь быстро переглянулись.

— Как его зовут? Он сейчас здесь?

— А-Чао. Вчера был на смене, сегодня еще не приходил.

Было почти двенадцать. Тань Юн поинтересовался:

— А во сколько у вас начинается рабочий день?

— Открываемся в десять, приходить нужно к девяти. Этот А-Чао и так вечно опаздывал, а теперь, когда хозяйка не появляется, и вовсе расслабился. — Девушка криво усмехнулась.

— А где он живет, вы знаете?

— Нет.

— Вы лично не знаете или все сотрудники не

в курсе?

— Лично я не знаю. Насчет остальных — не уверена. Вот там мой коллега, кормит кошек. Спросите у него.

В итоге допроса мужчины-бариста Тань Юн и Ли Бинь получили тот же отрицательный ответ. Выйдя на улицу, они снова обменялись взглядами.

— Значит, этот А-Чао и есть Фань Кэ, — пробормотал Тань Юн. — Устроился в кофейню Ся Ци. Я бы ни за что не додумался.

— Да кому бы такое в голову пришло? Даже если бы ты зашел сюда выпить кофе, вряд ли бы догадался, что столики обслуживает сын Гун Ямэй.

— Остальные сотрудники, может, и не знают о смерти Ся Ци. Но не Фань Кэ.

— Конечно, возможно, это он организовал ее убийство. Поэтому вчера еще делал вид, что работает, а сегодня даже не пришел. Раз хозяйки нет, к чему притворяться?

— Но он еще не уехал из Лиши, потому что должен договориться со вторым сообщником о наследстве.

— Верно. Теперь вопрос: что делать? Ждать здесь? Но если он так и не явится сегодня? Или искать в ближайших ночлежках? Но их здесь

десятки, обойти все нереально.

— Я останусь тут, — поразмыслив, сказал Тань Юн. — Ты свяжись с капитаном Цзяном, пусть отправит пару ребят проверить окрестные гостевые дома и отели.

— Хорошо.

Ли Бинь позвонил Цзяну и ушел. Тань Юн остался один под деревом на улице Хуаньхайлу. Он не спускал глаз с кофейни. К часу дня Фань Кэ так и не появился. Тань Юн купил на обед жареную картошку и холодную лапшу в соседней палатке и продолжил слежку.

Он размышлял, не попросить ли девушку-бариста позвонить А-Чао и напомнить о работе, но побоялся спугнуть его. Лучше продолжать скрытое наблюдение. Тем более Цзян и Ли Бинь уже проверяют ближайшие гостиницы.

В двадцать минут третьего в поле зрения Тань Юна возник высокий молодой человек с длинной челкой и в маске. Даже сквозь маску было видно, что это красавец — точь-в-точь Фань Кэ. Главное — он вошел в кофейню.

Тань Юн почувствовал прилив адреналина. Он знал — перед ним Фань Кэ. Их осторожность оказалась оправданной: преступник даже не подозревал, что полиция уже вышла на его след.

Если бы после смерти Ся Ци он резко перестал выходить на работу, это выглядело бы слишком подозрительно. Поэтому Фань Кэ до сих пор играл роль сотрудника — только не соблюдал график.

Сейчас есть два варианта действий: можно сразу подойти к Фань Кэ, предъявить удостоверение и потребовать явиться на допрос. Или подождать, пока вернутся Цзян и Ли Бинь. Второй вариант явно надежнее: Тань Юн не был уверен, что сможет в одиночку задержать такого здоровяка, если тот окажет сопротивление и попытается сбежать.

Он отправил Ли Биню и Цзяну сообщения с просьбой срочно прибыть с подкреплением, после чего спокойно вошел в кофейню и продолжил следить за подозреваемым.

Фань Кэ уже переоделся в рабочую форму. Другие сотрудники упрекнули его за опоздание, но он парировал: «Разве хозяйка уже пришла?» — после чего они замолчали. Когда бариста хотела сообщить Тань Юну, что А-Чао наконец на месте, он быстро остановил ее:

— Один американо, пожалуйста.

Девушка посмотрела на Тань Юна. Он едва заметно покачал головой, давая понять, что ей лучше замолчать. Неизвестно, разгадала ли она намерения полицейского или нет, но кивнула и

принялась готовить кофе.

Тань Юн выбрал столик. Кроме него, в заведении был лишь один посетитель. Вскоре кофе подали — и принес его сам Фань Кэ.

— Ваш американо. Приятного аппетита.

— Спасибо.

Когда Фань Кэ ставил чашку, Тань Юн сумел разглядеть его вблизи: светлая кожа, широкие плечи, узкие глаза с идеальными бровями, челка шелковыми прядями закрывает половину лба. На мгновение их взгляды встретились — Фань Кэ вежливо отвел глаза, забрал поднос и отошел.

Даже будучи мужчиной, Тань Юн понимал, как подобная внешность действует на женщин. Такому красавцу, как Фань Кэ, не составило бы труда очаровать и использовать в своих целях любую — не только Ся Ци.

Тань Юн размышлял, потягивая кофе. Американо без сахара и молока казался ему горьким, как лекарство. Как только люди добровольно пьют эту гадость?

Цзян и Ли Бинь семь-восемь минут назад ответили: «Уже в пути». Тань Юн рассчитывал, что они вот-вот прибудут. Чтобы не вызывать подозрений, он старался не смотреть на Фань Кэ, лишь изредка поглядывал на вход — вдруг тот

попытается сбежать.

Как и ожидалось, через несколько минут в кофейню вошли Цзян, Ли Бинь и еще четверо полицейских. Поведение мужчин сразу выдавало в них необычных посетителей. Девушка-бариста, заподозрив что-то, замерла.

Цзян подошел к Тань Юну и тихо спросил:

— Где он?

— Прямо здесь, — ответил Тань Юн.

Оглядев зал, Цзян увидел лишь парня и девушку за стойкой. Мужчина-бариста явно не подходил по росту.

— Где именно?

Тань Юн встал, осмотрел зал — Фань Кэ исчез, но он точно не выходил через главный вход (черного хода в кофейне не было). Он шепнул Цзяну:

— Он точно здесь, не мог уйти.

Полицейские рассредоточились по залу. На втором этаже обнаружился закрытый туалет. В заведении было два санузла без разделения по полу. Поскольку другой посетитель спокойно пил кофе за столиком, внутри мог быть только Фань Кэ.

Тань Юн и Цзян переглянулись, подтверждая общую догадку. Капитан кивнул — решено было ждать, пока Фань Кэ выйдет.

Но прошло целых пятнадцать минут — слишком долго даже для серьезного похода в уборную. Тань Юн нахмурился и спросил мужчину-бариста:

— В туалете имеется окно?

— Да, и довольно большое.

Тань Юн и Цзян посмотрели друг на друга — оба поняли, что допустили промах. Цзян приблизился к двери и постучал:

— Есть кто?

Ответа не последовало. Цзян выругался про себя и приказал самому крепкому из коллег:

— Вышибай, быстро!

Крепыш-полицейский отступил на два шага и с размаху ударил в дверь плечом. Она с грохотом распахнулась. Внутри никого не оказалось — окно было настежь открыто, Фань Кэ испарился.

— Проклятье, удрал! — крикнул Цзян. — В погоню!

Полицейские высыпали на улицу, оставив в недоумении двух ошеломленных бариста.

— Вы четверо — прочесывайте улицы! — отдал приказ Цзян. — Я вызываю подкрепление и ставлю блокпосты на всех выездах из города и аэропорта, на авто- и железнодорожных вокзалах. Ему от нас никуда не сбежать!

— Есть! — хором ответили полицейские и мгновенно рассредоточились.

«Черт возьми! Загнали лиса в нору, а он все равно ускользнул». Тань Юн, запыхавшись, ругал себя последними словами. Теперь он понял: Ся Ци наверняка показывала Фань Кэ фото «Большой семьи». Парень узнал Тань Юна, почуял подвох и сбежал через окно. Как Тань Юн мог упустить этот момент?!

Но побег доказывал вину Фань Кэ: только преступник стал бы в панике скрываться. Все их догадки верны — он главный зачинщик! Ни за что на свете нельзя позволить ему уйти!

Однако ноги уже не слушались. После пары сотен метров Тань Юн, весь в поту, еле переводил дух. Возраст давал о себе знать — в пятьдесят лет не побегаешь, как двадцатилетний. Пришла мысль пуститься за Фань Кэ в патрульной машине, но парень его роста явно не стал бы бежать по главным улицам. Скорее всего, он юркнул в переулок или спрятался в здании. Придется осмотреть каждый закоулок…

Рядом оказался пункт проката велосипедов и электросамокатов. Тань Юн, предъявив удостоверение, временно реквизировал электросамокат и принялся объезжать окрестности, показывая

фото Фань Кэ прохожим и владельцам магазинов. Но десятки минут поисков принесли ноль результатов.

«Если он сейчас ускользнет — я себе этого не прощу!» — мысленно кричал Тань Юн. Крупные капли пота скатывались по лицу, рубашка насквозь промокла.

Когда самоедство и отчаяние почти сломили его, зазвонил телефон.

— Лао Тань, мы его поймали! — сообщил Цзян. — Этот тип, сбежав из кофейни, взял такси и попытался уехать из Лиши. К счастью, я предупредил ДПС. Его задержали у въезда на платную автостраду. Еще несколько минут — и он пересек бы границу города, тогда поймать его было бы куда сложнее.

— Прекрасно! — Тань Юн выдохнул с облегчением, у него будто гора с плеч свалилась.

— Сейчас везу его в управление. Возвращайся.

— Хорошо! — воодушевился Тань Юн. — Немедленно начинаем допрос!

3

Ли Бинь и Тань Юн один за другим вернулись в управление. Цзян встретил их словами:

— Как только мы задержали Фань Кэ, я сразу изъял его телефон, чтобы он не предупредил сообщника. Но прошло немало времени, он мог успеть связаться с этим человеком.

— Тогда что-то бы осталось в истории звонков или сообщениях! — воскликнул Тань Юн. — Даже если Фань Кэ их удалил, мы можем запросить у оператора детализацию звонков. Если среди номеров окажется кто-то из «Большой семьи» — это практически гарантированно укажет на убийцу.

— Именно так я и думаю, — кивнул Цзян. — Я свяжусь с оператором, а вы начинайте допрос Фань Кэ.

— Хорошо.

Тань Юн и Ли Бинь вошли в комнату для допросов, за столом сидел Фань Кэ. Он все еще был в форме официанта, но маску снял. Его лицо выражало безразличие, глаза были пустыми — всем своим видом парень излучал равнодушие, ни тени страха.

— Знаешь, почему ты здесь? — начал Тань Юн.

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Фань Кэ.

— Разве не А-Чао?

— Так меня называли на работе.

— Зачем ты устроился в кофейню?

— А что, нельзя?

Тань Юн строго посмотрел на него:

— Фань Кэ, советую тебе сменить тон и отвечать честно. Полиция просто так людей не задерживает. Ты здесь, потому что у нас есть доказательства твоих преступлений.

— Преступлений? — Фань Кэ сделал удивленное лицо. — Каких еще преступлений? Разве работать в кофейне противозаконно?

— Если ты невиновен, зачем тогда сиганул из окна туалета? Есть что скрывать?

— Офицер, я понял, что вы из полиции, только когда меня привезли сюда. Я убежал, потому что принял вас за бандитов.

— Фань Кэ, хватит наглеть! — Ли Бинь гневно ударил кулаком по столу.

— Вы же были в штатском. Откуда мне было знать, что вы полицейские? — невозмутимо парировал Фань Кэ. — Неожиданно врывается куча мрачных типов. Любой бы испугался.

— Если ты чист, чего бояться? — резко спросил Тань Юн.

— Когда-то я мог ненароком где-то кого-то задеть, вот и подумал, что это мстители пришли, — безучастно пожал плечами Фань Кэ.

Тань Юн и Ли Бинь прекрасно понимали: он юлит. Но торопиться не стоило. Преступник уже в клетке.

— Допустим, это было недоразумение, — продолжил Тань Юн. — Тогда объясни, зачем наследнику миллионеров устраиваться в забегаловку? Родительских денег уже не хватает?

— Офицер, вы не правы, — оживился Фань Кэ. — Родительские деньги — их личные. Я не хочу быть нахлебником. Лиши — известный курорт, я приехал отдохнуть, а подработка в атмосферной кофейне позволяет и деньжат заработать, и жизненного опыта поднабраться. Это разумно, согласитесь?

— Более чем, — кивнул Тань Юн. — То есть, выходит, ты приехал в Лиши, не зная, что тут живут твоя мать и девушка. И совершенно случайно устроился в кофейню своей возлюбленной. Верно?

Тань Юн сверкнул глазами на Фань Кэ. Полицейский улыбался, но на самом деле оказывал

давление. Он намеренно назвал Ся Ци девушкой Фань Кэ, тем самым продемонстрировав, что прекрасно осведомлен об этом факте и даже не нуждается в его подтверждении. Тань Юн говорил с полной уверенностью, но на самом деле то была хитрая уловка, чтобы проверить реакцию подозреваемого. Допрос всегда строится на подобных тактиках — сочетании правды с вымыслом, как в военной стратегии. В бою и на допросе все средства хороши.

— Фань Кэ, предупреждаю тебя, — поддержал своего напарника Ли Бинь. — Если твои дальнейшие ответы не совпадут с имеющимися у нас сведениями, это будет означать, что ты лжешь на допросе, а за дачу ложных показаний предусмотрена уголовная ответственность.

Фань Кэ попался на эту уловку. После долгого молчания он наконец не выдержал:

— Ладно, признаю, я приехал в Лиши работать, чтобы быть рядом с моей девушкой Ся Ци. Она владеет этой кофейней, и я, как ее парень, просто хотел помочь. Что в этом такого?

Тань Юн внутренне возликовал. Ключевая информация получена: Ся Ци действительно была девушкой Фань Кэ. Но внешне он сохранял полное спокойствие.

— А другие сотрудники кофейни знали, что вы пара?

— Нет.

— Почему?

— Мы не хотели им рассказывать. Решать, обнародовать ли наши отношения, — наше личное дело.

— Тогда скажи, тебе известно, как дела у Ся Ци?

— Не знаю, мы с ней не виделись уже два дня.

— Вы же пара. Целых два дня не виделись и даже не поинтересовались, как друг у друга дела?

— Мы поссорились и сейчас не разговариваем.

— Поссорились, и тебе уже все равно, жива она или нет, да?

— С Ся Ци реально что-то случилось? — Фань Кэ поднял взгляд на полицейских.

«Притворяется. Он точно знает, что девушка уже мертва, просто боится признаться полиции», — подумал Тань Юн и спросил:

— Только ли с Ся Ци? Ведь с твоей матерью тоже недавно случилась беда. Неужели ты и этого не знал?

На этот раз Фань Кэ не стал отпираться, вероятно понимая, что так лишь вызовет больше подозрений.

— Когда ты приехал в Лиши?

— Четвертого марта.

— Где остановился?

— В гостевом доме недалеко от кофейни Ся Ци, называется «Сижань».

— Всего лишь через шесть дней после твоего приезда погибла твоя мать, а еще через шесть дней — твоя девушка. За каких-то десять с лишним дней двое самых близких тебе людей умерли, и ты хочешь сказать, что их смерть не имеет к тебе никакого отношения?

— Ся Ци погибла?

— Хватит изображать дурачка, ты все прекрасно знаешь.

Маска шока спала, Фань Кэ спокойно ответил:

— Я тут ни при чем, клянусь. С матерью у меня были плохие отношения, больше года назад мы разорвали связь и с тех пор не общались. О ее смерти я узнал от Ся Ци. А про Ся Ци… только что от вас.

— Непохоже, что эта новость тебя сильно взволновала.

— Если бы я бурно отреагировал, вы бы сказали, что я притворяюсь, разве не так? Чего вы от меня хотите, офицер?

— Ты знаешь, из-за чего они погибли?

— Догадываюсь.

— Так из-за чего?

— Из-за наследства моей матери.

— Ты знал, что у нее было больше двухсот миллионов, правда?

— Да.

— И твоя мать вовсе не собиралась оставлять наследство тебе, а хотела передать его тем, кто по-настоящему о ней заботился.

Фань Кэ промолчал, что было равносильно признанию.

— Поэтому ты придумал план: отправить покладистую и заботливую Ся Ци в Лиши, чтобы она завоевала расположение твоей матери в надежде, что та оставит наследство Ся Ци.

— Да, именно так, — признал Фань Кэ. — Это противозаконно?

— Нет, но убийство противозаконно.

— Офицер, что вы имеете в виду? Неужели думаете, что я убил свою мать и девушку? Какой же у меня, по-вашему, был мотив?

— Самый банальный — получение наследства.

— Знаете что? Моя мать страдала гипертонией, у нее в любой момент могло остановиться сердце. Да и других болячек у нее было полно — она все равно не прожила бы долго. Да, мы не ладили,

но она моя мать, в конце концов. Как я мог расправиться с собственной матерью ради денег? Я хотел получить наследство, не отрицаю, но что мне стоило подождать несколько лет? Зачем мне тащиться в Лиши, чтобы убить ее?

Фань Кэ говорил убедительно, и Тань Юн на мгновение растерялся. Фань Кэ продолжил:

— Что касается Ся Ци — это и вовсе невозможно. Я уже признал, что отправил ее в Лиши втереться в доверие к моей матери. Какой смысл мне тогда ее убивать? Если Ся Ци умрет, разве я получу хоть грош?

— Не факт. У тебя есть сообщники, помимо Ся Ци. Ее смерть ничего не меняет, наследство может достаться другому, да и с уменьшением числа претендентов доля только растет.

— Офицер, вы же сами напомнили мне, что за слова надо отвечать по закону. А вам можно бездоказательно бросаться обвинениями? Если считаете, что у меня был второй сообщник, — назовите его имя.

Тань Юн запнулся. Фань Кэ уверенно играл на том, что полиция еще не вычислила этого человека. Следователь сменил тему:

— Так или иначе, у тебя есть мотив и возможность совершить преступления. Ты — ключевой

подозреваемый в этой серии дел, и мы вправе задержать тебя.

— Офицер, не думайте, что я совсем не разбираюсь в законах. Без железных доказательств максимум, что мне грозит, — сутки под арестом.

— Верно, — сказал Ли Бинь. — Но пока ты являешься ключевым подозреваемым, мы вправе ограничить твои передвижения и обязать оставаться в Лиши на период следствия. И за это время можем вызывать тебя многократно — каждый раз на двадцать четыре часа. Так что начинай готовиться к новому распорядку.

Подтекст был ясен: не думай, что мы не сможем с тобой управиться.

— А если я докажу, что точно не совершал эти убийства?

— Пожалуйста.

— Мою мать убили вечером десятого марта. В тот день я выкладывал пост в «Моменты». Можете проверить. Весь день я провел в кафе, закончил работу после девяти вечера, затем поужинал с двумя коллегами. Освободился в половине первого ночи.

Ли Бинь достал из кармана конфискованный ранее телефон Фань Кэ, велел разблокировать его и найти тот самый пост. Вместе с Тань Юном они

изучили фотографии: интерьер барбекю-ресторана, блюда, окружающих людей, включая двух сотрудников заведения.

— Фотографии, конечно, не обязательно сделаны в тот день, — заметил Ли Бинь, — но стоит опросить коллег и персонал ресторана. Я немедленно этим займусь.

— Благодарю за старания, — с легкой насмешкой произнес Фань Кэ. — К слову, такой видный мужчина, как я, неизбежно привлекает внимание. В тот вечер хозяйка даже угостила нас двумя закусками к пиву. Уверен, она прекрасно меня помнит.

— А чем ты занимался позавчера вечером, шестнадцатого марта?

— После работы вернулся в гостевой дом. Хозяин и четверо-пятеро постояльцев пили во дворе, они пригласили меня присоединиться. С десяти вечера до двух ночи я был с ними — разве что отлучался в туалет на пару минут. Владелец и те ребята все подтвердят.

Тань Юн и Ли Бинь переглянулись. Фань Кэ говорил уверенно. Вряд ли он врал. Если его слова подтвердятся, значит у него железное алиби на оба преступления.

К отравлению куриным супом он точно не име-

ет никакого отношения: в момент происшествия присутствовали только члены «Большой семьи», Фань Кэ там не было. Конечно, он мог выступать заказчиком, но, чтобы доказать его причастность, нужны улики.

— Офицеры, прошу вас как можно скорее проверить мои слова и восстановить мое честное имя, — сказал Фань Кэ.

— Хватит разыгрывать невинность! — резко оборвал его Ли Бинь. — Ты сам прекрасно знаешь, что нечист на руку.

— Офицер, вы так уверены, что случившееся связано именно со мной? Не забывайте, в «Большой семье» полно других людей. Кто-то из них вполне мог поддаться жадности или злому умыслу. Смерть Ся Ци невыгодна мне, но очень даже выгодна им. Советую вам поискать настоящего убийцу среди них.

— Обязательно поищем. И обойдемся без твоих подсказок, — холодно ответил Тань Юн.

4

В своем кабинете Цзян Мин обратился к Тань Юну и Ли Биню:

— Я связался с оператором связи и запросил полную расшифровку звонков Фань Кэ. Оказалось, в последнее время он не только не связывался с «Большой семьей», но даже ни разу не звонил Ся Ци. Вообще, судя по записям, он почти ни с кем не общался по телефону. Странно, не правда ли?

— Да как такое возможно? — удивился Ли Бинь.

— Лао Тань, что скажешь?

Тань Юн ответил не сразу.

— Это не доказывает невиновность Фань Кэ, лишь говорит, что он крайне хитер. Скорее всего, у него два телефона. Второй он использует для связи с Ся Ци и другим сообщником. Так что даже при проверке полиция ничего не найдет.

— Верно, я тоже так думаю. Причем не только у Фань Кэ — у его сообщников тоже два телефона. То есть они сознательно не контактировали друг с другом через свои основные номера — настолько преступники изворотливы и осторожны.

— Тогда, может, обыщем номер Фань Кэ? —

предложил Тань Юн.

— Пока вы допрашивали его, я уже отправил Сяо Лю с группой в гостевой дом. Они ничего не нашли. Полагаю, оба телефона были при Фань Кэ. Когда он понял, что дело пахнет жареным, то либо выбросил второй аппарат по пути, либо уничтожил его. И почти наверняка успел предупредить своего сообщника.

Тань Юн нахмурился:

— А я надеялся, что, если сообщник не знает о задержании Фань Кэ, мы сможем обыскать дома членов «Большой семьи». Вдруг нашли бы второй телефон.

— Шансы призрачные, — покачал головой Цзян Мин. — Даже если Фань Кэ не успел его предупредить, найди мы лишь один телефон — как доказать, что именно он использовался для связи с Фань Кэ? Нужны оба аппарата.

— Точно, — вздохнул Тань Юн. — Капитан Цзян, вы смотрели запись допроса?

— Да. — Цзян Мин кивнул. — Для меня все очевидно: за этими преступлениями стоит Фань Кэ. Возможно, убивал не он, а его сообщник. Сейчас главное — вычислить второго участника.

— Два сообщника — это двойная страховка, — поддержал Тань Юн. — Если все пойдет по

плану, Ся Ци и второй подельник унаследуют как минимум две доли. А если кто-то выйдет из-под контроля — например, передумает сотрудничать, — второй устранит проблему. Ся Ци, вероятно, погибла по этой причине.

— Не исключено, — сказал Цзян Мин. — Думаю, Ся Ци не знала о втором сообщнике. После отравления она начала сомневаться, заподозрила, что Фань Кэ работает с кем-то еще, и стала проверять тех четырех женщин. Фань Кэ осознал, что Ся Ци больше не доверяет ему, поэтому решил ее убрать.

— Значит, Су Сяотун, Фань Линь, Ли Сюэли и Хань Лэй действительно под подозрением.

— Я бы не стал утверждать со стопроцентной уверенностью, но второй сообщник Фань Кэ, скорее всего, женщина. Ты же видел его — красавчик, да еще и при деньгах. Легко мог очаровать женщину и заставить работать на себя. Ся Ци была лишь одной из пешек в его игре, вторую он хорошо запрятал. Кстати, в «Большой семье» есть еще Шэнь Фэнся. Почему Ся Ци не звонила ей?

— Вероятно, Ся Ци считала Шэнь Фэнся совершенно непричастной — та даже не требовала проверки. Шэнь Фэнся и Юань Дуна связывали крепкие многолетние отношения. К тому же они

раньше жили в глухих горах Гуйчжоу. Где уж им было пересечься с городским парнем вроде Фань Кэ? Поэтому Ся Ци сразу исключила ее из круга подозреваемых.

Цзян Мин слегка кивнул, затушив окурок в пепельнице. Как раз в этот момент вернулся Ли Бинь:

— Я проверил: Фань Кэ говорил правду. В вечера убийств Гун Ямэй и Ся Ци у него железное алиби.

— Как мы и предполагали, — сказал Цзян Мин. — Фань Кэ не убийца, он заказчик.

— Что теперь? — Ли Бинь опустился на стул, выпив за раз полбутылки воды.

— Подержим его двадцать четыре часа, — распорядился Цзян Мин. — Даже если Фань Кэ не убийца, то соучастник или организатор. Он все еще под подозрением. Оформлю у начальника Чэня запрет на выезд — пусть сидит в Лиши и ждет, пока мы его не вызовем. И установлю за ним слежку, чтобы не сбежал.

— Отлично! — горячо воскликнул Ли Бинь. — Этого типа нельзя просто так отпускать. С первого взгляда видно, что он главный зачинщик.

— Мы все это поняли, — сказал Тань Юн. — Теперь вопрос: как вычислить его сообщника?

— Лао Тань, ты знаешь, в каком порядке члены

«Большой семьи» заселились в «Юэхайвань»? — спросил Цзян Мин.

— Знаю. — Тань Юн подошел к маркерной доске и начал записывать. — Первой два года назад заселилась Гун Ямэй. Второй — Ли Сюэли, купила квартиру двенадцать ноль три, ту самую, где произошло первое убийство. Третьими — Фань Линь с дочерью. Четвертым — Ван Синсин. Пятой — Ся Ци. Шестой — Хань Лэй. Затем Юань Дун и Шэнь Фэнся. Все они заселились в течение примерно полугода. Долгое время новых жильцов не было, пока месяц назад не переехали Су Сяотун и Гу Лэй. Вскоре они присоединились к «Большой семье».

— Тогда под наибольшее подозрение попадает Су Сяотун? Раз она заселилась в числе последних? — поставил вопрос Цзян Мин.

— Хотите сказать, Су Сяотун и есть вторая сообщница, которую Фань Кэ нашел на смену Ся Ци? Возможно. Но вот нюанс: они только что приехали, как они могли быть уверены, что Гун Ямэй включит их в список наследников? К тому же, по моим наблюдениям, Су Сяотун и Гу Лэй не пытались сблизиться с Гун Ямэй.

— Хм… для Фань Кэ, конечно, разумнее было внедрить второго сообщника заранее, — согласился Цзян Мин. — Давай разберем по порядку:

Ли Сюэли, Фань Линь и Хань Лэй — кто из них наиболее вероятная подозреваемая?

— Я уже изучал этот вопрос, — сказал Тань Юн. — Если смотреть по хронологии: через несколько дней после заселения Гун Ямэй в «Юэхайвань» Ли Сюэли приехала из другого города и купила квартиру двенадцать ноль три этажом ниже. Конечно, это может быть совпадением. Но потом, обнаружив, что квартира «несчастливая», она испугалась и создала «Большую семью». Начала приглашать Гун Ямэй и других на ужины, чтобы укрепить отношения с соседями.

— Эй, Лао Тань, если тебя послушать, а не умышленно ли Ли Сюэли купила «несчастливую» квартиру? — высказал догадку Ли Бинь. — Чтобы был повод сблизиться с Гун Ямэй. Конечно, обрабатывать Ямэй в одиночку было бы слишком подозрительно — остальные нужны были как прикрытие.

Тань Юн задумался.

— Пожалуй.

— Теперь расскажи про Хань Лэй и Фань Линь, — попросил Цзян Мин.

— Хань Лэй раньше работала танцовщицей на шесте в ночном клубе. В подобных местах как раз любят тусоваться такие повесы, как Фань Кэ.

Хань Лэй очень красивая, у нее соблазнительная фигура. Эти двое наверняка заинтересовали бы друг друга. Что касается Фань Линь — она сама признавала, что в прошлый брак вступила, ослепленная красотой избранника. Значит, она как раз из тех, кого легко очаровать симпатичным мужчиной, а Фань Кэ идеально подходит под это описание.

— Выходит: то, что Су Сяотун приехала последней, подозрительно. То, что Ли Сюэли создала «Большую семью», подозрительно. Фань Линь падка на красавчиков, значит легко могла стать пешкой Фань Кэ. Хань Лэй — королева ночных клубов, Фань Кэ с ней наверняка контактировал… Получается, все четыре под подозрением? — Цзян Мин развел руками. — И как тут быть?

— Остается только допросить каждую из них, — предложил Ли Бинь.

— Допросить можно, но признаются ли они?

Ли Бинь почесал затылок и замолчал.

— Мы ведь можем продержать у себя Фань Кэ целые сутки, — сказал Тань Юн. — В его показаниях нам и стоит искать зацепки.

— Но если он упрется и не заговорит, мы бессильны, — заметил Цзян Мин. — Он сам не убийца, но будет изо всех сил покрывать настоя-

щего преступника, иначе конец наступит и ему самому.

— Я поговорю с ним еще раз, — твердо заявил Тань Юн. — Даже если не удастся вытянуть имя убийцы, выясню что-нибудь еще. Эти двадцать четыре часа я использую по максимуму.

Глава пятнадцатая. Скрытая угроза

1

Стоит ли связаться с Чжоу Сыда? По логике вещей, раз он приехал в Лиши, ей следовало бы проявить гостеприимство — пригласить его на ужин или что-то в этом роде. Но встречаться с ним тет-а-тет неправильно, явиться вместе с мужем и сыном неловко. Да и в нынешней ситуации смогла бы она притвориться, будто все в порядке, и непринужденно беседовать?

Эти мысли не давали Су Сяотун покоя в последние дни.

Причина была проста: в первый же день своего приезда Чжоу Сыда позвонил ей. На следующий день он снова поинтересовался, не найдется ли у нее времени повидаться. Оба раза Су Сяотун вежливо отказывалась под благовидными предлогами. В душе при этом она испытывала легкое чувство вины: такое поведение противоречило ее принципам. Однако, если бы она действительно согласилась встретиться с Чжоу Сыда, возникли бы все те вопросы, о которых она до сих пор размышляла. Настоящая дилемма.

Однако после второго отказа Чжоу Сыда больше не звонил. Вероятно, решил наконец отступить.

Су Сяотун подумала, что так даже лучше: раз он больше не настаивает, то и ей не придется проявлять инициативу. Все-таки бывший парень. Хоть они и расстались друзьями, продолжать общение с ним не стоит. Пожалуй, пора забыть о Чжоу Сыда.

После случая с отравлением семья почти не выходила из дому. Взрослые еще терпели вынужденную изоляцию, но ребенку было невмоготу: раньше Гу Сяолян гулял каждый день — то на детской площадке в парке, то в игровой зоне торгового центра. Несколько дней взаперти — и мальчик начал капризничать, даже мультики не помогали. Сегодня он проснулся на рассвете и наотрез отказался снова ложиться, требуя, чтобы его выпустили поиграть.

Из-за его выходок Су Сяотун и Гу Лэй тоже не могли уснуть. Сначала они попытались успокоить сына, но Гу Лэй вдруг предложил:

— Может, все-таки выведем Сяоляна погулять?

— Сейчас? — Су Сяотун проверила время на телефоне. — Восемь утра — куда ты собрался?

— Сяолян, куда хочешь пойти? — обратился к сыну Гу Лэй.

— На улицу! На улицу! — Мальчику было все равно куда, лишь бы выбраться из дому.

— Хорошо, сначала позавтракаем, а потом поедем на трехместном велосипеде по самой красивой части Хуаньхайлу, договорились?

— Да! — Лицо Сяоляна сразу просияло, слезы мгновенно высохли.

Су Сяотун тоже успела затосковать после нескольких дней взаперти. К тому же после смерти Ся Ци прошло уже два дня, новых жертв не было, что слегка ослабило ее тревогу. В итоге они вместе собрали сына, умылись и переоделись. Перед выходом Су Сяотун колебалась, но Гу Лэй ободряюще сказал: «Все в порядке», открыл дверь, осмотрел коридор и лишь тогда кивнул:

— Пошли.

Втроем они спустились на лифте, покинули жилой комплекс и направились в ближайшую закусочную, где заказали обильный завтрак: рисовую лапшу, соевое молоко, хрустящие палочки, маринованные яйца, паровые булочки… Гу Сяолян ел с аппетитом. После завтрака они зашли в соседний супермаркет за напитками и снеками, затем поймали такси и отправились к самому живописному участку в окрестностях — Западной кольцевой дороге.

Автомобильное движение здесь было запрещено — разрешалось ездить только на велосипедах.

Дорожное полотно разделялось на пешеходную и велосипедную зоны. Было около девяти утра, стояла ясная безветренная погода, и по Западной кольцевой уже прогуливались многочисленные туристы и любители спорта: кто-то шел пешком, кто-то ехал на велосипеде, некоторые останавливались сделать фотографии или полюбоваться горами и водами озера. По одну сторону дороги располагались стильные гостевые дома, отели и кафе. Практически у каждого входа предлагали велосипеды напрокат.

Гу Сяолян сразу приметил трехместный велосипед с ярким навесом и, схватив родителей за руки, потянул их к нему. Гу Лэй оставил залог хозяину и арендовал транспорт. Взрослые устроились по бокам, крутя педали, а мальчик разместился посередине и держался за руль. Слаженная работа семейства привела яркий велосипед в движение.

— Ой, забыла взять блютуз-колонку, — с легким сожалением произнесла Су Сяотун.

Гу Лэй хитро улыбнулся и, словно фокусник, достал из кармана миниатюрную колонку:

— Знаю, как ты любишь слушать музыку в дороге, вот и прихватил.

— Замечательно! — Су Сяотун подключила устройство к телефону.

Полились нежные мелодии, окутывая все вокруг атмосферой уюта.

Крутя педали под легкий бриз, перекусывая снеками и наслаждаясь музыкой с прекрасными видами, семья погрузилась в романтичное настроение. Су Сяотун уже давно не чувствовала такого душевного подъема. В эти мгновения все тревоги остались где-то далеко, уступив место простым радостям жизни. Гу Сяолян весело подпевал, а Гу Лэй то и дело поглядывал на жену и сына, и его лицо озаряла довольная улыбка.

Аренда трехместного велосипеда обошлась в тридцать юаней — никаких ограничений по времени, можно кататься до самого вечера. Напитки, сладости и печенье из магазина потянули на шестьдесят с небольшим. Музыка и пейзажи были бесплатными, а хорошая погода — подарком Небес. Наслаждаясь моментом, Су Сяотун с легкой грустью подумала: «Меньше ста юаней способны подарить семье столько счастья».

Некоторые вещи действительно не купишь за деньги. Или, точнее, их ценность не зависит от потраченной суммы. Так зачем же люди безудержно гонятся за богатством?

Вскоре они подустали. На глаза попалась лужайка, выходящая на берег озера Юэхай. Отсюда

открывался потрясающий вид, над водой кружили чайки. Гу Лэй предложил сделать перерыв, и Су Сяотун охотно согласилась. Они припарковали велосипед и устроились на деревянной скамье, растворившись в пейзаже, будто сошедшем с акварели.

Но через несколько минут их телефоны одновременно зажужжали — должно быть, уведомление из общего чата. Умиротворение рассеялось, когда они увидели голосовое сообщение от Фань Линь. Су Сяотун нажала на воспроизведение, и резкий голос разрушил идиллию:

— Твою мать, кто это сделал?!

Су Сяотун и Гу Лэй вздрогнули, сразу же встали и отошли подальше, чтобы Гу Сяолян не услышал грубостей. При этом их удивило поведение Фань Линь: хоть та и отличалась прямотой, но редко сквернословила и уж точно никогда не кричала, как рыночная торговка. Что же могло ее так взбесить?

Прежде чем они успели ответить, Ли Сюэли уже написала: «Фань Линь, на кого это ты ругаешься?»

Хань Лэй тоже отреагировала: «Что случилось?»

Фань Линь снова отправила голосовое сооб-

щение:

— Спуститесь вниз и сами все увидите!

— Спуститесь? То есть она сейчас у подъезда? — нахмурилась Су Сяотун.

— Похоже на то. Тогда нам…

Су Сяотун тяжело вздохнула и нехотя произнесла:

— Давай поедем обратно, посмотрим, что там случилось.

Гу Лэй лишь кивнул. В таких обстоятельствах было невозможно со спокойной душой продолжать прогулку.

Они объяснили сыну, что в жилом комплексе произошел небольшой инцидент и нужно срочно поехать домой. Расстроенный Гу Сяолян надул губы, но в итоге согласился, когда ему пообещали купить новую игрушку. Семья вернулась на велосипеде к месту аренды, сдала транспорт и сразу же поймала такси до «Юэхайваня».

2

У третьего подъезда собралась куча людей. Помимо Фань Линь и членов «Большой семьи», здесь были сотрудники ЖЭКа, другие жильцы и даже полицейские — Тань Юн с Ли Бинем.

При виде такого скопления людей сердце Су Сяотун снова сжалось. Неужели опять кто-то умер? Чтобы ребенок вдруг не стал свидетелем пугающего зрелища, она попросила Гу Сяоляна подождать в стороне, а сама с мужем пробилась сквозь толпу.

— Что случилось?

— Вы гуляли, что ли? — спросила Фань Линь.

— Да. Сяолян с утра упросил нас сводить его покататься на велосипеде. Как увидели твое сообщение, сразу вернулись.

— Значит, это точно не вы.

— Что случилось?

— Сами посмотрите. — Фань Линь указала на землю.

Су Сяотун и Гу Лэй опустили глаза и увидели у ее ног десятки стальных шариков диаметром около сантиметра. Шарики с такой силой ударились о каменную плитку, что та треснула. Очевидно,

их сбросили с верхних этажей.

Су Сяотун и Гу Лэй переглянулись, они мгновенно поняли, что произошло: кто-то, дождавшись, когда Фань Линь пройдет под окнами, сбросил сверху горсть стальных шариков, чтобы убить ее!

Тань Юн и Ли Бинь, запрокинув голову, изучали окна. Траектория падения указывала, что шарики могли быть сброшены только из третьей или четвертой квартиры.

— Шарики точно бросали либо из третьей, либо из четвертой квартиры, — обратился к представителю ЖЭКа Тань Юн, — а учитывая, что они пробили каменное покрытие, бросали минимум с третьего этажа. Соберите список жильцов и передайте мне.

— Хорошо, — ответил представитель ЖЭКа и добавил: — Мы повесим в лифтовых холлах и у подъезда предупреждающие таблички, запрещающие выкидывать что-либо из окон.

— Не надо! — гневно воскликнула Фань Линь. — Никто ничего просто так не выкидывал. Это спланированная попытка убийства! Сбросить стальные шарики на человека с высоты более десяти метров — все равно что дробью по нему пальнуть. А целая горсть — это же буквально

картечь! Хорошо, что мне повезло. Убийца поторопился и выбросил их чуть раньше, чем я подошла. Иначе я сейчас лежала бы здесь вся в дырках, как решето!

— Ладно, Фань Линь, давай обсудим детали внутри, — сказал Тань Юн, разгоняя собравшихся жильцов.

Ли Бинь надел перчатки и собрал все шарики для дактилоскопической экспертизы.

Оглядев присутствующих, Тань Юн заметил, что из всех членов «Большой семьи» не хватало только Ван Синсина.

— А где Ван Синсин?

— Он же живет со мной, — ответила Фань Линь. — Каждую ночь играет в игры, наверное, еще спит.

— Тогда пройдем к тебе. Остальные тоже. Нужно разобраться в ситуации.

Все кивнули и на лифте поднялись на четырнадцатый этаж в квартиру 1401, где жила Фань Линь. Перед этим Гу Лэй отвел Гу Сяоляна домой.

Пока все рассаживались в гостиной, Тань Юн постучал в дверь второй спальни:

— Ван Синсин!

Ответа не последовало. Тань Юн постучал сильнее и позвал громче. Наконец раздался сонный

голос:

— Кто там?

— Это я, Тань Юн. Открывай!

Через несколько секунд дверь открылась. Ван Синсин стоял босиком, в одних трусах, потирая глаза:

— Лао Тань, ты как здесь оказался… — Не договорив, он заметил в гостиной остальных членов «Большой семьи» и вздрогнул. — Подождите минутку, я оденусь.

Ван Синсин натянул одежду и, шлепая тапками, вышел — с заспанным лицом и взъерошенными волосами. Он сразу понял: что-то случилось — и тревожно спросил:

— Что происходит? Неужели… опять кто-то погиб?

— Я! Чуть не погибла только что! — раздраженно выкрикнула Фань Линь.

— Что? Как так?

— Отвела Вэньцзин в школу, позавтракала, немного прогулялась по улице. Возвращаюсь — и с неба сыплется целая горсть стальных шариков! Чудом в меня не попали! Еще бы пара сантиметров — и меня б уже не было в живых! — Голос Фань Линь дрогнул, по щекам потекли слезы.

Ван Синсин остолбенел:

— Кто мог такое сделать?

— Ты не в курсе? — спросил Тань Юн.

— С чего мне быть в курсе? Я заснул как обычно — в пять утра. Только что проснулся, вы же сами видели!

— В «Вичат» не заглядывал?

— Я сплю как убитый. — Ван Синсин покачал головой. — Даже уведомлений не слышу.

Тань Юн прекратил допрос и позвонил в управляющую компанию. Спросил, готов ли список жильцов. Те ответили, что отправят его через несколько минут. Вскоре на телефон полицейского пришло изображение с четкой разметкой — все владельцы третьей и четвертой квартир с указанием этажей.

— Хань Лэй, шестой этаж, квартира шестьсот четыре; Шэнь Фэнся, восьмой этаж, восемьсот три; Ли Сюэли, двенадцатый этаж, двенадцать ноль три; Ван Синсин, пятнадцатый этаж, пятнадцать ноль три, — зачитал Тань Юн.

Фань Линь фыркнула и оглядела всех присутствующих:

— Значит, убийца — один из вас четверых.

— Эй, погодите! — возмутился Ван Синсин. — Я же сейчас живу у тебя! Меня нет на пятнадцатом!

Фань Линь промолчала, но Шэнь Фэнся заметила:

— Не факт. Вдруг ты сбегал домой, сбросил шарики, а потом прикинулся спящим?

— Эй, не надо на меня наговаривать! — вспыхнул Ван Синсин. — С какой стати я стал бы так рисковать? Если бы с Фань Линь что-то случилось, я первым бы попал под подозрение.

— Логика хромает. — Су Сяотун невольно поморщилась. — Тебя посчитали бы главным подозреваемым, случись с Фань Линь что-то здесь, в квартире. А если на улице — при чем тут ты?

Фань Линь устремила на Ван Синсина недоверчивый взгляд.

— Сестрица Фань, ты же знаешь — я каждую ночь играю! — закричал тот. — Для вас сейчас утро, а для меня — глубокая ночь, время сна! У меня совсем другой режим!

Фань Линь промолчала. Очевидно, в ее глазах круг возможных виновников расширился.

Тань Юн переключился на других:

— Хань Лэй, Ли Сюэли, Шэнь Фэнся, где вы были в это время?

— Я только встала и умывалась в ванной, — сказала Хань Лэй.

— Я готовила завтрак Ма Цяну, — пояснила Ли

Сюэли. — После того как он ушел, мыла посуду. Тогда и увидела сообщение от Фань Линь.

— Лао Тань, к чему эти вопросы? — Шэнь Фэнся покачала головой. — Мы все живем одни, и даже если бы в квартире был кто-то еще, сбросить шарики, не привлекая чужого внимания, не составило бы труда.

Тань Юн и сам это понимал, но обязан был проверить. Сбрасывание стальных шариков — поистине коварный способ убийства. Камеры наблюдения во дворе не охватывали верхние этажи. Шанс, что кто-то из соседнего дома мог увидеть происходящее, был ничтожно мал: здания стояли слишком далеко друг от друга. Преступник мог спокойно атаковать среди бела дня и остаться незамеченным.

Это происшествие стало тревожным открытием — убийца был готов использовать самые изощренные методы. Теперь следовало учитывать все, чтобы предотвратить новые преступления. Фань Линь, к счастью, осталась жива, но следующую жертву удача может обойти стороной.

— Я же говорила, что я — самая уязвимая мишень! — всхлипывала Фань Линь. — Каждый день в одно и то же время я вожу Вэньцзин в школу. Так и вышло. Но я не ожидала, что убийца

окажется настолько жестоким. Ты хоть подумал, что будет с Вэньцзин, если меня убьют? Ее отец — настоящий подлец, давно пропал неизвестно где. Останься она сиротой — как ей жить дальше? Мерзавец! Как ты мог? Хотя бы ради ребенка меня пощадил!

Ее крики, казалось бы, летели в пустоту, но на самом деле били точно в цель: убийца определенно находился среди присутствующих.

В гостиной воцарилась тишина, прерываемая только рыданиями Фань Линь. Су Сяотун осторожно заметила:

— Фань Линь, я ни в коем случае не оправдываю того, кто это сделал… Но он хоть не напал на тебя, когда вы выходили из подъезда. Это уже хорошо.

— Да, если бы это случилось, когда вы покидали ЖК, пострадала бы и Вэньцзин… — с содроганием произнес Гу Лэй.

— Мне ему сказать спасибо, что ли?! — рыдала Фань Линь. — Если меня убьют, Вэньцзин этого не переживет! Об этом убийца подумал?!

Тань Юн понял, что дальнейшие расспросы бесполезны. Он попытался успокоить Фань Линь:

— Не заводись, я сделаю все возможное, чтобы найти преступника. Хань Лэй, Ли Сюэли, Шэнь Фэнся, Ван Синсин — вас четверых прошу

проследовать со мной в управление для дактилоскопической экспертизы.

— Э-э-э… И я тоже? — пробормотал Ван Синсин.

— Да.

Тот беспомощно замолчал.

— Остальные могут идти, — распорядился Тань Юн. — Постарайтесь реже выходить из дому. Если все же придется — будьте предельно внимательны.

Присутствующие кивнули.

3

Су Сяотун и Гу Лэй вернулись домой, где застали Гу Сяоляна на диване смотрящим мультфильмы. Су Сяотун подошла к сыну, подняла его и усадила к себе на колени, положив подбородок на его макушку. Гу Лэй присел рядом, и вся семья уставилась в телевизор, хотя рассеянные взгляды взрослых выдавали их тревожные мысли.

После нескольких серий Су Сяотун сказала сыну, что глазам пора дать отдохнуть. Гу Сяолян послушно кивнул и переключился на пазл. Су Сяотун направилась в спальню, Гу Лэй последовал за ней и закрыл за собой дверь.

— Сяотун, ты почему молчишь?

Су Сяотун развернулась и обняла мужа. Гу Лэй замер, затем нежно погладил ее по спине:

— Ты… плачешь?

Су Сяотун вытерла слезы и села на кровать. Гу Лэй пристроился рядом, обняв ее за плечи, и тихо спросил:

— Что случилось? В этот раз ведь никто не пострадал, Фань Линь просто испугалась…

— Я тоже испугалась. Гу Лэй, тебе не страшно?

— Ты о чем?..

— Что, если бы шарики свалились на нас? Представь, мы бы вышли утром из дому и оказались под стальным дождем…

— Но это невозможно. Наша прогулка была спонтанной. Вспомни, что Фань Линь сказала: ее выбрали мишенью как раз из-за регулярных походов в школу.

Су Сяотун покачала головой:

— Убийце достаточно было увидеть, как мы выходим из подъезда. Ему не нужно заранее знать наш график!

Гу Лэй замолчал.

— Ты понимаешь, что это значит? Нам просто повезло, или убийца пока не избрал нас своей целью. Иначе наша семья могла бы уже…

Гу Лэй крепче прижал к себе Су Сяотун:

— Хорошо, что с Фань Линь все обошлось. Пусть это будет для нас уроком. Теперь будем внимательнее при входе и выходе из подъезда. В случае чего закажу прочный зонт из особых материалов, чтобы смягчить удар, если сверху что-то упадет…

— Бесполезно. — Су Сяотун покачала головой. — Нам не защититься.

— Ты про зонт? Я найму мастеров, использую сверхпрочные ткани…

— Я не про зонт! — перебила его Су Сяотун. — Я

о том, что от убийцы не защититься.

— Почему?

— Способов убийства и подлых нападений полно, — устало ответила Су Сяотун. — Мы можем уберечь себя от одного, но не от всех сразу. Если убийца решит нас устранить, он найдет вариант.

— Но именно этого он и добивается! — горячо возразил Гу Лэй. — Он хочет запугать всех, чтобы мы разбежались.

— Что ж, поздравляю — у него получилось, — без эмоций сказала Су Сяотун. — Я устала, Гу Лэй. Сегодняшние события окончательно убедили меня — лучше уехать, чем каждый день жить в страхе.

— Ты уверена? — Лицо Гу Лэя потемнело. — Ты готова просто так отказаться от наследства?

— Да. Я больше не могу здесь оставаться. И я обязана думать о Сяоляне. Нельзя позволить, чтобы он рос в атмосфере ужаса.

Гу Лэй тяжело вздохнул, его взгляд стал отрешенным:

— Я обещал уважать твой выбор… Когда уезжаем?

— Как можно скорее. Я не проведу здесь больше ни дня.

— Если разобраться, адвокат Фэн говорил,

что после получения наследства мы должны бóльшую часть года проживать в «Юэхайване». Но ведь мы еще не получили деньги…

— Какая разница? Получим мы его, и что дальше? Снова вернемся в это опасное место? Тогда какой смысл уезжать?

— Это временная мера. Вдруг полиция скоро найдет убийцу? Вот Тань Юн же взял отпечатки пальцев у подозреваемых…

— Бесполезно. Убийца слишком хитер и расчетлив, чтобы оставить следы на шариках.

— Не факт…

— В смысле?

— С чего мы вообще решили, что за всем стоит один и тот же человек?

Су Сяотун задумалась.

— Ты считаешь, первое убийство запустило цепную реакцию?

— Да, остальные вовсе не собирались никого убивать, но теперь вынуждены действовать — ради самозащиты или устранения потенциальной угрозы.

— Если это так, то оставаться здесь еще опаснее. Поэтому я настаиваю — нужно отказаться от наследства и уехать из Лиши.

— Раз уже все решила, то… — Гу Лэй замолчал,

затем добавил: — Но у меня есть компромисс.

— Какой?

— Ты с Сяоляном переедешь в Куньмин, а я поживу в «Юэхайване». Так вы будете в полной безопасности и условие завещания останется соблюдено.

— Ты предлагаешь нам жить раздельно? — Су Сяотун удивленно посмотрела на него.

— Нет, я буду каждую ночь проводить в Куньмине, а днем возвращаться в Лиши. Так я формально сохраню статус жителя комплекса и не нарушу последнюю волю Гун Ямэй.

— Гун Ямэй хотела, чтобы «Большая семья» жила дружно… — горько усмехнулась Су Сяотун. — А теперь мы собираемся пойти наперекор ее желанию. Какая ирония…

— Да, наверное, она и представить себе не могла, что все обернется именно так. Но оставим это. Как тебе мой план?

— Ежедневно мотаться между Лиши и Куньмином будет нелегко.

— Пустяки. На скоростном поезде всего два с лишним часа пути. Туда-обратно — около четырех.

— Если учитывать дорогу до дому и ожидание на вокзале, выйдет минимум шесть часов.

— Не страшно. Когда мы получим наследство, мне уже не придется переживать о деньгах. Будем считать эти поездки моей работой.

Су Сяотун покачала головой:

— Я не могу позволить тебе так изматываться. Целых двадцать лет… Это не решение.

— Сяотун, все хорошо, правда. Тебе кажется, что мне будет тяжело ежедневно ездить на поезде. Но для меня каждая поездка — возможность вернуться домой, к тебе. Это наполнит мое сердце таким счастьем, что даже долгая дорога станет в радость.

— А разве, когда мы вместе, ты не ощущаешь того же счастья?

— Конечно ощущаю, но это разные вещи. Кратковременная разлука усиливает любовь, понимаешь? Когда тебя нет рядом, я скучаю и жду встречи. Сама поездка в поезде проходит в трепетном предвкушении. Возможно, встречаться так даже интереснее, чем постоянно жить вместе: расстояние придает отношениям очарование.

Су Сяотун внимательно посмотрела на Гу Лэя, пытаясь понять его мотивы:

— Ты действительно так думаешь или просто пытаешься меня убедить?

— Я действительно так думаю.

— Но даже если так… Разве ты не подвергаешь себя опасности, оставаясь здесь один?

— Мне ничто не угрожает.

— Почему?

— Потому что я буду предельно осторожен.

Су Сяотун не нашлась с ответом. Она ощущала неправильность этого плана. После долгого раздумья она резко подняла голову, устремив взгляд на Гу Лэя.

— Что такое? — спросил он.

— Мне пришла в голову идея.

— Какая?

— Если воспользоваться моим способом, все члены «Большой семьи» смогут получить наследство и никто при этом не пострадает.

Глава шестнадцатая. Решение

1

Как и предполагала Су Сяотун, на стальных шариках не оказалось ни единого отпечатка: преступник явно промыл их в перчатках, перед тем как сбросить. Тань Юна не удивил этот результат. Снятие отпечатков у Ли Сюэли, Хань Лэй и Шэнь Фэнся было простой формальностью. Получив заключение экспертов, он отпустил всех трех.

В кабинете Цзян Мина Тань Юн и Ли Бинь доложили руководству ситуацию. Полицейские обсуждали дальнейшие действия.

— Фань Линь подверглась нападению, когда Су Сяотун с Гу Лэем были за пределами «Юэхайваня». Исключаем их из списка подозреваемых? — предложил Ли Бинь.

— Не стоит спешить с выводами, — покачал головой Цзян Мин. — Вдруг мы имеем дело с несколькими убийцами. К тому же шарики могли сбросить с помощью механизма, а не вручную.

— Механизма?

— Например, некто установил на балконе, подоконнике или крыше простое механическое устройство. В заданное время шарики высыпались из контейнера. Это несложно реализовать.

Тань Юн кивнул:

— Если шарики упали ровно в момент, когда Фань Линь выходила из подъезда, значит устройство установила она сама. То есть это инсценировка с целью снятия с себя подозрений.

— Но это лишь предположение, — заметил Цзян Мин. — Даже если так, устройство уже давно уничтожено или спрятано.

— Расследовать такие происшествия всегда нелегко. — Ли Бинь развел руками. — А тут еще преступник продумал все до мелочей, не оставил никаких отпечатков. Получается, установить виновного невозможно?

— Все эти случаи объединяет вот что: людей с мотивом и возможностью совершить преступление слишком много, а настоящий убийца невероятно хитер, — сказал Цзян Мин. — Поймать его — крайне сложная задача. Наш главный прорыв — задержание непосредственного фигуранта дела, Фань Кэ. Жаль, но мы не можем заставить его назвать имя сообщника или сообщницы.

— Преступник сидит в комнате для допросов, а мы из него ни слова вытянуть не можем! — Ли Бинь ударил кулаком по столу. — Лао Тань, неужели ничего нельзя предпринять?

Тань Юн взглянул на часы:

— Я должен был допросить Фань Кэ с утра, но происшествие с шариками отняло два часа. Сейчас уже полдень, попробую еще раз.

— Я с тобой, — предложил Ли Бинь.

— Нет, на этот раз я допрошу его один. Будем действовать медленно и методично.

— Сначала пообедай, Лао Тань, — сказал Цзян Мин.

— Я не голоден. — Тань Юн направился к комнате для допросов.

Внутри Фань Кэ доедал принесенный полицией обед. Он провел в отделении уже почти двадцать часов и выглядел уставшим. Когда Тань Юн вошел, Фань Кэ лишь мельком взглянул на него и продолжил есть.

Тань Юн не стал ему мешать. Дождавшись, когда тот закончит, он протянул парню бумажную салфетку.

— Спасибо. — Фань Кэ вытер рот.

— Как еда?

— Так себе.

— Не слишком понравилась?

— Я и не рассчитывал, что в таком месте мне подадут блюда ресторанного уровня.

— Рад, что ты это понимаешь. — Тань Юн ответил сдержанной улыбкой. — Готовься к тому, что

теперь мы будем приглашать тебя сюда регулярно — каждый раз на полные сутки.

— Это еще что значит?

— Мы уже получили разрешение от городского управления. До раскрытия дела ты остаешься в Лиши под круглосуточным наблюдением. Свобода передвижения ограниченна.

— На каком основании? Вы же проверили мои алиби. Меня не было на месте преступления, когда погибли мать и Ся Ци.

— Верно. Но даже если не ты убивал, ничто не мешает тебе быть организатором. Ты все еще под подозрением, поэтому мы вправе удерживать тебя в городе, контролировать каждый шаг и когда угодно вызывать на допросы. Если тебе на это плевать, можешь и дальше тянуть время.

Фань Кэ цинично усмехнулся:

— Отлично. Лиши — прекрасное место. А частые визиты в полицию… Раз вас они не утомляют, то меня тем более. Ведь теряем время мы оба — не только я.

Тань Юн подавил гнев и спокойно продолжил:

— Вот что хочу тебе сказать: ты — не непосредственный убийца, а лишь соучастник. Если сознаешься — получишь на суде снисхождение. Но если мы сами выйдем на твоего сообщника —

понесешь полное наказание. — Он сделал паузу, затем твердо добавил: — Мы проверим всех, с кем ты контактировал. Рано или поздно мы найдем этого человека. Если сэкономишь нам время и назовешь его имя сейчас — гарантирую смягчение приговора. Это в наших общих интересах, ты не думаешь?

— Офицер, я понятия не имею, о чем вы. — Фань Кэ презрительно фыркнул. — Ни с кем я не сотрудничал, никого не подстрекал. То, что попросил Ся Ци угождать моей матери, — не преступление. Вы зациклились на мне, вместо того чтобы искать настоящего убийцу.

— Значит, отказываешься назвать сообщника?

— Не понимаю, о каких таких сообщниках вы говорите. — Фань Кэ развел руками. — Я всего лишь хочу справедливости для матери и Ся Ци.

— Хорошо, раз решил упрямиться — дело твое. Я дал тебе шанс на смягчение приговора, но ты им пренебрег. Когда мы найдем убийцу, тебя ждет максимальное наказание.

— Офицер, я тоже надеюсь, что вы как можно скорее найдете убийцу. Я ненавижу этого человека всей душой!

Тань Юн, не желая больше тратить время, вышел из допросной.

Ли Бинь по выражению лица коллеги сразу понял, что допрос прошел впустую. Он хлопнул Тань Юна по плечу:

— Лао Тань, я сразу знал, что Фань Кэ будет упорствовать до конца. Подумай сам: если он сознается, то не только сам сядет, но и его сообщнику впаяют смертный приговор. А это значит… — Ли Бинь горько усмехнулся, — что он не получит ни фэня из наследства. Вот и устроил спектакль. Играет на том, что у нас нет доказательств.

— Черт возьми! — Тань Юн в ярости расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. — Он уверен, что мы ничего не найдем. Значит, контактировал с убийцей максимально осторожно.

— Что будем делать? Через три часа истекут сутки — придется его отпустить.

— Вот же! — Тань Юн помахал воротником на манер веера. — Давай изучим вчерашние и сегодняшние записи допроса.

— Хорошо, посмотрим вместе, — согласился Ли Бинь. — Вдруг упустили какую деталь.

В подсобке они включили запись вчерашнего допроса продолжительностью девятнадцать минут. После первого просмотра Тань Юн запустил повтор. Ли Бинь, считая это излишним, вышел

перекурить.

Через десять минут дверь распахнулась.

— Ли Бинь! Иди сюда!

— А? Нашел что-то?

— Заходи, сам увидишь!

Ли Бинь затушил сигарету, выбросил окурок в урну и быстро вернулся в подсобку. Видео остановилось на одиннадцатой минуте. Тань Юн нажал воспроизведение. На экране заговорил Фань Кэ:

— Я тут ни при чем, клянусь. С матерью у меня были плохие отношения, больше года назад мы разорвали связь и с тех пор не общались. О ее смерти я узнал от Ся Ци. А про Ся Ци… только что от вас.

Тань Юн нажал на паузу и посмотрел на Ли Биня. Тот казался озадаченным.

— Ты нашел в его словах противоречие?

— Не противоречие, а нечаянно раскрытую информацию. Вчера я не заметил, но сейчас…

— Какую информацию?

— Фань Кэ сказал, что разорвал отношения с Гун Ямэй больше года назад.

— И что?

— Гун Ямэй купила квартиру в «Юэхайване» два года назад. А Фань Кэ утверждает, что разорвал с ней отношения всего год назад!

Ли Бинь задумчиво покачал головой:

— Значит, когда Гун Ямэй переехала в Лиши, они еще не были в ссоре?

— Именно! Мы упустили этот нюанс. Все автоматически предположили, что она приехала сюда после череды несчастий: банкротства компании, развода, разрыва с сыном… — Тань Юн внезапно ахнул. — Стоп! Это не мы предположили — так сама Гун Ямэй всем рассказывала.

— И ты ни разу не проверил эти сведения?

— Нет. Банкротство и развод — факты подтвержденные. Но я не учитывал хронологию.

— Ты о последовательности событий? Что было сначала — переезд или несчастья?

— Точно!

— Но если ее компания еще была на плаву, а разлад в семье пока не наметился… Зачем тогда переезжать в «Юэхайвань»?

Взгляды полицейских встретились. В эту секунду их осенила одна и та же жуткая догадка. Тань Юн слегка задрожал.

— Фань Кэ еще здесь. Проверим эту версию? — спросил Ли Бинь.

Тань Юн кивнул, и они направились к комнате для допросов.

— Время вышло. Отпускаете? — Фань Кэ поднял

брови при их появлении.

— Да, но сначала ответь на несколько вопросов, — сказал Тань Юн. — Честно.

— Кажется, я уже все объяснил…

— Другие вопросы. Не по делу, — намеренно солгал Тань Юн, чтобы усыпить бдительность парня.

Фань Кэ раздраженно скривился.

— Когда обанкротилась компания твоей матери?

— Не знаю точно. Год-два назад. Меня ее бизнес не интересовал.

— А когда твои родители развелись? Это-то ты знаешь?

— Угу.

— Когда?

Фань Кэ задумался.

— В июле позапрошлого года. Получается… год и восемь месяцев назад.

— И тогда же вы с матерью перестали общаться?

— Да.

— А когда она переехала в Лиши?

— Наверное, после развода.

— Ты действительно не в курсе, когда Гун Ямэй приехала сюда?

— Офицер, я говорю правду. Разве эти вопросы имеют отношение к делу? С какой стати мне врать?

— Ладно. Значит, мать не сообщила тебе о переезде в Лиши. Но как ты потом выяснил, где она?

Фань Кэ сделал паузу.

— Нанял частного детектива.

— В тот момент твоей девушкой была Ся Ци?

— Да.

— А как насчет твоей бывшей девушки, Хэ Юйшань? Когда вы расстались?

— За несколько месяцев до знакомства с Ся Ци… — Фань Кэ резко замолчал. — Откуда вы знаете о… Хэ Юйшань?

Сердце Тань Юна бешено заколотилось. Он почувствовал, что близок к разгадке, но внешне сохранял спокойствие.

— Я же говорил: мы проверяем всех, с кем ты общался. Бывшие девушки — естественная часть расследования.

Фань Кэ долго размышлял, стоит ли ему признаваться.

— Да, Хэ Юйшань была моей бывшей девушкой.

— После расставания вы поддерживали связь?

— Нет.

— Сейчас вы контактируете?

— Нет, я давно ее заблокировал.

— Зачем? Да, вы разбежались, но неужто ты такой бессердечный?

— Офицер, дело не во мне. Хэ Юйшань… Ладно, не стоит об этом.

— Нет, расскажи.

— Это хоть как-то связано с расследованием? Чистой воды сплетни.

— Пусть будут сплетни. Тебе тут еще два часа сидеть. Поболтаем, разрядим обстановку.

— Ну, я познакомился с Хэ Юйшань три года назад на банкете. Кажется, она влюбилась в меня с первого взгляда. Добавилась в «Вичате» и засыпала меня сообщениями. Тогда она показалась мне милой, и мы начали встречаться. Но Хэ Юйшань оказалась настоящей прилипалой — вечно висела на мне как репейник. Меня это раздражало, и я стал отдаляться. А она решила, что мне не нравится ее внешность — якобы лицо слишком круглое, — и без моего ведома сделала операцию по уменьшению скул. Так случилось, что она попала в какую-то подпольную клинику. Операция прошла неудачно, лицо ей практически изуродовали. Я невольно стал ее избегать. Разве это не нормальная реакция? Но она возложила

всю вину на меня, посчитала, что я косвенно виноват в ее бедах. Начала заваливать меня сообщениями, выдвигать абсурдные требования… В конце концов я ее заблокировал и прекратил с ней всякое общение.

— После этого вы больше не встречались?

— Нет.

— То есть тебе неизвестно, как она сейчас?

— Верно. Не хочу иметь никаких дел с этой обиженкой.

На лице Фань Кэ было написано отвращение. Он явно не знал, что Хэ Юйшань погибла два года назад, и не понимал цели этих вопросов. Тань Юн посчитал, что получил достаточно информации.

— Хорошо, я понял. Как только истечет срок, мы тебя отпустим.

— Обязательно ждать ровно сутки? Можно же пойти мне навстречу…

Пока Фань Кэ ворчал, Тань Юн и Ли Бинь уже вышли.

В коридоре Ли Бинь глубоко вздохнул:

— Лао Тань, то, что сейчас сказал Фань Кэ…

Тань Юн, опершись о стену и прикрыв ладонью лоб, остановил его жестом:

— Погоди. Дай мне минуту.

2

В четыре часа дня Тань Юн и Ли Бинь вошли в кабинет начальника. Цзян Мин, заметив необычное выражение их лиц, сразу спросил:

— Что, раскрыли дело?

— Да, но не текущее, а дело Хэ Юйшань двухлетней давности, — ответил Тань Юн.

— Правда? — оживился Цзян Мин. — Отлично! Кто убийца, поймали?

— Его невозможно поймать, — покачал головой Тань Юн.

— То есть?

— Убийца мертв.

Цзян Мин замер на мгновение, затем жестом пригласил их сесть.

— Так кто же преступник?

— Человек, которого я даже не подозревал, — удрученно произнес Тань Юн. — Во время допроса Фань Кэ случайно всплыла деталь, которая все прояснила.

— Хватит загадок, говори прямо.

Тань Юн поднял взгляд и твердо произнес:

— Гун Ямэй.

— Ты утверждаешь, что два года назад Гун Ямэй

убила Хэ Юйшань? Квартирантку? — Цзян Мин не скрывал удивления.

— Именно.

— Но какой у нее был мотив? Что их связывало?

— Ничего, кроме Фань Кэ.

Цзян Мин молча ждал продолжения, его пальцы непроизвольно стиснули ручку.

Тань Юн глубоко вздохнул:

— Только что Фань Кэ признался, что три года назад встречался с Хэ Юйшань. По его словам, она была навязчивой, но мы знаем Фань Кэ — он типичный плейбой, который просто использовал бедную девушку. Когда Фань Кэ охладел, Хэ Юйшань решила, что проблема в ее внешности, и сделала операцию, которая ее изуродовала. Вскоре после этого Фань Кэ ее бросил.

— Помню, при осмотре тела действительно обнаружили следы деформации лица. Значит, всему виной неудачная операция? — уточнил Цзян Мин.

— Именно. Поэтому хозяйка и говорила, что арендаторша всегда носила маску и очки: она скрывала изувеченное лицо.

— Продолжай, — кивнул Цзян Мин; его пальцы сжали досье так, что побелели костяшки.

— После предательства парня Хэ Юйшань переехала в Лиши, чтобы залечить душевные раны. А Фань Кэ тем временем полностью ее игнорировал, заблокировав все контакты. В итоге она осознала, каков он на самом деле, и любовь сменилась ненавистью. Как вы думаете, что сделала бы женщина в таком состоянии? Обезображенная, брошенная, одержимая местью, но неспособная найти обидчика?

— Она была не в себе. — Цзян Мин нахмурился. — Считала себя уродливой, обманутой. Наверняка мечтала убить Фань Кэ. Но раз не могла найти его…

— Верно, — перебил Тань Юн. — Она пошла обходным путем — через его родных. Мы проверили.

— Как вы это установили? — Цзян Мин отложил ручку.

— Мы только что были в техническом отделе, — пояснил Ли Бинь. — В хранилище вещественных доказательств нашли телефон Хэ Юйшань. Он в рабочем состоянии. Проверили звонки в день убийства. Она обзвонила десятки компаний, включая компанию Гун Ямэй.

— Это моя ошибка, — с досадой признал Тань Юн. — Тогда я решил, что Хэ Юйшань просто

искала работу. Мы даже перезвонили по всем номерам — они корпоративные. Теперь понятно: звонки были тщательно спланированы.

— Первый из нескольких десятков звонков был адресован компании Гун Ямэй. — Ли Бинь похлопал Тань Юна по плечу. — Но, Лао Тань, честно, это не твоя вина. Ты тогда даже не знал о существовании Гун Ямэй. Да и Хэ Юйшань звонила в приемную компании. Откуда тебе было знать, кого она искала? Кто бы мог подумать, что брошенная девушка, не найдя бывшего парня, позвонит на работу его матери и попросит к телефону председателя правления?

— Ли Бинь прав, — поддержал Цзян Мин. — Никто не мог этого предугадать. Не кори себя, Лао Тань.

Тань Юн кивнул.

— Очевидно, Хэ Юйшань знала, что мать Фань Кэ — председатель компании. После того как Фань Кэ ее заблокировал, она нашла телефон фирмы в справочнике и позвонила Гун Ямэй. О чем они говорили — неизвестно. Но итогом стало то, что через несколько часов после звонка Гун Ямэй прилетела в Лиши и встретилась с Хэ Юйшань в «Юэхайване», в квартире двенадцать ноль три.

— Судя по тому, чем все обернулось, содержа-

ние разговора легко представить, — сказал Цзян Мин. — Жалобы, упреки, всплески эмоций. Но все это второстепенно. Главное — угрозы. Например, Хэ Юйшань могла потребовать встречи с Фань Кэ, иначе грозилась подпортить ей репутацию. Или заявила, что убьет Фань Кэ и себя. Гун Ямэй испугалась, постаралась успокоить девушку и срочно отправилась в Лиши.

— Да, — продолжил Тань Юн. — Возможно, Гун Ямэй изначально хотела просто откупиться. Но, увидев Хэ Юйшань в неадекватном состоянии, поняла: разумного выхода нет. Адвокат Фэн говорил, что Гун Ямэй всегда чрезмерно опекала сына. Столкнувшись с обезумевшей женщиной, грозившей убить ее ребенка, она решилась на крайние меры.

— Лао Тань, но это лишь предположения. Где доказательства?.. — начал было Цзян Мин.

— Нет, капитан, мы с Ли Бинем уже подтвердили эту версию, — твердо заявил Тань Юн.

— С этого момента поподробнее, — кивнул Цзян Мин.

— Поскольку убийство Хэ Юйшань было незапланированным, Гун Ямэй сразу же стала думать о том, как избежать наказания. В итоге она совершила три действия, которые успешно запутали

следствие. Первое: она спрятала тело Хэ Юйшань в холодильник и тщательно замыла все следы крови на месте преступления. Поскольку у Хэ Юйшань в Лиши не было ни родственников, ни друзей, ее смерть могла долго оставаться незамеченной. И ведь правда: хозяйка квартиры и полиция узнали о ее гибели только через двадцать с лишним дней. Но Гун Ямэй не могла на это надеяться — что, если бы хозяйка неожиданно пришла в гости и обнаружила труп уже на следующий день? Поэтому ей пришлось совершить еще два действия. Гун Ямэй знала, что в день убийства Хэ Юйшань звонила в ее компанию. Если бы полиция нашла тому подтверждение в истории звонков, это сразу вызвало бы подозрения и привело к Гун Ямэй. Поэтому она взяла телефон Хэ Юйшань и позвонила в несколько десятков аналогичных компаний, притворившись соискателем работы. Таким образом, номер ее компании затерялся среди множества других. Даже если бы полиция запросила у оператора связи записи звонков с телефона Хэ Юйшань, они не сразу обратили бы внимание на номер компании Гун Ямэй. Вдобавок она удалила с телефона Хэ Юйшань всю информацию, связанную с Фань Кэ, чтобы полиция не вышла на его след.

— Все предусмотрела. Невероятно… — Цзян Мин покачал головой, пораженный, затем жестом велел продолжать.

— Это было второе действие Гун Ямэй. Третье — покупка квартиры в «Юэхайване». После убийства она не покинула Лиши, а осталась тут на пару дней. Она понимала: если уедет сразу после преступления, полиция, проверив камеры, заметит, что жительница другого города наведывалась на двенадцатый этаж комплекса. Это выглядело бы крайне подозрительно, Гун Ямэй не нашла бы тому убедительного объяснения. Поэтому Гун Ямэй поступила наоборот. Она не уехала, а несколько дней активно общалась с риелторами возле «Юэхайваня» и ходила на просмотры квартир. Мы только что подтвердили эту информацию в агентствах недвижимости — они до сих пор помнят ее. По словам агентов, Гун Ямэй осмотрела множество вариантов — на четвертом, десятом, двенадцатом и тринадцатом этажах… В итоге купила квартиру тринадцать ноль три на тринадцатом этаже. Так ее появление в комплексе стало выглядеть естественно. Она мастерски замаскировала свой визит в ночь убийства Хэ Юйшань.

— Она продумала все до мелочей. — Цзян Мин

глубоко вздохнул. — Неудивительно, что мы не могли раскрыть дело больше двух лет.

— Да, — сказал Тань Юн. — Гун Ямэй как-то упоминала, что хорошо разбирается в математике. Значит, у нее было развитое логическое мышление. Эти три действия она предприняла, чтобы избежать подозрений. Но ее расчеты на этом не закончились. После покупки квартиры она не осталась в Лиши, а вернулась в родной город. В то время ее компания еще не обанкротилась. Вернее, она находилась на грани краха и требовала участия Гун Ямэй. Только спустя полгода, после полного банкротства, она переехала в Лиши на постоянное жительство. Однако она лгала всем членам «Большой семьи», включая меня. Утверждала, что заселилась сразу после покупки квартиры. Мы тогда не усомнились в ее словах. Теперь понятно, зачем она врала — чтобы скрыть истинную причину покупки жилья. Гун Ямэй всем рассказывала, что переехала в Лиши только после банкротства компании и семейных проблем. Поскольку на момент покупки ее фирма действительно была на грани краха, а семья распадалась, эта версия выглядела правдоподобно.

— Но она не могла представить, — с горькой иронией заметил Ли Бинь, — что через два года

мы задержим ее сына и случайно раскроем дело, которое уже записали в висяки.

— Да, это заслуга вас двоих. — Цзян Мин одобрительно посмотрел на подчиненных. — Лао Тань, ты говорил, что подтвердил эти догадки. Как именно?

— Гун Ямэй говорила нам, что после всех потрясений она потеряла волю к жизни и только совет некоего наставника помог ей обрести веру. Я позвонил адвокату Фэну, чтобы расспросить об этом наставнике. Как оказалось, Фэн их и познакомил. Так я получил его номер. В ходе разговора я узнал, что это отшельник, живущий вдали от мирской суеты. Гун Ямэй обращалась к нему за советом в трудную минуту. Наставник сначала отказывался говорить, ссылаясь на конфиденциальность. Но когда я объяснил, что я полицейский, что Гун Ямэй мертва и что это дело касается безопасности других людей, он согласился рассказать правду. После убийства Гун Ямэй мучилась угрызениями совести. Она призналась наставнику, что убила, чтобы защитить сына, но не могла жить с этим грузом. Ее преследовали кошмары, она утверждала, что призрак убитой девушки не дает ей покоя. Вкупе с другими проблемами это лишило ее желания жить. Наставник дал Гун Ямэй два

совета. Во-первых, регулярно посещать место, связанное с духом убитой, и читать сутры для ее упокоения. Во-вторых, совершать добрые дела, чтобы искупить содеянное.

Цзян Мин сразу понял:

— Поэтому она купила квартиру тринадцать ноль три. Прямо над той, где произошло убийство.

— Верно, — подтвердил Ли Бинь. — После смерти Гун Ямэй мы нашли у нее множество благовоний и ритуальных принадлежностей. Тогда подумали, что они использовались для духовных практик. Теперь ясно, каково было их истинное назначение.

— Понятно, почему Гун Ямэй всегда надевала на встречи в квартире Ли Сюэли, бывшей квартире убитой ею Хэ Юйшань, четки, якобы отгоняющие злых духов, — сказал Тань Юн. — И постоянно перебирала их, что-то бормоча. Я думал, ее беспокоит, что квартира «несчастливая». А волонтерство в доме престарелых явно было следствием второго совета наставника.

Цзян Мин кивнул.

— Задержали Фань Кэ, раскрыли дело двухлетней давности — настоящий прорыв! Дело Хэ Юйшань можно закрывать. Лао Тань, бумажками

займусь я, а ты сосредоточься на втором убийце.

— Есть! — гаркнул Тань Юн, воодушевленный успехом.

— Кстати, где сейчас Фань Кэ? — спросил Ли Бинь.

— Я только что отпустил его, но отправил пару ребят следить за ним, чтобы не сбежал, — сказал Цзян Мин. — Также я предупредил владельца гостевого дома, где он остановился, чтобы понаблюдал за Фань Кэ и сообщал мне о любых подозрительных действиях с его стороны.

— А этот владелец… надежный? — усомнился Ли Бинь.

— Хозяин этого гостевого дома — мой друг, — усмехнулся Цзян Мин. — Он не полицейский, но помочь нам сможет без проблем.

— Круто! — Ли Бинь поднял большой палец.

— Это вы крутые! — Цзян Мин с силой хлопнул их обоих по плечам.

Все трое рассмеялись.

3

Члены «Большой семьи» собрались в квартире Су Сяотун: десять минут назад она сообщила в групповом чате, что хочет обсудить с ними нечто важное.

— Ну, Сяотун, в чем дело? — спросила Ли Сюэли, сидевшая на диване.

— Вот в чем. Я придумала, как всем нам спокойно получить наследство.

Ее слова сразу всех заинтересовали.

— Что же ты придумала? — спросила Хань Лэй.

— Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо, — прочистила горло Су Сяотун. — Сейчас право на наследство имеют Ли Сюэли, Фань Линь, Хань Лэй, Ван Синсин, Шэнь Фэнся, а также я и Гу Лэй, так? Если считать меня и Гу Лэя за одного человека, то выходит шесть наследников.

Если мы останемся в Лиши, то столкнемся с очевидными рисками — тут даже объяснять не нужно. И не на короткий срок, а на целых двадцать лет. Если не откажемся от наследства, нас ждут двадцать лет пребывания в постоянном страхе и подозрениях. Между нами исчезнет доверие, и даже с большими деньгами жизнь

станет напряженной и угнетающей. Уверена, так думаю не только я.

Слова Су Сяотун попали точно в цель. Все молчали, выражая согласие.

— Едва ли возможно провести двадцать лет в таких условиях. Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой. Но мое решение можно назвать идеальным, оно удовлетворяет все стороны.

— Какое решение? — нетерпеливо воскликнул Ван Синсин. — Говори скорее!

— Один из шести наследников остается в «Юэхайване», а пятеро других переезжают из Лиши. Это будет равноценно отказу от наследства. Но мы заранее заключим договор с оставшимся — он будет ежегодно перечислять положенные всем средства.

Фань Линь сразу смекнула:

— Ты предлагаешь нам выбрать одного наследника и заключить с ним договор о ежегодных выплатах?

— Именно. Так мы не нарушим завещание Ямэй. Пятеро смогут уехать и обосноваться в любой части страны, никому не сообщая своего местонахождения, — значит окажутся вне опасности. А оставшемуся и так не будет ничего угрожать, ведь он сделается единственным наследником, —

добавила Су Сяотун.

— Гениально! — Ван Синсин вскочил с дивана, не сдерживая аплодисментов. — Это просто потрясающая идея!

— Но уверены ли мы, что оставшийся будет исправно переводить деньги? — выразила опасения Ли Сюэли.

— Об этом беспокоиться не стоит. Во-первых, мы совместно выберем самого надежного кандидата. Во-вторых, договор будет иметь юридическую силу — мы заверим его у нотариуса. В договоре пропишем условие: в течение десяти дней после получения наследства оставшийся обязан перечислить деньги. За каждый день просрочки будет начисляться пеня в размере нескольких десятых процента. Таким образом, нарушать условия будет невыгодно. Да и скрыться не получится — ведь для получения наследства необходимо круглогодично проживать в «Юэхайване», — разъяснила Су Сяотун.

— Да, это и правда разумно! — с радостью в голосе подхватила Фань Линь.

— Итак, все согласны с моим планом? — обратилась Су Сяотун к собравшимся. — Или есть какие-то сомнения? Прошу высказываться.

— Мне кажется, твой план вполне реален, —

сказала Хань Лэй. — Но есть один вопрос…

— Какой? Поделись своими опасениями.

Хань Лэй немного помедлила.

— Этого может и не произойти, но мы должны учесть такую возможность. Что, если чисто гипотетически выбранный нами человек умрет раньше, чем истекут двадцать лет? Не станет жертвой убийства, а просто скончается от болезни или погибнет в результате несчастного случая?

Воцарилось молчание. Через некоторое время Ли Сюэли произнесла:

— То, о чем говорит Хань Лэй, действительно может стать проблемой. Мы делаем ставку на одного человека, и если с ним что-то случится — все пропало.

Су Сяотун растерялась: она не учла этого ранее. Фань Линь спросила:

— Что тогда будет с оставшимися деньгами?

Присутствующие переглянулись, но никто не мог дать ответ. Гу Лэй предложил:

— Может, позвоним адвокату Фэну?

— Верно, заодно спросим у него, как продвигается оценка и реализация активов Ямэй, — предложила Фань Линь. — Я позвоню, включу громкую связь. Вы не против?

Возражений не последовало. Фань Линь достала телефон и набрала номер адвоката. После нескольких гудков тот ответил.

— Адвокат Фэн, здравствуйте! Это Фань Линь, подруга Ямэй.

— Здравствуйте, Фань Линь, я вас помню. В чем дело?

— Мы все здесь собрались, вы на громкой связи. Хотим уточнить два момента. Первый: как продвигается оценка и реализация наследства Ямэй?

— Работа идет. Если нам ничто не помешает, через две недели переведем первые выплаты на ваши счета.

— Адвокат Фэн знает, что у нас тут происходит? — тихо пробормотал Ван Синсин.

Фань Линь бросила на него взгляд: ей тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

— Адвокат Фэн, вы в курсе последних событий в ЖК «Юэхайвань»? Теперь число наследников уменьшилось.

Короткая пауза, потом в трубке послышалось:

— Я знаю.

— Откуда?

— Мне сообщил следователь Тань. Один человек погиб, один добровольно отказался от

наследства.

Тема оказалась деликатной, обе стороны избегали подробностей.

— Второй момент: что будет, если… гипотетически… останется всего один наследник и он не доживет до конца двадцатилетнего срока?

— В такой ситуации невыплаченные средства перейдут в социальный фонд, например Красному Кресту на благотворительность. Но уже полученные этим человеком деньги останутся его личным имуществом и могут быть унаследованы его родственниками. Понятно объяснил?

— Да. Спасибо, адвокат Фэн. Всего доброго!

— До свидания.

— Как сказал адвокат Фэн, если этот человек умрет раньше срока, оставшиеся деньги уже не будут иметь к нам отношения, — заключила Фань Линь, положив трубку.

Присутствующие переглянулись.

— Я уже говорила, все не так просто, — отозвалась Хань Лэй. — Если оставшийся… — Она запнулась, подбирая слова.

— Говори прямо: если помрет раньше времени, то плакало наше наследство, — резко закончила за нее Фань Линь. — Начнется настоящий фарс.

— Но это маловероятно, — вставил Ван Син-

син. — Разве сложно молодому человеку без особых проблем со здоровьем прожить двадцать лет?

— К чему ты делаешь акцент на слове «молодому»? — сразу отреагировала Шэнь Фэнся. — После смерти Ся Ци самый молодой среди нас — ты. Похоже, намекаешь, что хочешь остаться единственным наследником?

— Я не это имел в виду. Но если бы даже и так — что с того? Тот, кто останется, не получит больше других — только свою шестую часть. К тому же ему двадцать лет придется жить в «Юэхайване», в то время как другие смогут свободно путешествовать. Еще и переводить деньги всем надо будет каждый год. Морока та еще. Думаете, я рвусь здесь остаться?

— Даже если бы рвался, мы бы тебе не позволили, — ответила Шэнь Фэнся.

— Почему? Не доверяете?

— Разве сейчас вообще можно говорить о доверии? — Шэнь Фэнся усмехнулась. — После всего-то случившегося? Тут дело не только в тебе.

— Тогда почему я не могу быть единственным наследником? — настаивал Ван Синсин.

— Потому что твоя продолжительность жизни

среди нас самая непредсказуемая.

— Что?! Что ты хочешь этим сказать?!

— Ты каждую ночь засиживаешься за играми, в любую секунду можешь умереть от внезапной остановки сердца.

— Ты… — Ван Синсин захлебнулся от злости, но не нашелся что возразить.

— Я просто констатирую факты. Ты здесь самый молодой, но, учитывая твой режим, возможно, помрешь раньше нас.

— Фэнся, перестань говорить такие ужасные вещи, ладно? — Ли Сюэли не выдержала. — Что с тобой случилось? Ты всегда была такой мягкой, а теперь язвишь больше всех.

— Вы забыли? Я же намеренно притворялась нежной скромницей, чтобы угодить учителю Юаню. Теперь, когда его нет, зачем мне продолжать разыгрывать этот спектакль перед кем-то вроде вас?

— Кем-то вроде нас? — Ли Сюэли внезапно расплакалась. — Да что ты такое говоришь! Да, учитель Юань был тебе важнее всех, но разве остальные для тебя теперь — ничто? Мы ведь провели вместе больше года и были счастливы. Неужели в твоем сердце не осталось ни одного светлого воспоминания?

— Верно, Фэнся, — поддержала Хань Лэй. — Я понимаю твои чувства. После смерти учителя Юаня ты считаешь, что убийца среди нас. В твоем сердце поселилась ненависть. Но не забывай: убийца всего один, остальные невиновны! Не стоит обобщать и вымещать злобу на всех, согласна?

Шэнь Фэнся отвернулась и холодно произнесла:

— Вам никогда не понять мою боль. То, что значил для меня учитель Юань, вам не постичь. После его смерти мое сердце окаменело. Лучше я буду всех вас считать виновными, чем любезничать с убийцей!

В гостиной повисла тягостная тишина.

— Итак, у кого-нибудь есть кандидатура? — нарушила молчание Су Сяотун. — Кто, по-вашему, подходит на эту роль?

— Следуя вашей логике, — с горькой усмешкой произнесла Хань Лэй, — я, как завсегдатай ночных клубов, любительница алкоголя и тусовщица, вряд ли прохожу по критериям здорового образа жизни.

— Мне почти сорок, — сказала Фань Линь. — Надеюсь, вы не сочтете меня слишком старой? Хотя прожить еще двадцать лет — не такая уж

сложная задача.

— Так ты готова? — спросила Су Сяотун.

— Честно? Конечно нет. Как справедливо заметил Ван Синсин, оставшемуся придется нести всю ответственность, лишиться свободы, не получив при этом ни фэня сверху. Куда легче уехать отсюда.

— А если оставшийся будет получать немного больше? — предложил Гу Лэй. — Сейчас каждому полагается чуть больше двух миллионов в год. Может, пятеро будут отдавать по двести тысяч? То есть оставшийся получит на миллион больше — как компенсацию.

Присутствующие молчали, не смея высказать свое мнение.

— Тогда ты согласна? — спросила Су Сяотун у Фань Линь.

— Все равно нет. Одного миллиона восьмисот тысяч в год мне хватит. Я готова отдать эти двести тысяч тому, кто решит остаться. Ведь ему придется не только ограничивать себя, но и следить за здоровьем, избегать рисков. Никаких экстремальных видов спорта, ничего, что может сократить срок жизни. Пусть это ему и на пользу, но все равно ужасный стресс. Так что справедливо, если этот человек получит больше.

— Сюэли, а ты? — обратилась Су Сяотун.

— Я… могу остаться, если нужно. Но после слов Фань Линь начинаю сомневаться.

Су Сяотун взглянула на Шэнь Фэнся, но та опередила ее:

— Хватит. Я знаю, зачем ты опрашиваешь нас по кругу.

— Зачем же?

— Чтобы после этих сравнений все поняли, кто подходит на эту роль.

— И кто же, по-твоему?

— Прекрати притворяться. Разве не очевидно? Тот, кто предложил этот план, — то есть ты.

— Почему? — Су Сяотун вздрогнула.

— Ответ лежит на поверхности. Вы с Гу Лэем считаетесь за одного наследника. С точки зрения безопасности и вероятности выжить двое явно надежнее одного. К тому же у вас обоих правильный режим, крепкое здоровье, никаких вредных привычек. Идеальные кандидаты. Ты ведь продумала это еще до того, как выдвинуть предложение, я права?

— Хочешь сказать, я изначально планировала остаться? С какой целью? Чтобы получать лишний миллион в год? Но это даже не я придумала… — Су Сяотун резко замолчала.

— Это сказал твой муж Гу Лэй, что почти одно и то же. Вы дома заранее продумали этот сценарий, а теперь разыгрываете перед нами спектакль, — язвительно заметила Шэнь Фэнся.

Даже терпеливый Гу Лэй не выдержал и вскочил с места, гневно уставившись на Шэнь Фэнся:

— Что за бред ты несешь? План Сяотун выгоден всем, а ты превращаешь его в акт эгоизма чистой воды. Да, я предложил увеличить долю оставшегося, но мы с женой не планировали выдвигать свою кандидатуру. Если ты хочешь — пожалуйста, мы только за.

— Добавлю, — вмешалась Су Сяотун, — если мы с Гу Лэем останемся, то будем делить выплаты поровну на шесть частей, без вычета каких-либо процентов. Тебя это устраивает?

— Нет, — жестко отрезала Шэнь Фэнся. — Скажу прямо: я против. А твой план требует единодушного одобрения. Достаточно одного несогласия — и ничего из него не выйдет.

— Шэнь Фэнся, ты не в своем уме? Специально идешь наперекор? — гневно воскликнула Фань Линь. — Предложение Су Сяотун — лучший способ решить нашу проблему! Иначе мы окажемся в безвыходном положении. Даже если тебе наплевать на нас, подумай хотя бы о себе и покойном

Юань Дуне. Если ты будешь жить в безопасности и комфорте, получая по два миллиона в год, разве это не утешение для учителя Юаня?

Все закивали и стали уговаривать ее. Очевидно, что, кроме Шэнь Фэнся, все поддерживали идею Су Сяотун.

Шэнь Фэнся сначала молчала, но через несколько секунд внезапно взорвалась:

— Хватит! Говорю вам, полиция не позволит нам просто так уехать! Потому что это будет означать, что убийца добился своего. Так они его никогда не поймают!

— Нет, не обязательно, — возразила Су Сяотун. — Без веских оснований они не вправе ограничивать нашу свободу целых двадцать лет. А если мы останемся, убийства могут продолжиться. Мой план, возможно, помешает поимке преступника, но гарантирует, что больше никто не пострадает. Полиция примет это к сведению и не станет насильно удерживать нас здесь.

— Су Сяотун! — Шэнь Фэнся резко повернулась к ней, сверкая глазами. — Я сдерживалась, но, раз уж до этого дошло, выскажусь прямо.

— Хорошо, говори что хочешь, — спокойно ответила Су Сяотун.

— На самом деле убийца — это ты, ведь так?

Эти слова шокировали всех, включая Су Сяотун, которая замерла в недоумении. Гу Лэй задрожал от ярости:

— Ты совсем, что ли?! Где доказательства?!

— У меня есть доказательства! — твердо заявила Шэнь Фэнся.

— Ладно, тогда изложи свои подозрения перед всеми, я внимательно выслушаю, — сдалась Су Сяотун.

Шэнь Фэнся подняла три пальца:

— На то есть три причины. Первая — до вашего приезда в «Юэхайване» ничего не происходило. А через месяц после вашего появления начались убийства. Совпадение? Сомневаюсь.

— Ну и что? — вспылил Гу Лэй. — Два года назад в этом районе уже было убийство! О нем почему не говоришь? Тут тоже мы виноваты?

— Гу Лэй, не перебивай, дай ей закончить, — попросила Су Сяотун.

Гу Лэй сдержал гнев и замолчал.

— Вторая — случай с отравлением. — Шэнь Фэнся окинула всех взглядом. — Помните, что говорила полиция? Среди отравившихся трое пострадали меньше всех.

— Я помню, — сказала Хань Лэй. — Это были ты, Ся Ци и Су Сяотун, да?

— Именно, — подтвердила Шэнь Фэнся. — Ся Ци уже мертва, значит она не убийца. Я точно знаю, что это не я. Остается только один человек. Конечно, Су Сяотун тоже наверняка последует моему примеру и заявит, что она не убийца. Такие слова легко произнести, но трудно проверить. Поэтому я до сих пор молчала.

Су Сяотун, не утруждая себя опровержениями, спросила:

— Третья причина?

— Твой сегодняшний план. На поверхности — благо для всех. Ты заранее знала, что большинство его поддержит. Но если вдуматься, этот план играет на руку убийце. Преступник приезжает в Лиши, убивает наследников одного за другим, максимизируя свою выгоду. А когда наше внимание и внимание полиции становится слишком пристальным, он предлагает великолепное решение, позволяющее ему скрыться без следа. Вот вам и идеальное преступление.

Договорив, Шэнь Фэнся уставилась на Су Сяотун. Та встретила ее взгляд без колебаний.

— Ты закончила? — Гу Лэй еле сдерживался. — Теперь я могу объясниться?

— Гу Лэй! — одернула его Су Сяотун.

— Что?

— Не нужно ничего объяснять.

— И позволить ей клеветать на тебя?

— Это не клевета. Каждый из нас наверняка строил подобные догадки. Мы же дома тоже анализировали, кто вызывает наибольшие подозрения. Просто Шэнь Фэнся озвучила общие опасения вслух.

Гу Лэй не нашелся что ответить. Су Сяотун спросила Шэнь Фэнся:

— В общем, ты предпочитаешь оставить все как есть, верно?

— Да, — твердо ответила Шэнь Фэнся. — Я уже говорила — я остаюсь здесь, чтобы лично увидеть, как полиция поймает убийцу. С твоим планом этот день никогда не настанет.

— Хорошо, я поняла, — устало сказала Су Сяотун. — Тогда все могут идти.

Ван Синсин и Фань Линь выглядели недовольными, словно еще хотели переубедить Шэнь Фэнся. Но даже если и пытаться, явно не сейчас: в таком состоянии Шэнь Фэнся точно не передумает.

Все поднялись и вышли из квартиры Су Сяотун.

Гу Лэй запер дверь на задвижку за последним гостем и раздраженно произнес:

— Сяотун, Фань Линь права: Шэнь Фэнся не в своем уме. Даже если ты желаешь ей и всем остальным добра, она все равно обратит твои же слова против тебя. Это просто невообразимо!

Су Сяотун молчала, задумчиво глядя на голубое небо за балконным окном.

Гу Лэй подошел, сел рядом и обнял жену за плечи:

— Что случилось? Похоже, тебя это задело?

Су Сяотун покачала головой.

— Я же вижу: что-то не так, — настаивал Гу Лэй.

— Просто устала после долгого разговора. Хочу отдохнуть. Проверь, пожалуйста, чем занят Сяолян в своей комнате.

— Хорошо. — Гу Лэй поднялся и направился в детскую.

Су Сяотун продолжала наблюдать за небом. Очертания облаков менялись — они сталкивались, набегали друг на друга, поглощая солнечный свет, и постепенно небо темнело, точно зеркало ее души, где клубились тревожные мысли и сгущались тучи сомнений.

Только что, во время обсуждения, она заметила нечто, чего раньше никогда не замечала.

От этого открытия или даже, скорее, от мысли

о нем кровь стыла в жилах.

Глава семнадцатая. Дедукция

1

Три дня спустя, утром, Тань Юн, Цзян Мин и Ли Бинь провели краткое совещание в кабинете, главным образом для обмена сведениями и подведения итогов недавнего прогресса в расследовании.

— Позвольте мне начать. Есть важная информация, с которой я должен вас ознакомить, — заявил Цзян Мин. — Я выяснил, почему Фань Кэ так отчаянно нуждается в наследстве своей матери.

— О? Как вы это узнали?

— Я же просил своего друга, владельца гостевого дома, присмотреть за Фань Кэ. В итоге он сообщил мне, что в тот же день, когда приехал Фань Кэ, в гостевом доме поселились два вьетнамца. Сначала мой друг не заметил связи между ними и Фань Кэ, полагая, что они простые туристы. Только когда мы задержали Фань Кэ на двадцать четыре часа и эти вьетнамцы стали расспрашивать хозяина о местонахождении паренька, он понял, что они специально приехали следить за Фань Кэ.

— Зачем им следить за ним? — спросил Ли Бинь.

— Я пробил этих вьетнамцев. Оказалось, они работают во вьетнамском казино, связаны с криминалом. Под предлогом выяснения цели их визита в Лиши я поручил Сяо Лю доставить этих двоих в отдел для допроса. Они простые исполнители, довольно трусливые. Стоило слегка надавить, и они быстро раскололись. Вот как обстоят дела: год назад Фань Кэ проиграл крупную сумму в их казино. Владелец заведения — главарь местной банды — пригрозил убить его, если он не вернет долг в установленный срок. Фань Кэ не смог собрать всю сумму сразу и договорился о рассрочке — пять лет на погашение всего долга. Банда предоставила ее, но с условием начисления процентов. Если он не выплатит всю сумму до последнего фэня — его убьют. Вы, возможно, не до конца понимаете, как работают подпольные казино в Юго-Восточной Азии. Обычно проигравшим не позволяют затягивать с возвратом долга. Максимум — дают отсрочку на десять-пятнадцать дней. Но Фань Кэ разрешили растянуть выплату на пять лет. Знаете почему?

— Потому что смогут накручивать проценты по ростовщическим схемам? — предположил Ли Бинь.

Цзян Мин покачал головой:

— Те, кто приходит в такие казино, обычно уже загнаны в угол. Они ставят на кон последнюю монету. После проигрыша им уже не оправиться. Проценты их только добивают. Если довести человека до самоубийства — казино останется с носом. Поэтому в нормальных условиях они никогда не дают длительных отсрочек, тем более на годы. Фань Кэ — явно исключительный случай.

— Потому что он сказал владельцам казино, что его мать очень богата и он найдет способ вернуть им деньги с процентами, верно? — предположил Тань Юн.

— Верно, именно так. — Цзян Мин кивнул. — Бандиты убедились, что Фань Кэ говорит правду. Но они также узнали, что он разорвал отношения с матерью, Гун Ямэй, и спросили, как он собирается получить деньги. Тогда Фань Кэ рассказал, что его мать обещала оставить наследство тем, кто действительно о ней заботился, и у него есть план, как заполучить ее состояние. Этот план заключался в использовании Ся Ци. Фань Кэ должен за пять лет выплатить долг с процентами. Это минимум один миллион шестьсот тысяч в год. Так он договорился с казино. Если в первый или любой другой год он не заплатит, бандиты его не пощадят. Один миллион шестьсот тысяч в

год… Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что доли одной Ся Ци будет недостаточно, — сказал Тань Юн. — По предыдущим расчетам распределения наследства на девять частей, каждый получил бы около одного миллиона трехсот восьмидесяти тысяч в год, а возможно, и меньше — после уплаты налогов. Поэтому, чтобы сохранить жизнь, Фань Кэ должен был любыми способами добыть больше денег. Самый простой — уменьшить число наследников.

— Погодите, а почему Фань Кэ понадобилось обманом отбирать наследство матери? — спросил Ли Бинь. — Разве его отец не богат?

— Я связался с полицией Шанхая и Санья и вот что выяснил. После развода с Гун Ямэй ее бывший муж уехал с любовницей в Санья, купил там виллу. Но оказалось, что любовница — мошенница. Она сбежала за границу, прихватив все его деньги. Теперь у него остался только дом, он полностью разорен и сломлен. Фань Кэ, будучи крайне прагматичным, сразу отвернулся от отца. Какая сыну теперь от него польза? Фань Кэ привык к роскошной жизни, он ленив, предпочитает легкие деньги честной работе. Вот и отправился во Вьетнам, где проигрался в казино.

— Вот как. Этот тип во время допроса даже не

заикнулся о случившемся, — заметил Ли Бинь.

— Конечно не заикнулся, это же раскрывает его мотив, — сказал Тань Юн. — Если бы не дальновидность капитана Цзяна, попросившего помощи у владельца гостевого дома, мы бы до сих пор ничего не знали. Теперь все ясно: Фань Кэ, которому из-за огромных долгов угрожала мафия, должен был любыми способами получить как можно больше из наследства матери. А если ему нужно миллион шестьсот тысяч в год…

Тань Юн достал телефон, подсчитал на калькуляторе:

— Нужно сократить число наследников до семи человек. То есть минимум двоих надо убить, чтобы получать больше миллиона шестисот тысяч в год. И это не считая доли соучастника.

— Да, сообщник вряд ли стал бы рисковать просто так, — сказал Ли Бинь. — С чего ему соглашаться отдавать все деньги на выплату чужих долгов?

— Только первые пять лет. Неизвестно, о чем они договорились. Если их сотрудничество основано на чувствах, сообщник вполне мог согласиться отдавать свою долю первые пять лет на погашение долга Фань Кэ, а оставшиеся пятнадцать лет делить средства поровну. Но

если их сотрудничество основано на выгоде, то единственный способ для сообщника получить свою долю — убить еще больше людей, чтобы увеличить размер наследства. Есть и третий вариант: сообщник мог использовать Фань Кэ в своих интересах, получить деньги и не отдать ему ни фэня.

— То есть этот человек может убить и самого Фань Кэ? — спросил Ли Бинь.

— Именно.

Трое на мгновение замолчали. Затем Тань Юн сказал:

— Теперь на каждом этаже третьего подъезда ЖК «Юэхайвань» установлены камеры наблюдения. К тому же члены «Большой семьи» стали более бдительными, поэтому в последние дни серьезных инцидентов не происходило.

— Возможно, причина в том, что наследников осталось всего шестеро. Но расслабляться все равно нельзя, — предупредил Цзян Мин.

— Я понимаю, — кивнул Тань Юн.

— Капитан Цзян, даже зная мотив Фань Кэ, мы ничего не можем сделать, — сказал Ли Бинь. — У него есть алиби на время всех убийств. Пока он будет настаивать на этом и отказываться назвать имя сообщника, мы бессильны.

— Именно. Каким бы убедительным ни был мотив, без доказательств вменить нам ему нечего. Поэтому главный вопрос — сможем ли мы выявить убийцу, скрывающегося в «Большой семье»? — Помолчав несколько секунд, капитан добавил: — Лао Тань, скажи прямо, это дело можно раскрыть?

— Капитан Цзян, почему вы так говорите? — Тань Юн вздрогнул.

Цзян Мин вздохнул:

— Мы с тобой ветераны с многолетним стажем, и нам ясно: чтобы поймать убийцу, должны быть соблюдены как минимум два условия. Первое — преступник допустил ошибку, позволив нам его вычислить. Второе — мы нашли неопровержимые улики. Но в этом деле оба условия недостижимы.

— Среди подозреваемых семь человек. Если убийца один, он уже убил троих: Гун Ямэй, Юань Дуна и Ся Ци. Гун Ямэй утопили в озере Юэхай — и у всей «Большой семьи» нет алиби. Юань Дун отравили — но отравились и остальные, включая самого убийцу, притворившегося жертвой. Убийство Ся Ци произошло без свидетелей, никаких следов не обнаружено. Ясно, что мы имеем дело с хитрым и осторожным преступником. Он знает,

что мотив есть у каждого, и использует это. Остается надеяться только на то, что он проколется.

— Капитан, а если проверить всех, кто контактировал с Фань Кэ? — предложил Ли Бинь.

— Уже проверяем. Но сложность в том, что Фань Кэ успел побывать в разных городах. Прошло уже немало времени. Трудно установить, с кем он общался. И даже если установим, это лишь расширит круг подозреваемых. Если человек будет упорно отрицать свою вину, что мы сможем сделать? То, что Фань Кэ с ним знаком, не доказывает, что он убивал.

— Капитан Цзян, что вы хотите этим сказать? — спросил Тань Юн. — Вы же знаете, я не откажусь от расследования.

— Знаю. Ты заплатил высокую цену и принял твердое решение. Но я хочу напомнить: одного упорства недостаточно. Расследование идет уже давно. Если вы не нашли новых действенных подходов, честно говоря, я сомневаюсь, что это дело еще можно раскрыть. Или оно, как дело Хэ Юйшань, затянется на годы.

Тань Юн и Ли Бинь погрузились в молчание.

— Получается, вы действительно не придумали эффективного решения и расследование зашло в тупик? — продолжил Цзян Мин. — Лао Тань,

спецгруппа не может существовать вечно. Если дело не движется, ее придется расформировать. Мы втроем не можем бесконечно заниматься им одним. Вчера днем в Старом городе произошло преступление, я поручил дело Ху Хао, но рук не хватает.

— Капитан, скажите прямо — что нам теперь делать? — Тань Юн посмотрел на Цзян Мина.

Цзян Мин поднял три пальца:

— Три дня. Если за это время не наметится существенный прогресс — расформировываем спецгруппу. Конечно, дело комплекса «Юэ-хайвань» мы не забросим, ты продолжишь им заниматься.

Капитан не стал договаривать, но Тань Юн понял: если распутать дело не удастся, его переведут в архив нераскрытых и лишат серьезных ресурсов на расследование. Тань Юн понимал позицию Цзян Мина, хоть она и шла вразрез с его принципами, и молча кивнул.

2

Тань Юн и Ли Бинь вернулись в свой кабинет обсудить дальнейшие действия. Тань Юн рассуждал вслух:

— В деле об убийстве Гун Ямэй и отравлении куриным супом нам зацепиться не за что. Думаю, следует сосредоточиться на смерти Ся Ци.

— Согласен. Какие у тебя мысли на этот счет, Лао Тань?

— Ключевой вопрос — как убийца заставил Ся Ци открыть дверь? Раньше мы предполагали, что преступник имитировал мой голос. Но теперь у меня возникла еще одна версия.

— Какая?

— Фань Кэ был парнем Ся Ци и ее сообщником — значит она ему доверяла. Может, он каким-то образом убедил ее открыть дверь?

— Но в ту ночь Фань Кэ не появлялся в районе «Юэхайваня». Это подтверждают свидетели.

— Ему не обязательно было приходить.

Ли Бинь задумался.

— Хочешь сказать, он договорился с Ся Ци о свидании, а другой человек в это время ждал у двери? И как только она вышла, напал?

— Такое возможно, да?

— Да, но тогда круг подозреваемых не сужается. Теоретически любой из «Большой семьи» мог так поступить.

— Именно, — тяжело вздохнул Тань Юн. — Вот в чем проблема: у нас имеются только домыслы, никаких доказательств или четких зацепок.

— В деле Ся Ци есть странный момент: почему убийца не забрал ее телефон, а оставил его в квартире?

— Верно. Мы перебрали разные версии, но все это были лишь предположения. Теперь мне кажется, убийца специально оставил телефон на месте преступления, дабы что-то доказать.

— Что доказать? Что он не убийца? Но наше расследование показало, что у всех членов «Большой семьи» нет алиби. Телефон Ся Ци никому не принес пользы и не указал ни на кого конкретного. Зачем убийца это сделал — настоящая загадка.

— Должно быть, имелась веская причина, иначе он не оставил бы телефон, рискуя себя выдать…

Тань Юн прервался: пришло сообщение в «Вичате».

Тань Яли: Пап, сегодня же выходной.

Ты не придешь домой?

Тань Юн в последние дни полностью погрузился в расследование. Он позабыл о времени, даже за днями недели перестал следить. Напоминание дочери заставило его осознать, что сегодня суббота. По-хорошему, он должен был отдыхать, но ради скорейшего раскрытия дела пожертвовал выходными. Тань Юн не видел дочь уже целую неделю, он очень хотел отправиться домой к семье, но Цзян Мин дал им всего три дня, каждая минута была на счету.

Тань Юн: Яли, папа сейчас расследует очень важное дело и не может вернуться. Пусть мама составит тебе компанию. Захотите что-то вкусное – покупайте, я переведу деньги.

Тань Яли: Я уже не ребенок, мне не нужна компания. Просто беспокоюсь, что ты слишком устаешь на работе.

Сердце Тань Юна сжалось от нежных чувств.

Тань Юн: Умница моя, заботишься о папе. После выпускных экзаменов обязательно съездим куда-нибудь отдохнуть!

Тань Яли: Да брось, о каком отдыхе речь… Лучше сэкономим. Мы ведь даже не знаем, хватит ли у нас денег на мою учебу за границей.

Тань Юн замер. Дочь узнала, что он отказался от наследства?

Он растерялся. Тут же пришло новое сообщение:

Тань Яли: Пап, я все знаю.

Тань Юн: Я же просил маму тебе не говорить… Как она…

Тань Яли: Мама ничего не говорила. Но разве ж она умеет хранить секреты? У нее все на лице написано! Я только слово сказала – и она все выложила.

Тань Юн медленно набрал ответ.

Тань Юн: А ты… не сердишься на папу?

Тань Яли: Сначала я, конечно, расстроилась. Но потом подумала: сможешь ли ты жить счастливо, если ради получения этих денег тебе придется поступиться своими принципами? Лучше уж тогда обойтись без них. Деньги – палка о двух

концах, внезапное богатство не всегда к добру. Да и с вашими с мамой взглядами на траты – зачем вам столько? Вы что, купили бы роскошные авто, виллы, брендовые вещи? Не верю! Скорее всего, просто положили бы в банк, может, в путешествие съездили бы – вот и все. Тогда какой в них смысл? К тому же у вас ведь есть я! Скоро я сама буду вас обеспечивать! Деньги, заработанные дочерью, тратить можно со спокойной душой, правда? Ха-ха!

Тань Юн смотрел на длинное сообщение дочери, глаза его увлажнились. Он понимал: дочь утешала его, поскольку слишком хорошо его знала. О чем еще мечтать, когда у тебя такой жизнерадостный, мудрый и способный ребенок? В этот миг Тань Юн осознал, в чем его истинное богатство.

Тань Юн: Яли, моя хорошая, твои слова так тронули папу. Не переживай насчет университета. Я обязательно все устрою!

Тань Яли: Хорошо, но не перенапрягайся. Учеба за рубежом – не такая уж необходимость. Ладно, не буду отвлекать

тебя от работы. Пап, отдыхай хоть немного, не загнал бы ты себя!

Тань Юн: Знаю. Ты тоже не перетруждайся с учебой, делай перерывы.

Напоследок Тань Яли отправила стикер «ОК».

Ли Бинь заметил, как Тань Юн вытирает глаза:

— Лао Тань, что случилось? Переписка до слез довела?

— Какие слезы? Просто в глаза что-то попало. — Тань Юн зевнул и поспешил сменить тему. — Эй, а как быстро моя дочь печатает! Такой длинный текст, а она меньше чем за минуту отправила. Разве на телефоне так быстро печатают?

— Ну, может, и не на телефоне, — ответил Ли Бинь.

— Это ж «Вичат».

— Понятно, что «Вичат». Но ты ж знал, что у этого приложения есть веб-версия?

— Честно, не знал. — Тань Юн покачал головой.

— Можно зайти в «Вичат» на компьютере, просто отсканировав кьюар-код с телефона. На клавиатуре печатать, конечно, быстрее, чем на телефоне.

Тань Юн горько усмехнулся:

— Я совсем отстал от жизни, даже такими простыми штуками не пользуюсь.

— Да, это не новинка…

Телефон Тань Юна снова пикнул. Он ожидал увидеть новое сообщение от дочери, но, прочитав текст, вдруг резко изменился в лице.

— Что случилось? Кто написал? — спросил встревоженный Ли Бинь.

Тань Юн назвал имя и сказал:

— Хочет встретиться со мной сейчас. Говорит, есть важная информация.

— Я пойду с тобой!

— Ну, в сообщении особо подчеркивается, что я должен прийти один.

— Тогда потом расскажешь.

— Ага. — Тань Юн поднялся с кресла и быстро вышел.

Оставшись один в кабинете, Ли Бинь не терял времени даром — он анализировал материалы дела и размышлял, как выйти на след преступника.

Через час с лишним Тань Юн вернулся. Ли Бинь тут же накинулся на него с вопросами:

— Ну как? О чем говорили? Есть результат?

Тань Юн молча сел на свое место, отхлебнул чая из термоса и после паузы сказал:

— Кажется, я понял, кто убийца.

— Что?! — Ли Бинь моментально оживился. — Серьезно?

— Да. Благодаря этой встрече я разрешил многие нестыковки. Но проблема прежняя — нет доказательств.

— Что будем делать? Вызовем подозреваемого на допрос?

Тань Юн покачал головой:

— С его психологической устойчивостью и хитростью допросом мы ничего не добьемся, только спугнем. Поэтому я придумал план. Понадобится твоя помощь, помощь капитана Цзяна и ребят из отдела. Реализуем сегодня же.

— Какой план? — нетерпеливо воскликнул Ли Бинь. — Выкладывай!

— Ладно, сначала расскажу тебе, а потом пойдем к капитану Цзяну. Суть в следующем…

3

Ровно в два часа Тань Юн отправил сообщение в групповой чат «Большой семьи», отметив всех: «Через десять минут прошу всех прийти ко мне на второй этаж».

Все начали спрашивать, в чем дело. Тань Юн ответил: «Узнаете, когда придете».

В начале третьего собрались все нынешние члены «Большой семьи»: Су Сяотун, Гу Лэй, Ли Сюэли, Хань Лэй, Ван Синсин, Фань Линь и Шэнь Фэнся. Дети, Гу Сяолян и Фань Вэньцзин, остались дома.

Тань Юн объявил:

— Я собрал вас сегодня, чтобы сообщить важную информацию о ходе расследования.

— Есть подвижки? — сразу спросила Шэнь Фэнся. — Узнали, кто убийца?

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. — Тань Юн не ответил на вопрос. — Я объясню все по порядку. Но сначала мне нужно ваше содействие.

— Какое содействие? — спросила Ли Сюэли.

— Дайте мне ключи от ваших квартир. Мои коллеги проведут обыск.

— Лао Тань, с чего вдруг обыски? Даже полиция не может просто так… — начала было Фань Линь.

— Вот санкция прокурора. — Ли Бинь, стоявший рядом, достал из портфеля ордер на обыск. — Можете ознакомиться.

— Подготовились, значит, — заметил Ван Синсин.

— Сначала собрали нас тут, а теперь квартиры наши обыскиваете? — возмутилась Фань Линь.

— А вы как думали? — ответил Ли Бинь. — Полиция вас предупредить должна была, чтобы вы успели подготовиться?

— Ладно, обыскивайте, я не против. — Фань Линь достала ключи из кармана и протянула их Ли Биню.

— Мы тоже не возражаем. — Гу Лэй взглянул на Су Сяотун и отдал ключи.

Остальные последовали его примеру.

Получив все ключи, Тань Юн приказал Ли Биню:

— Вы с капитаном Цзяном и Сяо Лю разделитесь и обследуйте квартиры. Если что-то найдете, сразу несите сюда.

— Хорошо. — Ли Бинь взял ключи и вышел.

Цзян Мин и другие офицеры уже ждали у двери.

Полицейские поднялись на лифте, чтобы тщательно обыскать жилище каждого.

В квартире Тань Юна остались только члены «Большой семьи».

— Лао Тань, — сказала Фань Линь, — я не сомневаюсь в методах полиции, но не слишком ли поздно проводить обыски? Что вы надеетесь найти? Ядовитый порошок или другие улики? Но прошло столько дней. Вряд ли убийца так глуп, что хранит доказательства у себя дома.

— Верно, наверняка все уже уничтожили, — пробормотал Ван Синсин. — Только идиот хранил бы у себя яд после отравления…

— Это уже наша забота, — ответил Тань Юн. — Мы знаем, что ищем, и скоро это найдем. А пока я могу рассказать о ходе расследования и раскрыть правду об убийстве двухлетней давности.

— Лао Тань, ты вычислил преступника? — Ли Сюэли изменилась в лице.

— Да.

— Кто он?

— Кое-кто из «Большой семьи».

На лицах присутствующих отразилось потрясение.

— Убийство двухлетней давности совершил кто-то из «Большой семьи»? — недоверчиво про-

изнесла Ли Сюэли. — Но тогда мы еще даже не приехали в Лиши!

— Большинство — да. Но один человек появился здесь раньше всех. И это Гун Ямэй.

При звуках этого имени в комнате повисла гробовая тишина.

— Лао Тань… — ахнул Ван Синсин. — Ты хочешь сказать, что убийцей была сама Ямэй?

— Именно так.

Тань Юн подробно изложил историю: как Фань Кэ встречался с Хэ Юйшань, как та назначила встречу его матери и как Гун Ямэй, защищая сына, совершила убийство. Во время рассказа он внимательно наблюдал за реакцией каждого, но за одним человеком следил особенно.

Эта новость всех шокировала. В комнате воцарилось долгое молчание.

— Так вот почему… — тихо проговорила Ли Сюэли. — Неудивительно, что сестрица Ямэй каждый раз, приходя ко мне, надевала деревянные четки из персикового дерева и иногда что-то бормотала про себя. Оказывается, она в этой квартире убила человека.

— А я думала, Гун Ямэй начала носить эти четки только после того, как узнала от меня о «несчастливой» квартире, — сказала Фань Линь. — А

она носила их уже давно… Я даже внимания не обратила.

— И это также объясняет, почему Гун Ямэй включила меня в число наследников, — продолжил Тань Юн. — С самого начала это казалось мне странным. Хоть я и был частью «Большой семьи» и со всеми вами меня связывают хорошие отношения, я, строго говоря, не жил в комплексе «Юэхайвань» и не участвовал в ваших ежедневных посиделках. Гун Ямэй спокойно могла не включать меня в завещание. — Он сделал паузу, затем добавил: — Теперь я понимаю — она чувствовала себя в долгу передо мной, полицейским, за то, что я потратил так много времени и сил на расследование дела, когда убийцей была она сама. Оставив мне часть наследства, она пыталась загладить свою вину.

— Возможно, она испытывала чувство вины или благодарности по отношению к каждому из нас, — задумчиво сказала Ли Сюэли. — Сестрица Ямэй не раз повторяла, что с нами вновь ощутила семейное тепло и счастье.

— Да, но это тепло и счастье во многом были созданы искусственно, — ответил Тань Юн.

— Лао Тань, ты на меня намекаешь? — недоумевала Ли Сюэли.

— Я намекаю на Ся Ци. — Тань Юн покачал головой. — Фань Кэ уже признал, что она была его девушкой. С целью получить наследство матери он специально отправил Ся Ци в Лиши, поселил ее в «Юэхайване» по соседству с Гун Ямэй, чтобы та сблизилась с ней. А ты как раз в это время создала «Большую семью», что дало Ся Ци идеальную возможность ежедневно общаться с Гун Ямэй. Таким образом, всего за год им удалось выстроить глубокие, почти родственные отношения. Но Гун Ямэй не оставила наследство только Ся Ци, как та рассчитывала, а разделила его на девять частей между всеми членами «Большой семьи». Для Фань Кэ, желавшего получить все деньги, такой исход был неприемлем. Поэтому он решил сократить число наследников, то есть устранить некоторых из них. За этот год Ся Ци по-настоящему подружилась со всеми и не хотела никого убивать. Возможно, она и вовсе не планировала никого убивать изначально. Фань Кэ, видимо, понял это и подговорил другого человека подсыпать яд в куриный суп, чтобы отравить около половины «Большой семьи», включая саму Ся Ци. Однако его план провалился: хотя все отравились, большинство выжило, погиб только Юань Дун. Это привело к тому, что Ся Ци начала

сомневаться в Фань Кэ. Она заподозрила, что он нашел другого сообщника и собрался избавиться даже от нее.

Но Ся Ци не могла быть в этом полностью уверена. Фань Кэ — мастер по части запудривания мозгов. Когда она спросила его об отравлении, он наверняка наплел, что не имеет к нему никакого отношения, а виноват кто-то из «Большой семьи», кто хотел увеличить свою долю наследства. Ся Ци отнеслась к этим словам скептически. В ночь перед смертью она позвонила Су Сяотун, Ли Сюэли, Хань Лэй и Фань Линь. Под видом светской беседы она осторожно выясняла, знали ли они Фань Кэ раньше или состояли с ним в отношениях. Какие выводы она сделала после этих звонков — неизвестно. Но убийца понял одно: Ся Ци подозревала неладное и вела собственное расследование. Это было опасно — она могла рассказать все полиции и разрушить его планы. Поэтому убийца решил, что Ся Ци должна умереть до того, как обратится к властям.

Шэнь Фэнся не выдержала:

— Лао Тань, значит, убийца — одна из этих четырех?

— Дайте мне закончить. — Тань Юн жестом остановил ее. — Вот что главное — как именно

было совершено убийство Ся Ци. Раньше мы предполагали, что убийца имитировал мой голос, чтобы заставить Ся Ци открыть дверь. Эта версия кажется правдоподобной, но для убийцы такой шаг был бы слишком рискованным. Ведь Ся Ци находилась в состоянии повышенной бдительности. Если бы она позвонила мне для проверки, обман сразу раскрылся бы. К тому же это не объясняет логику действий преступника. Изучив все обстоятельства, мы пришли к другому выводу. Убийца придумал хитрый план. Он воспользовался доверием Ся Ци к Фань Кэ. Тот выманил ее из квартиры — например, написал в «Вичате», что ждет ее во дворе. Когда Ся Ци выходила из квартиры, убийца уже поджидал ее у двери и сразу напал.

— Погоди, — возразила Фань Линь, — ты же сам сказал, что Ся Ци была настороже. Разве она так легко вышла бы из дому?

— Убийца обманул нас. Он все рассчитал.

— В каком смысле?

— А если Ся Ци была убита до отправки тех сообщений?

— Что?! — Фань Линь и остальные ахнули.

— Тогда кто их отправил? — спросила Хань Лэй.

— Сам убийца, — ответил Тань Юн. — Он уложил тело Ся Ци на кровать, тщательно убрал следы крови у двери, затем с помощью отпечатка ее пальца разблокировал телефон. Сначала удалил переписку с Фань Кэ, где тот назначил Ся Ци встречу, и отправил в группу сообщение: «Сегодня я долго размышляла и, кажется, поняла, кто убийца», чтобы привлечь всеобщее внимание.

— И что, убийца все это время находился в квартире Ся Ци? — спросил Ван Синсин. — Разве он не боялся, что полиция или мы, увидев сообщение, сразу придем туда?

— Верно, поэтому он не стал бы так рисковать.

— То есть он забрал телефон Ся Ци и отправил сообщение уже в другом месте?

— Тоже нет. При таком раскладе возникла бы другая проблема: если бы я, увидев сообщение, сразу поднялся проверить Ся Ци, то обнаружил бы, что она мертва, а телефон пропал. Это значило бы, что убийца забрал его.

— А почему убийца не унес телефон? — не понимал Ван Синсин. — Какая разница?

— Над этим я долго ломал голову. Почему убийца оставил телефон в квартире, а не взял с собой? И только сегодня до меня наконец дошло.

— Так почему же? — спросил Гу Лэй.

— Потому что убийца должен был убедить полицию, что эти сообщения отправила сама Ся Ци — только тогда его план удался бы. Если бы телефон исчез, никто не поверил бы, что Ся Ци сама их написала.

— Но зачем убийце так стараться обмануть полицию? — растерянно спросил Гу Лэй.

— Чтобы направить следствие по ложному пути. Это работало в двух направлениях: во-первых, создать впечатление, что Ся Ци убили потому, что она догадалась, кто убийца. Но тогда почему она, зная об опасности, открыла дверь? Это усложняло картину преступления. На самом деле Ся Ци не подозревала об угрозе и доверяла Фань Кэ, поэтому без опасений открыла дверь. Другими словами, убийца намеренно запутывал следствие. Он даже косвенно ввел меня в заблуждение — заставил поверить, что убийца имитировал мой голос.

— Да? Кто же это тогда сказал?.. — Ли Сюэли оглядела присутствующих.

Все выглядели растерянными — кроме самого убийцы, прекрасно игравшего свою роль.

— Не будем углубляться в детали, дайте мне закончить. Во-вторых, как вы думаете, какая часть того сообщения от «Ся Ци» была самой важной?

— Конечно, что она узнала, кто убийца! — сразу

выпалил Ван Синсин.

— Верно, сначала мы все так и решили. Но позже я осознал, что ключевой была первая половина фразы.

— Первая половина…

— А именно: «Сегодня вечером я долго думала». Если быть точным — слова «сегодня вечером».

— А, я понял! — воскликнул Ван Синсин. — Убийца хотел, чтобы все поверили, будто Ся Ци выяснила правду только в тот вечер, хотя на самом деле она знала все с самого начала.

— Точно! — подтвердил Тань Юн. — Убийца специально запутал нас, опасаясь, что полиция задастся вопросом: почему Ся Ци звонила Су Сяотун, Хань Лэй, Фань Линь и Ли Сюэли? Неужели она знала то, что не знали другие? Это навело бы нас на мысль, что Ся Ци изначально была частью схемы. А слова «сегодня вечером» создали иллюзию, будто в тот день она только начала размышлять о происходящем.

— Убийца действительно настолько хитер? — Ван Синсин вспотел от напряжения.

— Это еще не все, — продолжил Тань Юн. — На самом деле у этих сообщений была еще одна важная функция.

— Какая? — спросила Ли Сюэли.

— Создать алиби.

— Но я помню, после твоего допроса оказалось, что никто не может подтвердить, где находился во время убийства…

— Правильно. Даже если у кого-то было алиби, оно выглядело ненадежным. Поэтому мы решили, что убийце алиби было не нужно. Но взгляните под другим углом — а если алиби нужно было не для полиции, а для кого-то другого?

— Другого? — переспросила Хань Лэй. — В каком смысле?

— Преступник доказывал не полиции, а важному для него человеку, что не он убийца. В таком случае его действия обретают смысл.

— Я все равно не понимаю, — сказала Хань Лэй. — Если убийца не оставался в квартире Ся Ци, чтобы отправить сообщения, и не забирал ее телефон, то как он их отправил?

— Веб-версия «Вичата», — произнес Тань Юн.

— А, так вот как он это провернул… — Хань Лэй наконец поняла.

— Верно. Убийца прихватил с собой ноутбук, — объяснил Тань Юн. — Убив Ся Ци, он отсканировал кьюар-код с ее телефона и открыл у себя веб-версию «Вичата». Так он мог отправлять сообщения от лица Ся Ци, сидя у себя дома. На

ее телефоне они тоже отображались, поэтому полиция решила, что она сама их написала. Я проверил: если выйти из веб-версии на компьютере, на телефоне никаких следов твоей активности не останется.

— До чего же хитрый план… жутко. — Ли Сюэли вздрогнула.

— Да, так он убил сразу трех зайцев.

— Значит, у убийцы точно есть ноутбук, — заключила Шэнь Фэнся.

— Да. Но одного ноутбука недостаточно. Посмотрим, найдут ли мои коллеги что-то еще в ваших квартирах.

В этот момент дверь открылась и вошли Ли Бинь, Цзян Мин и Сяо Лю.

4

— Капитан Цзян, нашли что?

Цзян Мин кивнул, подошел к Тань Юну и шепнул ему на ухо несколько слов, затем передал маленький флакон в прозрачном пакете для улик.

— Это чье? — Тань Юн показал флакон всем присутствующим.

— Что это? — спросила Ли Сюэли. — Лекарство?

— Какое лекарство? — переспросила Шэнь Фэнся.

Остальные то ли искренне растерялись, то ли просто отмалчивались. Тань Юн выждал паузу.

— Похоже, никто не хочет признаваться? Но это и не обязательно: мы знаем, в чьей квартире обнаружили эту улику.

— Лао Тань, что это вообще такое? — не выдержала Хань Лэй.

Тань Юн посмотрел на флакон и зачитал название:

— Фуросемид.

— Для чего он?

— Инструкция длинная, но суть в том, что этот

препарат используется для профилактики и лечения отравлений лекарствами и токсинами.

— Отравлений… — Все переглянулись расширенными от ужаса глазами.

— Кто-то заранее купил и принял этот препарат, — первой сообразила Фань Линь, — чтобы при отравлении куриным супом не умереть и смягчить симптомы, верно?

— Другого объяснения я не вижу. Главное, в обычной домашней аптечке фуросемид не встретишь, к тому же купить его не так-то просто. И капитан Цзян сказал, что обнаружили его не в аптечке или шкафу, а в очень укромном месте.

— В чьей квартире его нашли?! — взволнованно воскликнула Шэнь Фэнся. — Это точно квартира убийцы!

Тань Юн посмотрел на Су Сяотун и Гу Лэя:

— Что, так и будете притворяться?

Все взгляды устремились на них.

— Это вы? — Ли Сюэли вытаращила глаза от удивления.

— Нет, я не покупала это лекарство, — сказала Су Сяотун и посмотрела на Гу Лэя.

— Я тоже не покупал, — отозвался тот.

— Как же тогда оно оказалось у вас дома? — спросил Тань Юн. — Гу Сяолян купил?

— Лао Тань, я правда не знаю, откуда оно там взялось.

— Вижу, ты не сдаешься до последнего. — Тань Юн глубоко вздохнул. — Пока я рассказывал о деле, я специально наблюдал за тобой. Су Сяотун, ты ведь обычно не такая молчаливая? Но сегодня ты не произнесла почти ни слова, и выражение лица у тебя было неестественным. Потому что я точно описал твой метод убийства, ведь так?

— Я не понимаю, о чем ты…

— Хватит! — резко прервал ее Тань Юн. — Ты и сейчас продолжишь отпираться? Думаешь, мы бы назвали кого-то убийцей, если бы не имели веских доказательств? Все улики указывают на тебя! Сейчас я разложу все по полочкам.

Су Сяотун побледнела, глядя на Тань Юна.

— Во-первых, после задержания Фань Кэ мы выяснили, что он мастер манипулирования женщинами, особенно такими красивыми, как ты. Хотя он и отрицал связь с тобой, следы привели нас в Цзинчжоу и Шанхай — в тамошних барах и ночных клубах чаще всего бывал Фань Кэ. Ты сама признавалась, что любила посещать бары в Цзинчжоу, не так ли? В одном из них вы и познакомились. Это подтвердил владелец заведения!

Во-вторых, именно ты пыталась направить

меня по ложному следу после смерти Ся Ци. Ты предположила, что убийца имитировал мой голос, чтобы заставить ее открыть дверь, — и увела расследование в неверном направлении.

В-третьих, перед смертью Ся Ци звонила тебе, Фань Линь, Хань Лэй и Ли Сюэли. Только вы знали, что она вела свое расследование. Но обыск показал: у Фань Линь и Хань Лэй стационарные компьютеры, у Ли Сюэли вообще нет компьютера — только у тебя есть ноутбук. Только ты могла совершить преступление. И только тебе это было нужно. Твое алиби было рассчитано не на полицию, а на твою семью. Тебе было жизненно важно, чтобы человек, с которым ты проживешь всю жизнь, верил в твою невиновность. Это даже важнее, чем убедить в своей невиновности полицию!

В-четвертых, разве не ты созвала всех у себя дома и выдвинула «гениальный план» оставить только одного наследника? Переезд в «Юэхайвань» был первым шагом, а это предложение — последним. Так вы с мужем и сыном могли бы скрыться и ежегодно получать наследство, избежав правосудия.

В-пятых — и это самое главное, — фуросемид, найденный у тебя дома. Ты заранее приняла

препарат, перед тем как поесть супа, поэтому пострадала меньше всех. Все еще будешь отрицать очевидное? Тогда скажи, зачем тебе этот препарат? Я проверил: фуросемид также используют при острой почечной недостаточности. Неужели у тебя или Гу Лэя такие серьезные проблемы со здоровьем?

Су Сяотун побледнела как бумага, ее губы дрожали. Она могла лишь бессильно шептать: «Это правда не я», голос ее от страха не слушался.

— Оставь эти жалкие оправдания для суда. Посмотрим, поверит ли тебе судья, — резко заключил Тань Юн. — Наша задача — задержать подозреваемую.

Тань Юн закончил речь и взглянул на Ли Биня. Тот кивнул, достал наручники и подошел к Су Сяотун. Холодные металлические браслеты со щелчком сомкнулись на ее запястьях.

— Проедем в отделение, — сказал Цзян Мин. — Я распоряжусь, чтобы прокуратура немедленно подготовила обвинительное заключение.

Ли Бинь взял Су Сяотун за руку, и группа полицейских повела ее из комнаты.

Когда они уже готовы были переступить порог, раздался голос:

— Подождите.

Полицейские обернулись. Обернулась и Су Сяотун.

Гу Лэй поднялся со стула. Несколько секунд он смотрел на жену, затем перевел взгляд на полицейских и спокойно произнес:

— Лао Тань, твой анализ был точен во всем, кроме одного — ты ошибся с подозреваемым. Сяотун не виновата. Это сделал я.

Глава восемнадцатая. Объяснение

1

Наступило утро воскресенья. За окном занимался рассвет. Су Сяотун наблюдала, как постепенно светлеет небо. Прошлая ночь выдалась для нее бессонной.

В отличие от матери, сын спал крепко и сладко, как послушный котенок. Он не знал, что произошло вчера, не спрашивал, где папа, и, конечно же, не понимал, что может больше никогда его не увидеть. Бедный ребенок: и родной отец, и приемный в конце концов покинули его. Су Сяотун нежно погладила сына по голове, переполненная любовью и жалостью.

Около восьми утра она разбудила Гу Сяоляна, приготовила ему простой завтрак, а затем позвонила Фань Линь:

— Можно я приведу к тебе Сяоляна поиграть?

— Конечно, без проблем.

Мать с сыном доехали на лифте до четырнадцатого этажа. Фань Вэньцзин обрадовалась визиту друга и сразу повела Гу Сяоляна в комнату играть.

— Ты куда-то собираешься? — поинтересовалась Фань Линь.

— В уголовный отдел. Мне нужно кое-что обсудить с Лао Танем.

Фань Линь сочувственно кивнула:

— Иди, я присмотрю за детьми, не переживай.

Су Сяотун поблагодарила соседку и покинула квартиру. Выйдя из жилого комплекса, она поймала такси и направилась в уголовную полицию Лиши.

Тань Юн и Ли Бинь уже ждали ее в кабинете. Когда Су Сяотун вошла, Ли Бинь подал ей бутылку минеральной воды. Она села, и Тань Юн начал рассказ:

— Вчера после задержания мы сразу допросили Гу Лэя. Он сознался во всех преступлениях. Это он убил Гун Ямэй и Ся Ци, и это он подсыпал яд в куриный суп.

Су Сяотун молчала, уставившись на носки своих туфель.

— После признания Гу Лэя Фань Кэ не мог больше отпираться. Они познакомились полгода назад, когда Гу Лэй искал подработку в интернете и написал в одном посте: «Возьмусь за любую работу, лишь бы платили». Ты знала об этом?

— Нет. — Су Сяотун покачала головой.

— Ся Ци поделилась с Фань Кэ, что Гун Ямэй планирует разделить наследство между всеми

членами «Большой семьи». Как Ся Ци об этом узнала? Фань Кэ рассказал, что она подарила Гун Ямэй статуэтку с вмонтированным «жучком». Через него она подслушала разговор о завещании с адвокатом Фэном. Ся Ци не была жадной. Ей и девятой доли наследства было достаточно. К тому же она не знала о долгах Фань Кэ. Он понимал, что Ся Ци никогда не пойдет на убийство ради денег, поэтому искал другого сообщника. Им стал Гу Лэй с его постом «Возьмусь за любую работу». Они тайно общались через левые телефоны, поэтому никто, в том числе ты, не знал об их преступных планах.

Су Сяотун вздрогнула:

— Он предложил мне поехать в Лиши развеяться, а потом заговорил о покупке жилья… Я и подумать не могла, что это часть плана. — Она тяжело вздохнула. — Но как Фань Кэ и Гу Лэй могли быть уверены, что Гун Ямэй включит нас в завещание?

Тань Юн объяснил:

— Во-первых, вы купили квартиру на одном этаже с Ли Сюэли. Зная ее характер, она непременно пригласила бы вас в «Большую семью». Даже если бы вы не встретились случайно, Гу Лэй бы все устроил. Во-вторых, Фань Кэ хоро-

шо знал свою мать. Он понимал, что Гун Ямэй оценит такого «идеального семьянина», как Гу Лэй, и пожалеет умственно отсталого Гу Сяоляна. Она обязательно включила бы вас в завещание — как месяцем раньше включила Юань Дуна и Шэнь Фэнся. Это Ся Ци выяснила с помощью «жучка». Гун Ямэй так быстро включала новых членов «Большой семьи» в завещание, потому что боялась: из-за гипертонии ее сердце могло остановиться в любой момент. К тому же она не хотела конфликтов в группе, поэтому распределила наследство поровну между всеми.

— Значит, через месяц после нашего переезда в Лиши Гун Ямэй, проникшись симпатией к нам, и особенно к Гу Лэю, решила сделать нас наследниками, — медленно проговорила Су Сяотун. — Она позвонила адвокату Фэну. Ся Ци подслушала их беседу через «жучок» и сообщила о ней Фань Кэ, а тот — Гу Лэю. И тогда Гу Лэй решил, что цель достигнута и можно убивать Гун Ямэй?

— Именно так.

— Чья это была идея — убить ее?

— Гу Лэя. Каким бы жестоким ни был Фань Кэ, на убийство собственной матери он не пошел бы. Он знал о ее слабом здоровье и рассчитывал

дождаться ее естественной смерти, а потом уже устранить с Гу Лэем остальных наследников. Но Гу Лэй не стал медлить…

Су Сяотун ненадолго замолчала.

— Значит, Гу Лэй убил Гун Ямэй по собственной инициативе, не посоветовавшись с Фань Кэ? — спросила она.

— Да.

— И Фань Кэ ничего не предпринял? Позволил ему убить свою мать?

— После смерти Гун Ямэй Фань Кэ, конечно, заподозрил Гу Лэя. Но тот не признался, а у Фань Кэ не было доказательств — пришлось смириться. Гу Лэй знал: даже если Фань Кэ его подозревает, он ничего не сможет сделать и уж точно не пойдет в полицию. Если Гу Лэя арестуют, план Фань Кэ рухнет, и он не получит наследства. Да и объективно смерть Гун Ямэй была ему выгодна.

— Как Гу Лэй заманил ее в беседку у залива? — спросила Су Сяотун.

— План ее убийства он продумал давно. Гу Лэй неоднократно контактировал с Фань Кэ, они много раз разговаривали по телефону. Он потратил кучу времени, чтобы имитировать его голос и манеру речи. У Фань Кэ низкий голос — подделать его было несложно. В ту ночь, когда вы с Ся

Ци, Хань Лэй и остальными пошли в бар, Гу Лэю выпал идеальный момент. Он замаскировался, вышел из жилого комплекса, специально выбрал шумное место и, выдав себя за Фань Кэ, позвонил Гун Ямэй с левого номера. Сказал, что приехал в Лиши и хочет увидеться с матерью. Хотя Гун Ямэй когда-то и разорвала с ним отношения — какая мать совсем не скучает по сыну? Услышав его голос, она сразу бросилась к месту встречи — к той самой беседке. Но вместо сына ее ждал Гу Лэй. Тогда он и столкнул ее в воду.

Сяотун закрыла глаза, нахмурив брови.

— А про инцидент с отравлением куриным супом ты сама все знаешь. Гу Лэй купил таблетки фуросемида и подмешивал их тебе в напитки, чтобы обезопасить. Конечно, Гу Лэй тоже принимал этот препарат.

— Нет… — Су Сяотун покачала головой. — Он практически каждый день приносил мне чай или воду. Я даже подумать не могла, что он добавлял туда антидот.

Ли Бинь, до этого момента молча слушавший их разговор, наконец заговорил:

— Су Сяотун, вчера Лао Тань лишь обмолвился о плане по поимке Гу Лэя с твоей помощью. Но он не объяснил, как ты сама догадалась, что он

убийца. Мне очень интересно — не могла бы ты рассказать?

— На самом деле, я начала сомневаться после слов Шэнь Фэнся, — ответила Су Сяотун. — Ее опасения были обоснованны: мы прожили в Лиши меньше месяца, когда все случилось, а мои симптомы оказались слабее, чем у других. Но в тот день я съела не меньше куриного супа, чем все остальные. И тогда я задумалась — почему так вышло? Вспомнив, что именно Гу Лэй привез меня в Лиши — якобы на экскурсию и просмотр квартир, — я впервые почуяла неладное. Зная Гу Лэя, я была уверена — он ни за что не допустил бы, чтобы со мной что-то случилось. Поэтому я заподозрила, не купил ли он заранее противоядие. Когда он уснул, я разблокировала его телефон и проверила платежи в «Вичате» и «Алипэй». И действительно — недавно Гу Лэй потратил в аптеке больше ста юаней на лекарства. Он был достаточно умен — купил не только фуросемид, но и более привычные лекарства. В истории платежей «Вичата» не отображается список приобретенных товаров, только сумма. Но Гу Лэй явно не ожидал, что я начну разнюхивать. Все было просто: я проверила домашнюю аптечку, записала ее содержимое, затем пошла в ту самую

аптеку сверить цены. Оказалось, не хватало ровно двенадцати юаней. Я уточнила у продавца, какие лекарства обладают антитоксическим эффектом. И выяснилось — цена фуросемида как раз составляет двенадцать юаней! Тогда я уже почти точно знала, что Гу Лэй — убийца. Но если бы я спросила его напрямую, он бы ни за что не признался.

Поэтому вчера утром я под предлогом прогулки с Сяоляном встретилась с Лао Танем в чайной. Рассказала ему о своих подозрениях, и мы разработали план, как вывести Гу Лэя на чистую воду.

— Вау! — Ли Бинь одобрительно поднял большой палец. — Ты поступила очень принципиально. Благодаря тебе мы раскрыли дело!

— Я не могла смириться с мыслью, что живу под одной крышей с убийцей… — тихо ответила Су Сяотун.

— На самом деле, — продолжил Тань Юн, — мы рассматривали три возможных сценария. Первый: Гу Лэй спрятал фуросемид где-то в доме, мы находим его и он теряет самообладание. Второй: он выбросил упаковку сразу после использования, но когда мы «находим» лекарство (которое на самом деле купила вчера Су Сяотун), он в панике решает, что забыл его выбросить. Третий: он

точно помнит, что выбросил лекарство, и тогда мы не смогли бы найти его в квартире. В любом случае мы рассчитывали, что Гу Лэй потеряет хладнокровие и выдаст себя. Но на самом деле он оставался спокойным на протяжении всего процесса и не попался в ловушку.

— Но ведь он все-таки попался! — воскликнул Ли Бинь. — Когда мы притворились, что считаем Су Сяотун убийцей, и собрались ее арестовать, Гу Лэй не выдержал и признался.

— Верно, — кивнул Тань Юн. — Все «улики» против Су Сяотун я озвучивал вчера специально для Гу Лэя. Чтобы дать ему понять: мы полностью раскрыли его метод убийства. А «арест» жены прямо у него на глазах был проверкой — сможет ли он ради любимой женщины признать свою вину.

— И он клюнул! — восхищенно произнес Ли Бинь. — Лао Тань, все сработало именно так, как вы планировали!

— Нет… Не совсем…

— Что ты имеешь в виду?

— Если вдуматься, такой хитрец, как Гу Лэй, мог легко извернуться.

— Почему?

— Потому что все пять «улик» на самом деле

не были уликами. Даже если бы фуросемид действительно купил Гу Лэй, он мог бы утверждать, что лекарство нужно для профилактики других заболеваний. Ведь фуросемид также пьют при почечной недостаточности… Более того, он точно знал, что Су Сяотун невиновна. Без достаточных доказательств нам нечего было ей предъявить. Другими словами, Гу Лэй мог отпираться до самого конца.

— Тогда почему он в последний момент признался?.. — недоумевал Ли Бинь. — Нам что, просто повезло?

— Нет, везение тут ни при чем. И минутная слабость — тоже. Напротив, Гу Лэй выглядел совершенно собранным.

— Тогда я не понимаю. Зачем ему сдаваться? Он же прекрасно знал, что за три убийства его ждет смертная казнь.

— Думаю, тут только одна причина… — Тань Юн посмотрел на Су Сяотун.

Су Сяотун молчала, не отрывая глаз от Тань Юна.

— Гу Лэй раскусил нашу ловушку и намеренно в нее шагнул.

— Что?! — Ли Бинь не мог поверить своим ушам. — Но как это возможно? Столько хладно-

кровных преступлений, и вдруг добровольное признание… Это же бессмыслица!

— Я тоже не понимаю его мотивов. Формально, раз он уже сознался, это не так важно… Но мне все же хочется узнать, что на самом деле у него на уме…

— Лао Тань, разрешите мне встретиться с Гу Лэем, — неожиданно попросила Су Сяотун.

— Хорошо. И спроси, в чем был его истинный мотив.

— А вы его не спрашивали?

— Конечно спрашивали. Он ответил лишь: «Разве не очевидно? Ради денег». Но я чувствую, это не вся правда. Должна быть более глубокая причина.

— Я поняла. Доверьте это мне.

— Договорились. Сейчас организую вам встречу. Кстати, есть еще кое-что, что ты должна знать…

— Что же?

— Шарики с крыши бросал не Гу Лэй.

— Да, в тот день он был со мной и физически не мог этого сделать. Но кто тогда?

— Шэнь Фэнся. Вчера после ареста Гу Лэя она пришла с повинной. Сказала, что ненавидела всех вокруг и хотела устроить бойню. Теперь,

когда настоящий убийца пойман, она одумалась и признала, что совершила ужасную глупость. Готова понести наказание.

— Хорошо хоть шарики не убили Фань Линь. Надеюсь, приговор будет не слишком суровым.

— В любом случае это покушение на убийство. Точный срок определит только суд.

Су Сяотун кивнула.

— Теперь проводите меня к Гу Лэю.

2

В камере временного содержания Су Сяотун и Гу Лэй сидели друг против друга. Решетка между супругами словно провозглашала, что отныне они принадлежат разным мирам.

Целую минуту они молча смотрели друг на друга, прежде чем Су Сяотун заговорила:

— Прости, Гу Лэй.

— Все в порядке. — Он спокойно улыбнулся.

— Ты же догадался, что вчера это была ловушка, которую мы подготовили с Лао Танем?

— Это было очевидно. Вы не знали, что я вообще не приносил фуросемид домой. Я отсыпал несколько таблеток и выбросил пузырек. Поэтому полиция никак не могла найти его у нас дома. Я сразу решил — либо это полицейская провокация, либо вы с Тань Юном сговорились, чтобы я выдал себя.

— Если ты нас раскусил… зачем тогда сознался? — Голос Су Сяотун дрогнул.

Гу Лэй пристально посмотрел на Су Сяотун:

— Потому что этого хотела ты.

Лицо Су Сяотун напряглось.

— Сяотун, я всегда говорил — ради тебя я готов

на все. Но ты, кажется, так и не поняла смысла этих слов. Тань Юн прав: мое алиби создавалось не для полиции, а для тебя. Чтобы ты ни на секунду не усомнилась во мне. Мне было плевать, что думает полиция, — важно было только твое доверие. Но, увы, в конце концов ты все равно заподозрила меня. И даже помогла полиции подставить. Когда я это осознал — просто решил исполнить твое желание.

— Сговор с Фань Кэ и все эти убийства — это тоже «мое желание»? — Голос Су Сяотун дрожал от ярости. — Я разве просила тебя об этом?

— Конечно нет. Но я знал, что должен поступить именно так. Вернее, я был обязан пойти на этот риск, чтобы навсегда удержать тебя рядом.

— Зачем? — Голос Су Сяотун дрогнул. — Я уже стала твоей женой! Что еще тебе нужно было?

— Сяотун, перестань себя обманывать.

— О чем ты?

— Ты прекрасно знаешь правду. Ты вышла за меня замуж, но не отдала мне свое сердце.

— Как ты смеешь такое говорить?!

— Мы знакомы восемнадцать лет. — Его голос внезапно смягчился. — Восемнадцать лет я любил тебя. Неужели ты думаешь, я не вижу тебя насквозь?

Су Сяотун собралась с мыслями:

— Я поняла. В твоих глазах я меркантильная, да? Все мои университетские бойфренды были мажорами. А за Чжан Шэна я вышла только из-за его высоких доходов. И ты решил, что деньги — единственное, что может удержать меня. Ты обычный парень, у тебя ни связей, ни капитала, а состояние честным трудом не сколотишь. Поэтому ты так отчаянно хотел разбогатеть, что даже пошел на убийства. Ты верил, что только когда у тебя, то есть у нас, будет достаточно денег, я по-настоящему буду принадлежать тебе. Так?

— Сяотун… Разве я был не прав?

Су Сяотун заплакала:

— Если бы это было правдой, зачем же я вышла за тебя год назад?

— Потому что в тот момент ты была крайне уязвима и беспомощна, — тихо ответил Гу Лэй. — Я оказался рядом, когда тебе требовались утешение и поддержка. Помогал заботиться о Сяоляне, брал на себя бытовые хлопоты… Ты была благодарна. Из чувства долга не смогла отказать, когда я предложил тебе руку и сердце. Сяотун, я чувствую людей, особенно тебя. Я никогда не ошибаюсь.

— Но я все-таки стала твоей женой! Этого что, недостаточно?

— Естественно, мне этого недостаточно. Твое отношение ко мне после свадьбы ясно показало: ты не испытываешь ко мне настоящей симпатии, не говоря уже о любви. Сяотун, ни одна счастливая пара не устанавливает правила «раз в месяц». Только тот, кто воспринимает супружеский долг как обязанность, вводит такие жесткие ограничения. Я горел как пламя каждый день. Разве ты не чувствовала? Нет, конечно чувствовала. Жаль только, что мне так и не удалось зажечь ответный огонь в тебе.

Су Сяотун замерла с открытым ртом, не находя слов.

— Поэтому я думал днем и ночью — чего же мне не хватает? Я не красавец, но и не урод, во всяком случае не хуже твоего бывшего, Чжан Шэна. У меня хорошее здоровье, спокойный нрав, я отлично готовлю, не имею вредных привычек, ответственно отношусь к семье. И главное — я безумно люблю тебя, лелею каждый твой вздох. Уверен, на всем свете не найти второго такого надежного и преданного мужчину. Но даже этого оказалось мало. И тогда я понял. Мне не хватало того самого «шика» — этой безрассудной щедрости, с которой богачи сорят деньгами глазом не моргнув. Такое нельзя подделать. Мне нужно

было по-настоящему разбогатеть.

Су Сяотун зажмурилась от мучительной боли. Она долго молчала, прежде чем прошептать:

— Но зачем было убивать? Разве мы уже не обеспечили себе место в числе наследников после того, как завоевали доверие Гун Ямэй?

— Да, но я не мог ждать, пока она умрет своей смертью. Твое равнодушие лишало меня всякой уверенности. С каждым днем твои душевные раны заживали, ты все меньше зависела от меня. Ты не говорила этого прямо, но я чувствовал. Особенно когда твой богатый бывший снова появился в нашей жизни…

— Погоди… Ты о чем? Мой бывший… Чжоу Сыда? Откуда ты вообще знал, что он со мной связался? Я же тебе ничего не говорила… — До нее вдруг дошло. — Ты… ты тайком проверял мой телефон? Следил за моими контактами?

— Прости, Сяотун, я слишком сильно переживал. — Гу Лэй нервно усмехнулся. — Но потом ведь и ты проверяла мой телефон, так что мы квиты.

— Если ты читал нашу переписку, то должен был понять — я не сделала ничего предосудительного. Он приехал в Лиши и приглашал меня встретиться, но я отказалась.

— Да, внешне ты сохраняла вежливую сдержанность, но осмелишься ли сказать, что твое сердце не дрогнуло?

К горлу Су Сяотун подкатил комок, она не могла произнести ни слова. Отрицать обвинения мужа было бессмысленно. Су Сяотун тут же осознала, что Гу Лэй наблюдал за ее состоянием после каждого контакта с Чжоу Сыда.

— Признаю, во мне действительно что-то шевельнулось, — наконец выдавила она, — но это была просто ностальгия по ушедшим чувствам. Ты считаешь это душевной изменой? Гу Лэй, ну почему ты такой ранимый?

— Я знал, что ты не поймешь, — спокойно ответил он. — Ты никогда не поймешь, как сильно я тебя люблю.

— Тогда объясни мне, откуда взялась эта твоя нездоровая, почти одержимая любовь?

— Странный вопрос. Разве для любви нужны причины?

— Для влюбленности — может, и нет. Но любить до такой степени… Тут уже без причин не обошлось.

Гу Лэй глубоко вздохнул и уставился в решетку:

— Хорошо, я расскажу. Думал, эта история так

и сгинет со мной в могиле… В средней школе я учился в сельской глубинке. Подростковый возраст — время первых романтических чувств. Для моих одноклассников было нормально влюбляться, нравиться друг другу. Но я был исключением. Моя семья была беднее всех. Я носил рваную одежду, из дырявых ботинок торчали пальцы. Надо мной смеялись, девочки мной брезговали, и я платил им той же монетой… До того дня, когда увидел ее. Впервые в жизни сердце бешено застучало. Но это была не реальная девушка… Это была девушка с обложки журнала. Миловидная, с лучезарной улыбкой. В тот миг я полностью потерял голову: «Как на свете может существовать такое очаровательное создание?» Журнал принес один одноклассник. Это было какое-то молодежное издание. На обложке — обычная девушка, не знаменитость. Я даже имени ее не знал… В обмен на неделю выполнения домашних заданий я выпросил этот журнал. С тех пор она всегда была со мной. Достаточно было взглянуть на ее фото — и на душе становилось тепло.

Во втором классе, в начале второго семестра, наш классный руководитель строго запретил приносить в школу любые посторонние книги и журналы. Казалось бы, мне следовало оста-

вить этот журнал дома… Но к тому времени я уже вообразил, что модель с обложки стала моей девушкой. Все вокруг меня презирали, даже взглянуть не удосуживались — только она никогда не причиняла мне боли, всегда смотрела на меня и улыбалась. Она стала моим единственным утешением в жизни, я просто обязан был носить ее с собой.

И вот однажды днем классный руководитель устроил внезапную проверку. Он методично обыскивал каждую сумку, безжалостно рвал и конфисковывал любые «запрещенные издания». Когда он приблизился ко мне, я запаниковал. Учитель вытащил из моего рюкзака журнал… Я вдруг осмелел — выхватил журнал из рук учителя и умолял не рвать его, клялся, что больше никогда не принесу его в школу. Но мой поступок был вызовом учительскому авторитету. Он пришел в ярость и решил во что бы то ни стало отобрать журнал. А я, прижав его к груди, отчаянно сопротивлялся. Учитель позвал нескольких крепких одноклассников. Они силой разжали мои пальцы и вырвали журнал. Тогда учитель, должно быть, понял мою странную привязанность: обычный человек не стал бы так отчаянно защищать дешевый журнал. И тут мой сосед по

парте подлил масла в огонь: «Гу Лэй влюблен в девушку с обложки, все время на нее пялится!» Класс взорвался хохотом.

Учитель при всех сказал мне: «Неужели это правда? Да ты бы хоть в лужу посмотрел! Разве может жаба мечтать о лебеде?» С этими словами он разорвал журнал и лицемерно добавил, что делает это для моего же блага. Но все, что я понял тогда, — вместе с любимой мною девушкой, он разорвал на части и меня.

Унижений при всем классе оказалось мало. Учитель вызвал в школу мою мать, наговорив, что моя успеваемость ухудшилась из-за «сексуальных фантазий о девушке из журнала». Моя мать — простая необразованная крестьянка, слепо верившая учителям. Услышав слово «секс», она решила, что это порножурнал. Не разобравшись, отвесила мне две пощечины и крикнула: «Как я могла родить такую мерзость!» Затем она продолжила избивать и оскорблять меня при всех в учительской. Не хочу повторять те гнусные слова… В тот день я ощущал себя так, будто меня раздели догола и привязали к позорному столбу. Но до сих пор не понимаю: в чем же я провинился?

В ту ночь я проплакал до утра, насквозь промо-

чив подушку. Мне казалось, что я больше никогда ее не увижу. Вместе с ней умерло и мое сердце. После этого я стал замкнутым, начал избегать общения. Но главное — я словно утратил способность любить. Годы спустя, будь то реальные девушки или образы из телевизора, книг и журналов, — ничто не пробуждало во мне чувств. До того дня, когда в университете я встретил тебя.

Гу Лэй пристально смотрел на Су Сяотун. Та почувствовала себя лягушкой, загипнотизированной змеей, — леденящий холод сковал ее тело.

— Почему… — Ее губы едва шевельнулись. — Что во мне особенного?

— Сяотун, ты все еще не понимаешь? — прошептал Гу Лэй. — Ты выглядишь точь-в-точь как та девушка из журнала. Когда я впервые встретил тебя, то остолбенел. Журнал давно уничтожили, но ее лицо навсегда врезалось в мою память. В тот миг мне почудилось, будто какой-то голос тихо произнес: «Она вернулась к тебе». Но я не потерял голову. Постепенно я заметил: тебя интересуют только успешные парни. Такой заурядный человек, как я, для тебя был не приметнее придорожного камня. Поэтому я благоразумно хранил молчание, скрывал чувства до самого выпуска.

Ты могла подумать, что с окончанием университета моя любовь угасла. Но я продолжал ждать своего часа, оставаясь в тени. Быть рядом, обладать тобой, стать твоим мужем — в этом я видел смысл своей жизни. Я поклялся себе: ради этого я пойду на все. Абсолютно на все.

— Так вот в чем дело, — сказала Су Сяотун. — Ты не случайно позвонил мне, когда узнал, что мы с сыном чуть не погибли. Ты все это время следил за мной. Я догадывалась, но не решалась спросить напрямую. После всего, что произошло, ты был так добр ко мне и Сяоляну… Я решила: даже если ты действительно следил за мной — какая разница? Ты спас нам жизнь, помог во всем. Лучше считать тебя ангелом-хранителем. Поэтому я за тебя и вышла.

— В тот момент моя жизнь обрела полноту. Заполучив тебя, я получил весь мир. Я хотел, чтобы это чувство длилось вечно. Моей следующей целью стало укрепить наш брак, чтобы ты поняла: выйти за меня было твоим лучшим решением. Я обрел свой мир, и я хотел дать тебе все, чего ты только пожелаешь. Это стало моей конечной целью.

— А теперь? — печально спросила Су Сяотун. — Ты вот-вот потеряешь меня.

— Нет, это не так. После моей смерти ничего не будет — ни тебя, ни меня, ни этого мира. И я не буду страдать. «Потерять» — значит остаться в мире, где тебя нет. Это совершенно разные вещи.

Су Сяотун смотрела на Гу Лэя с невыразимым чувством.

— Гу Лэй, мы знакомы восемнадцать лет, прошли путь от однокурсников до супругов. Но только сегодня я поняла, что совсем не знала тебя. А ты… ты тоже не так хорошо знаешь меня, как думал.

Гу Лэй внимательно наблюдал за ней.

— Раньше я была меркантильной, да. Мне нравились дорогие вещи, я восхищалась мужчинами, которые сорили деньгами. Но после истории с Чжан Шэном мои ценности изменились. Я начала задумываться, чего же хочу на самом деле. Выходя за тебя, я действительно руководствовалась благодарностью. Но ты ошибался в одном: моя холодность не имела ничего общего с твоим достатком. Я просто не способна на такую одержимость, как ты. Мне нужно время, чтобы полюбить. После смерти Чжан Шэна… Ты правда думал, я смогу сразу забыть его и страстно влюбиться в тебя? Ты принял мою сдержанность за недовольство твоим доходом. Да, сначала я была

холодна — это моя вина. Но разве ты не заметил, как постепенно менялось мое отношение? Тебе не нужно было совершать эти ужасы… Я и так осталась бы с тобой навсегда…

Голос Су Сяотун прервался. Напротив сидел рыдающий Гу Лэй. С душераздирающим воплем он схватился за голову и сполз на пол, сраженный волной раскаяния.

Когда он наконец поднял глаза, напротив стояла лишь пустая скамья.

3

В кабинете Тань Юн протянул Су Сяотун салфетку, а Ли Бинь налил ей горячего чая:

— Выпей немного, это поможет.

— Спасибо.

После минутного молчания Су Сяотун спросила:

— Вы слышали наш разговор?

— Да, — вздохнул Тань Юн. — Дело закрыто, но оно натолкнуло меня на мысль. Не кажется ли тебе, что трагедии Фань Кэ и Гу Лэя связаны с очень важными людьми в их жизни?

— Вы имеете в виду… их матерей? — еле слышно спросила Су Сяотун.

— Именно так. Гун Ямэй своей слепой любовью и вседозволенностью воспитала из Фань Кэ равнодушного, расчетливого эгоиста. — Тань Юн тяжело вздохнул. — Знаешь, что он сказал на допросе? Помимо карточных долгов, он требовал наследства потому, что детстве мать, уделявшая все свое время работе, постоянно твердила: «Все мои деньги когда-нибудь достанутся тебе». Эти слова засели в его голове. Он искренне верил, что не крадет, а просто забирает свое.

Ли Бинь с горечью покачал головой:

— Ты бы видела, сколько в нем гонора. Даже сейчас не признает вины.

— Ошибки родителей могут сломать жизнь ребенку, — тихо заключил Тань Юн.

— Адвокат Фэн тоже говорил, что у Гун Ямэй были проблемы с воспитанием сына, — согласилась Су Сяотун.

Тань Юн кивнул.

— А услышав историю Гу Лэя, я подумал: если бы его мать, когда ее вызвали в школу, разобралась в ситуации и сказала учителю: «Я верю своему сыну», а потом его поддержала… Одни действия учителя не нанесли бы парню такой травмы. Он вырос бы уверенным в себе человеком, а не таким ранимым и одержимым. Правильная реакция матери предотвратила бы эту трагедию.

Су Сяотун долго молчала, потом согласилась:

— Ты прав. Лао Тань, я устала, пойду.

— Хорошо. — Тань Юн проводил ее за порог.

От здания угрозыска до жилого комплекса «Юэхайвань» было минут десять на машине. Пешком гораздо дольше. Су Сяотун шла одна, и путь домой казался бесконечным. Слова Тань Юна эхом звучали в ее сознании.

Вернувшись в «Юэхайвань», Су Сяотун снача-

ла поднялась на четырнадцатый этаж, чтобы забрать сына из квартиры Фань Линь, затем спустилась к себе на двенадцатый. Она отвела Сяоляна в спальню:

— Сяолян, что ты хочешь на ужин?

— Куриную ножку и гамбургер.

— Хорошо, тогда скоро пойдем в кафе. Но сначала ответь мне на один вопрос, хорошо?

Сяолян кивнул.

— Ты ведь видел, что произошло той ночью, правда?

В глазах мальчика мелькнул испуг, он опустил голову и покачал ею.

В этот момент Су Сяотун все поняла. Брызнули слезы.

— Ты притворялся… Иначе откуда бы ты знал, о какой ночи и каких событиях я говорю?

Сяолян остолбенел, его лицо исказилось от мучительного напряжения. Су Сяотун больше не нуждалась в подтверждениях. Она крепко обняла сына, сквозь рыдания выговаривая:

— Прости… прости, Сяолян! Мама давно догадывалась… давно хотела спросить… но боялась… Боялась правды, вот и убегала от нее. Я даже думала: может, и хорошо, что ты «отстал»? Не надо в школу, не надо к психологу, не надо общаться…

Так мой секрет останется при нас… Какая же я эгоистка! Чтобы сохранить свою тайну, я готова была поверить, что ты и правда слабоумный! Но теперь я поняла… Трагедия не должна повториться. С сегодняшнего дня мы встречаем правду лицом к лицу! Я отведу тебя к врачам, помогу стать обычным ребенком… Надеюсь, еще не поздно… Сяолян, прости меня…

Сначала на лице мальчика читались лишь страх и растерянность. Но в конце концов он не выдержал — обхватил мать и разрыдался.

В тот день Су Сяотун сделала две важные вещи. Сначала она отвела сына в лучшую клинику Лиши на консультацию к психологу. Отбросив все страхи, она подробно рассказала врачу о событиях годичной давности и попросила провести полное обследование.

Перед тестами мать взяла с Сяоляна обещание:

— Будь честным. Больше никакого притворства.

Мальчик серьезно кивнул.

Результаты не заставили себя ждать.

— Интеллект полностью сохранен, — сообщил врач. — Очень смышленый ребенок.

Оказалось, Сяолян детально описал врачу все, что видел и пережил год назад…

Той ночью он поужинал и уснул, а проснулся, когда мама уже перенесла его на балкон. Папа все еще лежал без сознания в гостиной, в комнате стояла жаровня. Сквозь стеклянную дверь он увидел, как мама сначала хотела перетащить папу на балкон, но передумала. Вместо этого она взяла диванную подушку и… Сяолян все понимал, но не мог пошевелиться. Произошедшее стало для мальчика ударом: папа хотел убить их всех, а мама убила папу у него на глазах. События той ночи вызвали посттравматическое стрессовое расстройство. Врачи в Цзинчжоу ошибочно связали состояние мальчика с отравлением угарным газом и даже заподозрили умственную отсталость.

На самом деле Сяолян закрылся в себе, не сумев принять ужасную правду. Услышав диагноз врачей, он начал притворяться слабоумным — так ему было легче избегать реальности. Это была чисто психологическая проблема, никак не связанная со слабоумием.

Су Сяотун спросила врача:

— Можно ли исправить ситуацию?

— К счастью, вы не затянули, — ответил психолог. — Ребенок как раз в критической фазе развития. Длительное притворство могло изменить его самоидентификацию — он бы и правда

начал верить, что слабоумный.

Су Сяотун с облегчением вздохнула: они подошли так близко к краю, но, к счастью, сумели удержаться. Еще немного, и было бы поздно. Она договорилась о курсе терапии для сына.

Затем мать с ребенком пришли в уголовную полицию. Су Сяотун добровольно созналась Тань Юну во всем.

Через два месяца городской суд Лиши вынес решение: Гу Лэя за предумышленные убийства приговорили к смертной казни, Фань Кэ за организацию и соучастие в преступлении получил десять лет лишения свободы, Шэнь Фэнся за покушение на убийство с учетом смягчающих обстоятельств (явка с повинной) дали четыре года, Су Сяотун осудили за предумышленное убийство, но с учетом исключительных обстоятельств (попытки мужа убить ее и ребенка) и явки с повинной дали пять лет.

Все четверо признали приговор.

Эпилог

Три года спустя ворота тюрьмы Лиши медленно открылись, и Су Сяотун, в простой одежде, вышла к аллее, ведущей на волю. Вдали, у входа, она сразу заметила ожидавшего ее Тань Юна.

— Поздравляю с досрочным освобождением за хорошее поведение, — улыбнулся он, подходя.

— Спасибо, Лао Тань. Знаю, ты за меня замолвил словечко перед начальством.

— Ты заслужила. Помощь в раскрытии дела три года назад — это существенный вклад. Без этого никакие уговоры не сократили бы срок. Поехали! — Он открыл дверь служебной машины.

— Сяолян в школе? — спросила Су Сяотун, пристегиваясь.

— Да, поэтому не смог тебя встретить. Но вы увидитесь после уроков.

— Эти три года… Спасибо, что заботился о нем. Прости за хлопоты.

— Что ты! Моя дочь уехала учиться за границу, так что нам как раз не хватало ребенка в доме. Сяолян такой воспитанный мальчик, отличник — вообще никаких проблем. Доу Хуэй его просто

обожает. Когда узнала, что он уедет от нас, даже расстроилась.

Су Сяотун улыбнулась:

— Он и теперь сможет часто бывать у вас. Сяолян вам уже как родной.

— Ха-ха, и то правда!

Машина плавно двигалась по дороге. Су Сяотун приспустила стекло, вдыхая свежий воздух и рассматривая знакомые, но давно не виденные пейзажи. Воздух-то везде одинаковый, но, когда в нем есть вкус свободы, он кажется особенно сладким.

Через пятнадцать минут Су Сяотун заметила, что Тань Юн свернул не в сторону «Юэхайваня», а на кольцевую дорогу.

— Мы разве не домой едем?

— Нет, сначала я хочу кое-куда тебя свозить.

— Куда именно?

— Увидишь через пару минут.

Су Сяотун не стала больше расспрашивать и погрузилась в созерцание мелькающих за окном видов.

Вскоре машина остановилась перед прекрасным поместьем.

— Приехали, — объявил Тань Юн.

Су Сяотун вышла и увидела вывеску «Поместье

Юэхай» и рядом вертикальную табличку: «Пансионат Сиань».

— Что это? — удивленно посмотрела она на Тань Юна. — Зачем мы приехали в пансионат?

— Зайдем внутрь.

Они вошли в ворота и оказались в просторном уютном дворике с цветущими растениями в кадках. Пожилые люди за столиками играли в карты и беседовали.

Пройдя через двор, Тань Юн и Су Сяотун попали в здание. На первом этаже располагались библиотека, столовая, кафе и игровые комнаты — все с просторными балконами, выходящими на озеро. Пенсионеры читали книги и пили чай, наслаждаясь чудесным видом.

— Ну как, место ничего? — спросил Тань Юн. — Пять этажей, сорок с лишним номеров, половина — с видом на озеро.

— «Ничего» — это слабо сказано! Неужели ты решил, что мне уже пора на пенсию? — пошутила Су Сяотун.

— Вовсе нет. — Тань Юн усмехнулся и кивнул куда-то за ее спину: — Оглянись-ка.

Обернувшись, Су Сяотун ахнула: за ее спиной стояли Ли Сюэли, Фань Линь, Ван Синсин и Хань Лэй.

— Как вы все здесь оказались?!

Соседи по очереди обняли ее, поздравляя с освобождением. Фань Линь пояснила:

— Мы же владельцы этого центра!

— Что?!

— Помнишь наследство Ямэй? Оно досталось только нам четверым. По шестьдесят с лишним миллионов каждому, выплачиваемых в течение двадцати лет, — это больше трех миллионов ежегодно. В первый же год у нас было двенадцать миллионов. Интересно, как мы их использовали?

Су Сяотун кивнула.

— Я купил спорткар, — признался Ван Синсин.

— Мечта сбылась, — улыбнулась Су Сяотун.

— А мы с Фань Линь устроили шопинг-марафон в Шанхае. Накупили кучу сумок, платьев и туфель, — добавила Хань Лэй.

— Как вы и планировали, — рассмеялась Су Сяотун.

— Я купила новую квартиру, вышла за Ма Цяна и укатила в роскошное свадебное путешествие, — рассказала Ли Сюэли.

— Ой, ты замужем! Поздравляю!

— Еще мы оплатили обучение дочери Лао Тана за границей — все траты до самого выпуска. А

потом… деньги остались, а идей не было, — пожала плечами Фань Линь. — Тогда Сюэли, как в старые времена, предложила: «Давайте создадим настоящую „Большую семью“!»

— Мы сразу согласились, — подхватила Хань Лэй. — Ямэй занималась благотворительностью, и учитель Юань тоже одобрил бы. Вот мы и подумали: почему бы не сделать что-то поистине важное?

— Так мы и купили «Поместье Юэхай» — в кредит на несколько лет, переделали в пансионат, — объяснила Ли Сюэли. — Сначала хотели сделать его совсем бесплатным, но Ван Синсин предупредил, что это вызовет излишний ажиотаж. Поэтому ввели символическую плату — только на покрытие расходов, чтобы проект жил дольше. Получился полублаготворительный пансионат.

— Всего тысяча юаней в месяц! — воскликнул Ван Синсин. — Проживание, питание, вид на озеро, книги, карты и кофе бесплатно… Выгодно, правда?

— Просто замечательно, — искренне восхитилась Су Сяотун.

— Но попасть сюда могут только одинокие пожилые люди от шестидесяти лет, — уточнил Ван

Синсин. — Нуждающимся мы делаем скидки или вовсе предоставляем проживание бесплатно.

— Очень разумно.

— Хочешь знать, что произошло после открытия? — загадочно спросила Фань Линь.

— Что же? — заинтересовалась Су Сяотун.

— Мы стали невероятно счастливы! — сияя, воскликнула Фань Линь. — Все знают, что мы тут не ради прибыли, поэтому и постояльцы, и горожане относятся к нам с огромным уважением. Это вдохновило других на добрые дела.

— Молодежь приходит волонтерить, магазины бесплатно привозят продукты, власти дают налоговые льготы. И знаешь что? Мы вышли в плюс! — рассмеялся Ван Синсин. — Вот ирония: когда гонишься за деньгами — их нет, а когда забываешь — они сами плывут в руки.

— Случайное благо стало предначертанным, — кивнула Су Сяотун.

— Но счастье не в деньгах, — продолжила Фань Линь. — Каждый день, общаясь с этими мудрыми стариками и энергичными волонтерами, мы ощущаем радость отдачи. По выходным устраиваем концерты. Ты должна увидеть эту атмосферу!

— Готова присоединиться хоть сейчас, — улыбнулась Су Сяотун.

— Ты уже присоединилась, — серьезно сказала Ли Сюэли. — Сяотун, ты — одна из учредителей этого центра.

— Что?! — Женщина остолбенела.

— Мы включили тебя при регистрации. Лао Таня тоже хотели, но он отказался, — мол, помощи с обучением дочери ему вполне достаточно.

— Но почему я…

— Потому что именно ты помогла нам преодолеть тени прошлого и возродить нашу дружбу, — мягко сказала Ли Сюэли.

Су Сяотун, переполненная эмоциями, смогла выговорить лишь одно слово:

— Спасибо…

В этот момент в дверях появился жизнерадостный мальчик в школьной форме:

— Мама!

Сын весь светился, словно окутанный солнечным сиянием. За время разлуки он заметно вырос, превратившись в энергичного подростка. Слезы хлынули из глаз Су Сяотун, когда они с сыном бросились друг другу в объятия.

— Но ты же должен быть в школе…

— Дядя Тань сказал, что сегодня особенный день, — улыбнулся Сяолян. — Устроил мне выходной.

Су Сяотун с благодарностью посмотрела на Тань Юна. Тот широко ухмыльнулся:

— Сюрприз!

— И это еще не все! — воскликнула Ли Сюэли. — Мы приготовили праздничный ужин в честь твоего возвращения. В нашем ресторане! Пойдем!

Они вошли в просторный светлый зал и уселись за общий стол. К ним присоединилась и Доу Хуэй, которая теперь помогала в пансионате. За эти годы она стала для всех близким человеком. Когда подали угощения и вино, Су Сяотун вспомнила свой первый ужин три года назад в доме Ли Сюэли. Казалось, это было вчера. Как и тогда, трапеза затянулась на несколько часов. Все, кроме Сяоляна, выпили и слегка захмелели.

Взяв мобильник, Су Сяотун вышла на балкон, откуда открывался вид на залив. Легкий бриз, багряные отсветы заката, сливающиеся с водной гладью, огни вдали — она давно не видела такой красоты. Она надела наушники, чтобы послушать что-то под стать пейзажу, зазвучала ее любимая песня. Уже первые ноты заставили слезы навернуться на глаза.

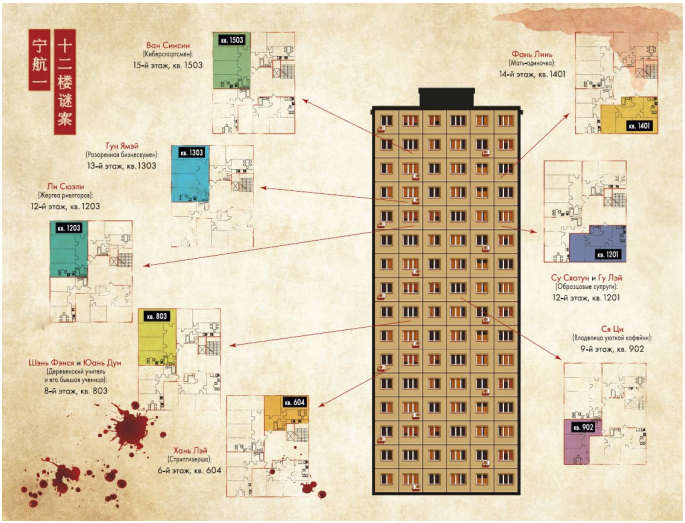
Не воскрешай минувших дней —

Жизнь и без них полна теней.
Но памяти не гаснет свет,
В ней злоба и любовный след.

Порви с былым, молю тебя,
Для завтрашнего дня,
Но не ищи моих следов,
Здесь больше нет меня…

Тебе пора бы осознать:
Боль – спутница любви,
И в скором времени принять,
Что жизнь идет вперед,
Забудь меня – тоска пройдет,
Былое ветер унесет…[23]

[23] Примечания: 23
Строки из песни «Когда любовь становится прошлым» (1993), ставшей саундтреком к знаменитому фильму «Прощай, моя наложница».


宁航一
十二楼谜案
Ван Синсин
(Киберспортсмен)
15-й этаж, кв. 1503
кв. 1503
Фэнь Линь
(Мальчишник)
14-й этаж, кв. 1401
кв. 1401
Гун Яжэй
(Разорившийся бизнесмен)
13-й этаж, кв. 1303
кв. 1303
Ли Сюэли
(Жертва риелторов)
12-й этаж, кв. 1203
кв. 1203
кв. 1201
Су Сютун и Гу Лэй
(Обольстительная супруга)
12-й этаж, кв. 1201
Се Ци
(Владелица уютной кофейни)
9-й этаж, кв. 902
кв. 902
кв. 803
Шэнь Фэнси и Юэнь Дун
(Деревенский учитель
и его бывшая ученица)
8-й этаж, кв. 803
кв. 604
Хань Лэй
(Стилтизерша)
6-й этаж, кв. 604